

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Юридический институт

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC**
Lugansk Vladimir Dahl State University
Law Institute

ISSN 2663-3175 (Online)

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных трудов № 61

**ISSUES OF LAW:
THEORY AND PRACTICE**

Collection of scientific papers № 61

Луганск
2023

УДК 340.11(477)

ББК 67.9

П78

ISSN 2663-3175

Сборник входит в базу данных .Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
(Договор № 701-11/2015 от 02.11.2015)

Рекомендовано к печати Ученым советом
Юридического института
(протокол от 30.03.2023 г. № 8)

Редакционная коллегия:

Д.ю.н., проф., Заслуженный юрист Л.И. Лазор (главный редактор); д.ю.н., проф., Заслуженный работник Высшей Школы Л.И. Волова (РФ); д.ю.н., проф. В.В. Груздев; к.ю.н., доц. И.П. Зиновьев; д.ю.н., проф. О.В. Исаенкова (РФ); д.ю.н., проф. Dr. LL.M. (Cornell), M. Sc. Koehler Christian (Germany); д.ю.н., проф. Л.В. Карабут, д.ю.н., проф. В.В. Коноплев; д.ю.н., проф. В.В. Лазор; д.ю.н., проф. И.В. Лазор; д.ю.н., проф. А.И. Левченков; Assistant Professor Nazia Wahab (Bangladesh); д.ю.н. проф. С.В. Передерин (РФ); д.ю.н., проф. Н.А. Плахотина; д.ю.н., проф. С.В. Попов; д-р., А. Чирич (Сербия); д.ю.н., проф. О.Г. Чутчева; д.ю.н., проф. И.И. Шамшина; к.ю.н., доц. В.М. Шинкарук.

Ответственный за выпуск — Кафанова О.В.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Проблемы права: теория и практика: Сборник научных трудов
П78 №61. — Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. — 338 с.
ISSN 2663-3175

УДК 340.11(477)
ББК 67.9

ISSN 2663-3175

© Луганский государственный университет имени Владимира Даля, 2023
© Lugansk Vladimir Dahl State University, 2023

От редакции

Редакция издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» рада сообщить авторам и читателям о появлении полнотекстовой он-лайн версии сборника. Электронной версии издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» присвоен международный научный серийный номер ISSN 2663-3175.

Электронная версия издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» доступна на сайте: <http://dahlunjur.wix.com/topical-issues-law> в разделе «Архив». Также на сайте доступна услуга подачи электронной заявки на публикацию результатов научных исследований. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением, д.ю.н, проф. Л.И. Лазор, главный редактор издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Санжаров Сергей Николаевич / Sanzharov Sergey Nikolaevich

Историко-правовые аспекты формирования в южнорусских губерниях актуальных оснований для организации правовой охраны археологических древностей (XVIII - начало XX ст.) / Historical - legal aspects of forming in south russians of provinces of actual grounds for organization of legal safeguard of archaeological antiquities (XVIII - XX of centuries began) 7

Плахотина Наталья Андреевна / Plahotina Natal'ya Andreyevna

Запрет дискриминации в сфере труда как элемент механизма реализации принципа равенства / The prohibition of discrimination in the sphere of labour as an element of the mechanism for the implementation of the equality principle 21

Афанасьев Константин Константинович /

Afanasyev Konstantin Konstantinovich

Гарантии законности как элемент правовой системы / Guarantees of legality as an element of the legal system 29

Бабич Лидия Николаевна / Babich Lidiya Nikolaevna

Производные доказательства в уголовном процессе: понятие и виды / Derivative evidence in criminal proceedings: concept and types 43

Величко Светлана Александровна / Velichko Svetlana Aleksandrovna

Концепция прав и свобод человека как основа правовых ценностей / The concept of human rights and freedoms as the basis of legal values 51

Гаркавенко Ольга Геннадиевна / Garkavenko Olga Gennadiyevna

Смертная казнь как средство восстановления социальной справедливости / Death penalty as means of renewal of social justice 62

Горбачева Ольга Вячеславовна / Gorbacheva Olga Vyacheslavovna

Порядок избрания и назначения на должность судьи в результате судебной реформы 1864 года / Procedure for the election and appointment to the position of a judge as a result of the judicial reform of 1864 78

Жданов Сергей Александрович / Zhdanov Sergey Aleksandrovich

Совершенствование механизма экспертной оценки объектов интеллектуальной собственности методом математической обработки нечисловых данных / Improvement of the mechanism of expert evaluation of intellectual property objects by the method of mathematical processing of non-numeric data 93

Кальницкая Наталья Дмитриевна / Kalnitskaya Natalia Dmitriyevna

Основные этапы развития российской судебной власти / The main stages of the development of the russian judicial power 114

Каплун Сергей Владимирович / Kaplun Sergey Vladimirovich

Принципы трудовых правоотношений и их роль в религиозных организациях / The principles of labor legal relations and their role in religious organizations 121

Коваль Валерий Стефанович / Koval' Valerij Stefanovich

Некоторые вопросы правового регулирования государственной поддержки инновационной деятельности / some issues of legal regulation of state support of innovation activities 133

Комаров Владимир Анатольевич / Komarov Vladimir Anatolyevich Меры и условия преодоления коррупции / Measures and conditions for overcoming corruption.....	141
Кузнецов Александр Алексеевич / Kuznetsov Aleksandr Alekseyevich К вопросу о подготовке следователей в Луганской Народной Республике в условиях современной образовательной политики / To the question of the training of investigators in the Lugansk People's Republic in conditions of modern educational policy.....	153
Кушнарева Наталья Александровна / Kushnareva Natalia Alexandrovna Индивидуализация и справедливость уголовного наказания / Individualization and fairness of criminal punishment.....	165
Лазор Юлия Анатольевна / Lazor Yulia Anatolievna Международные аспекты защиты интеллектуальных прав / International aspects of intellectual property rights protection.....	179
Левченко Александр Иванович / Levchenkov Alexander Ivanovich Рецепция доктрины римского права в правовую систему Российской Империи XIX века / Reception of the Doctrine of Roman Law into the Legal system of the Russian Empire of the XIX century	194
Любинецкий Владимир Владимирович / Lyubinetsky Vladimir Vladimirovich Искусственный интеллект в гражданском праве: проблемы и перспективы / Artificial intelligence in civil law: problems and prospects	204
Медведчук Анна Александровна / Medvedchuk Anna Alexandrovna Роль СМИ в правовом просвещении и воспитании молодежи Российской Федерации / The role of the media in legal education and education youth of the Russian Federation	213
Мягкая Анна Алексеевна / Myagkaya Anna Alekseevna К вопросу о соотношении понятий «шикана» и «правонарушение» / On the question of the correlation of the concepts «chicane» and «offense».....	221
Осик Елена Александровна / Osik Elena Alexandrovna Исторические аспекты возникновения дистанционного труда / Historical aspects of the emergence of distance labor.....	230
Прохорова Ольга Анатольевна / Prokhorova Olga Anatolyevna Особенности профилактики экологических правонарушений административно-правовыми мерами / Features of prevention of environmental violations by administrative legal measures	239
Ратников Виктор Юрьевич / Ratnikov Viktor Yurievich История становления категории «юридический факт» / The history of the formation of the category “legal fact”	251
Старовойтова Юлия Геннадьевна / Starovoitova Yulia Gennadievna Об особенностях деяния как признака объективной стороны состава преступления с административной преюдицией / On peculiarities of an activity as a feature of the objective side of corpus delicti of with administrative prejudice.....	258
Стрекалов Андрей Евгеньевич, Цветков Александр Георгиевич / Strekalov Andrey Evgenievich, Tsvetkov Alexander Georgievich Заведомо ложный донос и лжесвидетельство в системе преступлений против правосудия / Knowingly false report and perjury in the system of crimes against justice.....	269

Ткаченко Владимир Иванович / Tkachenko Vladimir Ivanovich Становление административно-процессуального права в российской империи / The formation of administrative procedural law in the russian empire.....	280
Холод Елена Александровна / Kholod Elena Alexandrovna К вопросу роста краж, совершаемых по нужде / On the issue of the growth of thefts committed in need.....	293
Черечукина Людмила Вячеславовна / Cherechukina Lyudmila Vyacheslavovna Тернистый путь формирования системы органов принудительного исполнения в Луганской Народной Республике / The thorny path of system formation enforcement agencies in the Luhansk People's Republic	301
Чутчева Ольга Геннадьевна, Лефтер Кристина Вячеславовна / Chutcheva Olga Gennadievna, Lefter Kristina Vyacheslavovna Актуальные проблемы правового регулирования лизинга рабочей силы / Current problems of legal regulation of labor leasing	310
Шапалова Елена Николаевна / Shapovalova Elena Nikolaevna Аспекты судебно-бухгалтерской экспертизы финансовых результатов деятельности предприятия / Aspects of forensic accounting expertise of the financial results of an enterprise	320
Шевляков Николай Александрович / Shevlyakov Nikola Aleksandrovich Актуальные проблемы реализации норм трудового законодательства российской федерации на территории Луганской Народной Республики / Actual problems of implementation of the norms of the labor legislation of the russian federation on the territory of the Luhansk People's Republic	327

Санжаров Сергей Николаевич

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права
и историко-правовых дисциплин
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: sansn58@yandex.ru*

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ЮЖНОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ АКТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (XVIII - НАЧАЛО XX СТ.)

Анализируется поступательный процесс становления на территориях юга России познавательного интереса к разнообразным объектам археологических древностей, включающий их выявление, коллекционирование, создание музейных фондов и научное осмысление. Рассматриваются первые частные попытки производства земляных работ (раскопок) с целью выявления культурных ценностей, проблемы установления со стороны общественных организаций и государственных структур действенного контроля над методикой их проведения для предотвращения уничтожения и грабежа предметов глубокой старины, учреждение мероприятий правового характера по получению разрешительных документов на проведение раскопок, способов их проведения, описания, реставрации и хранения археологических находок.

Автор интерпретирует факт создания в 1859 г. Императорской археологической комиссии в качестве первой попытки со стороны государства на правовом уровне установить регулирование проводимых раскопок и охрану древностей на южных просторах страны. Отмечается, что отсутствие единого подхода к решению назревших проблем стало значительным препятствием при рассмотрении законопроекта об охране старины в рамках Государственной Думы.

Ключевые слова: археологические древности, раскопки, предметы старины, культурные ценности, объекты археологического наследия, наука о древностях, коллекционирование, правовая охрана, Императорская археологическая комиссия.

Развиваясь во взаимодействии с первыми поступательными шагами отечественной археологией, правовое регулирование охраны археологического наследия в России возникло как явление самобытное, формировавшееся в

системе отношений к древностям. У его истоков стояли университеты, музеи и разнообразные общественно-государственные структуры, а также выдающиеся ученые, деятели культуры, представители властных структур и все те, кого глубоко интересовали исторические корни и будущее Отчизны.

На современном этапе развития отечественной юридической мысли резко возрос интерес к осмыслению правовых достижений дореволюционного времени. Между тем, становится актуальным изучение процесса целостного осмысления отечественного археологического наследия и истории зарождения его правовой охраны, позволяющее проследить основные вехи в ее развитии, обеспечившие в конечном итоге формирование научно-исторического и правового направлений, на базе которых в настоящее время развивается как археологическая наука, так и правовая охранная деятельность государства в отношении древнейших объектов культурного достояния России. В настоящее время исследователи все чаще начинают обращаться к опыту предшествующих поколений в решении целого комплекса проблем охраны всего многообразия культурного наследия [1, с. 1].

Начальный период развития интереса к отечественным археологическим древностям и, соответственно, охраны памятников археологии России, охватывает XVIII - первые десятилетия XIX ст. и может быть охарактеризован как эпоха зарождения этой науки и целенаправленной деятельности государства по сохранению собственных культурных ценностей. Данный период открывает реформаторская деятельность императора Петра I, обусловившая новые тенденции в развитии научного познания и образовательного процесса, включая формирование научного подхода к археологическим находкам, в том числе и отечественным, целенаправленному их сбору, хранению и осмыслению.

Формированию отечественной археологии как науки о древностях предшествовал длительный этап зарождения познавательного интереса к ним. Становление научного подхода к старине происходило не на пустом месте. Сам интерес к подобному рода материальным свидетельствам прошлых эпох проявлялся еще во времена Древней Руси. Но тогда о восприятии древних находок как свидетельств о жизни людей в прошлом, зачастую речи не шло. Не проявлял себя пока и так называемый познавательный подход к ним.

Конечно же вместе с конкретными оригинальным предметами (такими, как например, каменные наконечники стрел, интерпретировавшиеся как «громовые стрелы») внимание наших соотечественников привлекали свидетельства прошлого, имеющие четко выраженные наземные признаки (курганы и городища, каменные выкладки, древние валы, петроглифы, статуи и т.д.) [2, с. 38].

В письменных источниках, относящихся к древнерусскому времени, памятники археологии, имеющие наземные признаки, упоминаются как своего рода ориентиры на местности. О них слагались легенды, их наделяли магической силой, им поклонялись и их остерегались. Некоторые из них порой пробовали связать с событиями недавнего прошлого, с деятельностью конкретных имен. Получают распространение и «раскопки». Но в те далекие годы это было копание с целью получения материальной выгоды (например, вскрытия древних курганов «бугровниками»). Часто с целью дальнейшей производственной разработки целенаправленно отыскивались «чудские рудники». Известны и случаи, когда древние городища и курганы разрывались для получения селитры.

При этом могли ставиться задачи и другого плана. Известная царская грамота, относящаяся к 1684 г., предписывала курскому воеводе в месте обнаружения ног «волога» их «откопать, а откопав, кости смерить, какая кость мерой в длину и ширину и написать на роспись и на чертеже начертить» [3, с. 289]. Конечно же, это еще не инструкция, а только конкретное поучение тем лицам, которые будут копать, причем поучение, обусловленное не материальной выгодой, а познавательными целями.

Еще в допетровские времена проявило себя стремление к собиранию предметов старины. В XVII ст. в России появились и первые частные собрания. Но сколько-нибудь целенаправленного сбора и хранения предметов прошлого, происходящих из почвы, в ту эпоху еще не сформировались. Да и хранящиеся диковинные предметы далеко не всегда связывались с деятельностью человека.

Зарождение научного подхода к предметам старины, в том числе и ископаемым, формирование задачи их целенаправленного сбора, хранения и изучения берет свое начало с петровского времени.

При императоре Петре I в 1718 г. был издан указ об учреждении Кунсткамеры, куда должны были поступать и «вещественные старины». Петровские указы ориентируют на собирание предметов прошлого не по их материальной ценности. Например, сам Петр I был осведомлен о находках необычных костей огромного животного на Дону и специально направил туда людей для изучения обстоятельств их обнаружения. Побывал он и на остатках древнего города Булгара на Волге. Примечательно, после осмотра развалин император распорядился об отправке туда нескольких каменщиков для починки разрушаемых объектов.

К концу третьей четверти XVIII ст. внимание общественности и научных кругов все более привлекают старинные находки из южных просторов Российской империи.

Включение в состав России в последней четверти XVIII столетия Северного Причерноморья способствовало оживлению научных исследований античной проблематики. Однако, проведение раскопок античных памятников в первые десятилетия XIX ст. диктовалось пока еще исключительно антикварными целями. «Раскопщиками» часто оказывались люди вообще далекие от науки, а сами раскопки часто были скорее грабительскими, чем преследовали исследовательскую цель. Проводимые земляные работы вообще не сопровождалась или почти не сопровождалась документацией. Тогда использовались только приемы проведения полевых работ.

В XVIII – начале XIX вв. население Российской империи по-разному относилось к недвижимым памятникам археологии. Нередко они воспринимались и как наследие предков, требующее почитания и оберегания, и как проклятое, или волшебное место, связанное с «нечистой и неведомой силой». Объект археологии мог служить и функциональным элементом (межевым знаком, ориентиром), местом добывания ценных вещей, курьезом, интересным раритетом.

Курганы (или в целом древние захоронения), пещеры чаще всего выступали как нечистые или заколдованные места. Как правило, с памятником связывалось существование в его недрах неисчислимых сокровищ. О том, что археологические памятники становились местом добычи ценностей, материала для переплавки существует большое количество свидетельств.

Часто разграбление курганов носило организованный характер, или черты «эпидемии курганомании» (слово, встреченное в археологической периодике XIX ст.), которая на короткое время охватывала целые деревни в связи с единичными находками ценных вещей [4, с. 38]. А бережное отношение местных жителей к археологическим объектам иногда основывалось на нежелании потерять «запасной» источник доходов, существования. Нельзя не отметить и такую закономерность: традиционное соотношение памятника археологии не со «своей» культурой, как правило, воспитывало у местного населения довольно индифферентное отношение к нему.

Несколько другим было отношение к памятникам у представителей дворянской знати. Для многих из них древний памятник был диковинкой, чем-то средним между усадебным гротом и «китайским» павильоном. Прежде всего, это отношение выражалось в планировании ландшафтных парков. Так, некоторые курганы включались в парковую систему - между ними размещались белокаменные статуи. Можно привести несколько наиболее характерных примеров использования археологических остатков. Из других типов археологических памятников можно отметить половецкие статуи, располагавшиеся в парках усадеб рядом с античными статуями. Возможно,

они рассматривались владельцами усадеб как средство подчеркнуть свою неординарность.

Древние курганы всегда вызывали интерес местных жителей, а их постройка порой укутывалась легендами. В регионе вольностей запорожских высокие курганные насыпи служили надежными ориентирами, с помощью которых определялись пограничные владения. Очерчивая границы Кальмиусской паланки, запорожцы отмечали: «на Осиновой балке, на высоком бугре, выложен из камня высокий курган, расстоянием от устья той балки 309 сажень, а от реки Кальмиус прямой границей 90 сажень» [5, с. 41]. Первые раскопки курганов, судя по всему, также были сделаны запорожскими казаками, у которых существовало даже специальное подразделение «людей-могильщиков» [5, с. 318]. Эти первые «исследования» носили явный грабительский характер, их результатом стало появление на запорожской земле огромного количества т. н. майданов, то есть разрытых курганов с глубокими воронками в центре. Известны случаи, когда в середине XVIII столетия «представители русского командования требовали от кошевого атамана прекращения «срытия» курганов под страхом казни» [6, с. 231]. Особый размах грабеж древних курганов приобрел в ранговых и наследственных владениях казацкой старшины, в имениях местных дворян. «Только в первой половине XIX в. из одного Старобельского уезда в Санкт-Петербург были направлены крупные комплексы древней золотой и серебряной посуды, ювелирные изделия и монеты, найденные якобы простыми крестьянами при распашных работах» [7, с. 304]. Современные раскопки ранее разрытых курганов-майданов на Слобожанщине показали, что грабительские воронки прорезают курганные насыпи и «уходят в материковый грунт на 0,5-1 м, приобретая четкие округлые или прямоугольные контуры» [8, с. 14]. В середине XIX столетия задернованные могилы-майданы вновь «стали объектами грабительских раскопок корыстных помещиков» [9, с. 11]. И лишь к концу XIX столетия, в определенной степени благодаря деятельности И. Е. Забелина, начинает формироваться научный исследовательский интерес к изучению простых и бедных курганных захоронений [10, с. 8].

Формированию научного подхода к старине способствовало открытие в Южной России университетов, в частности Харьковского (1804 г.). Делаются первые шаги по формированию в них собраний предметов древности. Уже в 1805 г. в Харьковском университете возникают кабинеты редкостей, лекции которых стали основой фонда Музея изящных искусств и старины. Внимание к изучению материальной старины отмечается в созданном в 1834 г. университете св. Владимира в Киеве.

В данный период пополняются фонды Кунсткамеры, на основе «восточных» коллекций которой в 1818 г. сформирован Азиатский музей. Античные древности занимают ведущее положение в возникающих музеях на юге России (Николаев – 1806 г., Феодосия – 1811 г.). Быстрыми темпами создавались многочисленные частные коллекции.

Постепенно в России начинает проявляться беспокойство сохранением предметов древности. У общества зародилось стремление противостоять разрушению и разграблению, особенно античных объектов.

В 1823 г. И. А. Стемпковский представил Новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову записку «мысли об исследовании древностей в Новороссийском крае». И. А. Стемпковский писал о необходимости спасти от гибели археологические памятники, которые «могут дать самые достоверные свидетельства религии и правления, наук и выходов, деяний и нравов поколений» [11, с. 361]. Он призывал к объединению антикваров в научное сообщество с единой программой полевых и кабинетных исследований, о необходимости образования археологических музеев. Уже в 1825 году возникает Одесский, а в следующем году Керченский музей археологического профиля. Записка И. А. Стемпковского оценивается как первая научно-исследовательская программа русской науки о классических древностях юга России [12, с. 233].

В первой половине XIX столетия возникают общества исследователей старины. Большое значение имеет образование в 1839 г. Одесского общества истории и древностей, археологического изучения Северного Причерноморья, ставшего научным и организационным центром изучения античности. Возникнув уже после кончины И. А. Стемпковского, оно в своей деятельности по сути дела реализовывало его замыслы. Среди направлений деятельности общества – проведение под наблюдением его членов раскопок в развалинах городов и древних гробницах, составление планов древних городов и поселений, выполнение обмерных архитектурно-археологических чертежей, составление карты древних поселений Причерноморья, описание находок, попавших в частные коллекции.

Сущность и характер процессов, происходивших в изучении классических древностей Северного Причерноморья, обусловили антикварность и нацеленность на научное изучение памятников старины. Эти уже сами по себе сложные процессы тяготились грабительскими «раскопками», разрушением еще сохранившихся наземных частей объектов античного времени и средневековья.

В 1821 г. академик Э. Э. Келер провел археологические обследования на просторах от Одессы до Таманского полуострова, включая раскопки на тер-

ритории античного города Ольвии. В представленном по итогам работ рапорте, предназначенном для рассмотрения на конференции Академии наук, он разделил архитектурные памятники на два класса – более сохранившиеся памятники византийской, генуэзской, татарской и турецкой архитектуры и развалины сооружений античного времени. Академик предложил поручить охрану конкретных объектов местным властям, провести их описание и съемку их планов. Э. Э. Келер даже призвал запретить вообще раскопки, пока не будут найдены «способы проводить их с действительной пользой для науки» [13, с. 14].

С этого же времени началось государственное финансирование проведения раскопок в южнорусских губерниях Северного Причерноморья. Тем не менее, ряд археологов в погоне за раскрытием богатых захоронений допускали многие небрежности как в процессе самих раскопок, так и в процессе выполнения графических работ, в фиксации обнаруженного. Проявлялась поспешность проведения раскопок, отсутствие научного обоснования необходимости проводимых работ, что порой превращалось в простой поиск ярких свидетельств. Не случайно раскопкам чаще подвергались погребальные объекты, причем те из них, которые могли содержать различные сокровища. Проведение же раскопок жилых и хозяйственных пространств даже сворачивалось. Часто отсутствовала научная документация о проведенных исследованиях. Находки, происходящие из одного комплекса, нередко поступали в разные хранилища. А отдельные предметы из комплексов иногда оказывались в коллекциях частных лиц.

Развитие античной археологии сопровождалось постепенным осознанием важности планомерного изучения древностей, прежде всего скифских курганов. Показательная деятельность выпускника Харьковского университета, впоследствии академика П. И. Кеппена, которого вместе с античными древностями интересовала и старина степных просторов. В 1837 году он опубликовал «Список известных курганов в России», где оказались учтенными преимущественно скифские курганы. В 1843 г. он подал «Записку» в Академию наук, где вместе с изложением мысли о необходимости принятия экстренных мер к охране уцелевших археологических памятников, прежде всего курганных, предлагает собрать сведения о них, в частности о стоящих на курганах каменных изваяниях - бабах.

Привлекали внимание исследователей и древности Киева. Особенно следует выделить имя митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова), оказавшего серьезное влияние на становление церковной археологии. Он способствовал проведению раскопок Десятинной церкви, других объектов древнего Киева. Следует отметить и раскопочную деятельность в Ки-

еве К. А. Лохвицкого, включая вскрытие остатков Золотых ворот, других объектов.

В целом следует констатировать, что осознание научной значимости изучения древностей достигает такого уровня, что по распоряжению Николая I в 1843 году была создана комиссия для подготовки многотомного издания «древности Русского государства» [2, с. 23].

В 1859 г. Высочайшим повелением была учреждена Императорская археологическая комиссия (ИАК), которую сформировали при Министерстве двора и уделов. Она стала первым государственным учреждением в России в сфере археологических древностей.

Перед Археологической комиссией ставилась задача регулирования проводимых раскопок и исследований древностей прежде всего на южных просторах страны. Кроме того, Комиссия занималась сбором сведений о памятниках старины, давала научную оценку найденных древностей и проводила полевые археологические исследования, включая раскопки. «Положение об археологической комиссии», утвержденное в феврале 1859 года, предполагало, что Комиссия обязана следить за археологическими открытиями, происходящими в государстве. Однако права данного учреждения были очень ограничены [14, с. 196].

Лишь в 1866 году с подачи Комиссии был выпущен циркуляр МВД «О запрете поиска сокровищ и неизбежном от того разрушении памятников старины». Причем, циркуляр составлялся не в Комиссии, а в МВД. Эффективность данного акта, скорее всего, была не особо высокой – позже МВД вновь издает распоряжения о запрете поиска сокровищ (в 1882, 1884, 1886 гг.). Однако, дальше обращений в МВД, в Св. Синод и Министерство Народного образования дело не пошло. Вместе с тем именно ИАК формально являлась главным органом, который должен был контролировать проведение археологических раскопок. Учитывая то, что в начале 1860-х годов положение в науке меняется, создаются новые научные общества, возникло множество вопросов, решить которые ИАК была не в состоянии: какой порядок и формы контроля за проведением раскопок существуют, какие законодательные акты могли бы стать основой для этих действий, кто и как должен осуществлять охрану археологических памятников? Попытки ИАК взять охрану и исследования археологических памятников в России под свой контроль на практике привели к конфликту между Комиссией и некоторыми научными обществами [14, с. 197].

Стремление выйти на целостное восприятие археологии в конце XIX столетия основано на утвердившемся ее понимании как науки об ископаемых древностях. Отмечалось стремление соотнести полученные в результате

раскопок данные с отдельными археологическими эпохами и этапами исторического развития, с конкретными народами. Предлагались археологические «классификации», основанные на данных археологии или учитывающие эти данные периодизации. Исследователи все чаще задумывались над необходимостью разработки понятийного аппарата. Наблюдался выход на выделение отдельных археологических культур, групп (типов) памятников.

На практике же не во всех случаях полевые исследования, проводимые в это время, могут быть вообще названы раскопками, особенно когда их осуществляли люди, практически не знакомые с археологией.

Научные общества, основываясь на утвержденных императором своих уставах, имели все юридические основания сопротивляться усилению позиций ИАК. Причем, ИАК в глазах провинциальных ученых, была не столько научным, сколько фискальным органом.

В таких условиях появилось Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г. Согласно этому нормативному акту Императорской археологической комиссии предоставлялось «исключительное право проведения и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи на землях казенных, таких, которые принадлежат разным учреждениям и общественных» [14, с. 198].

Казалось бы, Высочайшее повеление, решило все проблемы. Все работы по контролю за раскопками и охране памятников археологии теперь передавались в ведение Императорской археологической комиссии. Однако данное положение лишь усилило неприязнь к Комиссии со стороны обществ, хотя, конечно, им не оставалось ничего другого, как следовать букве Высочайшего повеления.

В начале XIX столетия утвердились не только масштабность проводимых полевых археологических исследований, но и ориентированность исследовательской проблематики на результаты проводимых раскопок. Отмечался рост внимания к регламентации проводимых полевых археологических исследований. В 1909 году решением Государственной Думы принятый двумя десятилетиями ранее порядок наделения Императорской археологической комиссии исключительным правом производства и разрешения раскопок на государственных и крестьянских землях был до известной степени распространен и на частные земли. Оформилось стремление ИАК непосредственно влиять на характер и направленность проводимых полевых исследований (стремление к регламентации исследований, лишение конкретных лиц права проведения раскопок, поручение проведения раскопок определенному его лицу и многое другое).

В указанный период не ослабло внимание к изучению скифо-сарматских древностей. Под руководством Н. И. Веселовского продолжались раскопки

курганых могильников скифского и последующего времени на территории степного Причерноморья. Наибольшую известность получили раскопки кургана Солоха, проводившиеся в 1912-1913 гг. Эти работы позволили получить яркие собрания свидетельств различных этапов скифского, сарматского и последующего времени, включая средневековые кочевнические захоронения X и XI столетий.

Также внимание исследователей привлекали находки времени Великого Переселения Народов, в том числе и в связи с изучением «Крымской Готии». Следует отметить раскопки в Крыму в 1903 г. году под руководством Н. И. Репникова могильника Суук-су, где были обнаружены уникальные комплексы женских серебряных украшений, пальчатых фибул, поясных пряжек, других предметов V - VII ст., вызвавшие интерес не только в среде российских, но и зарубежных ученых. Широкую известность приобрел и обнаруженный в 1912 году Перещепинский клад той же эпохи близ Полтавы.

Впечатляющими результатами ознаменовались исследования древнего Киева в 1907-1908 гг. под руководством В. В. Хвойка. С 1908 по 1914 гг. раскопки в Киеве, в том числе и раскопки Десятинной церкви, вела Археологическая комиссия под руководством Д. В. Милеева.

В 1890 г. Д. И. Багалей сообщил о находках каменных и бронзовых орудий труда в Изюмском, Старобельском и Купянском уездах, о первых, проведенных в его присутствии, археологических раскопках на р. Северский Донец, что, по его мнению, свидетельствовало о заселении среднего течения р. Северский Донец в каменную и бронзовую эпохи. «Первые научные раскопки на Луганщине были проведены в 1892 году заведующим артиллерийским историческим музеем в Санкт-Петербурге н. э. Бранденбургом» [15, с. 314]. На VII Археологическом съезде в Харькове в 1902 году было положено начало широкомасштабным археологическим исследованиям бассейна реки Северский Донец.

Одним из первых провел масштабные и важные исследования южнорусских курганов археолог проф. В. А. Городцов. В 1901 г. по поручению Императорского Московского Археологического Общества (МАО) В. А. Городцов провел археологические исследования по р. Северский Донец, в результате которых были изучены памятники каменного века, неолитической, бронзовой и железных эпох.

Активизировалась деятельность церковно-археологических обществ и церковно-археологических музеев. А в конце первого десятилетия XX столетия Святейшим Синодом обсужден и отредактирован проект «положение о центральной архивно-археологической комиссии», к сожалению, оставший-

ся нереализованным. «Положение» предусматривало комплекс мероприятий, обеспечивающих взаимодействие с государственными структурами охраны памятников, в частности с ИАК и МАО, способствующих сохранению предметов церковной старины при строгом соблюдении научных норм их музеефикации и реставрации.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, предпринимались усилия, направленные на охрану памятников археологии и на подготовку закона об охране памятников старины. Активизировалась деятельность ИАК и МАО по сохранению древностей. Показательна деятельность в этом направлении отдельных ученых, стремившихся реализовать идею охраны памятников непосредственно в процессе проведения полевых исследований.

В 1911 г. созданная в 1904 г. при Министерстве внутренних дел межведомственная комиссия по разработке законодательной базы охраны памятников истории подготовила для предоставления в Государственную Думу проект закона об охране памятников старины, который подвергся серьезной критике со стороны общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, со стороны Московского археологического общества. Критике был подвергнут тезис о зависимости создаваемого комитета от Министерства внутренних дел. Указывалось на недостаточность предполагаемого объема финансирования системы охраны памятников старины. Отсутствие единого подхода к решению проблем было значительным препятствием при создании закона об охране старины. Тем не менее, обсуждение законопроекта неоправданно затянулось и закон в предвоенные годы так и не был принят [14, с. 201].

К сожалению, постановка актуального вопроса о необходимости охраны древностей и предпринимаемые в этом направлении усилия не получили законодательного закрепления. Отсутствие нормативных актов, специального государственного учреждения, которое бы решало вопросы охраны и реставрации памятников старины на профессиональной основе, негативно повлияло на судьбу многих объектов археологического наследия дореволюционной России.

Литература:

Прынь М. О. Охрана, изучение и использование памятников истории и культуры на Донетчине и Луганщине в 20-х – начале 30-х гг. XX ст. – Автореферат канд. ист. наук. – Киев, 2012. – 20 с.

2. Пряхин А. Д. История отечественной археологии. Часть I: русская дореволюционная археология. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. - 185 с.

3. Замятнин С. Н. Первая Русская инструкция для раскопок (находка костей «волога» в 1679 г.) // Советская археология. - № 13. - 1950. - С. 287-291.
4. Медведь А. Н. проблемы музеефикации памятников археологии // Современные проблемы истории и археологии. - Москва: Наука, 1998. - С. 36-48.
5. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. - Том 1. - Киев: Наук. думка, 1990. - 591 с.
6. Сапожников И. В. Факты из истории описания и изучения курганов Северного Причерноморья // Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье: Запорожский государственный университет, 2004. - С. 230-234.
7. Ключнева И. Н. История исследования памятников археологии Луганщины (начало XIX в. – середина XX в.) // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. - Выпуск 3. - Луганск: ВНУ имени В. Даля, 2004. - С. 302-325.
8. Братченко С. Н., Санжаров С. Н. Редкие бронзовые орудия из катакомб Северскодонеччины и Донщины (III тыс. до н. э.). - Луганск: ВНУ, 2001. - 109 с.
9. Пряхин А. Д., Сазонов И. Е. Изучение и оценка памятников эпохи бронзы Доно-Донецкого региона во второй половине XIX – первой половине XX в. // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. - С. 10-35.
10. Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней - поздней бронзы. - Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2010. - 488 с.
11. Тункина И. В. Иван Алексеевич Стемпковский: материалы к биографии // ΣΥΣΣΤΙΓΙΑ. - Сборник статей памяти Юрия Викторовича Андреева. - СПб., 2000. - С. 357-379.
12. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). - СПб.: Наука, 2002. - 676 с.
13. Историко-культурное наследие Украины (XIX в. - нач. XX в.) - Киев: Родной край, 1995. - 330 с.
14. Санжаров С. Н., Гаркавенко О. Г. Вклад Археологической комиссии и Археологических съездов в развитие законодательства об охране археологического наследия // Проблемы права: теория и практика. - № 51. - 2020. - С. 195-204.
15. Бойчук М. О. История археологических исследований на Луганщине // Материалы I Всеукраинской конференции «Актуальные проблемы отечественной и мировой истории» - Луганск: ВНУ, 2001. - С. 328.

Sanzharov Sergey Nikolaevich

*a doctor of historical sciences is a professor,
manager by the department of constitutional right
and historical and legal disciplines
Law institute Go VO "Luhansk state
university of the name Volodymyr Dahl"
e-mail: sansn58@yandex.ru*

**HISTORICAL - LEGAL ASPECTS OF FORMING IN SOUTH
RUSSIANS OF PROVINCES OF ACTUAL GROUNDS FOR
ORGANIZATION OF LEGAL SAFEGUARD OF ARCHAEOLOGICAL
ANTIQUITIES (XVIII - XX OF CENTURIES BEGAN)**

The of the forward process of becoming of is analysed on territories of south of Russia of cognitive interest in the various objects of archaeological antiquities, including their exposure, коллекционирование, creation of museum funds and scientific comprehension. The maiden private attempts of production of earthen works(excavations) are examined with the purpose of exposure of cultural values, problems of establishment from the side of public organizations and state structures of effective control above methodology of their realization for prevention of elimination and robbery of the articles of deep old times, establishment of measures of legal character on the receipt of permissive documents on realization of excavations, methods of their realization, description, restoration and storage of archaeological finds.

An author interprets the fact of creation in 1859 to the Emperor's archaeological commission as a maiden attempt from the side of the state at legal level to set adjusting of the conducted excavations and guard of antiquities on south spaces of country. It of is marked that absence of the single going near the decision of coming to a head problems became a considerable obstacle at consideration of bill of about the guard of old times within the framework of State Thought.

Keywords: archaeological antiquities, excavations, articles of old times, cultural values, objects of archaeological heritage, science about antiquities, коллекционирование, legal safeguard, Emperor's archaeological commission.

Literatura:

1. Pryn' M. O. Ohrana, izuchenie i ispol'zovanie pamyatnikov istorii i kul'tury na Donetchine i Luganshchine v 20-h – nachale 30-h gg. HH st. – Avtoreferat kand. ist. nauk. – Kiev, 2012. – 20 s.
2. Pryahin A. D. Istoriya otechestvennoj arheologii. Chast' I: russkaya dorevolucionnaya arheologiya. - Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2005. - 185 s.

3. Zamyatnin S. N. Pervaya Russkaya instrukciya dlya raskopok (nahodka kostej «volota» v 1679 g.) // Sovetskaya arheologiya. - № 13. - 1950. - S. 287-291.
4. Medved' A. N. problemy muzeifikacii pamyatnikov arheologii // Sovremennye problemy istorii i arheologii. - Moskva: Nauka, 1998. – S. 36-48.
5. Yavornickij D. I. Istoriya zaporozhskih kazakov. - Tom 1. - Kiev: Nauk. dumka, 1990. – 591 s.
6. Sapozhnikov I. V. Fakty iz istorii opisaniya i izucheniya kurganov Severnogo Prichernomor'ya // Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma. – Zaporozh'e: Zaporozhskij gosudarstvennyj universitet, 2004. – S. 230-234.
7. Klyuchneva I. N. Istoriya issledovaniya pamyatnikov arheologii Luganshchiny (nachalo XIX v. – seredina HH v.) // Materialy i issledovaniya po arheologii Vostochnoj Ukrainy. - Vypusk 3. – Lugansk: VNU imeni V. Dalya, 2004. – S. 302-325.
8. Bratchenko S. N., Sanzharov S. N. Redkie bronzovye orudiya iz katakomb Severskodonechchiny i Donshchiny (III tys. do n. e.). - Lugansk: VNU, 2001. - 109 s.
9. Pryahin A. D., Sazonov I. E. Izuchenie i ocenka pamyatnikov epohi bronzy Dono-Doneckogo regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj polovine HH v. // Dono-Doneckij region v epohu bronzy. - Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2003. - S. 10-35.
10. Sanzharov S.N. Vostochnaya Ukraina na rubezhe epoh srednej - pozdnej bronzy. - Lugansk: VNU im. V. Dalya, 2010. – 488 s.
11. Tunkina I. V. Ivan Alekseevich Stempkovskij: materialy k biografii // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. - Sbornik statej pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva. - SPb., 2000. - S. 357-379.
12. Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyah yuga Rossii (HVIII – seredina XIX v.). - SPb.: Nauka, 2002. – 676 s.
13. Istoriko-kul'turnoe nasledie Ukrainy (XIX v. - nach. XX v.) - Kiev: Rodnoj kraj, 1995. - 330 s.
14. Sanzharov S. N., Garkavenko O. G. Vklad Arheologicheskoy komissii i Arheologicheskikh s'ezdov v razvitie zakonodatel'stva ob ohrane arheologicheskogo naslediya // Problemy prava: teoriya i praktika. - № 51. - 2020. – S. 195-204.
15. Bojchuk M. O. Istoriya arheologicheskikh issledovanij na Luganshchine // Materialy 1 Vseukrainskoj konferencii «Aktual'nye problemy otechestvennoj i mirovoj istorii» - Lugansk: VNU, 2001. – S. 328.

Плахотина Наталья Андреевна

доктор юридических наук,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Юридического института,

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: snu.jur@gmail.com

ЗАПРЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА

Публикация посвящена проблеме обеспечения равноправия в сфере труда. Выделены позитивные аспекты современного российского законодательства, направленные на закрепление принципа равенства и запрета дискриминации в различных сферах общественной жизни. Проведён анализ различных подходов к трактовке понятия «дискриминация». Обосновано, что законодательный запрет дискриминации в сфере труда должен охватывать собой два возможных аспекта дискриминации: 1) прямая дискриминация; 2) косвенная дискриминация. Выявлены нечёткости и пробелы отечественного законодательства в части закрепления запрета дискриминации в сфере труда. Разработано авторское определение понятия «дискриминация» в сфере труда. Предложены изменения и дополнения к Трудовому кодексу Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип равенства, дискриминация, прямая дискриминация, косвенная дискриминация, запрет дискриминации, трудовое законодательство.

В современном мире большое внимание уделяется проблеме равноправия трудящихся. Равноправие людей – это фактическое, реальное равенство не только их прав, но и социальных возможностей в использовании прав и свобод человека, а также в выполнении социальных обязанностей. Международные организации стремятся положить конец дискриминации путём создания в своей структуре специальных подразделений, занимающихся непосредственно проблемами равноправия.

Для обеспечения фактического равенства прав и свобод различных общественных групп большое значение имеют нормы национальных правовых систем стран, которые закрепляют принцип правового равенства на уровне Основного Закона государства. Российская Федерация, провозгласив себя демократическим, социальным и правовым государством [1, ст. 1], тем самым

взяла на себя обязательства придерживаться международных стандартов по вопросам равенства граждан во всех сферах общественной жизни. Поэтому принцип равенства получил своё закрепление на уровне Основного закона [1, ст. 19]. Кроме того, принцип равенства получил своё развитие в запрете любой дискриминации (как прямой, так и косвенной) в сфере труда, закреплённого в статье 3 Трудового кодекса Российской Федерации [2]. Однако принцип равенства нуждается не только в закреплении на уровне актов высшей юридической силы, но и в обеспечении действенного правового механизма его фактической реализации во всех сферах общественной жизни.

Актуальность совершенствования правового механизма обеспечения равенства трудящихся обусловлена тем, что, несмотря на формальное провозглашение равенства в международных нормативно-правовых актах, закрепление равенства всех субъектов права в Конституции Российской Федерации и конкретизацию этого принципа в отдельных нормах Трудового кодекса, ущемление прав представителей определённых социальных общностей всё же имеет место в социальной действительности. В связи с этим особое значение приобретает вопрос об обеспечении принципа равенства в сфере применения наёмного труда.

Различным аспектам проблемы правового равенства в сфере применения наёмного труда посвящены работы многих учёных, таких как В.И. Власов, Л. Горбунова, Н. Ильина, Л.В. Карабут, В.В. Коноплёв, Е. Крандакова, Т.В. Кулябина, А.М. Куренной, В.В. Лазор, Л.И. Лазор, М.В. Лушникова, Е.Б. Мезенецева, В.Е. Можаяев, Б.В. Николаев, С.В. Передерин, С.В. Попов, О.В. Самарина, И.Ю. Чуткова, И.И. Шамшина, Л.И. Щербич, А.А. Юрченко и другие. Однако проблема равноправия в сфере применения наёмного труда в настоящий момент остаётся достаточно актуальной. Фактическое равенство всех социальных групп в современной правовой действительности всё ещё не достигнуто, что требует соответствующего правового обеспечения решения данной проблемы.

Для формирования общей концепции правового обеспечения надлежащей реализации принципа равенства в сфере труда необходимо, прежде всего, определить соотношение юридического и фактического равенства различных социальных групп в сфере применения наёмного труда, а также разработать такие направления развития трудового законодательства, которые будут способствовать более полной реализации принципа равенства в общественно-трудовых отношениях, что и является целью данной научной работы.

В советское время дискриминацию определяли как характерную только для капиталистических стран систему прямого или косвенного ограничения

при приёме на работу, недопущения к определённым должностям и более квалифицированным профессиям, снижения размера заработной платы и ухудшения других условий труда на основании определённых признаков, первыми среди которых назывались расовые или национальные [3, с. 109]. Настоящая свобода труда (которая подкреплялась государственными гарантиями равных возможностей в выборе профессии и рода трудовой деятельности) именовалась принципом отечественного трудового права. Однако в последние десятилетия дискриминация в сфере применения наёмного труда стала значительной общесоциальной проблемой, решение которой невозможно без надлежащего внимания законодателя к этому вопросу.

Как указывает российский учёный Т.Ю. Стуцен, в отечественных реалиях проблема дискриминации стала актуальной в 90-е гг. по причине начавшейся резкой поляризации рабочей силы по уровню доходов и возможностей. При этом, по справедливому мнению учёного, вопросы дискриминации часто рассматриваются фрагментарно, при изучении других аспектов функционирования социально-трудовых отношений [4, с. 5].

В широком смысле дискриминация – это умаление прав (от латинского «discriminatio» – различение, разделение) [5, с. 176]. Дискриминация в трудовых отношениях, по мнению Д.В. Солдаткина, представляет собой неправомерное ограничение прав работника в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [6, с. 6]. Почти такое же определение содержит в себе Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): Статья 5.62. этого законодательного акта определяет дискриминацию как «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам» и устанавливает административную ответственность за подобные действия в виде штрафа [7].

В целом, представленная правовая норма вполне справедливая. За аналогичные действия дискриминационного характера, совершённые с использованием служебного положения, действующее законодательство предусматривает уголовную ответственность [8, ст. 136], что также вполне обосновано в современных условиях. Вместе с тем упомянутые правовые нормы не учитывают тот факт, что дискриминация может выражаться не только в ограниче-

нии прав, но и в установлении необоснованных преимуществ для определённых категорий лиц. Такой законодательный подход несколько ограничивает пределы полноценной реализации принципа равенства.

В связи с этим можно отметить преимущества статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации. Она хоть и не содержит прямой дефинитивной нормы, определяющей понятие «дискриминация», однако указывает на то, что: «Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от... обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника» [2, ст. 3]. Как видно, трудовым законодательством запрещается дискриминация со знаком «минус» (установление каких-либо ограничений работникам в их трудовых правах и возможностях), и также запрещена дискриминация со знаком «плюс» – установление необоснованных преимуществ в реализации трудовых прав [9, с. 133]. Такое законодательное предписание представляется вполне справедливым, в силу чего его можно использовать для совершенствования положений КоАП РФ и Уголовного кодекса, устанавливающих юридическую ответственность за дискриминационные деяния. Считаю целесообразным внести дополнения в статью 5.62. КоАП РФ и в статью 136 Уголовного кодекса РФ, изложив в них определение дискриминации в такой редакции:

«Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, либо установление преимуществ по указанным обстоятельствам...».

Такое определение дискриминации как противоправного деяния позволит повысить эффективность реализации принципа равенства в различных сферах общественной жизни, в том числе, в сфере труда.

Говоря о законодательном запрете дискриминации в сфере труда, важно отметить, что термин «дискриминация» фигурирует только в названии статьи 3 Трудового кодекса, а в диспозиции данной правовой нормы он не употребляется. Это можно рассматривать как недостаток отечественного трудового законодательства. В условиях, когда многочисленные нормативные и правоприменительные акты говорят о дискриминации в сфере труда и необходимости борьбы с ней, отсутствие легального определения этого понятия обнаруживает недостаток последовательности и согласованности отечественной правовой базы, что, в свою очередь в значительной мере препятствует надлежащей реализации принципа равенства в сфере применения наёмного труда.

Для максимально эффективной реализации принципа равенства в сфере применения наёмного труда необходимо, прежде всего, чёткое нормативное определение всех употребляемых юридических терминов для обеспечения их однозначного понимания всеми участниками общественной жизни и правоприменителями. Поэтому целесообразно внести изменения в законодательство и изложить часть первую статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«Дискриминация – это ограничение в трудовых правах и свободах или наделение какими-либо преимуществами в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника».

Отсутствие определения понятия «дискриминация» – не единственный недостаток отечественного законодательства в рамках обеспечения правового механизма реализации принципа равенства. В частности, при закреплении запрета дискриминации в трудовом законодательстве не вполне уместной выглядит формулировка: «Никто не может быть ограничен в трудовых правах... или получать какие-либо преимущества...» [2, ст. 3]. В таком виде запрет, как будто бы, установлен не для работодателя, а для лиц, которых могут ограничить в правах или наделить преимуществами, что совершенно противоречит логике. Кроме того, подобная формулировка может вводить в заблуждение работника, который вне зависимости от своего желания (по воле работодателя), воспользовался каким-либо преимуществом, не связанным с деловыми качествами: этот работник может ошибочно опасаться юридической ответственности за то, что воспользовался преимуществом, и это может стать основанием для манипуляции со стороны работодателя. Указанные негативные моменты, связанные с недостаточно чёткой формулировкой, влекут некоторую дефективность правового механизма обеспечения равенства трудовых прав и свобод.

С учётом представленной аргументации предлагаю изменить формулировку запрета дискриминации, закреплённого в отечественном Трудовом кодексе с тем, чтобы в качестве адресата запрета чётко обозначался бы работодатель. С этой целью разумно будет изложить часть 2 статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации в такой редакции:

«Запрещается любое ограничение в трудовых правах и свободах или предоставление каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семей-

ного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника».

Следует заметить, что в сфере труда помимо явной формы дискриминации – прямой дискриминации, нередко встречаются проявления косвенной дискриминации, проявляющейся в формально равном отношении ко всем работникам с целью поставить определённую группу в неблагоприятные для трудовой деятельности условия [10, с. 121]. Примерами косвенной дискриминации могут быть: организация учебных курсов в выходные дни, что может привести к отсутствию возможности у заинтересованных в таких курсах лиц с семейными обязанностями посещать курсы (следовательно, они будут лишены возможности реализовать право на профессиональную подготовку, повышение квалификационного уровня, что негативно повлияет на их карьеру); установление надомникам более низкой заработной платы, чем работникам, которые заняты в офисах, что может негативно сказаться на доходах лиц с инвалидностью, лиц, достигших пенсионного возраста, поскольку именно этим категориям лиц предоставляется преимущественное право на заключение трудового договора о надомной работе.

Для действенного обеспечения равенства трудовых прав работников необходимо наиболее чётко в нормативном порядке определить поведение субъектов трудового права, наделяя их правами и обязанностями, направленными на предотвращение проявления не только прямой, но и косвенной дискриминации в сфере труда.

В целях борьбы с косвенной дискриминацией в сфере труда следует законодательно обязать работодателя обеспечивать дифференцированный подход к лицам, пользующимся особыми гарантиями в сфере труда с тем, чтобы обеспечить им равные с другими работниками возможности для реализации трудовых прав и законных интересов. Эту обязанность целесообразно закрепить в статье 3 Трудового кодекса РФ в такой редакции:

«В целях обеспечения равных возможностей для реализации трудовых прав и законных интересов работников работодатель должен проявлять дифференцированный подход к лицам, для которых трудовым законодательством установлены особые гарантии в сфере труда».

Внесение в законодательство предложенных изменений относительно законодательного запрета дискриминации будет способствовать повышению эффективности правового механизма реализации принципа равенства в сфере применения наёмного труда.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2022. – 96 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – 285 с.
3. Трудовое право: Энциклопедический словарь / под ред. Г.К. Шалатониной. – М.: Юриздат, 1959. – 360 с.
4. Стукен Т.Ю. Дискриминация в социально-трудовых отношениях: экономико-институциональный аспект: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Татьяна Юрьевна Стукен. – Омск, 2009. – 347 с.
5. Словарь иностранных слов и выражений / под. ред. А.Р. Антонова. – М.: ТКТ, 1997. – 420 с.
6. Солдаткин Д.В. Защита от дискриминации в трудовых отношениях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Денис Владимирович Солдаткин. – Москва, 2006. – 148 с.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – 635 с.
8. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – М.: АСТ, 2023. – 320 с.
9. Лазор Л.И., Лазор И.В., Плахотина Н.А., Шамшина И.И. Трудовое право: Учебник в 2-х томах. Том 1 «Общая часть» / Под общей редакцией профессора Л.И. Лазор. – Луганск: Изд-во Луганского национального университета им. В. Даля, 2017. – 464 с.
10. Прокофьев Н.А., Мусейчук Д.Ю. Понятие и виды дискриминации в трудовом праве / Н.А. Прокофьев, Д.Ю. Мусейчук // Сборник научных работ серии «Право». – 2021. – № 2 (22). – С. 115-125.

Plahotina Natal'ya Andreyevna

Doctor of Juridical Sciences,

Professor of State and Law Disciplines Department,

Institute of Law

SEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»

e-mail: snu.jur@gmail.com

**THE PROHIBITION OF DISCRIMINATION IN THE SPHERE OF
LABOUR AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM FOR THE
IMPLEMENTATION OF THE EQUALITY PRINCIPLE**

The publication is devoted to the problem of ensuring equality in the sphere of labour. The positive aspects of the modern Russian legislation are highlighted, aimed at securing the equality principle and the prohibition of discrimination in various spheres of public life. The analysis of various approaches to the interpretation of

the concept of “discrimination” is carried out. It is substantiated that the legislative prohibition of discrimination in the sphere of labour should cover two possible aspects of discrimination: 1) direct discrimination; 2) indirect discrimination. Identified vagueness and gaps in domestic legislation in terms of securing the prohibition of discrimination in the field of labour. The author’s definition of the concept of “discrimination” in the sphere of labour has been developed. Changes and additions to the Labour Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: principle of equality, discrimination, direct discrimination, indirect discrimination, prohibition of discrimination, labour legislation.

Literature

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. – M.: Eksmo, 2022. – 96 s.
2. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii. – M.: Izdatel’stvo «Omega-L», 2022. – 285 s.
3. Trudovoye pravo: Entsiklopedicheskiy slovar’ / pod red. G.K. Shalatonina. – M.: Yurizdat, 1959. – 360 s.
4. Stuken T.YU. Diskriminatsiya v sotsial’no-trudovykh otnosheniyakh: ekonomiko-institutsional’nyy aspekt: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05 / Tat’yana Yur’yevna Stuken. – Omsk, 2009. – 347 s.
5. Slovar’ inostrannykh slov i vyrazheniy / pod red. A.R. Antonova. – M.: TKT, 1997. – 420 s.
6. Soldatkin D.V. Zashchita ot diskriminatsii v trudovykh otnosheniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05 / Denis Vladimirovich Soldatkin. – Moskva, 2006. – 148 s.
7. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. – M.: Izdatel’stvo «Omega-L», 2022. – 635 s.
8. Ugolovnyy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. – M.: AST, 2023. – 320 s.
9. Lazor L.I., Lazor I.V., Plakhotina N.A., Shamshina I.I. Trudovoye pravo: Uchebnyy v 2-kh tomakh. Tom 1 «Obschaya chast’» / Pod obschey redaktsiyey professora L.I. Lazor. – Lugansk: Izd-vo Luganskogo natsional’nogo universiteta im. V. Dalya, 2017. – 464 s.
10. Prokof’yev N.A., Museychuk D.YU. Ponyatiye i vidy diskriminatsii v trudovom prave / N.A. Prokof’yev, D.YU. Museychuk // Sbornik nauchnykh rabot serii «Pravo». – 2021. – № 2 (22). – S. 115-125.

Афанасьев Константин Константинович
заведующий кафедрой административного
и экологического права
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: konstantin-afanasyev@rambler.ru

ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье на основе анализа материалов учебной и научной литературы рассматриваются вопросы содержания понятий «гарантия», «гарантии законности», «гарантии обеспечения законности», «правовой статус личности», характеристики правового феномена законности, которые приводятся современными учеными в области теории права, в том числе теории административного права, обращается внимание на важность дальнейшего исследования указанных правовых категорий на современном этапе развития общества, вносятся предложения, направленные на совершенствование системы гарантий законности в Луганской Народной Республике

Ключевые слова: право, правовая система, законность, гарантия, гарантии законности, гарантии обеспечения законности, правовой статус личности

В современных условиях исследование проблем законности имеет как научное, так и практическое значение, поскольку ее надлежащее состояние способствует стабильности жизни общества, защите прав и свобод граждан. При этом законность в деятельности государственных служащих является стержнем правопорядка, а ее содержание имеет существенные особенности (в том числе и недостатки) ввиду продолжающегося становления государственности и формирования правопорядка в Луганской Народной Республике как равноправного субъекта Российской Федерации. Общеизвестно, что наиболее существенное влияние на правопорядок в государстве и жизнедеятельность общества оказывает правовое регулирование общественных отношений.

В то же время актуальным требованием времени является закрепление в нормах действующего законодательства принципа приоритета прав и свобод граждан в отношениях с органами публичной власти, что вытекает из положений Конституции Российской Федерации и Конституции Луганской Народной Республики (далее - ЛНР). Отмечая активное законотворчество

и нормотворчество органов государственной власти ЛНР, считаем важным осуществление на данном этапе следующих организационно-правовых мер со стороны властных субъектов: надлежащую реализацию требований норм права, обеспечивающих права и свободы граждан; строжайшее соблюдение режима законности; совершенствование системы гарантий законности. Наряду с этим подчеркнем, что само принятие управленческих решений, отражение их в нормах права не принесет желаемых результатов в случае их невыполнения или ненадлежащего выполнения, а если говорить о наделении граждан новыми правами, то в случае отсутствия гарантий их реализации последние также останутся декларативными и нереализованными на практике. В целом такие факты будут свидетельствовать о недостаточном уровне законности в государстве.

Проблемы защиты прав человека, соблюдения законности, обеспечения правопорядка, их гарантированности постоянно находятся в центре внимания ученых в различных областях правовой теории. Среди многочисленных научных исследований можно назвать работы таких ученых как С.С. Алексеев, М.И. Байтин, А.М. Васильев, Д.А. Керимов, В.С. Козлов, А.В. Малько, Н.И. Матузов, Л.А. Морозова, Г.И. Муромцев, В.С. Нерсисянц, В.Д. Перевалов, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров и многих других. Одними из актуальных всегда являлись научные исследования ученых-административистов. Несмотря на это, многие вопросы теории права в новых условиях жизни общества переосмысливаются, существенно уточняются и дополняются ввиду многоаспектного содержания большинства правовых феноменов, к которым, безусловно, относится и правопорядок, и законность, и права человека. С учетом этого целью данной статьи является рассмотрение отдельных аспектов правопорядка, законности, правового статуса личности, а также гарантий законности как элемента правовой системы.

Для начала обратим внимание на вывод теоретиков философии права о том, что любое общество стремится поддерживать социальный порядок и правопорядок как его элемент, а неукоснительное следование закону в повседневной реальности - один из путей достижения порядка в обществе [1, с. 92-93]. Следует учитывать, что правопорядок - это организация общественной жизни, направленная на гармонизацию, согласованность общественных отношений. Однако при этом правопорядок - это и властные отношения, социальное действие права, где государство стремится обеспечить свои интересы.

Также отметим, что все сложные правовые категории сегодня достаточно часто предлагают рассматривать в их взаимосвязи с правовой системой или как важные и самостоятельные элементы данной системы. В специальной

юридической литературе правовая система определяется как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, и правовых явлений, существующая в отдельной стране (национальная правовая система). К элементам, взаимодействующим на разных уровнях этой системы, относят: 1) действующие правовые нормы и систему источников права; 2) особенности правосознания и правовой культуры, правовые понятия, юридическую науку и правовую идеологию, правовую политику; 3) систему правоотношений, состояние правопорядка и законности; 4) юридическую практику; 5) юридическую технику [2].

Большинство современных теоретиков права допускают отсутствие признака однородности у элементов правовой системы, аргументируя это тем, что входящие в правовую систему компоненты (составляющие) неодинаковы по своей юридической природе, уровню самостоятельности и степени воздействия на общественные отношения. При этом, многие ее составляющие выступают в виде связей, отношений, состояний, режимов, статусов, гарантий, принципов, правосубъектности и других специфических феноменов, образующих обширную инфраструктуру или среду функционирования правовой системы [3, с. 85].

С учетом вышесказанного перейдем к рассмотрению отдельных вопросов характеристики гарантий законности как элемента правовой системы.

Отдельного внимания заслуживает анализ этимологических основ понятия «гарантия». В словарях с определенной степенью вероятности отмечается, что существительное «гарантия» известно со времен Петра I и было распространено в русском языке вместе с глаголом «гарантировать» (от немецкого *garantieren* или от французского *garantir*). Также уточняется, что современное значение русского слова «гарантия» характеризуется как «обеспечение осуществления, исполнения чего-либо» либо «то, что подтверждает осуществление, исполнение чего-либо» [4].

Однако, следует сказать, что прямым антонимом слова «гарантия» согласно специальной литературе является слово «обещание», а непрямыми антонимами - слова «агрессия», «обвинение», «выкуп», «отказ от поддержки» и некоторые другие. При этом приводится заметно большее количество синонимов данного слова, а именно: защита, обеспечение, обязательство, залог, расписка, заверение, поручительство, заклад, твердое слово, соцгарантия, зарука, госгарантия, ручательство и другие [5]. Учитывая смысл главного антонима и состояние гарантированности реализации отдельных прав граждан и выполнения некоторых государственных обязательств в сфере государственного управления, иногда вспоминается русская народная поговорка: «Обещанного три года ждут».

Заслуживает быть отмеченной многозначность исследуемого понятия, а также тот факт, что данная категория включается и имеет специфические характеристики в различных энциклопедиях. Например, в энциклопедии юриста под гарантией понимается: (фр. *garantie* - обеспечение) - 1) в гражданском праве предусмотренное законом или договором обязательство, в силу которого какое-либо лицо (физическое или юридическое) отвечает перед кредитором полностью или частично при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должником; 2) установленное законом обязательство продавца отвечать за материальные недостатки товара в течение определенного срока [6]. Наряду с этим, собственные определения исследуемого понятия содержат: Жилищная энциклопедия, Глоссарий корпоративного права, Юридический словарь по патентно-лицензионным операциям, Юридический словарь современного гражданского права, Словарь-справочник экономики и права, Советский юридический словарь и многие другие источники информации.

На наш взгляд, из приведенных характеристик понятия «гарантия» в сфере государственного (публичного) управления наиболее подходят синонимы «защита», «обеспечение» и «обязательство».

А теперь перейдем к рассмотрению категории «гарантии законности», используемой в учебной и специальной юридической литературе.

В теории права достаточно часто приводят следующую характеристику: гарантии законности - это система условий и средств, обеспечивающих процесс реализации законности, что способствует упорядочению общественных отношений и прогрессу общества. Данные гарантии предлагается разделить на следующие виды: 1) экономические; 2) политико-идеологические; 3) нравственные; 4) юридические. В совокупности они образуют условия, при которых осуществляется законность в государстве [7, с. 186]. Среди них специфическое значение имеют юридические гарантии законности как обусловленная особенностями экономического и общественного строя система условий и средств, закрепленных в законодательстве и направленных на обеспечение законности.

К юридическим гарантиям законности относятся: полнота правовых норм, адекватно отражающих основные закономерности и тенденции развития общества; систематический контроль за реализацией законов; эффективность мер юридической ответственности за несоблюдение законов; качественная деятельность государственных органов и должностных лиц; равенство всех перед законом и судом; развитое правосознание и высокая правовая культура населения страны [7, с. 187].

Аналогичные характеристики содержатся в юридической справочной литературе. Так, по мнению О.Ф. Скакун, гарантии законности (от фр. *garantie*

- порука; условие, которое обеспечивает что-то; обеспечение; англ. guarantees of legality) - система объективных и субъективных условий общественной жизни, организационных мер и специальных (юридических) средств, используемых государством для обеспечения режима законности и стабильного правопорядка. При этом приводятся такие виды гарантий законности: 1) общесоциальные: экономические, политические, социальные, идеологические; 2) специально-социальные: юридические, организационно-юридические [8, с. 38]. В данном определении актуальным является вывод о существовании в системе условий общественной жизни не только объективных, но и субъективных факторов.

Заслуживает быть отмеченной характеристика отдельных видов гарантий, имеющая определенное практическое значение. Например, юридические гарантии законности определяются как предусмотренная законодательством система правовых условий и средств, направленных на обеспечение режима законности и правопорядка. Отмечено, что правовые условия - это качественное состояние действующих источников (форм) права, прежде всего нормативных правовых актов, а также актов толкования и актов правоприменения. В число правовых средств, направленных на обеспечение режима законности и правопорядка, включены такие: совершенствование законодательства; надзор и контроль за соблюдением законности, включая конституционный судебный контроль, предупреждение и пресечение правонарушений; защита и восстановление нарушенных прав; реализация юридической ответственности [8, с. 39].

При исследовании понятия «гарантии законности» следует учитывать, что категорию «законность» в теории административного права рассматривают в трех значениях: как принцип государственного управления; как метод государственного управления и как режим деятельности органов государственного управления.

В целом, законность - это соблюдение всеми субъектами права (гражданами, общественными организациями, должностными лицами, государством и его органами) законов и подзаконных нормативных правовых актов. Структура законности как общественного явления включает два элемента: субъект законности (все правоспособные субъекты правовых отношений с учетом их статуса); и объект законности (деятельность субъектов правоотношений по соблюдению законов и иных нормативных правовых актов). При этом в число принципов законности, представляющих собой систему идей и взглядов, которые приобретают исходное начало в формировании мотивов правомерного поведения и соблюдения законодательства, входит и такой принцип как гарантированность прав и свобод человека и гражданина. Данная гарантирован-

ность выражается в защите общечеловеческих прав, учете законных интересов личности, развитии прогрессивных сторон общества путем правового регулирования наиболее значимых сторон общественных отношений [7, с. 186].

На сегодняшний день предпочтение отдается пониманию законности как режима деятельности органов государственного управления, в связи с чем для ее характеристики используется понятие «гарантии обеспечения законности».

Поэтому в административно-правовой теории гарантии обеспечения законности чаще всего определяются как обусловленные действующим законодательством и развитием общественной жизни факторы, которые обеспечивают соблюдение законности. Система указанных гарантий, приводимая в учебниках по административному праву, как правило, включает общие и специальные гарантии. Общие гарантии – объективные условия общественного развития, в которых осуществляется правовая регуляция: а) политические условия – развитие демократии, гласности, деление власти, свобода информации; б) экономические условия – уровень развития рыночных отношений, производства, гарантированность экономической свободы, благосостояние населения и тому подобное; в) идеологические условия – уровень развития правосознания, основанного на признании приоритета прав и свобод человека, правовой культуры граждан, и, в первую очередь, государственных служащих. К специальным гарантиям относят: а) состояние законодательства, его стабильность и соответствие развитию отношений в обществе, уровень юридической техники; б) уровень деятельности по предупреждению и прекращению правонарушений, в частности меры юридической ответственности; в) доступность и качество правосудия; г) эффективность контроля за реализацией правовых актов.

При этом активное использование приведенных гарантий законности достигается разными путями, однако все они предусматривают целенаправленную деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц. Совокупность заданий, функций, полномочий, форм, методов и порядка такой деятельности принято считать системой средств обеспечения законности.

Последнюю образуют следующие основные группы средств обеспечения законности в государственном управлении:

1) разные способы контрольной деятельности в сфере государственного управления со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и общественных организаций;

2) разные способы реагирования государственных органов, прежде всего, органов исполнительной власти, на обращения граждан (предложения, заявления, жалобы) с целью правовой охраны и защиты их прав и свобод;

3) осуществление специализированной судебной защиты нарушенных прав и свобод граждан в порядке административного судопроизводства;

4) и, наконец, привлечения к различным видам юридической ответственности должностных лиц государственных органов за противоправные действия в сфере государственного управления, а также, в необходимых случаях, применения мер административной ответственности к гражданам, которые своими противоправными действиями нарушают установленный порядок управления.

Подобную характеристику системы гарантий законности приводит Д.Н. Бахрах, который утверждает о том, что для последовательной и строгой реализации законности наличие соответствующей системы ее гарантий объективно необходимо. В указанной системе предлагается различать общие условия (предпосылки) и специальные юридические, организационно-правовые средства обеспечения режима законности. Кроме того, к числу важных выводов ученого можно отнести такие:

- администрация обязана оперативно реагировать на события реальной жизни;

- в ряде случаев органы исполнительной власти вынуждены действовать при отсутствии надлежащей законодательной базы;

- учитывая огромный объем и разнообразие властной деятельности, наличие большой свободы усмотрения и отсутствие юридического образования у многих государственных служащих, для обеспечения режима правозаконности в деятельности государственной администрации нужна большая система гарантий [9, с. 741-743].

Большинство из этих утверждений являются весьма актуальными для молодой ЛНР.

Часто исследования гарантий законности связаны с выяснением их значения для правопорядка в обществе, вопросами построения демократического и правового государства [10; 11; 12]. Важное практическое значение имеют исследования проблем гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов [13]. Среди современных исследований следует отметить актуальность предложений В.В. Кожевникова о целесообразности обязательного включения в систему нравственных гарантий законности и правопорядка, к которым ученый относит: благоприятную морально-психологическую обстановку, в которой реализуются права и обязанности участников правоотношений; уровень их духовности и культуры; внимание государственных органов и должностных лиц к человеку, его интересам и потребностям [14, с. 4].

Одновременно следует подчеркнуть, что и на состояние правопорядка, и на состояние режима законности значительно влияет человеческий фак-

тор, т.е. поведение и деятельность людей (и руководителей органов государственной власти, и должностных лиц, и простых граждан). Иначе говоря, в системе условий общественной жизни всегда присутствует субъективная составляющая.

В данном контексте обращает на себя внимание схожесть теории гарантий обеспечения законности и теории гарантий прав и свобод граждан. В современном учебнике по теории государства и права гарантии прав и свобод человека и гражданина определяются как система экономических, политических, духовных предпосылок, правовых средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав и свобод. Система этих гарантий включает общие (которые, в свою очередь, делятся на материальные, политические, духовные) и юридические гарантии.

Так, юридические гарантии представляют собой систему правовых средств и способов охраны и защиты прав человека и гражданина. К ним относятся: 1) возмещение причиненного человеку материального и морального вреда. В соответствии со ст. 53 Конституции РФ «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц»; 2) неотменяемость прав и свобод. По Конституции РФ (ч. 2 ст. 55) в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Однако, Конституция допускает возможность ограничения прав и свобод, подчеркивая при этом, что они могут быть ограничены федеральным законом (или законом ЛНР) только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; 3) судебная защита (ст. 46 Конституции РФ). Данная защита доступна каждому человеку против решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. При этом демократическое правосудие, в свою очередь, имеет свои гарантии: а) суд присяжных; б) право на юридическую помощь; в) презумпция невиновности; г) недействительность незаконно полученных доказательств; д) право на пересмотр приговора.

Кроме того, важными гарантиями прав и свобод человека являются конституционный контроль и надзор, средства предупреждения и профилактики нарушений прав личности и др. Значимой правовой гарантией является юридическая ответственность, которая состоит в обязанности лица претерпевать меры государственного воздействия за нарушение прав и свобод личности [15, с. 159-161].

Отдельные ученые делают вывод о том, что основное предназначение гарантий состоит в обеспечении реализации прав и свобод личности, а в случае нарушения - в обеспечении их защиты, а с учетом многоаспектности категории считают возможным для определения понятия «гарантии прав и свобод личности» использовать два подхода - широкий и узкий.

Так, гарантии прав и свобод личности в широком смысле - это система принципов, условий и средств реализации и защиты прав и свобод личности. А в узком смысле гарантии прав и свобод личности - это законодательно закрепленные процессуальные права, обеспечивающие реализацию и защиту иных прав и свобод личности [16, с. 27].

Приведенные примеры лишней раз доказывают отражение в правовой теории принципа приоритета прав и свобод граждан, а также реализацию конституционных требований, закрепивших права граждан как наивысшую ценность, и установивших обязанность государственных органов, должностных лиц эффективно и в полной мере гарантировать, а также обеспечивать защиту и охрану прав и свобод граждан страны.

Целесообразно подчеркнуть, что понятие гарантий все чаще используется при характеристике правового статуса лица в современной юридической литературе. Например, достаточно часто утверждается, что административно-правовой статус содержит следующие элементы: 1) принципы административно-правового статуса граждан; 2) гражданство; 3) административная правосубъектность (право-, дееспособность) граждан; 4) права и обязанности граждан в сфере государственного управления; 5) административная ответственность граждан; 6) юридические гарантии административно-правового статуса граждан [17, с. 31].

При этом, по мнению современных ученых, все гарантии прав личности можно разделить на экономические, политические и организационно-правовые. Последние включают в себя не только правовые нормы об охране прав и интересов граждан, но и нормы, регулирующие деятельность различных государственных органов по охране прав индивида. [18, с. 32].

Теоретики права подчеркивают, что права и обязанности, особенно конституционные, их гарантии образуют основу (ядро) правового статуса. Данное положение закреплено в ст. 64 Конституции РФ. И действительно, в настоящее время вопросы правового статуса личности составляют важнейшее самостоятельное научное направление в общей теории государства и права, а также в отраслевых юридических дисциплинах.

В целом, оценивая роль гарантий в праве, можно вспомнить и оригинальную классификацию административно-правовых норм по критерию способа правового регулирования поведения в деятельности субъектов,

предложенную Ю.А. Тихомировым. Так, допустимо различать: нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы учредительные, нормы-общekomпетенционные, нормы-задания, нормы-указания, нормы-поручения, нормы-стимулы, нормы договорные, нормы-запреты, нормы-санкции, нормы-рекомендации, нормы-стандарты и нормативы. По мнению ученого, данный подход позволяет создавать разные комбинации для распорядительного, разрешительного, регламентационного и других способов правового регулирования [19, с. 97-98]. Считаем, что в современных условиях для реализации норм права, предусматривающих различные аспекты гарантированности, наиболее близко подходят нормы-задачи.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать ряд выводов:

- положения Конституций РФ и ЛНР содержат значительное количество норм, предусматривающих гарантирование реализации прав человека и гражданина, а также норм, обеспечивающих гарантии законности деятельности органов государственной власти;

- теоретическая характеристика системы гарантий обеспечения законности по сути определяет перечень и виды государственной управленческой деятельности, направленной не только на обеспечение законности, но и на создание условий, необходимых для эффективной и удобной реализации конституционных прав гражданами РФ. Например, для реализации общих гарантий, связанных с созданием экономических условий в ЛНР, необходимо запланировать и осуществить многочисленные и разнообразные организационно-правовые мероприятия, направленные на повышение уровня развития рыночных отношений, производства, укрепление гарантированности экономической свободы, повышение благосостояния населения и т.п.;

- дальнейшее совершенствование системы гарантий обеспечения законности имеет особо актуальное значение для формирования правовой системы и становления ЛНР как равноправного субъекта РФ.

Литература

1. Юрчук В.С. Философия права: Курс лекций / Сост. В.С. Юрчук. – М.: МИЭМП, 2007. – 140 с.

2. Юридическая энциклопедия - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yuridicheskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/1336-правовая_система

3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.

4. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». - М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. - 704 с. - [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/g/гарантия>).

5. Энциклопедия юриста (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. - под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999; Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. - М.: Русский язык. З. Е. Александрова. 2011; Словарь синонимов ASIS. В. Н. Тришин. 2013). - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus-law-enc.slovaronline.com/386-ГАРАНТИЯ>

6. Национальная энциклопедическая служба - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://determiner.ru/search?q=гарантия&type=words>

7. Библио В.Н. Теория государства и права. - Минск : Право и экономика, 2015. - 206 с.

8. Юридический научно-практический словарь-справочник (основные термины и понятия) / Скакун О.Ф., Бондаренко Д.А. / Под общ. ред. профессора Скакун О. Ф. - Харьков: Эспада, 2007. - 488 с.

9. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. - 2-е изд., изм. и доп. - М.: Норма, 2005. - 800 с.

10. Галютудинов Д.В. Гарантии законности в условиях демократического государства // Пробелы в российском законодательстве. № 2. 2009. - С. 140-142. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-zakonnosti-v-usloviyah-demokraticheskogo-gosudarstva>

11. Зиновьева М.Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: : дис. кандидат юридических наук: 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Саратов, 1999. 223 с. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/spetsialno-yuridicheskie-garantii-zakonnosti-v-usloviyakh-formirovaniya-pravovogo-gosudarstv>

12. Працко Г.С. Право и законность как основа правопорядка // Философия права. № 2 (85). 2018. - С. 164-169. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakonnost-kak-osnova-pravoporyadka>

13. Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Проблемы гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 4. 2017. - С. 8-21. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garantiy-zakonnosti-vedomstvennyh-normativnyh-pravovyh-aktov/viewer>

14. Кожевников В.В. Проблемы гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. № 4 (31), 2008. - С. 3-13. - [Электронный ресурс] –

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garantiy-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-sovremennoy-teoretiko-pravovoy-mysli-kriticheskiy-analiz/viewer>

15. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. - 560 с.

16. Мирская Т.И. К вопросу о понятии прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука, 2013. № 2. - С. 23-27. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-garantiy-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoj-federatsii>

17. Макарейко Н. В. Административное право : краткий курс лекций / Н. В. Макарейко. - 8-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2014. - 212 с.

18. Административное право: терминологический словарь-справочник / Сост. Карабут Л.В., Ткаченко В.И.: Изд-во ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля». - Луганск, 2021. - 472 с.

19. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. - М.: 2004. - 652 с.

Afanasyev Konstantin Konstantinovich
Head of the Department of Administrative Law
and environmental law
Luhansk State University
named after Vladimir Dahl
Candidate of Law, Associate Professor
e-mail: konstantin-afanasyev@rambler.ru

GUARANTEES OF LEGALITY AS AN ELEMENT OF THE LEGAL SYSTEM

Based on the analysis of materials from educational and scientific literature, the article discusses the content of the concepts of «guarantee», «guarantee of legality», «guarantee of legality», «legal status of the individual», characteristics of the legal phenomenon of legality, which are given by modern scientists in the field of legal theory, in including the theory of administrative law, attention is drawn to the importance of further research of these legal categories at the present stage of development of society, proposals are made aimed at improving the system of guarantees of the legality of the Luhansk People's Republic

Keywords: law, legal system, legality, guarantee, legality guarantees, legality guarantees, legal status of a person

Literatura

1. YUrchuk V.S. *Filosofiya prava: Kurs lekcij / Sost. V.S. YUrchuk.* – M.: MIEMP, 2007. – 140 s.
2. YUridicheskaya enciklopediya - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://yuridicheskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/1336-pravovaya_sistema
3. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik* – M.: YUrist», 2004. – 245 s.
4. Semyonov A.V. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Seriya «Russkij yazyk ot A do YA».* - M.: Izdatel'stvo «YUNVES», 2003. - 704 str. - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/g/garantiya>).
5. *Enciklopediya yurista (Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij.* - pod. red. N. Abramova, M.: Russkie slovari,1999; *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik.* - M.: Russkij yazyk. Z. E. Aleksandrova.2011; *Slovar' sinonimov ASIS.V.N. Trishin.*2013). - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://rus-law-enc.slovaronline.com/386-GARANTIYA>
6. *Nacional'naya enciklopedicheskaya sluzhba* - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://determiner.ru/search?q=garantiya&type=words>
7. Bibilo V.N. *Teoriya gosudarstva i prava.* - Minsk : Pravo i ekonomika, 2015. - 206 s.
8. YUridicheskij nauchno-prakticheskij slovar'-spravochnik (osnovnye terminy i ponyatiya) /Skakun O.F., Bondarenko D.A. /Pod obshch. red. professora Skakun O. F. - Har'kov: Espada, 2007. - 488 s.
9. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov YU. N. *Administrativnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov.* - 2-e izd., izm. i dop. - M.: Norma, 2005. - 800 s.
10. Galyautdinov D.V. *Garantii zakonnosti v usloviyah demokraticeskogo gosudarstva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. № 2. 2009.* - S. 140-142. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-zakonnosti-v-usloviyah-demokraticeskogo-gosudarstva>
11. Zinov'eva M.YU. *Special'no-yuridicheskie garantii zakonnosti v usloviyah formirovaniya pravovogo gosudarstva: : dis. kandidat yuridicheskikh nauk: 12.00.01 - Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve.* Saratov, 1999. 223 s. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/spetsialno-yuridicheskie-garantii-zakonnosti-v-usloviyakh-formirovaniya-pravovogo-gosudarstv>
12. Pracko G.S. *Pravo i zakonnost' kak osnova pravoporyadka // Filosofiya prava. № 2 (85). 2018.* - S. 164-169. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakonnost-kak-osnova-pravoporyadka>

13. Arzamasov YU.G., Arzamasov V.YU. Problemy garantij zakonnosti vedomstvennyh normativnyh pravovyh aktov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: YUrisprudenceiya. № 4. 2017. - S. 8-21. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garantij-zakonnosti-vedomstvennyh-normativnyh-pravovyh-aktov/viewer>

14. Kozhevnikov V.V. Problemy garantij zakonnosti i pravoporyadka v sovremennoj teoretiko-pravovoj mysli: kriticheskij analiz // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. № 4 (31), 2008. - S. 3-13. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garantij-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-sovremennoj-teoretiko-pravovoy-mysli-kriticheskij-analiz/viewer>

15. Rasskazov L.P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyj kurs: Uchebnik. - M.: RIOR: INFRA-M, 2015. - 560 s.

16. Mirskaya T.I. K voprosu o ponyatii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya nauka, 2013. № 2. - S. 23-27. - [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-garantij-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoj-federatsii>

17. Makarejko N. V. Administrativnoe pravo : kratkij kurs lekcij / N. V. Makarejko. - 8-e izd., pererab. i dop. - M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2014. - 212 s.

18. Administrativnoe pravo: terminologicheskij slovar'-spravochnik / Sost. Karabut L.V., Tkachenko V.I.: Izd-vo GOU VO LNR «LGU im. V. Dalja». - Lugansk, 2021. - 472 s.

19. Administrativnoe pravo i process: polnyj kurs / YU.A. Tihomirov. - M.: 2004. - 652 s.

Бабич Лидия Николаевна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Юридического института

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: marta.kaf@mail.ru

ПРОИЗВОДНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Статья посвящена исследованию понятия и видов производных доказательств в уголовном процессе. Анализируются подходы ученых к определению понятия производных доказательств, на основании чего приводится их дефиниция, определяются виды производных доказательств.

Ключевые слова: производные доказательства, показания, вещественные доказательства, документы, уголовное судопроизводство.

Уголовно-процессуальное доказывание является мыслительно -практической деятельностью субъектов доказывания, направленной на собирание, проверку и оценку доказательств. Осуществление уголовно -процессуального доказывания представляется невозможным без использования доказательств, значительна часть которых является производными. Возможность использования производных доказательств обусловлена определенной спецификой, связанной как с необходимостью правильного понимания их понятия и сущности, так и с присущими их проверке и оценке особенностями.

Исследованию теоретических вопросов, связанных с осуществлением общей характеристики уголовного процессуального доказывания, и практических проблем собирания, проверки и оценки доказательств посвящены труды многих ученых – процессуалистов. Однако, лишь отдельные ученые обращались к исследованию специфики производных доказательств и особенностей их формирования и использования в уголовном процессе. В связи с этим на сегодняшний день понятие производных доказательств остается спорным, их виды подлежат уточнению с учетом норм УПК и сформировавшейся следственной и судебной практики, а особенности формирования и использования производных доказательств - раскрытию на основе норм УПК.

Понятие производных доказательств в доктрине уголовного процесса трактуется достаточно не однозначно.

Так, одна группа ученых характеризует понятие производных доказательств путем указания на источник сведений, которые составляют содержание доказательства. Так, М.С. Строгович определяет их как доказательства, полученные не из первоисточника, и из «других рук» [1, с.374]. Аналогичную позицию отстаивает Т.В. Варфоломеева, по мнению которой производными являются доказательства, которые содержат сведения, полученные из другого источника [2, с.4].

Другая группа ученых определяет рассматриваемое понятие путем установления связи сведений, которые составляют содержание доказательства, с их источником с помощью наличия промежуточного носителя доказательственной информации. В частности, А.Б. Венгеров указывает, что производное доказательство является промежуточным звеном между первичным доказательством и субъектом доказывания [3, с.515-516]. Схожую позицию принимает В.А. Лазарева, по мнению которой производные доказательства - это доказательства, полученные из промежуточного носителя информации [4, с.195]. Более конкретизировано такая позиция высказывается Н.А. Громовым, С.А. Полуниным, и С.А. Курушиным, которые рассматривают производные доказательства как такие, которые отразили на себе устанавливаемые обстоятельства опосредованно, то есть через другое доказательство или другого носителя информации, не привлеченных в уголовный процесс, но имевших возможность (хотя и теоретически) такого привлечения [5].

Третья группа ученых раскрывает понятие производных доказательств путем установления связи сведений, которые составляют содержание доказательств, с фактами, доказательством которых они выступают. Так, О.С. Александров и Р.А. Бостанов отмечают, что производные доказательства необходимо понимать сквозь призму понятия факта, а именно как информацию, неоднократно проинтерпретированную несколькими субъектами, то есть в сравнении с первичными доказательствами они являются субъективными, а интерпретационный фактор в них присутствует, в большей мере [6, с.42]. На основании этого Р.А. Бостанов определяет производные доказательства как сведения, которые устанавливают обстоятельства дела с помощью информации, содержащейся в первоисточнике [7, с.255].

Анализируя приведенные подходы ученых к определению понятия производных доказательств, необходимо согласиться с позицией Р.А. Бостанова, по мнению которого из дуалистической природы доказательств следует, что их производный характер обуславливается двумя причинами. Первая из которых связана с источником, материальным носителем информационного сообщения, а вторая – с содержанием сообщения, его пониманием (интерпретацией) [8]. Производный характер доказательств, с одной стороны, отобра-

жает их связь с содержанием первичной доказательственной информации, объективные и субъективные причины их формирования, а с другой - указывает на принадлежность им доказательственного значения за счет наличия у них собственного содержания. Таким образом, производные доказательства являются фактическими данными, полученными в предусмотренном УПК порядке, которые опосредованно отражают наличие или отсутствие фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства и подлежат доказыванию.

Вместе с первичными, производные доказательства, играют важную роль в уголовно - процессуальном доказывании. Значение производных доказательств выражается, во-первых, в том, что они служат средствами выявления первоисточников, то есть первичных доказательств. Благодаря свойствам производных доказательств указывать на их первоисточник следователь, прокурор, суд воспринимают и исследуют в уголовном производстве первичную информацию. Выявление с помощью производных сведений первичных доказательств, которые по своей природе являются прямыми, при условии их достоверности, способствует реализации задач уголовного судопроизводства. Так же производные доказательства изменяют во многих случаях первоначальные фактические данные, которые через различные объективные причины не могут использоваться субъектами, осуществляющими уголовное производство. Так же большое значение имеют производные доказательства во время одновременного использования их с первоначальными фактическими данными, где в одних случаях они подкрепляют их, в других - указывают на их недостоверность, а в третьих -заполняют собой первоначальную информацию.

В доктрине уголовного процесса предложены формы производных доказательств. Так, Р.А. Бостанов обоснованно выделяет формы производных доказательств: 1) личное доказательство может быть передано с помощью либо личного, либо письменного, либо устного доказательства; 2) письменное доказательство может быть передано с помощью либо письменного, либо личного, либо вещественного доказательства; 3) вещественное доказательство может быть передано с помощью либо вещественного, либо письменного, либо устного доказательства [8].

Показаниями с чужих слов являются сведения о фактах, которые представлены в устной или письменной форме во время допроса участниками уголовного производства (свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми), которые непосредственно не воспринимали обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства. К таким относятся: 1) показания, которые даются участником уголовного процесса со слов других лиц, в частности со

слов участников уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого); 2) показания, которые даются участником уголовного процесса на основании прочитанного им текста.

Основную часть показаний как производных доказательств составляют показания с чужих слов, которые определяются законодателем как высказывание, осуществленное в устной, письменной или иной форме, относительно определенного факта, которое основывается на пояснении другого лица. Формирование таких показаний осуществляется на основании первоисточника с возможностью их дальнейшей фильтрации и изменений участником уголовного производства под влиянием субъективных факторов. В связи с этим, в доктрине уголовного процесса, акцентируется внимание на необходимость их получения и использования только в таких случаях: 1) когда значимость такого доказательства дает дополнительную и единственную возможность суду установить существенные обстоятельства для уголовного судопроизводства, а так же когда без наличия такого доказательства невозможно доказать необходимое обстоятельство для судопроизводства; 2) если использование такого доказательства является оправданным в случае отсутствия первичных доказательств или их сомнительности; 3) когда первичное доказательство утрачено или его невозможно получить; 4) когда с помощью показаний с чужих слов есть возможность обнаружить другие доказательства, к которым необходимо обратиться для проверки фактов, имеющих значение для судопроизводства; 5) когда данные, полученные с чужих слов, могут служить средством проверки других доказательств уголовного судопроизводства; 6) когда показания с чужих слов могут использоваться как средство замены первичного доказательства.

Документами как производными доказательствами являются специально созданные для сохранения информации материальные объекты, содержащие зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т.д., и непосредственно отображают сведения, которые могут быть использованы как доказательство факта или обстоятельств, которые устанавливаются в ходе уголовного судопроизводства. К ним в доктрине уголовного процесса относят такие виды документов: 1) документы, которые полностью воссоздают содержание документа - первоисточника фактических данных (дубликаты документов, копии документов); 2) документы, которые частично воссоздают содержание документа - первоисточника фактических данных (выписки, реестры); 3) документы свидетельствующего характера, которые отображают уведомления определенных лиц (справки, характеристики, другие документы, которые свидетельствуют о наличии или отсутствии тех или иных фактов); 4) протоколы следственных (розыскных) действий, которые составлены в процессе досудебного расследования, протоколы следственных

(розыскных) действий, проведенных во время судебного производства, а так же приложения к таким протоколам (при условии, что последние являются документами, а не вещественным доказательством), электронные носители информации, полученные или скопированные с других электронных носителей информации во время проведения следственных действий [9, с.108].

Получение и использование документов как производных доказательств уместно в таких случаях: 1) оригинал документа утерян или уничтожен; 2) документы характеризуются значительным объемом, в связи с чем существует необходимость в осуществлении выписок, реестров, обобщений; 3) существует необходимость в отображении уведомления определенных лиц с помощью справок, характеристик и других документов, свидетельствующих наличие или отсутствие тех или иных фактов; 4) результаты следственных (розыскных) действий зафиксированные с помощью протоколов; 5) информация, полученная во время следственных (розыскных) действий путем копирования с электронного носителя информации.

Как отмечает Т.В. Варфоломеева, производными вещественными доказательствами являются материальные физические модели первоначальных вещественных доказательств, которые непосредственно воспроизводят существенные признаки последних и служат для их замены в процессе доказывания. Они передают необходимую информацию о первоначальном материальном доказательстве и представлены в процессе доказывания как самостоятельные источники доказательств [2, с.10].

Ученые неоднократно обращали внимание на целесообразность получения и использования производных вещественных доказательств в случаях, когда: 1) необходимо сохранить признаки, которые имеют существенное значение, с учетом изменчивости объекта; 2) необходимо сохранить сам объект, исследуя его свойства на копиях; 3) существуют особые свойства вещественного доказательства (громоздкость, хрупкость, неотделимость от окружающей среды, невозможность долгосрочного хранения). Что приводит к необходимости осмотра в судебном заседании только производных вещественных доказательств [11, с.642]; 4) в новом материале, из которого состоит производное вещественное доказательство, лучше, чем в оригинале, проявляется и воспринимается доказательственная информация; 5) первичное вещественное доказательство было получено не во время следственного действия, а частным лицом, являющимся субъектом доказывания [8].

Производные доказательства возникают при восприятии их носителем не обязательно только первоначальных сведений. В их основе могут лежать не только первичные, но и производные сведения (двойная передача сведений, два промежуточных звена и т.д.). Этот тезис указывает на тот факт, что по производ-

ности доказательство может иметь различную степень, определяемую количеством посредствующих звеньев между доказательствами, поступающими к органу предварительного расследования или в суд, и доказываемым при помощи этого доказательства преступным действием (его отдельным обстоятельством). Указанная степень связана с числом отражений в последнем доказательстве всех предыдущих, что включает и отражение исследуемого факта первоисточником. Доказательства в соответствии с «цепью степеней» последовательно переносят сведения о факте от первоначального до последнего доказательства и от него к правоприменителю (следователю, судье). Закономерность такова, что каждое последующее доказательство, воспроизводя содержание предыдущего, всегда служит «зеркалом» всех предшествующих отражений до первоисточника. Если этот процесс адекватен, отражение всех предшествующих сведений через производное доказательство воспроизводит в своем содержании факт. Если в указанной цепи происходит какое-то искажение, то производные сведения в конце цепи «покажут в себе» эти искажения [12, с.15].

Необходимо отметить, что производные доказательства являются фактическими данным, полученными в предусмотренном УПК порядке и непосредственно отображают наличие или отсутствие фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного судопроизводства и подлежат доказыванию. Видами производных доказательств являются: 1) показания, которые даются участниками уголовного процесса со слов других лиц, в частности со слов участников уголовного производства (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, а так же показания, которые даются участником уголовного процесса на основе прочитанного им текста); 2) документы, к которым относятся дубликаты документов, копии документов, выписки, реестры, обобщения документов, протоколы следственных (оперативных) действий, а так же электронные носители информации, содержащие информацию, полученную во время проведения следственных (оперативных) действий из других электронных носителей; 3) вещественные доказательства, к которым относятся специально изготовленные копии, образцы объектов и вещей, слепки и другие материальные модели предметов, за исключение предметов-аналогов и образцов для экспертизы.

Литература

- 1.Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Учебник / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
- 2.Варфоломеева Т.В. Производные вещественные доказательства: Лекция / Т.В. Варфоломеева. - М.: Юридическая литература, 1980. – 48 с.
- 3.Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Новый Юрист, 1998. – 622с.

4.Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: Учебное пособие / В.А. Лазарева. – Самара: Самарский университет, 2007. - 303 с.

5.Громов Н.А., Полунин С.А., Курушин С.А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Н.А. Громов, С.А. Полунин, С.А. Курушин // Право и политики. – 2006. - №3. – С.25-31.

6.Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе: Монография / А.С. Александров, Р.А. Бостанов. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 320 с.

7.Бостанов Р.А. Использование в доказывании по уголовному делу производных доказательств / Р.А. Бостанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. - №1(12). – С.255-257.

8.Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.09 / Р.А. Бостанов. – Нижний Новгород, 2012. – 31 с.

9.Галяшин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.09 / Н.В. Галяшин. –Москва, 2016. – 237 с.

10.Варфоломеева Т.В. Производные вещественные доказательства: Монография / Т.В. Варфоломеева. – М.: Новый Юрист, 1998. – 622 с.

11.Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М. Теория доказательств в советском уголовном процессе: Учебник / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева. – М.: Юридическая литература, 2016. – 237 с.

12.Комаров И.М. Производные доказательства в уголовном процессе: сущность и значение / И.М. Комаров // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2017. - №4. – С.12-17.

Babich Lidiya Nikolaevna
candidate of law, associate Professor
of the department of state law disciplines Law institute
Lugansk Vladimir Dahl State University
e-mail: marta.kaf@mail.ru

DERIVATIVE EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT AND TYPES

The article is devoted to the study of the concept and types of derivative evidence in criminal proceedings. The approaches of scientists to the definition

of the concept of derivative evidence are analyzed, on the basis of which their definition is given, the types of derivative evidence are determined.

Keywords: derivative evidence, testimonies, physical evidence, documents, criminal proceedings.

Literatura

1. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa: Uchebnik / M.S. Strogovich. – M.: Nauka, 1968. – 470 s.

2. Varfolomeyeva T.V. Proizvodnyye veshchestvennyye dokazatel'stva: Lektsiya / T.V. Varfolomeyeva. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. – 48 s.

3. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / A.B. Vengerov. – M.: Novyy Yurist, 1998. – 622s.

4. Lazareva V.A. Problemy dokazyvaniya v sovremennom ugovnom protsesse Rossii: Uchebnoye posobiye / V.A. Lazareva. – Samara: Samarskiy universitet, 2007. – 303 s.

5. Gromov N.A., Polunin S.A., Kurushin S.A. Ob ispol'zovanii rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovnym delam / N.A. Gromov, S.A. Polunin, S.A. Kurushin // Pravo i politiki. – 2006. – №3. – S.25-31.

6. Aleksandrov A.S., Bostanov R.A. Ispol'zovaniye proizvodnykh dokazatel'stv v ugovnom protsesse: Monografiya / A.S. Aleksandrov, R.A. Bostanov. – M.: Yurlitinform, 2013. – 320 s.

7. Bostanov R.A. Ispol'zoaniye v dokazyvanii po ugovnomu delu proizvodnykh dokazatel'stv / R.A. Bostanov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2010. – №1(12). – S.255-257.

8. Bostanov R.A. Ispol'zovaniye proizvodnykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: Avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk: 12.00.09 / R.A. Bostanov. – Nizhniy Novgorod, 2012. – 31 s.

9. Galyashin N.V. Anglosaksonskeya model' proizvodnykh dokazatel'stv i vozmozhnosti yeye ispol'zovaniya v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve: Dis. ... kand.yurid.nauk: 12.00.09 / N.V. Galyashin. – Moskva, 2016. – 237 s.

10. Varfolomeyeva T.V. Proizvodnyye veshchestvennyye dokazatel'stva: Monografiya / T.V. Varfolomeyeva. – M.: Novyy Yurist, 1998. – 622 s.

11. Belkin R.S., Vinberg A.I., Dorokhov V.YA., Karneyeva L.M. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse: Uchebnik / R.S. Belkin, A.I. Vinberg, V.YA. Dorokhov, L.M. Karneyeva. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2016. – 237 s.

12. Komarov I.M. Proizvodnyye dokazatel'stva v ugovnom protsesse: sushchnost' i znacheniyе / I.M. Komarov // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2017. – №4. – S.12-17.

Величко Светлана Александровна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: sb1802@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются права человека как правовая ценность. Раскрывается неоднозначность понимания концепции прав и свобод человека в контексте релятивизма и универсализма правовых ценностей. Учитывается фактор культурного разнообразия и стремление национальных правовых систем сохранить культурную самобытность, сберечь правовые традиции и ценности, присущие той или иной цивилизации.

Ключевые слова: права и свободы человека, правовые ценности, релятивизм, и универсализм, правовая система.

Высшим достижением в разработке методологических проблем в правовой науке является утверждение как мировоззренческих ориентиров базовых общечеловеческих ценностей – принципов демократии, правовой, социальной государственности, гуманизма, уважения к человеческому достоинству, правам и свободам человека и гражданина.

Понимание прав человека в современной юридической литературе сводится к следующим основным позициям: 1) права человека – это определенным образом нормированная его свобода; 2) права человека – это определенные его потребности или интересы; 3) права человека – это его требования о предоставлении определенных благ, адресованные обществу, государству, законодательству; 4) права человека – это особый вид (форма существования, метод проявления) морали.

Каждая историческая эпоха порождала свою методологию концепции прав и свобод человека и, соответственно, несмотря на то, что идеи прав и свобод человека имеют длинные корни, классическая концепция прав и свобод человека, а также связанных с ними правовых средств их обеспечения, выросла из западной философской доктрины XVII-XVIII вв. Она, по утверждению Л.И. Глухаревой, явилась результатом становления капиталистических отношений вследствие переосмысления процесса индустриализации

и модернизации общества. В настоящее время научные знания выступали строгим отражением объективной реальности, и признавалось, что теория прав человека адекватно воплощает эту установку [1, с. 50].

Таким образом, по мере социализации и коллективизации общественной жизни как общественной задачи происходит становление неклассической методологии с ее пониманием прав человека; в этот же период список прав человека дополняется социально-экономическими правами. Научное мышление того времени пришло к выводу о зависимости результатов исследования от ценностной ориентации субъекта познания и выдвинуло несколько объяснений по правам человека (теории либерализма, социал-демократии, анархизма, экзистенциализма и т.п.).

В вопросе универсальности прав и свобод человека сталкиваются две диаметрально противоположные позиции – универсализм и релятивизм. На универсальности основных стандартов в области прав человека настаивают представители универсального либерализма (Дж. Роулза, Р. Дворкин и др.). Приверженцы релятивизма исходят из многообразия правовых культур и стремление последних защитить свою идентичность.

Согласно универсальному подходу, права человека возникли на основе идеи равенства всех перед законом, свободы, справедливости. Эти идеи – порождение европейской цивилизации, вобравшей древнегреческую философию, идеи эпохи Просвещения, Реформации, четкое юридическое мышление, фундаментом которого стала уникальная система римского права. Они являются основой идеи равенства, формирования юридического мировоззрения, которые изменили теологическое мировоззрение Средневековья. Место догмы, божественного права заняло право человека, а место церкви – государство [2, с. 491–498].

Таким образом, важность прав человека заключается в утверждении ценности человека и перераспределения власти – от влиятельных субъектов до каждого человека и любой группы и ассоциации, стремящихся защищать интересы обычных людей. Признание прав человека означает признание их нравственного достоинства [3, с. 11].

Как отмечает Дж. Раз, «главные сложности в содержательном плане связаны с необходимостью учета именно диалектики универсального и разнообразного в понимании и применении прав человека. В некоторых случаях возникает подозрение, что требования в области прав человека культурно предвзяты, что существуют идеологические требования преобладания идей Запада по всему земному шару» [356, с. 10]. Именно поэтому учет основных сложностей, которые возникают на пути универсализации прав человека, связанных с культурным разнообразием правовой карты мира, является

непременным условием в условиях глобализации. Ученый на примере права на здоровье продемонстрировал, что сама идея здоровья как правовая ценность является относительной с точки зрения правовой культуры. «Здоровье касается функциональных возможностей, а функциональные возможности касаются типа действий, важных для нормального успешного существования в определенных условиях. Право на здоровье имеет достаточно общий характер, чтобы предусмотреть предупреждение инвалидности и других неблагоприятных ситуаций, а последние представляют очевидные примеры культурной относительности. Нет также единственного способа установления баланса между здоровьем и другими важными вещами.

Таким образом, при анализе любого права необходимо выявить практический смысл права, признать, как его универсальность, так и чувствительность к культурным вариациям [3, с. 16].

Однако универсалисты не отрицают значимости культурного разнообразия в основных стандартах прав человека.

Ни одна из этих моделей не совершенна и полна, именно поэтому есть необходимость установления компромисса и диалога между различными правовыми культурами.

Сторонники универсальных стандартов в области прав человека исходят из того, что эти стандарты должны быть реализованы независимо от каких-либо особенностей страны – культурных, политических, экономических, идеологических.

Список универсальных прав человека отражает те ценности, без которых невозможно нормальное развитие общества, основанного на принципах свободы, верховенства закона, прав человека. Отношение и взаимодействие между странами, развитие экономических, информационных, культурных, экологических, миграционных связей не могло не отразиться на восприятии идеи прав человека, заимствовании эталонов правовой культуры, готовности строить общественные отношения в соответствии с ними.

Положение об универсальности прав человека было подтверждено Венской Декларацией и Программой действий, принятыми на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.). «Все права человека универсальны, неделимы, взаимосвязаны и взаимозависимы. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливых и равных началах, с одинаковым подходом и вниманием... Хотя необходимо иметь в виду значение национальной и региональной специфики и различных исторических, религиозных и культурных ценностей, правовых традиций, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанности поощрять и защищать все права и главные свободы» [4].

Идея универсальности прав человека принималась как аксиома и длительное время не вызывало сомнений в ее приемлемости для всех стран и народов современного мира. Однако в последнее время все чаще возникает вопрос о реальности действия этих прав, их приемлемости в разных правовых культурах.

Однако со временем стало ясно, что самоочевидные для европейского мышления ценности, вобравшие в себя лучшие идеалы политической и правовой мысли европейского континента, трудно воспринимаются народами других регионов и культур, включавших их в свои конституции и региональные документы.

Некоторые ученые подвергают сомнению универсальность концепции прав человека. В частности, релятивизм в сфере прав человека отмечает И.Л. Честнов. В определенной степени он признает универсальность прав человека, но только как абстрактную идею, которая должна наполняться разным конкретным содержанием в контексте отдельной цивилизации [5, с. 82]. Ученый выступает против навязывания Западом своих стандартов прав человека к другому культурному сообществу. Справедлив его вывод о том, что Западу следует с уважением относиться к другим цивилизациям и вместо монолога (диктата с позиции силы, который неизбежно вызывает ответную реакцию) необходимо научиться вести диалог [5, с. 73-82].

Мир плюралистический и содержит множество конкурирующих моделей человека, выражающихся в системе ценностей каждой цивилизационной общности людей. Человек – порождение своего мира, он воспитан в существовавшей тысячелетиями нормативной системе. Социально-генетический код транслирует ценности этого мира из поколения в поколение, поэтому цивилизации, особенно древние, считали стабильность главным условием самосохранения и с осторожностью воспринимали культурные инновации. Это характерно, прежде всего, для цивилизаций, правовое регулирование которых основано на религии [6, с. 43].

Совершенно очевидно, что такие западные ценности как свобода, равенство, справедливость по-разному воспринимаются в исламском мире, китайской, индийской, африканской цивилизации. Из этого вытекают разные интерпретации основных прав человека в разных правовых культурах.

Не случайно после принятия универсальных международных актов по правам человека, с развитием процессов глобализации начался другой процесс – регионализация, то есть создание региональных стандартов в области прав человека с устранением исторических, культурных, религиозных и других особенностей. Основная часть региональных стандартов в области прав человека дублирует положения Всеобщей декларации прав человека и других международных документов.

Первым региональным документом в области прав человека является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 г., в преамбуле которой отмечается, что «правительства европейских стран, которые придерживаются единых взглядов и имеют общее наследие политических традиций и идеалов, уважения свободы и верховенства права, сделали первые шаги для обеспечения определенных прав, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека» [7]. Таким образом, Европейская конвенция закрепила весь набор универсальных ценностей.

Несколько позже была принята Американская конвенция по правам человека (1969 г.), в основных положениях которой нашли свое отражение универсальные стандарты в области прав человека.

Африканская хартия прав человека и прав народов (1981 г.) воплощает приоритет исторических традиций и ценностей африканской цивилизации, которые должны найти свое отражение в содержании концепции прав человека и народов.

Исламская декларация прав человека была принята в 1990 г., девять лет спустя Арабская хартия прав человека (1999 г.). В этих документах акцентировано внимание на значении наследия и исторических традиций исламских государств. И хотя в них находит свое отражение значительная часть универсальных стандартов в области прав человека, приверженность ценностям и традициям дает им другую интерпретацию.

В настоящее время наметилась тенденция перехода от навязывания ценностей Запада к тому, чтобы восточная цивилизация с совершенно другими традициями, обычаями, культурой, религией имела право на самостоятельное определение, на разработку собственной концепции прав человека.

Двойной характер природы прав человека способствовал появлению природно-правовой и положительной теории. В основе первой лежат представления о добре, справедливости, счастье, долге, чести, достоинстве, ответственности. По мнению Р. Мюллерсона, «естественно-правовые теории рассматривают права человека как естественные, неотъемлемые, вытекающие либо из ума, либо по божественной воле, либо из природы самого человека», а «положительное направление подходит к ним как к категории, установленной государством. В первом случае закон только фиксирует уже существующие права и свободы, во втором – создает их» [8, с. 5].

Идея о правах человека упоминается в религиозном источнике – Коране. Так, например, право на жизнь в Коране среди других прав защищается путем запрещения убийства детей, лиц, не виновных в совершении преступления. В аяте 35(33) говорится: «И не убейте душу, которую запретил Аллах, иначе как по праву».

Права человека в исламских государствах рассматриваются через призму шариата. Несомненно, ряд принципиальных положений шариата расходится с универсальными стандартами в области прав человека. Но современная исламская правовая мысль не стоит на месте, а отражает происходящие в мире преобразования. Современный исламский подход к правам человека восходит к общепринятым стандартам, об этом свидетельствует сравнительный анализ международных документов с документами, принятыми исламскими странами. Конечно же, здесь не может идти речь о полном принятии универсальных стандартов в области прав человека. Однако это огромный шаг к диалогу правовых систем и цивилизаций.

Анализируя причины устойчивости норм, традиций и обычаев в восточных цивилизациях, нельзя не отметить, что наиболее универсальные стандарты прав человека встречают сопротивление в тех культурах, где религия и постулаты носят всеобъемлющий характер, определяя весь стиль жизни населения. И это вполне естественно, поскольку из всех компонентов социокультурной регуляции религия выступает более устойчивой, проявляет сопротивляемость в контактах с другими цивилизациями [9, с. 59].

Стремление к утверждению своей самобытности, своеобразного способа жизни, свои правовые ценности вовсе не означает отрицание универсальных стандартов в области прав человека. Речь идет, прежде всего, об уважении чужого мировоззрения.

Необходимо отметить, что даже глобалисты не могут охарактеризовать современный мировой универсальный мировой строй, ни универсальную систему ценностей, ни универсальный образец концепции прав человека. Сегодня трудно спрогнозировать пути развития цивилизаций, но можно утверждать, что формирование общей всечеловеческой культуры и единой цивилизации невозможно. Главная задача – уважать другое мироустройство, если это противоречит нашим убеждениям, не пытаться изменить его путем насильственного насаждения демократии, своих стандартов прав человека, своих традиций и представлений о взаимоотношениях людей в обществе. Контакты цивилизаций не должны исчерпываться только экономическими связями, тем более – насильственным внедрением ценностей других культур в отличие от своей цивилизационной сферы [6, с. 53].

Утверждение о ненаступности универсальных стандартов в сфере прав человека в другие правовые культуры не является бесспорным. Рациональное зерно этой точки зрения состоит в недопустимости ускорения процессов заимствования универсальных стандартов прав человека разными правовыми культурами, где сами по себе правовые ценности отличаются от западных. Совершенно очевидно, что степень восприятия западных стандартов в обла-

сти прав человека зависит не только от традиций, обычаев и правовых ценностей восточных цивилизаций, но и уровня благосостояния народа. Только уважительное отношение к культуре и самобытности восточных цивилизаций позволит последним сделать сознательный выбор и принять универсальные стандарты в области прав человека.

Взаимодействие правовых культур – необходимое условие развития современного мира. В данном случае речь идет «не о полном отрицании культуры другой цивилизации, а о постепенном освоении ценностей и стандартов другой культуры общественным сознанием народа, его нравственностью, их непротиворечивости религии и обычаям населения. Формирование этих действий развитыми странами, рвение «цивилизовать» отсталые народы не могут дать никаких нужных результатов. Это, как правило, приводит к подрыву той системы ценностей, на которой держится общество, формированию эклектического сознания и психологии, а чаще всего – враждебности и агрессии к тем, кто несет эти инновации без учета культурного поля чужой страны. Несогласованность культур – это фактор, дестабилизирующий общество и деформирующий личность; старые образцы поведения теряют свою значимость, новые не устраивают, и общество теряет способность к самоорганизации, разрушается соционормативный комплекс как основа нормального функционирования цивилизаций» [10, с. 57]. Как отмечает М. Моисеев, «в существующих цивилизационных различиях, при ускорении технического прогресса, зреют цветы зла» [11, с. 169].

Сложность и противоречивость глобального общества приводит к необходимости поиска глобальной этики, форумом которой должен служить межкультурный диалог. Основное условие такого форума – отход от узкого релятивизма. Совершенно очевидно, что культурное разнообразие не оправдывает культурную изоляцию.

Именно поэтому необходим постоянный диалог цивилизаций, использование элементов, подвергающихся взаимодействию и взаимопроникновению. Диалог цивилизаций открывает двери к сохранению всего многообразия правовых культур, пониманию тех правовых ценностей, которые доминируют в разных цивилизациях, и предотвращает конфликты между разными цивилизациями и правовыми культурами.

Диалог цивилизаций, взаимодействие правовых культур очень важны для объединения людей. По мнению Е. Лукашевой, такое объединение должно основываться на общепризнанных ценностях, таких как:

признание и соблюдение принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций;

утверждение веры в основные права человека, достоинство и ценность личности;

признание верховенства права, свободы, справедливости;

признание равенства культур разных цивилизаций;

уважение к людям, воспитанным в других социокультурных общностях;

осознание необходимости бережного отношения к окружающей среде;

взаимообмен культурными ценностями, инновациями в науке, разработках и производстве;

недопустимость насильственного навязывания идеалов и ценностей «сильных цивилизаций» другой социокультурной среде;

соблюдение честных «правил игры» в мирохозяйственных взаимосвязях, исключающих использование рабочей силы и природных богатств странами «золотого миллиарда» в ущерб народам развивающихся стран;

объединение усилий для борьбы против любых экстремистских проявлений, препятствующих сохранению нормальной жизнедеятельности людей, стран, цивилизаций [6, с. 54].

Международный диалог может облегчить универсальный дискурс без подрыва культурного разнообразия. Политика культурной идентичности на основании исконных связей должна быть признана во всех международных диалогах. Культурное разнообразие не должно никогда использоваться как оправдание для ограничения интересов и шовинистического национализма. Именно межкультурные диалоги должны способствовать плодотворным обменов идеями прав человека в перспективе культурного разнообразия и стать основой для становления диалогической цивилизации [12, с. 48].

Сочетание универсального и регионального в области прав человека возможно только на основе межкультурного диалога. Необходимым условием такого диалога является партнерство, равенство, уважение, а не попытки навязания собственной точки зрения. Необходимо учитывать фактор культурного разнообразия и стремление цивилизаций к сохранению культурной самобытности, сохранению присущих данной цивилизации правовых традиций, ценностей. Учет культурного разнообразия позволит сохранить цивилизациям свою неповторимость, самобытность, своеобразие.

Таким образом, процесс институализации универсальных прав человека имел место при разработке Всеобщей декларации прав человека, в которой обобщено общее видение прав человека, что, по мнению разработчиков этого документа, является универсальным, и соответственно обеспечивает сосуществование человеческой сообщества. Несмотря на существующие противоречия и дискуссии при разработке универсальных нормативных и правовых актов в области прав человека, среди основных государств-членов

ООН был достигнут консенсус. Однако дальнейшее развитие прав и свобод человека в региональном и национальном измерении демонстрирует противоречивость универсальности и релятивизма в закреплении этих нормативных предписаний на региональном и национальном уровнях. Об этом свидетельствует имплементация этих норм в правовых системах, относящихся к не западной правовой традиции. Нормативное закрепление прав человека на универсальном, региональном и национальном уровнях свидетельствует о глубоком разрыве как в восприятии прав человека, так и в их реализации. Права человека занимают не одинаковое место в иерархии ценностей в разных правовых системах. Если для правовых систем, относящихся к западной правовой традиции, они являются основными, то для незападных правовых систем они являются не столь важными и в иерархии ценностей занимают не первое место. Важной есть недопустимость ускорения процессов заимствования универсальных стандартов прав человека различными правовыми культурами, где сами по себе правовые ценности отличаются от западных.

Литература

1. Глухарева Л. И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия / Л. И. Глухарева // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», - 2009. - №11. – С. 50-61.
2. Маркс К. Сочинения. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. - 2-е изд. – М.: Политиздат, 1967. – 252 с.
3. Raz J. Individual Rights in the World Order: [report] / J. Raz // VR 24th World Congress: Global Harmony and Rule of Law (15-20 september 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. – Beijing: International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy. World Congress, 2009. – P. 1–17.
4. Венская декларация и Программа действий. Принятые на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml
5. Честнов И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемическое размышление о Всеобщей декларации прав человека) / И. Л. Честнов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 73–82.
6. Лукашева Е. А. Универсальные стандарты прав человека и цивилизационные традиционные нормы: конфликт культур / Е.А. Лукашева // Право. – 2011. – № 5/6. – С. 39–55.
7. Международное публичное право: сб. док.: в 2 ч. Ч. 1 / сост. и авт. вступ. части К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. – М.: Междунар. отнош., 2006. – 1408 с.

8. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р.А. Мюллерсон. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
9. Сюкияйнен Л. Р. Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы / Л. Р. Сюкияйнен // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. – М.: Отделение общественных наук РАН, Институт государства и права РАН, Институт философии РАН, 2009. – С. 49–56.
10. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно- ценностное измерение / Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
11. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизаций. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М.: Норма, 1998. – 582 с.
12. Weiming T. Cultural Diversity, Intercivilizational Dialogue, and Harmony a Confucian Perspective / T. Weiming // IVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (September 15-20, 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. – Beijing, 2009. – P. 28–56.

Velichko Svetlana Aleksandrovna

*candidate of historical sciences, associate Professor,
departments of state and legal Disciplines
Law Institute, SEIhpe LPR”
Luhansk State University of Vladimir Dahl”
e-mail: sb1802@yandex.ru*

THE CONCEPT OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AS THE BASIS OF LEGAL VALUES

The article considers human rights as a legal value. The ambiguity of understanding the concept of human rights and freedoms in the context of relativism and universalism of legal values is revealed. The factor of cultural diversity and the desire of national legal systems to preserve cultural identity, preserve legal traditions and values inherent in a particular civilization are taken into account.

Keywords: human rights and freedoms, legal values, relativism, and universalism, legal system.

Literature

1. Gluxareva L. I. Sub`ektivny`e prava, osnovny`e prava, prava cheloveka: edinstvo i razlichiya / L. I. Gluxareva // Vestnik RGGU. Seriya «E`konomika. Upravlenie. Pravo», - 2009. - №11. – S. 50-61.
2. Marks K. Sochineniya. T. 21 / K. Marks, F. E`ngel's; In-t Marksizma-Leninizma pri CzK KPSS. - 2-e izd. – М.: Politizdat, 1967. – 252 s.

3. Raz J. Individual Rights in the World Order: [report] / J. Raz // VR 24th World Congress: Global Harmony and Rule of Law (15-20 september 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. – Beijing: International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy. World Congress, 2009. – R. 1–17.

4. Venskaya deklaraciya i Programma dejstvij. Prinyaty'e na Vsemirnoj konferencii po pravam cheloveka 25 iyunya 1993 goda [E'lektronny'j resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml

5. Chestnov I. L. Universal'ny` li prava cheloveka? (Polemicheskoe razmy'shlenie o Vseobshhej deklaracii prav cheloveka) / I. L. Chestnov // Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Pravovedenie. – 1999. – № 1. – S. 73–82.

6. Lukasheva E. A. Universal'ny'e standarty` prav cheloveka i civilizacionny'e tradicionny'e normy`: konflikt kul'tur / E.A. Lukasheva // Pravo. – 2011. – № 5/6. – S. 39–55.

7. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dok.: v 2 ch. Ch. 1 / sost. i avt. vstup. chasti K. A. Bekyashev, D. K. Bekyashev. – M.: Mezhdunar. otnosh., 2006. – 1408 s.

8. Myullerson R. A. Prava cheloveka: idei, normy`, real'nost` / R.A. Myullerson. – M.: Yurid. lit., 1991. – 160 s.

9. Syukiyajnen L. R. Islamskij vzglyad na svobodu i ravenstvo: yuridicheskoe zakreplenie i religiozno-e'ticheskie granicy / L. R. Syukiyajnen // Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka: universalizm i mnogoobrazie opy'tov. – M.: Otdelenie obshhestvenny'x nauk RAN, Institut gosudarstva i prava RAN, Institut filosofii RAN, 2009. – S. 49–56.

10. Lukasheva E. A. Chelovek, pravo, civilizaciya: normativno- cennostnoe izmerenie / E. A. Lukasheva. – M.: Norma, 2009. – 384 s.

11. Moiseev N. N. Sud`ba civilizacij. Put` razuma / N. N. Moiseev. – M.: Norma, 1998. – 582 s.

12. Weiming T. Cultural Diversity, Intercivilizational Dialogue, and Harmony a Confucian Perspective / T. Weiming // IVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (September 15-20, 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. – Beijing, 2009. – P. 28–56.

Гаркавенко Ольга Геннадиевна
старший преподаватель
кафедры конституционного права
и историко-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: olga_2005_73@mail.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК СРЕДСТВО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается история зарождения и развития уголовного наказания в виде смертной казни; смертная казнь - как мера наказания и средство достижения социальной справедливости, анализируются внутригосударственная ситуация в сфере применения смертной казни, а так же изучаются проблемы реализации этого вида исключительного криминального наказания.

Ключевые слова: смертная казнь, право на жизнь, социальная справедливость.

Институт смертной казни является одним из наиболее остро обсуждаемых как с точки зрения уголовно-правовой науки и практики, так и с точки зрения соответствия принципам конституционного и международного права. Несмотря на внешне очевидную тенденцию ограничения смертной казни в современном мире, вопрос применения высшей меры наказания не только является актуальным для современной государственной политики, правоприменительной практики и юридической науки, но и обнаруживает все новые аспекты и взаимосвязи с другими сферами правовой системы и общественной жизни.

Конституция Российской Федерации в числе одного из первых прав фиксирует право человека на жизнь: «Каждый имеет право на жизнь» [1, ч.1 ст. 20]. «Право на жизнь – это фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам права не нужны» [2, с. 198]. Такое же положение закреплено и во Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г.: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3) [3, ст. 3].

Малая советская энциклопедия ввела следующее определение жизни: «Жизнь – это особая форма движения материи, возникающая на определен-

ном этапе ее исторического развития и свойственная сложным белковым телам» [4, с. 911]. Обобщенное научное определение жизни, во второй половине XIX века, которое было довольно прогрессивным для своего времени, дано Ф. Энгельсом: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения» [5]. Более чем вековой опыт развития науки показал принципиальную правильность этого классического определения жизни, доказал, что закономерности существования жизни имеют свои особенности, отличающие живые системы от тел неживой природы, но современные представления о жизни и ее закономерностях, значительно расширились.

Задача юридического определения жизни довольно сложна. «Человек — это живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального. Как живой организм человек включен в природную связь явлений и подчиняется биологическим закономерностям, на уровне сознательной психики и личности человек обращен к социальному бытию с его специфическими закономерностями» [6, с. 142]. Это определение — итог обобщенного анализа большого количества научных работ философского направления, от мыслителей древности до современных философов, оно учитывает и социальный фактор в жизни человека как «высшего из земных созданий, одаренного разумом, свободной волей и словесной речью» [7, с. 207].

Таким образом, право на жизнь — это признанное государством естественное и неотчуждаемое право (возможность) человека на зачатие, на рождение, на достойное и благополучное существование и гарантированное на конституционном уровне до наступления смерти. Право на жизнь — это еще и право на достойное человеческое существование [2, с. 208].

Проблемы применения смертной казни традиционно вызывают интерес в юридической науке, что можно видеть в работах многих ученых, таких как: Бабенко С.В., Бородин, С. В., Ведерникова О. Н., Голубев Н.А., Гернет М. Н., Есаков Г. А., Жильцов С.В., Кистяковский А. Ф., Лунеев В. В., Малько А. В., Михлин А. С., Карагодин А.В., Дорофеева Ж.П., В.И. Добренчиков, Черниловский З. М. , Михлин А. С. , Ратьковский И. С. , Гулиев В.Е., Дядюн К.В., Мезяев А.Б., Карпец И.И., Колоколов Я.Н., Коновалова Т. Ф., Романовский Г. Б., Решетников В. М., Лепешкина О.И., Николаев Б.В., Морщакова Т. Г., Квашис, В. Е., Макеева Н. В., Голик Н. М., Дзигарь А. Л., Жильцов С. В., Кизилов А. Ю. и другие ученые.

Вопрос применения или отказа от смертной казни всегда носил характер более чем правовой.

Философы теории права никогда не обходили вниманием проблему возникновения и развития норм поведения в обществе, связывая этот процесс с социальной справедливостью [8, с. 35].

Восстановление социальной справедливости представляет собой симметричную реакцию общества и государства на совершенное преступление, когда наказание соответствует характеру, степени тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и самой личности преступника. При вынесении наказания, государство берет на себя обязанность выступать от имени и по поручению человека и общества в целом, в качестве справедливого судьи. Наказывая смертной казнью преступников, за жестокие и умышленные убийства, государство действует в целях восстановления социальной справедливости, так как именно этот принцип является одним из основных при назначении наказания виновному. Это означает, что при выборе наказания, суд руководствуется не чувством мести или своими эмоциями, а справедливой оценкой совершенного преступления, законом и личностными качествами обвиняемого.

Человечеству до сих пор неизвестно, когда такая мера наказания стала применяться в качестве расплаты с виновным. Невзирая на то, что смертная казнь действует на протяжении веков, общество до сих пор не может дать ей однозначно определенную оценку.

История применения смертной казни начинается с зарождения самой первой формы государственности. Но если в раннефеодальном обществе смертная казнь была достаточно редким явлением, то со временем такое наказание постепенно развивалось [9, с. 185]. Так, уже в Средние века смертная казнь применялась не только в случае тяжких преступлений - убийство или разбой, но и за ересь, колдовство, например.

В настоящее время наказание за магические обряды сохраняется в некоторых государствах, в Саудовской Аравии за такое деяние полагается смертная казнь: в декабре 2011 года в королевстве была обезглавлена некая Амина Бин Абдулхалим Нассар за колдовство и связь с нечистой силой. В Таджикистане в 2008 году действовала административная ответственность за колдовство, а с 2015 года за магические обряды ввели уголовное наказание (до 7 лет лишения свободы).

Смертная казнь исполнялась публично, часто казнили с предварительными пытками, существовали казни: через четвертование; колесование; вытягивание кишок; сожжение; посадение на кол; сваривание в кипящем масле; закапывание живьем. Целью публичных казней было устрашение, чтобы у народа не возникло желания нарушить законы. В Средние века казнь использовалась не только судом государства, но и феодалами по отношению к своим

подданным. Французский просветитель Вольтер подсчитал, что в средневековой Западной Европе сожгли более ста тысяч человек, за одно колдовство, в основном, конечно, женщин [10, с. 298]. В этом во многом повинен целибат — обет безбрачия, не только католических монахов, но и священников, подавляющее большинство которых мужественно усмирало плоть. Для них была вполне естественна мысль о том, что если женщина вызывает преступное томление духа, то она — ведьма. Да и вообще, как считали в средневековой Европе, — женщина является вместилищем греха. Последняя казнь за колдовство через сожжение была применена в 1775 году в Германии.

Россию охота на ведьм обошла стороной, этому есть много объяснений — теологических, ментальных, политических. Самое простое объяснение, это то, что православный священник на Руси жил в радости со своею попадьею, рожал и прекрасно воспитывал своих деток и, естественно, не считал женщину сосудом греха.

Смертная казнь, с предшествующими ей пытками, меняется в Европе к 17-18 векам. В эти времена английские законы предусматривали 140 составов преступлений, за которые могли казнить, во Франции их было меньше — 115.

Европейские просветители сделали все возможное, чтобы уже к концу 18 века казнь, по своей форме, изменилась. Отмена смертной казни в некоторых государствах, даже если она затем и возвращалась, сделалась возможной лишь вследствие того, что общество было уже к этому готово. Первая общая отмена смертной казни сделана была в Тоскане великим герцогом Леопольдом, который приступил к этой решительной мере не вдруг, а только после долгого опыта. С 1765 г., т.е. с самого вступления на престол, он, не коснувшись самих законов, только приостановил исполнение смертных казней. Такой порядок продолжался до 1786 г. В течение этого времени опыт собственного его управления убедил его в двух истинах, актуальных и в наше время:

а) когда существуют причины и поводы к совершению преступлений, то страх наказаний, как бы жестоки они ни были, не достаточен для того, чтобы воспрепятствовать их совершению;

б) если страх наказания заменить неизбежностью его, то пожизненное заключение, хотя наказание очень мягкое сравнительно с смертною казнью, достаточно для того, чтобы воспрепятствовать совершению тяжкого преступления [11, с. 107].

Первым государством в мире, отменившим смертную казнь за любые преступления стала Венесуэла в 1864 г. В 1865 году это сделало Сан-Марино, в 1867 смертную казнь отменила Португалия, в 1868 году — Мексика, в 1870 году — Нидерланды. В Швейцарии смертная казнь была отменена в 1874 году, но затем она вновь восстановлена и применялась до 1940 года.

Если обратиться к истории смертной казни на Руси, то в эпоху Древней Руси в первом известном сборнике правовых норм, древнейшем русском правовом кодексе - «Русской правде» (1037 г.), она не получила своего официального подтверждения. Только в 1397 г. в Двинской уставной грамоте - источнике права, дарованному Двинской земле великим князем московским Василием I Дмитриевичем, смертная казнь приобрела свой правовой статус - как особый вид наказания. По сравнению с Русской Правдой принципиальные изменения заключались в более дифференцированном отношении к преступникам, введении понятия рецидива и различия наказания за первую, вторую и третью кражу. В ней также указывалось, что наказание в виде смертной казни через повешение назначалась в случае тройной кражи (5 ст.).

После принятия Псковской судной грамоты (1467 г.) ситуация кардинально изменилась. Теперь смертная казнь назначалась за: конокрадство, государственную измену, поджоги, воровство в церкви, воровство в третий раз на посаде (ст. 7-8). Также и увеличилось количество методов её исполнения: обезглавливание, утопление, четвертование, сожжение на костре. Со временем смертная казнь только приобретала свою актуальность в уголовном праве Руси.

В Судебнике 1497 г., принятом при Иване III Васильевиче, при участии его сыновей и Боярской думы [12, с. 387], впервые в русском праве было узаконено применение пытки. По сравнению с Двинской и Псковской грамотами был значительно расширен круг преступлений, карающихся смертной казнью: преступники могли лишиться жизни за убийство, повторную кражу, за клевету, преступный рецидив.

Своего апогея смертная казнь достигла в годы правления Ивана IV Грозного. Судебник 1550 г., провозглашённый единственным источником права того времени, устанавливал, помимо высшей меры наказания, пытки, которые если преступник выдерживал, то получал пожизненное заключение. За время правления Ивана IV Грозного было казнено около 4 тыс. человек.

В 1741 г. на престол взошла Елизавета Петровна, дочь Петра I. Через два с половиной года, 7 мая 1744 года она подписывает указ о прекращении пыток осужденных к смертной казни. Это был «мораторий», продлившийся 10 лет. В 1754 г. был издан Указ об окончательной отмене смертной казни и замене ее бичеванием кнутом, вырыванием ноздрей и клеймением лица. Несмотря на все указы, смертная казнь все равно осуществлялась. В частности, вследствие пугачевского восстания было казнено около двадцать тысяч человек.

Свод законов Российской Империи 1832 г. предусматривал высшую меру наказания за политическое преступление, нарушение карантинных правил, воинское преступление.

К XIX веку такая мера наказания практически не использовалась. В ходе революции (1905 – 1907 гг.) ее применение на время восстановилось, но решение принимали внесудебные органы, такие как военно-полевые суды или главнокомандующие.

В 1917 году и при Временном Правительстве смертная казнь была отменена. Введена затем в конце 1917 года и применялась за убийство с особой жесткостью, убийство двух и более человек, за создание банды, теракт, шпионаж, хищения в особо крупных размерах, а так же за пособничество врагу и участие в расправах над мирным населением во время войны.

Во времена Советского Союза применялись расстрелы, но только в отдельные периоды. Самая широкая практика была развернута в 30-е годы за контрреволюционные преступления, но на протяжении всего времени существования Союза высшая мера наказания считалась «временной».

В 1947 г. И.В. Сталиным был введен мораторий на смертную казнь, мотивом которого послужили в том числе и значительные потери людей в Великой Отечественной войне. Страна была истощена и материально, и физически, и требовались миллионы рабочих рук, чтобы поднять экономику и восстановить страну. Этот мораторий действовал три года. 12 января 1950 г. был принят Указ Президиума Верховного Суда СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» [13, с. 6].

Мировая тенденция к сокращению применения и полной отмене смертной казни наметилась в мире после Второй мировой войны. Не последнюю роль в этом сыграла Всеобщая декларация прав человека [3], установившая, что каждый человек имеет право на жизнь и что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным и унижающим его достоинство обращению и наказанию. Кроме того, отмена смертной казни рекомендована Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1977 года и от 15 декабря 1980 года, а также вторым факультативным протоколом к Пакту о гражданских и политических правах, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1989 года [14].

В СССР по УК РСФСР 1960 года высшая мера наказания (расстрел), применялась за следующие преступления: убийство с отягчающими обстоятельствами; изнасилование с отягчающими обстоятельствами; убийство по политическим мотивам советского политического деятеля или официального представителя иностранного государства; измена Родине; бандитизм; дезорганизация деятельности исправительно-трудовых учреждений; покушение на жизнь работника милиции или дружинника при исполнении служебных обязанностей; террористический акт, повлекший смерть человека; убийство военнослужащим своего командира; нарушение правил валютных операций

в особо крупном размере; хищение социалистической собственности в особо крупном размере; получение, посредничество или дача взятки в особо крупном размере или лицом, ранее судимым за аналогичные преступления; организация незаконных вооружённых формирований или участие в них, если это сопряжено с причинением смерти людям, всего 31 статья УК [15, с. 25]. Таким образом, в советском уголовном законе, с одной стороны, более последовательно регламентировалась возможность применения смертной казни (в отношении террористических деяний, квалифицированных видов изнасилования, бандитизма), с другой, применение указанного вида наказания никак не соотнобразывалось с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния.

В литературе по этому поводу высказывались различные суждения: от наиболее радикальных — допускать в мирное время смертную казнь лишь за измену Родине, шпионаж, диверсию, террористический акт, бандитизм и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, включая гибель людей при угоне воздушного судна (Г. З. Анашкин) до явно компромиссных — отказаться от применения смертной казни за хищение имущества в особо крупных размерах и за нарушение правил о валютных операциях (Э. А. Саркисова). Промежуточную позицию занимал Л. В. Багрий-Шахматов, предлагавший сохранить возможность применения смертной казни только за особо опасные государственные преступления, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и изнасилование, повлекшее смерть потерпевшей.

Гораздо дальше в этом направлении пошли некоторые российские юристы (О. Ф. Шишов, С. Г. Келина, С. С. Алексеев и др.), которые в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия в ходе дискуссии по проблемам смертной казни предложили вообще отказаться от таковой как от вида уголовного наказания [16, с. 250]. Мнения ученых, как видим, резко разошлись.

2 сентября 1996 г. в России в последний раз была применена смертная казнь, после чего Президентом РФ Б.Н. Ельциным был введен в действие мораторий на смертную казнь, который действует до настоящего времени, а ее альтернативой является пожизненное лишение свободы. Тогда как США, практически в то же время, в 1998 г. стал лидером по вынесенным смертным приговорам, количество их составило двести девяносто пять.

Вступив в Совет Европы, РФ приняла на себя обязательство отменить смертную казнь и исключить ее из системы наказаний. Согласно Распоряжению Президента от 27.02.1997 г. МИД РФ был подписан Протокол № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [17], который до настоящего времени не ратифицирован, вследствие этого данный документ в отношении России не имел и не имеет юридической силы.

К концу 1995 года смертный приговор был отменен в семидесяти двух странах, в тридцати других ее признали де-факто, но девяносто стран сохранили казнь как высшую меру наказания. Франция стала последней страной Европейского Союза, которая отменила смертную казнь лишь в 2007 году.

В настоящее время в мире насчитывается сто тридцать стран, которые законодательно или на практике отказались от применения смертной казни, и шестьдесят восемь стран, которые сохраняют и применяют эту меру наказания. За последние 10 лет были казнены более 1600 человек в 25 странах и как минимум 3861 человек был приговорен к смерти в 55 странах [18, с. 75].

Несмотря на мировую тенденцию отказа от такого приговора, история смертной казни еще не завершена. Некоторые штаты США наоборот – восстанавливают казнь. Высшая мера наказания официально разрешена в 38 штатах, первое место по количеству казней занимает штат Техас. В таких странах как Саудовская Аравия, Корея, Китай эта мера наказания расширяет сферы своего применения. Если говорить о ближнем зарубежье, то Белоруссия является единственной страной СНГ, где реализуется высшая мера наказания.

В отношении спора об эффективности смертной казни как сдерживающего фактора преступности, показателен опыт Китая. Там за перевозку или сбыт свыше 50 грамм героина приговаривают к публичному расстрелу, и хотя и существует армия наркоманов примерно в 600 тысяч человек, но она все время уменьшается [19, с. 447]. В то время как в России она продолжает расти, достигнув, по неофициальной статистике, уже 2 миллионов человек, учитывая, что население России почти в 8 раз меньше населения Китая.

В системе уголовного наказания смертная казнь занимает совершенно особенное место. Помимо того, что эта мера - исключительна, у нее нет цели исправления, как у любого наказания. Цель смертной казни - возмездие.

Возникает и более принципиальный вопрос: насколько конституционен сам институт смертной казни, легитимен ли он. В этой связи можно заметить, что единственным наказанием, по поводу которого имеется прямое конституционное предписание, является именно смертная казнь.

Одним из самых важных факторов возобновления смертной казни в России является то, что в большинстве случаев преступники, судимые за особые тяжкие преступления, не исправляются. Некоторые исследователи обращают внимание именно на повышение уровня преступности после отмены смертной казни [20, с. 10; 21, с. 4].

Следующим доводом, который может быть высказан в поддержку применения смертной казни, является полная изоляция опасных преступников от общества. Ведь ни какая тюрьма не даст абсолютной гарантии защиты от на-

меренного побег. Так же важным фактором отмены моратория на смертную казнь является инстинкт самосохранения у преступника, понимающего, что вне зависимости от тяжести преступления он останется в живых, т.к. максимальным наказанием будет только пожизненное заключение.

Еще одним доводом применения казни считают то, что введение казни улучшит экономическую ситуацию в стране, т.к. содержание пожизненно заключенных преступников осуществляется за счет налогов, которые платят граждане страны, и которым могло бы найтись лучшее применение, в интересах всех граждан государства.

Высказывает свое мнение по данному вопросу и Русская православная церковь, которая предлагает удачный вариант его решения - провести референдум, что будет соответствовать ст. 3 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1, ст. 3]. Общественное мнение по этому вопросу практически единогласно: свыше 80% населения высказываются не только за сохранение смертной казни, но и за расширение перечня преступлений, за совершение которых может быть назначен этот вид уголовного наказания [22, с. 6]; лишь 9% российских граждан считают, что смертную казнь надо отменить [23, с. 125]. При этом 70% россиян считают смертную казнь наиболее эффективной мерой по борьбе с преступностью.

Несмотря на это запрет на применение смертной казни все же имеет место, но установлен он органом конституционной юстиции - Конституционным Судом РФ, а вовсе не законодательным органом путем принятия закона и не народом, как носителем суверенитета и единственным источником власти, путем принятия Конституции.

Так, Постановлением Конституционного Суда от 02.02.1999 г. № 3-П12 устанавливается запрет на назначение и применение смертной казни в качестве наказания независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей. Данное Постановление было обосновано тем обстоятельством, что статьей 20 Конституции Российской Федерации было установлено назначение смертной казни при условии рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, а ввиду отсутствия таких судов исполнение смертной казни было запрещено на всей территории РФ. Однако, исходя из резолютивной части, действие указанного Постановления Конституционного Суда было ограничено до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение

которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Данный федеральный закон был принят 20 августа 2004 г. [24], что в совокупности с положением п. 5 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 18 ноября 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [25] создало ситуацию, при которой ограничение на применение смертной казни должно было бы остановить свое действие с 1 января 2010 г. Но 19 ноября 2009 г. Конституционный Суд РФ вынес Определение № 1344-О-Р [26], в котором, формально разъясняя положения п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П, а именно: происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть на реализацию цели, закрепленной статьей 20 Конституции РФ.

Таким образом, исполнение Постановления № 3-П в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, опять не дало возможность применения смертной казни, даже в случае вынесения обвинительного приговора по решению присяжных заседателей. Создана ситуация, когда запрет на применение смертной казни, установлен Определением Конституционного Суда от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р, и он является бессрочным и бессрочно же прологированным. Такое положение вещей является явным несоблюдением конституционного принципа разделения властей.

Решение народа о допустимости применения смертной казни было высказано путем принятия Конституции Российской Федерации, и осуществлено законодательным органом государственной власти в лице Федерального Собрания посредством внесения данного вида наказания в Уголовный кодекс Российской Федерации. Однако Конституционный Суд Российской Федерации считает себя в праве отказаться от буквального толкования и установить запрет, руководствуясь собственной оценкой целей народа и государства. Они находят возможным при наличии явно выраженного мнения о допустимости применения смертной казни, без опоры на какое-либо существенное решение гражданского сообщества, выносить решение, руководствуясь собственными представлениями о правовой действительности и характеристиках таковой. Таким образом, судьи Конституционного Суда реализуют собственные теоретические выкладки на практике, чем ставят под сомнение допустимость и научную обоснованность собственных решений, а также про-

фессиональный авторитет данного органа юстиции, представляющего все сообщество в целом, а не отдельных его представителей, наделенных властными полномочиями.

Учитывая то обстоятельство, что парламент как представительный и законодательный орган Российской Федерации обязан устанавливать и приводить в жизнь волю народа, то единственным способом преодоления указанного запрета представляется внесение изменений в Конституцию в части механизма функционирования Конституционного Суда, либо инициирование принятия новой Конституции с изменением положений, касающихся нормативного регулирования права на жизнь и применения смертной казни, в частности. Конституционный Суд, в свою очередь, имеет возможность вынести новое определение, разъясняющее смысл Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П, с включением позиции, соответствующей буквальному смыслу Конституции Российской Федерации, принципу разделения властей и собственному месту в данной системе [27, с. 39]. Также, в соответствии со ст. 135 Конституции Российской Федерации, парламентарии имеют возможность инициировать пересмотр действующей Конституции в части регулирования права на жизнь путем созыва Конституционного Собрания и разработки проекта новой Конституции Российской Федерации с вынесением последнего на всенародное голосование.

Несмотря на многочисленные противоречия, население России выступает за возвращение высшей меры наказания. Смертная казнь является жестоким видом наказания, но необходимым для защиты общества, и, безусловно, лишь в том случае, если вина подсудимого полностью доказана.

Подводя итоги, можно отметить, что каким бы немилосердным актом не являлась смертная казнь, запрещать ее неоправданно. Государство, исполняя функцию защитника общества, должно иметь в своем запасе наказаний такое исключительное средство защиты своих граждан. Государство, руководствуясь принципом гуманизма, может смягчать наказание и использовать смертную казнь чрезвычайно редко, заменяя ее на пожизненное лишение свободы, однако в редких случаях все же обойтись без этой меры наказания просто невозможно. Но иметь возможность, не значит использовать. Реальная вероятность назначения наказания в виде смертной казни в любом случае не означает необходимость его частого и регулярного применения, тем не менее, эта возможность способствует общему предупреждению и реализации принципов, целей и основополагающих идей уголовного права. Исторические, правовые, культурные и даже религиозные традиции не препятствуют, а способствуют наличию рассматриваемого вида наказания в уголовном законодательстве. Основной проблемой может выступить не закон, а лишь человеческий фактор.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2009. № 4.
2. Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. - 1998. - № 1. - С. 198-209.
3. Текст Всеобщей декларации прав человека // Действующее международное право. - Т. 2. - М., 1996. – 258 с.
4. Малая советская энциклопедия (МСЭ) в 10 томах. Том 3. Горняцкий - Илосос. 1959. – 1274 с.
5. Фридрих Энгельс Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/index.html>
6. Философский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. - Москва : Сов. энциклопедия, 1983. - 839 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : [в 4-х т.] / Владимир Даль. - 8-е изд. - Москва : Русский яз., 1981-1982. - 21 см. Т. 1. А-3. - 1981. - LXXXVIII, 699 с.
8. Гносеология права на жизнь / Романовский Г.Б. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 370 с.
9. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Багрий-Шахматов Л.В. - Минск: Вышэйш. шк., 1976. - 384 с.
10. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Московская гос. юридическая акад. - Москва : Проспект, 2008. - 336 с.
11. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни [Текст] / А. Ф. Кистяковский. - Изд. 3-е. - Москва : URSS, 2015. - XLVIII, 305 с.
12. Судебники 15—16 вв. / В. Д. Назаров // Социальное партнёрство — Телевидение. — 2016. — С. 387—388.
13. Карагодин А.В., Дорофеева Ж.П. Смертная казнь: гуманность или справедливость? // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2018. - № 3. - С. 6-10.
14. Права человека. Основные международные документы. — М., 1989. – 520 с.
15. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / Сост. Ю. П. Титов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект, 2005 (ОАО Яросл. полигр. комб.). - 463, [1] с.
16. Смертная казнь: за и против. Отв.редактор: С.Г. Келина. М.: Юридическая литература, 1989.- 528 с.

17. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (принят в Страсбурге 28 апреля 1983 г.).
18. Юрченко И.А. Уголовно-исполнительное право / [сост. Н. Ольшевская]. - Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Полиграфиздат ; 2010. - 458 с.
19. Криминология : учеб. пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Московский ун-т МВД России ; [Г. А. Аванесов и др.] ; под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. - Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2007 (Ульяновск : Ульяновский Дом печати). - 518, [1] с.
20. Гулиев В.Е. Отмена смертной казни — преступное непротивление злу насилием // Юридический мир. — 2002. — № 1. — С. 5—13.
21. Петрухин И.Л. Еще раз о смертной казни // Юридический мир. — 2002. — № 4. — С. 4—11.
22. Гулиев В.Е. Отмена смертной казни - преступное непротивление злу насилием // Юридический мир. - 2002. - № 1. - С. 5-13.
23. Мезяев А.Б. Смертная казнь и современное международное право. - Москва, 2006. - 252 с.
24. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2004. № 34. Ст. 3528.
25. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2001. № 52 (Часть I). Ст. 4924.
26. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-П // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2009. № 48. Ст. 5867.
27. Коновалова С.А., Лазарев А.Е. К вопросу о конституционно-правовом регулировании применения смертной казни в Российской Федерации // Уральский государственный юридический университет. – 2020. - № 2. – С. 25-40.

Garkavenko Olga Gennadievna

senior teacher

*departments of constitutional right
and historical and legal disciplines*

Legal institute

*GoVPO "Luhansk national
university of the name Volodymyr Dahl"*

e-mail: olga_2005_73@mail.ru

DEATH PENALTY AS MEANS OF RENEWAL OF SOCIAL TO JUSTICE

Annotation: in the article history of origin and development of criminal punishment is examined as a death penalty; death penalty - as a measure of punishment and means of achievement of social justice, and the problems of realization of this type of exceptional criminal punishment are similarly studied.

Keywords: death penalty, right on life, social justice.

Literatura:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosova-niem 12 dekabrya 1993 g.) // SZ RF. 2009. № 4.
2. Matuzov N. I. Pravo na zhizn' v svete rossijskih i mezhdunarodnyh standartov // Pravovedenie. - 1998. - № 1. - S. 198-209.
3. Tekst Vseobshchej deklaracii prav cheloveka // Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. - T. 2. - M., 1996. - 258 s.
4. Malaya sovetskaya enciklopediya (MSE) v 10 tomah. Tom 3. Gornyackij - Ilosos. 1959. - 1274 s.
5. Fridrih Engel's Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedyonnyj gospodinom Evgeniem Dyuringom [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduyering/index.html>
6. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Tekst] / gl. red. L. F. Il'-ichev i dr. - Moskva : Sov. enciklopediya, 1983. - 839 s.
7. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Tekst] : [v 4-h t.] / Vladimir Dal'. - 8-e izd. - Moskva : Russkij yaz., 1981-1982. - 21 sm. T. 1. A-Z. - 1981. - LXXXVIII, 699 s.
8. Gnoseologiya prava na zhizn' / Romanovskij G.B. - S.-Pb.: YUrid. centr Press, 2003. - 370 c.
9. Bagrij-SHahmatov L.V. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie / Bagrij-SHahmatov L.V. - Minsk: Vyshejsj. shk., 1976. - 384 c.

10. Uголовное право zarubezhnyh stran : uchebnoe posobie / G. A. Esakov, N. E. Krylova, A. V. Serebrennikova ; Moskovskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Moskovskaya gos. yuridicheskaya akad. - Moskva : Prospekt, 2008. - 336 s.
11. Kistyakovskij A. F. Issledovanie o smertnoj kazni [Tekst] / A. F. Kistyakovskij. - Izd. 3-e. - Moskva : URSS, 2015. - XLVIII, 305 s.
12. Sudebniki 15—16 vv. / V. D. Nazarov // Social'noe partnyorstvo — Televidenie. — 2016. — S. 387—388.
13. Karagodin A.V., Dorofeeva ZH.P. Smertnaya kazn': gumannost' ili spravedlivost'? // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. - 2018. - № 3. - S. 6-10.
14. Prava cheloveka. Osnovnye mezhdunarodnye dokumenty. — M., 1989. — 520 s.
15. Titov YU.P. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii : ucheb. posobie / Sost. YU. P. Titov. - 2-e izd., pererab. i dop. - Moskva : Pro-spekt, 2005 (OAO YArosl. poligr. komb.). - 463, [1] s.
16. Smertnaya kazn': za i protiv. Otv.redaktor: S.G. Kelina. M.: YUridicheskaya literatura, 1989.- 528 s.
17. Protokol № 6 k Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod odnositel'no otmeny smertnoj kazni (prinyat v Strasburge 28 aprelya 1983 g.).
18. YUrchenko I.A. Uголовно-исполнител'noe pravo [Tekst] / [sost. N. Ol'shevskaya]. - Moskva : AST ; Sankt-Peterburg : Poligrafizdat ; 2010. - 458 s.
19. Kriminologiya : ucheb. posobie dlya kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii yuridicheskogo profilya : ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti 021100 "YUrisprudenciya" / Moskovskij un-t MVD Rossii ; [G. A. Avanesov i dr.] ; pod red. S. YA. Lebedeva, M.A. Kochubej. - Moskva : YUNITI : Zakon i pravo, 2007 (Ul'yanovsk : Ul'yanovskij Dom pečhati). - 518, [1] s.
20. Guliev V.E. Otmena smertnoj kazni — prestupnoe neprotivlenie zlu nasiliem // YUridicheskij mir. — 2002. — № 1. — S. 5—13.
21. Petruhin I.L. Eshche raz o smertnoj kazni // YUridicheskij mir. — 2002. — № 4. — S. 4—11.
22. Guliev V.E. Otmena smertnoj kazni - prestupnoe neprotivlenie zlu nasiliem // YUridicheskij mir. - 2002. - № 1. - S. 5-13.
23. Mezyaev A.B. Smertnaya kazn' i sovremennoe mezhdunarodnoe pravo. - Moskva, 2006. - 252 s.
24. O prisyazhnyh zasedatelyah federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 20 avgusta 2004 g. № 113-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2004. № 34. St. 3528.

25. O vvedenii v dejstvie Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 177-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2001. № 52 (CHast' I). St. 4924.

26. O raz'yasnenii punkta 5 rezolyutivnoj chasti Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.02.1999 g. № 3-P po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 41 i chasti tret'ej stat'i 42 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 16 iyulya 1993 goda «O pryadke vvedeniya v dejstvie Zakona Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon RSFSR «O sudoustrojstve RSFSR», Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR, Ugolovnyj kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnyh pravonarusheniyah»: Opre-delenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.11.2009 g. № 1344-O-R // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii, 2009. № 48. St. 5867.

27. Konovalova S.A., Lazarev A.E. K voprosu o konstitucionno-pravovom regulirovanii primeneniya smertnoj kazni v Rossijskoj Federacii // Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet. – 2020. - № 2. – S. 25-40.

Горбачева Ольга Вячеславовна
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: gorbachova.olga@mail.ru

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ СУДЬИ В РЕЗУЛЬТАТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Определены первопричины проведения судебной реформы 1864 года. Исследованы требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, порядок их избрания и назначения в результате судебной реформы 1864 года. Проведён анализ судебных уставов, а также сравнительный анализ пореформенного законодательства с действующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная реформа, судебная система, система кооптации, институт мировых судей.

Судебная реформа 1864 года не только коренным образом изменила устройство суда и порядок его деятельности, но и заложила абсолютно новый вектор государственно-правового регулирования служебной деятельности судей. В свою очередь, исследование предшествующего опыта порядка избрания и назначения на должность судьи позволит выявить определенные тенденции и закономерности на современном этапе развития судебной системы и использовать их в создании независимого и авторитетного судейского сообщества. Этим и обусловлена актуальность выбранной темы.

Если говорить о причинах государственных преобразований второй половины XIX века, то в их основе лежит крестьянская реформа 1861 года, в результате которой, на основании Манифеста и Положения от 19 февраля 1861г. [1, с. 141], крестьяне освобождались от крепостной зависимости, что в свою очередь и предопределило глубокие экономические и политические процессы, происходившие в то время в России.

Так, ученый того времени С.И. Зарудный, отмечая причинную обусловленность судебной реформы, писал: «Если бы в 1861 году не было, не состоялось освобождение крестьян с землею, то ни в каком случае не было бы и судебной реформы... Сначала у нас были рабы, подлые люди... Они сделались простыми людьми... им нужен суд, скорый и необходимый» [2, с.614]. Дей-

ствительно, отмена крепостного права способствовала развитию наёмного труда, крестьянам нужен был честный и справедливый суд для защиты своих прав и свобод. Такого же мнения придерживаются и современные ученые А.А. Жамборов, Р.А. Лашенко, которые считают, что отмена крепостного права коренным образом повлияла на активизацию реформирования судостроительства [3, с.105].

О.В. Липитчук и Н.О. Лешкович [4, с. 50-51] приводят высказывания некоторых правоведов и государственных деятелей того времени: «Дореформенные суды наши, которые созданы на основе сословности, канцелярской тайны, строгого формализма, большого количества инстанций представляли собой учреждения действительно ужасные; подкуп и взяточничество судебных органов были общеизвестны; судейской самостоятельности не существовало» [5, с. 174].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что полная непригодность судебной системы к изменяющимся общественным отношениям была одной из главных причин реформы. Старая система не могла справиться новыми вызовами и проблемами, связанными с быстро меняющимся экономическим, политическим и социальным ландшафтом. Это приводило к неравенству перед законом, злоупотреблениям и коррупции, а также угрожало стабильности государства в целом. Поэтому была необходима судебная реформа, которая была бы способна улучшить качество правосудия и привести законы и порядки в соответствие с современными реалиями общества.

В ноябре 1864 года Александром II (1855-1881гг.) были утверждены следующие Судебные уставы, составляющие основу судебной реформы:

Учреждение судебных установлений; 2. Устав уголовного судопроизводства; 3. Устав гражданского судопроизводства; 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В контексте нашей темы, наибольший интерес из всех Судебных уставов представляет Учреждение судебных установлений, так как именно оно стало основным нормативным правовым актом, регламентирующем правовое положение судей. В нем содержались нормы, определявшие требования к кандидатам на должность судьи, порядок их назначения, права, обязанности и ответственность судей.

Законодательство того времени исходило из убеждения в том, что для эффективного правосудия необходимо создать грамотный и профессиональный судейский корпус, который будет способствовать утверждению в обществе общегуманистических ценностей правосудия. В этом контексте была создана сложная цензовая система, которая позволяла отбирать на должность судей только наиболее подходящих и компетентных кандидатов.

Рассмотрим требования, предъявлявшиеся к кандидатам на должность судьи.

Возрастной ценз. В соответствии с Учреждением судебных установлений минимальный возраст для замещения должности мирового судьи составлял 25 лет [6, ст. 19]. В то же время, в законодательстве четко не оговаривался возрастной критерий занятия должностей судей общих судебных установлений. Однако, некоторые ученые того времени отмечали достижение 25-летнего возраста как общее требование к кандидатам в судьи [7, с. 121].

В отношении максимального возраста пребывания в должности судьи действовавшее тогда законодательство не содержало каких-либо требований.

Ценз подданства заключался в том, что только русские подданные имели право занимать должности в судебном ведомстве [6, ст. 200]. Это было обусловлено тем, что в Российской империи в разные периоды времени существовала политика национальной консолидации, направленная на укрепление единства государства. В этой связи русскоязычное население имело преимущества в доступе к государственным должностям, включая должности в судебном ведомстве.

Нравственный ценз. В законодательстве существовали правовые предписания, которые были морально-запретительного характера или, как отмечал С.И. Викторский, «отрицательного характера» [8, с. 81], и составляли нравственный ценз для судей. Эти предписания включали в себя требования к личной морали, этике поведения, отсутствию конфликта интересов и другие нормы, которые регулировали деятельность судей в целом.

Не допускались к исполнению полномочий судей следующие лица: 1. состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьму или иному более строгому наказанию, и те, которые быв под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, не оправданы судебными приговорами; 2. исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки или же из среды обществ или дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежали; 3. объявленные несостоятельными должниками; 4. состоящие под опекою за расточительность [6, ст. 21; ст. 201]. Таким образом, нравственный ценз служил гарантией того, что судебная власть будет осуществляться добросовестными и честными людьми.

В настоящее время российское законодательство устанавливает ряд требований к кандидатам на должность судьи, включая требования к их физическому и психическому состоянию здоровья [9, п.п. 4, 5, 6 ст. 4], однако в судебных уставах данные требования закреплены не были. Проблема состоя-

ния здоровья кандидатов оговаривалась только на доктринальном уровне [10, с. 208-209], [8, с. 78].

Образовательный ценз. Мировыми судьями могли становиться лица с высшим или средним образованием, а также те, кто сдавал экзамен на соответствующую должность. Закон допускал возможность участия в выборах лиц, которые могли и не отвечать предъявляемым требованиям по уровню своего образования, но имевших не менее 3-х лет стажа работы на должностях, позволявших приобрести «практическую опытность по судебной части» [6, ст. 19]. Буквальное толкование этой нормы даёт основание утверждать, что в данном случае требование к наличию специального юридического образования не было предъявлено.

Образовательный ценз для мировых судей ужесточился только с принятием закона от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда». Так, ст. 19 данного закона регламентировала, что в мировые судьи могли быть избраны: 1. лица, получившие высшее образование; 2. лица, получившие среднее образование и имевшие стаж юридической работы не менее 3-х лет; 3. лица, не имевшие никакого образования, но прослужившие не менее 6 лет в должности предводителя дворянства или секретаря мирового съезда, а до введения в действие закона о преобразовании местного суда - в должности земского участкового начальника или секретаря уездного съезда [11, ст. 19].

Требования к образованию судей остальных судебных мест были гораздо серьезнее. Допускались к назначению лица, имевшие высшее юридическое образование или сдавшие при высшем учебном заведении экзамен, подтверждавший уровень их квалификации, или получившие практическую подготовку при судах в качестве кандидатов на судебные должности [6, ст. 202]. Требование о наличии образования или практического опыта объяснялось тем, что на начальном этапе судебных преобразований норма, регламентирующая стаж работы, была «мертвой», так как считалось, что только служба в новых судах дает возможность приобрести необходимые практические навыки и умения. Однако, при требовании высшего юридического образования и правоприменительных навыков, многие талантливые юристы могли оказаться на обочине профессиональной деятельности, несмотря на то, что они имели «основательные познания по судебной части» [12, с. 300]. Таким образом, законодатель старался найти баланс между образованием и практическим опытом в судебной профессии.

Такая формулировка нормы была призвана решить проблему кадрового обеспечения судебной системы, которая существовала на момент введения судебных уставов. Разработчики уставов считали, что такая необходимость может возникнуть только в начале, при введении нового судострой-

ства. Однако введение возможности назначать на судебские должности лиц без высшего юридического образования привело к тому, что временная мера стала нормой и была использована в обычном порядке.

Ценз несовместимости должностей для судей заключался в том, что они не могли занимать должности в других ведомствах или участвовать в других видах деятельности, несовместимых с обязанностями судьи [6, ст. 246]. Однако были исключения из данного правила для участковых мировых судей, которым разрешалось замещать почетные должности в местных богоугодных и учебных заведениях [6, ст. 42], и для почетных мировых судей, которые могли состоять на государственной и общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей, местных чиновников казенных управлений и полиции [6, ст. 49].

В связи с этим можно отметить аналогию между пореформенным законодательством и действующим российским законодательством по вопросу совмещения должности судьи с научной и педагогической деятельностью. Современное законодательство о статусе судей допускает возможность заниматься судьям оплачиваемой педагогической, научной и иной творческой деятельностью [9, подп. 5 п. 3 ст. 3], но авторы судебных уставов видели проблему в возможной конкуренции между судьями и профессорами. Кроме того, научная деятельность требует максимальной отдачи и внимания, что может затруднить исполнение обязанностей судьи профессорами [12, с. 147-149].

Ценз стажа работы в отношении различных судебных должностей устанавливался разный. Так, членами окружного суда могли быть назначены лица, прослужившие по судебной части не менее 3-х лет в должности не ниже секретаря окружного суда [6, ст. 203], и лица, состоявшие не менее 10 лет присяжными поверенными и получившие аттестаты советов присяжных поверенных и свидетельства судебных мест, при которых они состояли, о точном, исправном и безукоризненном исполнении своих обязанностей [6, ст. 204].

Председателями и товарищами председателей окружных судов, а также членами судебных палат назначались только лица, прослужившие не менее 3-х лет в должностях не ниже членов и прокуроров окружного суда [6, ст. 206]. Должность председателя судебной палаты замещалась из числа лиц, состоявших не менее 3-х лет в судебных должностях не ниже прокурора, члена судебной палаты или председателя, товарища председателя окружного суда [6, ст. 207].

При начальной реализации судебных уставов на практике были допущены серьезные исключения из-за дефицита кадров в судебском корпусе [12, с. 81].

Имущественный ценз. До принятия закона от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» необходимый размер владения недвижимой собственностью для мировых судей был очень высок. Этот ценз мог быть заменен владением самим кандидатом, его родителями или женой иным недвижимым имуществом в сельской местности стоимостью не менее 15 тыс. рублей, а в городах - недвижимостью не менее шести тысяч рублей (для столиц) и не менее трех тысяч рублей (для других городов) [6, ст. 19].

Вышеупомянутый закон изменил требования к имуществу кандидатов в мировые судьи: вдвое был снижен земельный ценз, также на половину сокращался имущественный ценз для лиц с высшим юридическим образованием [11, ст. 19; ст. 191].

Следует отметить что, установление имущественного ценза было важным средством обеспечения независимости суда и гарантировало правосудие. Однако, в то время число кандидатов, имевших достаточное юридическое образование и имущество, было невелико, что привело к дефициту кадров в судебных органах.

Для преодоления этого дефицита были установлены изъятия и исключения из общего правила, которые позволили некоторым кандидатам, не соответствующим имущественному цензу, претендовать на должность мировых судей. Это позволило сократить дефицит кадров и обеспечило более широкий доступ к должности мирового судьи для тех, кто имел высокий уровень юридической квалификации, но не обладал значительным имуществом.

Ценз оседлости заключался в том, что мировыми судьями могли быть только «местные жители» [6, ст. 19].

Причиной обусловленностью его введения являлось то, что мировые судьи должны были знать местные условия и пользоваться доверием местных жителей, чтобы эффективно решать правовые коллизии. Использование местных обычаев, которые были действенным средством в то время, помогло мировым судьям принимать обоснованные решения.

В судебных уставах не было запретов на замещение судейских должностей национальными представителями. Тем не менее, с принятием закона от 15 июня 1912 года, евреям было запрещено занимать должности мировых и волостных судей [11, п. 5 ст. 21], т.е. был установлен национальный ценз.

Подводя итог анализу установленных требований для кандидатов на должность судьи, отметим их условный характер, поскольку, как уже было сказано, законодательство второй половины XIX в. разрешало земским собраниям избирать мировыми судьями лиц, не удовлетворявших установленной системе квалификационных требований.

В соответствии со ст. 212 Учреждения судебных установлений председатели, члены окружных судов, а также старшие председатели, председатели департаментов и члены судебных палат назначались царем по представлению министра юстиции [6, ст. 212]. Для руководства заседаниями отделений окружного суда учреждалась должность товарища председателя окружного суда. Товарищ председателя окружного суда имел те же права, что и обычный председатель окружного суда при рассмотрении дел. Поэтому было логично, что процесс назначения товарища председателя окружного суда происходил аналогичным образом.

Законодательством было предусмотрено, что при открытии вакантной должности судьи окружного суда или судебной палаты общее собрание судей избирало кандидатов на эту должность из числа лиц, соответствующих установленным цензам [6, ст. 213]. Затем список выбранных кандидатов через старшего председателя судебной палаты направлялся министру юстиции для представления на Высочайшее утверждение [6, ст. 214]. Закон предоставлял право министру юстиции вместе со списком кандидатов от судов подавать на рассмотрение императора список своих кандидатов [6, ст. 215], что заставляет усомниться в действенном и эффективном участии судебных коллегий в подборе кадров или, как минимум, сделать вывод о конкуренции в вопросе кадрового обеспечения между судами и министром юстиции.

Судья обязан был приступить к исполнению своих обязанностей в течение одного месяца с момента его назначения. «Находящимся в расстоянии более 100 верст от того судебного места, куда они назначены, прибавляется поверстный срок по одному дню на каждые 50 верст расстояния» [6, ст. 224].

Судья, впервые назначенный на эту должность, считался вступившим в неё с момента принесения им присяги, которая проходила в публичном заседании всех департаментов или отделений суда в присутствии священника [6, ст. 225].

Можно сделать вывод, что участие судебных коллегий в процессе замещения судейских должностей свидетельствует о зарождении в России самостоятельного профессионального судейского сообщества и самоуправления в виде системы кооптации. Вторая половина XIX века была периодом активного развития судебной системы в России, когда были созданы новые институты и улучшены правовые механизмы. Создание системы кооптации позволило судьям самостоятельно пополнять свои ряды и управлять профессиональными отношениями. Это стало важным шагом в развитии судебной системы России. Авторы судебных уставов введение системы кооптации объясняли тем, что «только при таком порядке люди действительно полезные получают возможность заслуженного повышения, преграждая дорогу людям

случайным, а высшее управление судебной частью приобретет верные сведения о достойных лицах с ручательством самих судов в их благонадежности и знании дела» [12, с. 106].

В системе правительственного назначения судей исключение было сделано для мировых судей и председателей съездов мировых судей, которые избирались представительными органами местного самоуправления.

Существовала унифицированная процедура избрания всех мировых судей.

Мировые судьи избирались сроком на 3 года уездным земским собранием или городской думой в городах Москве и Санкт-Петербурге [6, ст. 23; ст. 24; ст. 40].

Для избрания мировых судей за три месяца до выборов составлялся список лиц, имевших право быть избранными в мировые судьи. Список составлялся особым уездным присутствием. Присутствие состояло из членов земской управы, исправника, полицмейстера, городского головы, мировых посредников и уездного судьи. В случае недостатка лиц, имевших право баллотироваться, недостающее число мировых судей назначалось первым департаментом Правительствующего Сената по представлению министра юстиции, который, в свою очередь, руководствовался представлением губернского земского собрания [6, ст. 33; ст. 38], что говорит о серьезном отступлении от выборного начала.

По каждому мировому округу формировалось два списка: один – уездным предводителем дворянства по соглашению с городским головой, другой – местными мировыми судьями [6, ст. 26]. В списке было указано две категории лиц: те, кто ранее уже работал в качестве мировых судей, и те, кто могли получить право на такую должность в будущем [6, ст. 27].

После составления список направлялся губернатору для утверждения и одновременно публиковался в губернских ведомостях за 2 месяца до выборов, чтобы все желающие могли ознакомиться с ним [6, ст. 29]. Если список был составлен с нарушением действующего порядка, губернатор сообщал свои замечания уездному земскому собранию [6, ст. 30].

Несогласие губернатора не носило императивно-обязательного характера. Земское собрание могло проигнорировать замечания губернатора, но при этом должно предоставить основания для этого на усмотрение Сената [6, ст. 37]. Существование данной нормы позволяет говорить о наличии у губернатора права отлагательного вето в отношении списка кандидатов в мировые судьи, который был утвержден местным представительным органом.

Для выбора мировых судей открывались внеочередные земские собрания. Далее председатель уездного земского собрания ставил список канди-

датов в мировые судьи на голосование. Количество голосов распределялось за принятие кандидатуры мирового судьи простым большинством голосов. Если ни одна из кандидатур, внесенных в список, не выбиралась, то проводились повторные выборы, но уже в губернском земском собрании [6, ст. 32; ст. 33]. Список избранных в мировые судьи лиц предоставлялся председателем земского собрания на утверждение первого департамента Правительствующего сената [6, ст. 37].

Закон «О порядке замещения открывающихся вакансий на должности Мировых Судей, в случае выбытия их до окончания срока выборной службы» от 27 марта 1867 года [13, с. 329] предусматривал возможность проведения дополнительных выборов по ранее составленным спискам при прекращении полномочий мирового судьи до истечения трехлетнего срока службы. Органам местного самоуправления разрешалось расширять список кандидатов новыми именами. Однако, срок полномочий таким образом избранных судей составлял не три года, как у других участковых мировых судей, а заканчивался одновременно с истечением трехлетия, на которое избирались остальные мировые судьи того же округа. Таким образом, судьям, избранным после проведения дополнительных выборов, приходилось служить менее трех лет.

Следует отметить, что земскому собранию была предоставлена возможность присваивать звание мирового судьи тем, кто не соответствовал установленной системе цензов, но «приобрёл общественное доверие и уважение своими заслугами и полезной деятельностью» [6, ст. 34]. Условием избрания в данном случае являлось единогласное голосование земского собрания по кандидатуре.

Данная норма позволяла избирать людей, которые обладали высокой социальной репутацией и находились в доверительных отношениях с местным населением. Таким образом, земские собрания становились важным инструментом управления в сельской местности, где знание местных обычаев и традиций было важным фактором в рассмотрении спорных вопросов. В целом, это позволяло установить более тесную связь между судебной системой и местным населением, что повышало доверие к судам и упрощало решение спорных вопросов.

Можно сказать, что главная цель мирового суда заключалась не в формальном разборе юридических казусов, а в примирении сторон процесса и склонении их к принятию мирового соглашения. Данный вывод подтверждается и в положениях Устава уголовного судопроизводства [14, ст. 120] и Устава гражданского судопроизводства [15, ст. 70].

Итак, в судебных уставах был установлен двоякий способ замещения судебных должностей. С одной стороны, мировые судьи избирались предста-

вительными органами местного самоуправления, что позволяло обеспечивать связь между судебной системой и местным населением. С другой стороны, для замещения должностей в общих судебных местах применялось правительственное назначение с обязательной рекомендацией судебных коллегий относительно кандидатов. Это позволяло обеспечить профессионализм и компетентность судей, что было важно для обеспечения справедливости в рассмотрении спорных вопросов, а также поддержания доверия к судебной системе.

Продолжая исследование, надо сказать, что во второй половине XIX – начале XX века организационно-правовой механизм комплектования корпуса мировых судей подвергался существенным изменениям.

Так, положением «О Земских Участковых Начальниках» от 12 июля 1889 г. [16, с. 508] институт мировых судей был значительно упразднен, создавались новые категории судей: в сельской местности – земские начальники, в уездных городах – уездные члены окружного суда, в губернских городах – городские судьи. Мировые судьи оставались только в обеих столицах, городах Одессе, Нижнем-Новгороде, Харькове, Казани, Саратове и в местностях Санкт-Петербургского уезда [17, с. 546]. Действовавшая в отношении новых судей система цензов почти полностью совпадала с требованиями, действовавшими для назначаемых судей [17, с. 548].

Такое положение вещей просуществовало до принятия закона о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 года, который восстановил институт мировых судей на принципах судебных уставов 1864 года. Однако, стоит отметить, что после принятия данного закона механизм комплектования корпуса мировых судей продолжал меняться и совершенствоваться.

В соответствии с новым законом судья, прослуживший три года, мог быть избран в дальнейшем на период до шести лет. Таким образом, данная модернизация позволяла сохранить опытных и квалифицированных мировых судей в должности на более длительный срок и повышать эффективность судебной системы в целом. Стоит отметить, что данная норма была введена с целью усиления независимости судей и предотвращения их политической зависимости от местных властей. Кроме того повторимся, что закон о преобразовании местного суда существенно смягчил цензы для кандидатов: земельный ценз при выборах мировых судей был значительно снижен; неземельный ценз для лиц, получивших высшее юридическое образование, сокращался наполовину.

Итак, принятие закона от 15 июня 1912 года являлось прогрессивным шагом в развитии российской судебной системы, так как он предусматривал восстановление мирового суда и упразднение земских начальников, что также подтверждается некоторыми исследователями [18, с. 37].

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что в судебных уставах 1864 г. был принят двойкий способ замещения судебных должностей: с одной стороны, избрание мировых судей представительными органами местного самоуправления, а с другой – правительственное назначение для замещения судебных должностей в общих судебных местах с обязательной рекомендацией судебными коллегиями кандидатов.

На основании проведенного анализа нормативного материала можно сделать вывод о зарождении в судебной системе России во второй половине XIX в. начал самостоятельного профессионального судебного сообщества и самоуправления в виде системы кооптации, т.е. пополнения новыми членами состава суда по собственному усмотрению самого судебного корпуса, поскольку судебные коллегии окружных судов и судебных палат принимали активное участие в процессе замещения судебных должностей.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Том XXXVI. 1863. - № 36657. – 1057 с. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России [сайт]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/367-t-36-1861-otd-nie-1-ot-36490-37190-1863#mode/>
2. Джаншиев Г. Сергей Иванович Зарудный. Материалы его биографии / Г. Джаншиев // Русская старина. - 1888. - № 9. – 704 с.
3. Жамборов А.А., Лащенко Р.А. Генезис российской судебной реформы 1864 года / А.А. Жамборов, Р.А. Лащенко // Евразийский юридический журнал. – М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – 2022. - № 9 (172). – С. 104-105.
4. Липитчук О.В. Суд і судочинство Росії після судової реформи 1864 року / О.В. Липитчук, Н.О. Лешкович // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. – 2014. – № 1. – С. 44-53.
5. Три века: Россия от смуты до нашего времени: в 6 т. / ред. В.В. Каллаш. – М.: Изд-во Юнвес. – 2006. – Т. 6 – 352 с.
6. Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> - Конституция Российской Федерации. Официальный сайт.
7. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство - судопроизводство / В.К. Случевский. - 4-е издание, дополненное и исправленное. - СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1913. – 670с. [Электронный ресурс] // Суд присяжных [сайт]. – Режим доступа: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file636.pdf>

8. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский, прив.-доц. Моск. ун-та. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: А.А. Карцев. - 1912. – 443 с. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [сайт]. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003789098?page=1&rotate>
9. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992г. № 3132-1 [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/efa6329a5506a579e3b9d2c9280b7b8f093922a9/ - КонсультантПлюс
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. - СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза». - 1912. – 567 с. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnego_sudoproizvodstva_tom_i/
11. Закон «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. // А.А. Васильев. – Санкт-Петербург: Изд-во Юридического Книжного Магазина В.П. Анисимова. – 1913г. – 250 с. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека [сайт]. – Режим доступа: http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003801214/
12. Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file624.pdf>
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Том XLII. Часть 1. 1871. - №44401. – 1206 с. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России [сайт]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/404-t-42-1867-otd-nie-1-ot-44078-44894-1871#mode/inspect/page/335/zoom/6>
14. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> - Конституция Российской Федерации. Официальный сайт.
15. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс] // Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб., 1867. – 763 с. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/>
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 9-е. Том IX. 1889. - №6196. – 1490 с. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России [сайт]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3580-t-9-1889-ot-5686-6504-i-dopolneniya-1891#mode/inspect/page/515/zoom/6>

17. Свод узаконений и распоряжений Правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. Т. II / Сост. И. Л. Горемыкин. СПб., 1893. – 923 с. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [сайт]. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009760820?page=588&rotate=0&theme=white>
18. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX-начало XX вв.: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Академия управления МВД России. – М., 1999. – 40 с.

Gorbacheva Olga Vyacheslavovna
senior lecturer of the Department
of state and legal disciplines
of the Law Institute Luhansk state
University named after Vladimir Dahl
e-mail: gorbachova.olga@mail.ru

PROCEDURE FOR THE ELECTION AND APPOINTMENT TO THE POSITION OF A JUDGE AS A RESULT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

The root causes of the judicial reform of 1864 have been identified. The requirements for candidates for the position of judge, the procedure for their election and appointment as a result of the judicial reform of 1864 are investigated. The analysis of judicial statutes, as well as a comparative analysis of the post-reform legislation with the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: judicial reform, judicial system, cooptation system, institute of magistrates.

Literature

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e. Tom XXXVI. 1863. - № 36657. – 1057 s. [Elektronnyj resurs] // Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii [sait]. – Rezhim dostupa: <http://elibrshpl.ru/nodes/367-t-36-1861-otd-nie-1-ot-36490-37190-1863#mode/>
2. Djanshiev G. Sergei Ivanovich Zarudnii. Materiali ego biografii / G. Djanshiev // Russkaya starina. 1888. - № 9. – 704 s.
3. Jamborov A.A., Laschenko R.A. Genezis rossiiskoi sudebnoi reformi 1864 goda / A.A. Jamborov, R.A. Laschenko // Evraziiskii yuridicheskii jurnal. – М.: Moskovskii gosudarstvennii yuridicheskii universitet imeni O.E. Kutafina. – 2022. - № 9 (172) . – S. 104-105.

4. Lipitchuk O.V. Sud i sudochinstvo Rosii pislya sudovoi reformi 1864 roku / O.V. Lipitchuk, N.O. Leshkovich // *Naukovii visnik Lvivskogo derjavnogo universitetu vnutrishnih sprav. Seriya yuridichna.* – 2014. – № 1. – S. 44-53.
5. Tri veka: Rossiya ot smuti do nashego vremeni: v 6 t. / red. V.V. Kallash. – M.: Izd-vo Yunves. – 2006. – T. 6 – 352 s.
6. Uchrejdenie sudebnyh ustanovlenii [Elektronnyj resurs] // *Zakonodatelstvo.* – Rezhim dostupa: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> - Konstituciya Rossiiskoi Federacii. Oficialnii sait.
7. Sluchevskii V.K. Uchebnyk russkogo ugovolnogo processa. Sudoustroistvo - sudoproizvodstvo/V.K. Sluchevskii. – 4-e izdanie, dopolnennoe i ispravlennoe. - SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. - 1913. – 670 s. [Elektronnyj resurs] // *Sud prisyajnih [sait].* – Rezhim dostupa: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file636.pdf>
8. Viktoriskii S.I. Russkii ugovolnii process / S.I. Viktoriskii, priv. - doc. Mosk. un-ta. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: A.A. Karcev. - 1912. – 443 s. [Elektronnyj resurs] // *Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka [sait].* – Rezhim dostupa: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003789098?page=1&rotate>
9. Zakon Rossiiskoi Federacii «O statuse sudei v Rossiiskoi Federacii» ot 26.06.1992g. № 3132-1 [Elektronnyj resurs] // *Zakonodatelstvo.* – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/efa6329a5506a579e3b9d2c9280b7b8f093922a9/ - KonsultantPlyus
10. Foinickii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. Tom I. Izd. 4-e. - SPb.: Tipografiya t-va «Obschestvennaya Polza». - 1912. – 567 s. [Elektronnyj resurs] // *KonsultantPlyus [sait].* – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugovolnogo_sudoproizvodstva_tom_i/
11. Zakon «O preobrazovanii mestnogo suda» ot 15 iyunya 1912 g. // A.A. Vasilev. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Yuridicheskogo Knijnogo Magazina V.P. Anisimova. – 1913g. – 250 s. [Elektronnyj resurs] // *Nauchnaya elektronnyaya biblioteka [sait].* – Rezhim dostupa: http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003801214/
12. Obyasnitelnaya zapiska k proektu uchrejdeniya sudebnyh mest [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file624.pdf>
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e. Tom XLII. Chast 1. 1871. - № 44401. – 1206 s. [Elektronnyj resurs] // *Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii [sait].* – Rezhim dostupa: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/404-t-42-1867-otd-nie-1-ot-44078-44894-1871#mode/inspect/page/335/zoom/6>

14. Ustav ugovornogo sudoproizvodstva [Elektronnyj resurs] // Zakonodatelstvo. – Rezhim dostupa: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> - Konstituciya Rossiiskoi Federacii. Oficialnii sait.
15. Sudebnie ustavi 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniem rassujdenii, na koih oni osnovani [Elektronnyj resurs] // Izdanie Gosudarstvennoi kancelyarii. Chast pervaya. SPb., 1867. – 763 s. – Rezhim dostupa: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/>
16. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 9-e. Tom IX. 1889. - № 6196. – 1490 s. [Elektronnyj resurs] // Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii [sait]. – Rezhim dostupa: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3580-t-9-1889-ot-5686-6504-i-dopolneniya-1891#mode/inspect/page/515/zoom/6>
17. Svod uzakonenii i rasporyajenii Pravitelstva ob ustroistve selskogo sostoyaniya i uchrejdennii po krestyanskim delam. T. II / Sost. I. L. Goremikin. SPb., 1893. – 923 s. [Elektronnyj resurs] // Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka [sait]. – Rezhim dostupa: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009760820?page=588&rotate=0&theme=white>
18. Nemitina M. V. Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.: avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.01 / Akademiya upravleniya MVD Rossii. – M., 1999. – 40 s.

Жданов Сергей Александрович

кандидат технических наук,
профессор кафедры конституционного
права и историко-правовых дисциплин,
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail:zholsa11@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ МЕТОДОМ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ НЕЧИСЛОВЫХ ДАННЫХ

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию механизма экспертной оценки нарушения авторских прав на объекты интеллектуальной собственности. Рассмотрены вопросы, связанные с необходимостью их охраны. Проанализированы методы защиты и особенности доказывания нарушения права, в частности, на промышленный образец. Предложен способ математической обработки нечисловых данных экспертных оценок объектов интеллектуальной собственности, обеспечивающий повышение объективности результатов экспертизы.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, промышленные образцы, защита авторских прав, экспертная оценка, математическая обработка.

Конституциями Российской Федерации [1] и Луганской Народной Республики [2] гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, а интеллектуальная собственность охраняется законом [1 ст. 44].

Одной из приоритетных государственных задач является правовое, научное и социально-экономическое обеспечение создания и развития действенных механизмов защиты объектов интеллектуальной собственности.

Право интеллектуальной собственности представляет собой совокупность норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в связи с созданием и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, других объектов авторского права.

Одним из элементов механизма защиты интеллектуальных прав является экспертиза, производство которой направлено на обеспечение объективного

и всестороннего расследования нарушений прав интеллектуальной собственности и разрешения споров в отношении авторских прав.

Экспертную оценку интеллектуальной собственности можно обозначить как процесс установления полезности, оригинальности, индивидуализации и регистрации результатов интеллектуальной деятельности, или оценки возможного нарушения авторских прав.

Экспертиза объектов интеллектуальной собственности является востребованным исследованием, в равной степени необходимым как физическим лицам, так и организациям. Со стороны физических лиц необходимость в исследовании может возникнуть, если есть подозрение, что их права на распоряжение тем или иным результатом творческого труда были нарушены. Экспертиза объектов интеллектуальной собственности осуществляется также в отношении спорных изобретений. Такой анализ устанавливает, является ли представленный объект изобретением, обладает ли он всеми свойственными изобретению характеристиками.

Несмотря на значительное количество случаев, связанных с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, по которым проводятся экспертизы, практика их назначения, производства и оценки результатов до настоящего времени в достаточной степени не обобщена. Можно встретить лишь некоторые попытки рассмотрения либо общих закономерностей экспертных оценок, либо выявление частных проблем использования специальных знаний при исследовании отдельных видов объектов (промышленных образцов, товарных знаков, фирменных наименований и др.). Указанные проблемы оказывают негативное влияние на практику назначения и производства экспертиз результатов интеллектуальной деятельности, а также лишают теорию экспертизы значительного пласта научного знания.

Выработка рекомендаций в этой сфере позволит оформиться научно-обоснованным методам экспертных оценок, объединенным общностью обосновывающего научно-практического знания о сущности решаемых задач и сходством методических подходов к исследованию объектов интеллектуальных прав. Это, в свою очередь, сформирует ориентиры, способствующие более быстрому и качественному переходу от разрозненных исследований отдельных видов объектов до создания теории экспертных оценок, объединенных в класс экспертиз продуктов интеллектуальной деятельности.

Вопросам роли экспертизы результатов интеллектуальной деятельности и защиты интеллектуальных прав посвящены работы Е.И. Галяшиной, М.В. Горбаневского, С.А. Казьминой, В.В. Мордвиновой, К.Л. Петрова, А.А.

Селиванова, Е.Б. Сулимовой, совместная работа Д.В. Гончарова и И.В. Решетниковой. Проблемам искусствоведческой экспертизы посвящены работы Ш.Н. Хазиева, Е.В. Пискуновой, И.В. Золотниковой и С.Е. Богатырева. Научные положения общей теории экспертизы (судебной экспертологии), так и частных теорий экспертных оценок изложены в научных трудах Т.В. Аверьянова, И.А. Алиева, Р.С. Белкина, С.Ф. Бычкова, Т.С. Волчецкой, Е.И. Галяшина, А.М. Зинина, Ю.Г. Корухова, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, В.Ф. Орлова, Ю.К. Орлова, Е.Р. Россинской, А.В. Ростовцева, М.Я. Сегай, Т.В. Толстухина, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсман, и др.

Анализ работ указанных авторов, исследовавших проблемы экспертных оценок результатов интеллектуальной деятельности, позволяет сделать вывод о недостаточной степени научной разработанности данной проблемы.

Таким образом, совершенствование механизма экспертных оценок является актуальной задачей как для развития теории, так и для практики назначения и производства экспертных оценок объектов интеллектуальных прав для всех видов интеллектуальной деятельности. Одним из таких объектов является промышленный образец.

Промышленный образец придает изделию добавленную стоимость. За его счет изделие становится привлекательным для потребителей. Его уникальные особенности могут способствовать росту объемов продаж или престижа фирмы. Охрана ценных промышленных образцов должна стать важнейшей частью деловой стратегии любого дизайнера или фирмы-производителя. Охраняя промышленный образец путем регистрации [3, ст. 1353], его владелец получает исключительное право препятствовать его несанкционированному копированию или имитации со стороны других лиц (ст.1229 ГК РФ). Это имеет большой практический смысл, поскольку повышает конкурентоспособность бизнеса и, зачастую, обеспечивает поступление дополнительных доходов.

Целью данной статьи является рассмотрение с позиций современной экспертологии проблем экспертных исследований, осуществляемых в отношении защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, и разработка на этой основе научно-практических рекомендаций по совершенствованию экспертной практики, обработки результатов экспертизы, в частности, механизма экспертной оценки нарушения прав на промышленные образцы. В связи с этим ставится задача предложить пути совершенствования механизма экспертной оценки для повышения её объективности. Повышение надежности оценок может быть достигнуто путем анализа и обработки экспертных суждений, соответствующего подбора и организации работы коллектива экспертов и исключения ошибок.

К типичным ошибкам экспертных оценок относятся:

- преувеличение возможностей экспертных оценок. Необходимо правильно понимать возможности их использования. Далеко не все существующие проблемы могут быть решены с помощью экспертов;
- излишнее увлечение количественными оценками. Немало ошибок связано с требованием организаторов экспертизы давать оценки в виде числа, так как не всегда для этого имеются основания;
- конформизм экспертов;
- некорректная интерпретация результатов.

Проблемы совершенствования и развития экспертных технологий связаны с проработкой следующих направлений.

1. Формирование экспертной комиссии, предусматривающее возможность эффективного взаимодействия экспертов с целью получения полной и адекватной оценки объекта экспертизы.

2. Организация и проведение экспертиз аналитической группой, профессионально владеющей технологией организации и проведения экспертиз, методами получения и анализа экспертной информации.

3. Получение достоверной экспертной информации по виду представления, однозначности измерений, адекватности, возможности дальнейших корректных преобразований.

4. Определение результирующих экспертных оценок.

5. Анализ многокритериальных оценок.

6. Корректная обработка и анализа результатов работы экспертов.

7. Компьютерная система поддержки.

Исходной посылкой обеспечения эффективности экспертных оценок является четкое определение их целевой направленности.

В качестве примера использования механизма экспертной оценки было взято одно из изделий мебельной фабрики и исследовано на предмет возможного нарушения авторских прав на промышленный образец путем его сравнения с подобным запатентованным промышленным образцом по существенным отличительным качествам, отраженным в описании, узаконенном Роспатентом [4].

Каждое из художественно-конструкторских решений, воплощенный в тот или иной объект является изделием и обладает определенными признаками. Патент автору такого изделия выдается в том случае, если эти признаки были неповторимы до сих пор и являются существенными, т. е. такими, которые отражают особые стороны, черты, особенности предмета, которые необходимы и присущи только ему, лишившись которых он перестает быть самим собой, становится иным предметом. И наобо-

рот - несущественный признак может приобретаться или теряться предметом, но это никак не влияет на его существование в качестве данного предмета.

Известны различные способы экспертных оценок [5]. Например, способ ранжирования отличительных признаков при сравнении образцов методом парных сравнений. При этом каждый признак, входящий в формулу изобретения узаконенного промышленного образца сравнивается с аналогичным признаком в сравниваемом, и эксперты (каждый в отдельности) определяют, в какой степени последний соответствует признаку оригинала. При таком подходе часто встречаются следующие наиболее типичные ошибки экспертов:

- эффект ореола: образцу, получившему отрицательную оценку по какому-либо параметру, присваивают и далее уже незаслуженно отрицательные оценки по другим параметрам;

- эффект снисходительности: эксперт склонен всегда давать оценки, отрицающие сходство с узаконенным образцом;

- ошибка центральной тенденции, эксперт склонен использовать средние оценки, избегая крайних показателей;

- эффект контраста, эксперты сравнивают не сами показатели существенных отличий из формулы изобретения (по отношению к некоторому установленному требуемому уровню), а показатели оцениваемого образца исходя из его свойств в месте его применения.

Для повышения точности экспертной оценки следует подбирать экспертов, учитывая их компетентность, специально обучать их по возможности четко и однозначно определять особенности образцов, подлежащие оценке, использовать мнение не одного, а нескольких экспертов (при этом эксперты не должны общаться между собой и обмениваться информацией), оценивать всю группу существенных признаков поочередно по каждому свойству.

Во многих отечественных и зарубежных методиках при использовании механизма экспертных оценок нарушения прав интеллектуальной собственности применяется не цифровая, а вербальная технология выражения градаций значений абсолютных показателей свойств. Например, часто используется вербальная шкала с пятью градациями: очень хорошо, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно, плохо. Иногда используют эквивалентную ей цифровую пятибалльную шкалу. В этом случае достигается определенная относительная простота исследования, однако, за счет небольшого числа градаций относительная погрешность оценки увеличивается до $\pm 20\%$.

Чтобы уменьшить величину относительной погрешности, нужно, при прочих равных условиях, увеличить число градаций в размерах, которые соответствуют психологическим возможностям человека. Эти возможности предопределяют, что оптимальное число градаций должно быть в пределах 10, т.е. должна использоваться знакомая всем пятибалльная шкала, дополненная промежуточными значениями «+» или «-». Сходных результатов можно добиться, если использовать, например, не пятибалльную, а стопроцентную шкалу с градациями через 10% (кроме начала и конца шкалы, где возможны и более мелкие градации). Сказанное относится к свойствам объектов, для показателей которых трудно использовать обычные физические единицы измерения [6].

В нашем случае исследование возможного применения, имитации или пиратского использования качеств оригинала будем проводить в дискретной области состояний S его качеств, которые включают, например, три непересекающиеся области, представленные как:

$$S = S^N + S^+ + S^-;$$

где: S^N - подмножество нормальных возможных применений качеств промышленного образца, отраженных в формуле изобретения, определенных и оформленных лицензией на основании соответствующих нормативных документов с разрешения патентообладателя;

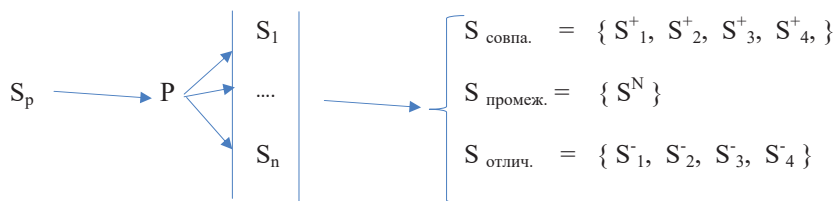
S^+ - подмножество определяющее степень несанкционированного копирования качеств или части отдельных качеств промышленного образца, определенных патентообладателем и отраженных в формуле изобретения без оформления соответствующих документов и разрешения автора патента. В зависимости от этого эксперты могут сделать вывод о полной или частичной имитации запатентованного образца и степени нарушения авторских прав патентообладателя.

S^- - подмножество отклонений от качеств, определенных патентообладателем и отраженных в формуле изобретения. Данная область соответствует качествам (отличительным особенностям) исследуемого образца, которые находятся за гранью повторения качеств запатентованного промышленного образца и характеризует существенные отличия объектов сравнения, исключающих конфликтную ситуацию.

В качестве примера приведено сравнение качеств. Каждая область характеризуется степенью отклонения от состояния идентичности сравниваемых образцов (таблица 1).

S^+	S^-
<p>Применение в образце, сравниваемом с образцом, защищенным патентом, отдельных похожих отличительных качеств оригинала.</p> <p>Присутствует использование в сравниваемом образце некоторых существенных отличий оригинала, защищенных патентом.</p> <p>Значительное совпадение существенных особенностей сравниваемого образца с защищенным патентом оригиналом.</p> <p>Высокая степень повторения в сравниваемом образце существенных отличий оригинала, защищенных патентом.</p>	<p>1. Незначительное число существенных признаков оригинала совпадает с аналогичными признаками сравниваемого образца.</p> <p>2. Некоторые качества оригинала применены в сравниваемом образце.</p> <p>3. Подавляющая часть существенных признаков оригинала отсутствует у исследуемого образца.</p> <p>4. Отсутствие сходства существенных признаков оригинала и сравниваемого с ним образца.</p>

Таким образом, введенная система оценки качеств, отличительных и совпадающих особенностей сравниваемых образцов позволяет описать реальное состояние сравниваемых экземпляров по различным их существенным признакам.

Рисунок 1. Общая схема проведения диагностики

где: $S_{\text{совпа}}$ – совпадающие существенные признаки;
 $S_{\text{промеж}}$ - частично совпадающие существенные признаки;
 $S_{\text{отлич}}$ - не совпадающие существенные признаки.

Проведение экспертного сравнения удобно осуществить с помощью специальных таблиц, однако их достаточно сложно составить. Поэтому пред-

почтительным является построение по результатам работы экспертов диагностического профиля исследуемого образца, характеризующего различные его качества, сравниваемые с аналогичными у оригинала. Рассматривая алгоритм экспертной оценки виртуального промышленного образца, взятого в качестве примера, определим:

- сферу применения узаконенного и сравниваемого с ним образца. На этом этапе экспертизы необходимо проанализировать функциональные особенности обоих сравниваемых экземпляров, выделить области возможного их применения или использования в качестве изделий, как объектов, отвечающих определению «промышленный образец». По форме и внешнему виду это могут быть плоские или объемные изделия.

К объемным изделиям относятся изделия, обладающие:

- сложной композицией, в основе которой лежит развитая объемно-пространственная структура, например, станок, автомобиль, сельскохозяйственная машина, стол и т.д.;

- моноблочной композицией, например, телевизор, радиоприемник, щитовой прибор, шкапулка, упаковочная коробка и др.

К плоским изделиям относятся изделия, обладающие плоскостной композицией, например, ткани, платки, плоский отделочный строительный материал, заборы, плиты и др.

В качестве изделий, зарегистрированных как промышленный образец, могут выступать: одежда; обувь; этикетки; комплекты (наборы) изделий; печатная продукция; спортивный инвентарь; изделия, которые по внешнему виду определяются двумя состояниями: закрытым и открытым (приборы в специальном корпусе, изделия в чехлах, шкафы, ящики для хранения вещей, холодильники и др. Детальная классификация изделий, которые могут быть зарегистрированы в качестве промышленных образцов, приведена в Международной классификации промышленных образцов (МКПО), утвержденным Локарнским соглашением от 8.09.1968 г. [7].

Художественно-конструкторское решение изделий, обладающих сложной композицией, может характеризоваться:

- составом и взаимным расположением композиционных элементов;

- форматом, имеющим кластическую проработку композиционных элементов и т.д.

Решение изделий с моноблочной композицией может быть охарактеризовано:

- составом и взаимосвязанным расположением, характеризующих его композиционных элементов;

- фактурным, классическим, пластическим, графическим, цветовым решением элементов или характерных частей, находящихся, преимущественно на фронтальной поверхности изделия.

Решение изделий, обладающих плоскостной композицией, как правило характеризуется:

- композиционным построением;
- линейно-графическим соотношением характерных частей или отдельных элементов, мотивами орнамента, ритмической организацией;
- исполнением мотивов орнамента;
- колористическим решением;
- особым переплетением нитей ткани, разнообразным расположением этих нитей, т.е. характером фактуры.

Особенности решения одежды характеризуются, например:

- объемной особенностью модели, характеризующей форму;
- составом пропорций, определяющих соотношение частей между собой и в первую очередь привлекающих внимание зрителя;
- силуэтом, характеризующим модель в плоском восприятии;
- соразмерным чередованием – ритмом, определяющим последовательную смену каких-либо элементов;
- деталями, их формой, т.е. компонентами, располагаемыми на поверхности одежды в любом месте, на любом участке;
- отделкой, т.е. элементами, не имеющими функционального значения с точки зрения назначения изделия, но создающие его привлекательный и неповторимый вид;
- фурнитурой, входящей в структуру изделия для соединения и разъединения его отдельных частей и являющейся декоративным элементом;
- материалом, с его декоративными особенностями.

Особенности заявляемых отличительных решений обуви характеризуются следующим:

- конструкцией верха и низа;
- материалом и его декоративными особенностями;
- формой, которая является объемной характеристикой модели и включает в том числе и форму колодки;
- составом, формой и взаимным расположением элементов изделия;
- деталями и особенностями отделки;
- фурнитурой;
- колористическим решением.

Решение комплектов, (наборов) изделий, помимо признаков, используемых для характеристики художественно-культурного решения определенных изделий, характеризуется, в частности:

- особенностями взаимодействия частей;
- соподчиненностью элементов;
- пропорциональностью как отдельных исходных элементов, так и всего комплекта (набора) в целом;
- взаимодополняющей гаммой расцветки отдельных элементов комплекта (набора).

Решение печатной продукции характеризуется следующими особенностями:

- композиционным построением;
- проработкой графических элементов, изобразительных мотивов, орнаментом;
- выполнением шрифтовой графики и её взаиморасположением без фонетического или смыслового содержания надписей в тексте или с таковым;
- колористическим решением.

Все перечисленные художественно-конструкторские решения изделий и их признаки в зависимости от классификации изделий могут быть обозначены, например, как:

- F1 - сочетание линий
  - F2 - сочетание цветов
  - F3 - орнамент
  - F4 - текстура
  - F5 - фактура
  - F6 - конфигурация
  - F7 - форма изделия
  - F8 - взаимное расположение композиционных элементов
  - F9 - декоративные особенности
  - F10 – пластические решения
  - F11 – цветовая гамма
- и т.д.

3. Построение шкалы для экспертной оценки.

Эксперты должны осуществить оценку совпадения или различия существенных признаков и особенностей решений сравниваемых образцов, исходя из приведенных выше примеров критериев по десятибалльной шкале.

Совпадение	Несовпадение
существенных	существенных
признаков	признаков
сравниваемых	сравниваемых
образцов	образцов

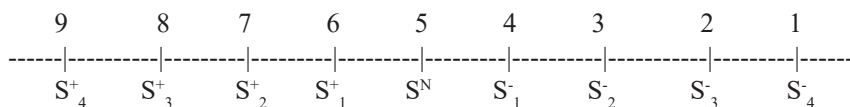

Рисунок 2. Оценочная шкала экспертизы

Поскольку результаты оценки экспертов будут усредняться и могут быть не целочисленными, поэтому необходимо определить диапазон отнесения средних значений к точкам принятой шкалы.

$$\begin{aligned}
 S_{-4}^- &= \{x < 1,5\} & S_{-3}^- &= \{2,5 > x \geq 1,5\} & S_{-2}^- &= \{3,5 > x \geq 2,5\} \\
 S_{-1}^- &= \{4,5 > x \geq 3,5\} & S^N &= \{5,5 > x \geq 4,5\} & S_{-1}^+ &= \{6,5 > x \geq 5,5\} \\
 S_{-2}^+ &= \{7,5 > x \geq 6,5\} & S_{-3}^+ &= \{8,5 > x \geq 7,5\} & S_{-4}^+ &= \{x \geq 8,5\},
 \end{aligned}$$

где x – среднее значение оценки экспертов определенной функциональной области.

4. Получение экспертных оценок.

Допустим, например, что в экспертную оценку проводила комиссия, состоящая из 6 специалистов.

Результаты оценки характерных признаков сравниваемых образцов, в том числе существенных признаков узаконенного образца и соответствующего признака сравниваемого с ним объекта, определяющих степень их различия или совпадения, будем оценивать, например, по девятибалльной шкале. Результаты сравнения представим в табличной форме.

Таблица 2

Экспертные оценки характерных признаков сравниваемых образцов

Эксперты	F ₁	F ₂	F ₃	F ₄	F ₅	F ₆	F ₇	F ₈	F ₉	F ₁₀
1	3	4	3	5	3	4	6	5	2	2
2	4	3	2	5	2	4	6	6	2	2
3	4	3	3	6	3	3	6	5	3	2
4	5	3	3	6	3	3	6	5	3	2
5	4	3	2	5	2	4	5	5	2	2
6	4	3	3	5	3	4	6	6	2	1

5. Обработка результатов работы экспертной комиссии.

Для получения взвешенного результата оценок экспертов и определения их средних значений используем известную формулу математической статистики: средний балл оценки:

$$x_i = \frac{1}{n} \sum_j^n x_{ij}$$

дисперсия индивидуальных балльных оценок:

$$\sigma^2(x_i) = \frac{1}{n-1} \sum_{j=1}^n (x_{ij} - x_i)^2$$

где: x_{ij} – оценка, выставленная j – м экспертом, i – му характерному признаку исследуемого образа;

x_i – средняя оценка экспертов i характерного признака исследуемого образца.

Степень согласованности мнений экспертов при оценке i - признака сравниваемых образцов оценивается коэффициентом вариации:

$$v_i = \frac{\sigma(x_i)}{x_i}$$

Если все $v_i < 0.3$, то степень согласованности мнений экспертов считается удовлетворительной.

В результате обработки результатов экспертизы получим показатели средних результатов, значения которых приведены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели средних результатов характерных признаков исследуемого образца

	F ₁	F ₂	F ₃	F ₄	F ₅	F ₆	F ₇	F ₈	F ₉	F ₁₀
x_i	4,0	3,3	2,7	5,3	2,7	3,7	5,8	5,3	2,3	1,8
$\sigma(x_i)$	0,63	0,52	0,52	0,52	0,52	0,52	0,41	0,52	0,52	0,41
v_i	0,16	0,16	0,19	0,1	0,19	0,14	0,07	0,1	0,23	0,23

Анализ значений коэффициента вариации позволяет считать степень согласованности экспертов удовлетворительной. Экспертные оценки различных признаков сравниваемых объектов дают возможность определить реальное их соотношение и оформить результаты диагностики в виде табл. 4

Результаты диагностики

Область диагностики	S ⁺	S ^N	S ⁻
1	2	3	4
F1 - сочетание линий			S ₁ (4,0)
F2 - сочетание цветов			S ₂ (3,3)
F3 - орнамент			S ₂ (2,7)
F4 - текстура		S ^N (5,3)	
F5 - фактура			S ₂ (2,7)
F6 - конфигурация			S ₁ (3,7)
F7 - форма изделия	S ⁺ ₁ (5,8)		
F8 - взаимное расположение композиционных элементов		S ^N (5,3)	
F9 - декоративные особенности			S ₃ (2,3)
F10 – пластические решения			S ₃ (1,8)

5. Построение диагностического профиля исследуемого образца

На основании исследования различных признаков сравниваемого образца путем сравнения их с соответствующими признаками оригинала можно построить его диагностический профиль (рис. 3).

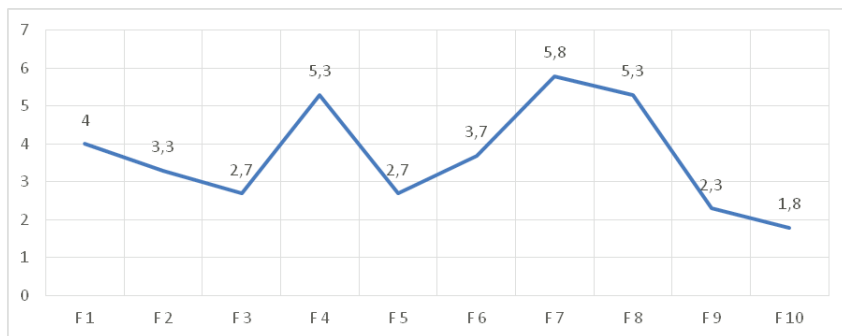

Рисунок 3. Диагностический профиль исследуемого образца

1. Полученные результаты дают возможность охарактеризовать результаты экспертной оценки нарушения прав на промышленный образец по степени копирования существенных признаков оригинала сравнимаемым образцом, используя диагностический профиль и результаты экспертизы.

Анализ сочетания линий проводился исходя из того, что теоретически средствами создания художественной формы являются: симметрия, асимметрия, пропорции, ритм, масштаб, контраст, нюанс, т.е. явления, присущие природным формам. В нашем случае у оригинала чаще всего используется симметрия – равенство, тождество, схожесть, которая предполагает неизменность не только самого объекта, но и каких-либо его свойств. Она может наблюдаться по отношению к разнообразным операциям – к поворотам, переносам, взаимной замене частей, отражениям и т.д. В связи с этим выделяют разные виды симметрии. Например, из известных дизайнерских решений на плоскости - зеркальной; осевой; винтовой и трансляционной в оригинале применена зеркальная, а в исследуемом образце – трансляционная. Экспертные оценки показывают, что по степени повторения (копирования) сочетания линий и остальным упомянутым качествам и отличительным чертам сравниваемые образцы существенно отличаются друг от друга.

2. Одной из важных составляющих совершенства запатентованного промышленного образца, его стильного и целостного интерьера, подчеркивающих отличие сравниваемых образцов, является оригинальное сочетание цветов, расположенных рядом друг с другом на цветовом круге, обеспечивая высокую контрастность при сохранении гармонии. Такая композиция выглядит достаточно живой даже при использовании бледных и ненасыщенных цветов. Спокойное, располагающее впечатление создает, например, сочетание приглушенных цветов: желто-оранжевого, желтого, желто-зеленого, зеленого, сине-зеленого, оговоренных в патенте в качестве существенного признака. Эта цветовая гамма, отличающая оригинальный образец, выдержана совершенно в других тонах у исследуемого.

3. Правильно подобранный орнамент оригинала не только освежит промышленный образец, но и придаст ему индивидуальность. В его отличительных особенностях предусмотрено использование различных комбинаций нечетного числа принтов с использованием крупных и мелких узоров. В узаконенном образце в случае масштабирования и комбинирования орнаментов разного размера заложено «правило трех» один крупный узор, другой – средний, а третий – мелкий, с возможностью совмещения, а также цветочного, геометрического и классического орнамента разных размеров. Главный узор заявлен крупным и ярким, а включающие тона из цветовой гаммы интерьера. В сравниваемом образце «правило трех» отсутствует, а орнаменты помеще-

ны на изделия в хаотичном порядке, хотя и используют похожую цветовую гамму.

4. Материал образца, из которого он сделан, может принадлежать к трем основным группам: натуральные, переработанные и синтетические. В процессе проведения экспертной оценки специалисты оценивали качество, популярность, необычность, уникальность, эффектность, технологичность и множество других факторов. В этом ряду отличительных особенностей учитывалась характеризующая эти качества текстура, которая передается поверхностным рисунком и демонстрирует материал, из которого сделан образец. Основными видами текстур являются: дерево, камень, бетон, гипс, песок, металл, ткань, мех, шерсть, шкура, кожа, резина, пластик. В некоторых случаях — например, в текстуре дерева — помимо общей текстуры, есть отдельные вариации текстурного вида: радиальный распил с характерной текстурой, поперечный разрез и его текстура. Ткань — также имеет множественное разделение на текстуры: хлопок, лён, бархат, шёлк. Разные виды тканей, как разные текстуры, могут образовывать между собой различные сочетания. Разные текстуры одного материала уже могут быть комбинацией. Встречаются случаи, когда текстура отсутствует. Это происходит тогда, когда судить о материале по виду поверхности невозможно. Например, если материал покрасить краской, то текстуры не будет. То же самое произойдет, если на поверхности нарисовать рисунок. Иногда материал и текстура могут не совпадать, и тогда предмет называется — имитация. В сравниваемых образцах использован похожий друг на друга материал, поэтому по данному показателю эксперты пришли к выводу, что образцы близки по текстуре.

5. Информация о материале передаётся по характерному рисунку или комбинации рисунка и фактуры, а сама фактура определяется типом поверхности: глянцевая она или матовая, дерево это или камень и т.д. Фактура становится важной, когда используется один цвет или его оттенки. Она усиливает, а иногда и берет на себя роль цвета, делает пространство более интересным и «живым». Дизайнеры не советуют миксовать в одном интерьере два разных материала с одинаковой поверхностью. Основным секретом сочетания фактур выступает контраст и гармония. Гладкое и шершавое, плоское и объемное, твердое и мягкое. Бархатистые и шершавые поверхности значительно слабее отражают свет, поэтому воспринимаются более мягко, кажутся «уютными». Глянцевые же вызывают ощущение торжественности и официальности. При сравнении исследуемых образцов их фактуры были признаны отличающимися, хотя по цветовой гамме и текстуре они были похожи

6. В интегрированной информационной базе промышленного образца конфигурация изделия представляется древовидной иерархической структу-

рой, различные элементы которой являются объектами конфигурации. Каждый объект конфигурации представляет собой определенную отличительную особенность или его часть, осуществляющую в конечном счете какую-либо функцию. Здесь понятие «конфигурация» используется в более широком смысле, чем такое его толкование, при котором конфигурация есть внешнее очертание или взаимное расположение предметов либо их частей. Здесь под конфигурацией понимается совокупность функциональных, физических и эксплуатационных свойств изделия, предлагаемого к использованию, разработанного и уже существующего, сгруппированного в соответствии со структурой данного изделия и отражённых в документах, соответствующих различным стадиям жизненного цикла этого образца.

Понятие «конфигурация» может толковаться по-разному в зависимости от контекста, в котором оно применяется, т.е. относительно той области, в которой используется данный объект, на различных стадиях жизненного цикла изделия с различных точек зрения. Наиболее существенными являются: потребительский контекст; организационно-производственный контекст; конструкторский контекст. Сравнимые в процессе экспертной оценки промышленные образцы демонстрируют близкие, но не совпадающие ни по одному из приведенных контекстов.

7. Оценка экспертами формы изделия осуществлялась с точки зрения того, что формообразование продукции дизайна должно осуществляться по законам социальной целесообразности, пользы, красоты, прочности и экономичности художественного конструирования промышленных изделий. Форма (лат. *forma* — форма, вид, образ) имеет несколько смысловых значений. В философском аспекте это структура, внутренняя организация, способ существования предмета. В дизайне под формой понимают выражение или внешнее проявление структуры изделия или комплекта вещей. Форма имеет также определенный психологический смысл как система символов и знаков, несущих соответствующее содержание, информацию, в частности, о свойствах и качестве, в нашем случае, промышленного образца. Форма является активным компонентом объекта, объединенным с содержанием не только прямой, но и обратной связью и способным влиять на содержание. Форма включает в себя две органически взаимосвязанные стороны: внутреннюю — структуру и внешнюю — ее обозримую пластическую оболочку. Форма более устойчива, чем содержание, менее подвижна и отстает от развития последнего, стареет, вступает с ним в противоречие. В результате старая форма сменяется новой и содержание получает возможность для своего дальнейшего развития. Именно исходя из этого критерия исследуемый образец оказался по мнению экспертов сопоставим с узаконенным образцом, обладая достаточно устойчи-

вой формой, отвечающей своему содержанию, как и у образца, защищенного патентом.

8. Взаимное расположение элементов изделия обуславливают композицию т.е. такое пространство, где отдельные составляющие должны превратиться в одно целое, и где изображения, текст, графика и цвета формируются в единый дизайн, в котором все сочетается между собой. Основными принципами композиции любых объектов дизайна, учет которых призван обеспечивать достижение их композиционной целостности, являются: единство целого и частей формы; соподчиненность элементов формы; уравновешенность элементов формы; соразмерность элементов формы. Удачная композиция предполагает, что элементы упорядочены и правильно распределены, и это не только выглядит красиво внешне, но также эффективно с функциональной точки зрения. Среди методов привлечения внимания можно отметить масштаб, контраст и указатели. Для правильного восприятия дизайна необходимо направлять взгляд зрителей с помощью определенного расположения линий и различных фигур, связующие элементы текста или небольшие кусочки информации. Один и тот же объем может быть охвачен контуром из прямых, из различных округлений, всевозможных комбинаций кривых линий. Иногда это обусловлено назначением и имеет практический смысл, иногда же выражает то или иное отношение художника к предмету или необходимостью заострить на этом внимание зрителя. Важнейшими элементами являются масштаб и визуальная иерархия — это структурирование элементов в порядке важности. Так, более важный объект вашего дизайна можно сделать крупнее и ярче, а вторичные элементы — меньше и бледнее, это одни из тех креативных основ, которые могут либо испортить дизайн, либо сделать его совершенным. Поэтому так важно уметь правильно их применять для создания удачной композиции. С точки зрения композиционного решения исследуемый образец признан экспертами мало отличающимся от оригинала.

9. Декоративные особенности изделия подразумевают своеобразие формы, которое может быть обеспечено за счет использования декоративных свойств материалов или специальных приемов декорирования. Декорирование — это придание изделию соответствующего внешнего вида. Выбор того или иного способа декорирования и правильное его применение являются одной из наиболее сложных задач. Причиной низкого эстетического качества изделий может быть неподходящий способ декорирования или неправильное его применение. Форма и компоновка изделий, способы их декорирования, рисунок декоративных элементов выбираются с учетом многих факторов: стиля, особенностей использования изделия, функционального назначения конкретного применения, художественного решения изделия, свойств отде-

лочных и других материалов и т. д. Экспертное исследование сравниваемого с оригиналом образца показало неподходящий способ применения декоративных элементов, что обусловило получение низкой оценки экспертов, свидетельствующую о неудачном использовании декоративных средств.

10. Пластические решения или пластика формы характеризует прежде всего особенности объемно-пространственной структуры, определяя ее рельефность, глубинность, насыщенность светом и тенями. То, как выполнена эта форма, может оказать решающее влияние на облик предмета. Поэтому, сохранение одной и ту же объемно-пространственной структуры, дает возможность видоизменять, варьировать эту внешнюю форму. Пластичная форма — эта форма рельефная, скульптурная, с мягкими переходами основных образующих. Форма непластичная обычно имеет жесткие переходы от элемента к элементу. Скульптурность пластичной формы здесь уступает место появлению граней, визуальной разделенности частей. Взаимодействие света и теней, глубина рельефа есть результат определенного пластического решения объемно-пространственной структуры. Светотеневая структура зачастую определяет и целостность композиции, и ее характерность, выявляет строй формы и другие важные качества. Пластика и тени настолько тесно взаимосвязаны, что как средства композиции должны рассматриваться вместе. В исследуемом образце построение объемно пространственной композиции выполнено таким образом, что сочетание отдельных удачных элементов композиции и использование довольно удачной цветовой гаммы не привело к целостному располагающему восприятию облика изделия и по комплексному показателю, которым является пластичность, показало значительное отличие от узаконенного промышленного образца.

Таким образом, по результатам экспертной оценке возможного нарушения прав на промышленный образец общая ситуация может быть охарактеризована как преимущественного отсутствия повторения исследуемым образом отличительных признаков оригинала. После построения диагностического профиля это становится очевидным. За внешним общим сходством двух образцов, при более детальном изучении отдельных признаков открываются скрытые отличия по отдельным областям диагностирования, которые в конечном итоге становятся очевидными, наглядными и дают возможность сделать окончательный вывод. Для приведенного примера наиболее значительные отличия существуют по орнаменту, фактуре и пластике формы, которые находятся в глубине отличительной зоны. Этого достаточно чтобы окончательно установить отсутствие нарушения авторского права зарегистрированного промышленного образца исследуемым образцом.

При сравнительном исследовании различных образцов с целью определения нарушений авторских прав перечень их отличительных особенностей, в сравнении с приведенным примером, может быть значительно расширен и должен определяться организатором экспертной оценки. В зависимости от содержания областей диагностирования членами экспертной комиссии должны быть специалисты-эксперты соответствующего профиля.

Практика показывает, что уменьшение субъективности и соответственно повышение объективности результатов использования экспертных методов существенно зависит от соблюдения правил организации, подготовки и проведения экспертных работ. Особенно это зависит, в первую очередь, от организации экспертного оценивания, назначения ответственного за организацию и проведение работ по экспертной оценке, а также от формирования состава экспертных комиссий. Существенную роль в получении объективного результата сравнительной экспертной оценки объектов интеллектуальной собственности играет математическая обработка нечисловых величин экспертных мнений экспертов-специалистов.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Закон «Конституция Луганской Народной Республики» 30 декабря 2022 года. [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ. [Электронный ресурс] // Законодательство. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Документы и формы. [Электронный ресурс] // Законодательство. - Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/docs> <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/normativnye-dokumenty>

5. ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ. [Электронный ресурс] // Законодательство. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/>

6. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Математико-статистические методы экспертных оценок / С.Д. Бешелев, Ф.Г. Гурвич // Изд. 2, перераб. и доп. - М.: Статистика, 1980. - 264 с.

7. Локарнское соглашение об учреждении Международной классификации промышленных образцов от 8 сентября 1968 г. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/lokarnskoe-soglashenie-o-mkpo>

Zhdanov Sergey Aleksandrovich

Candidate of Technical Sciences,

*Professor of the Department of Constitutional
Law and Historical and Legal Disciplines,*

Law Institute

*State Educational Institution of the LPR «Lugansk State
University named after Vladimir Dal»*

e-mail:zholsa11@gmail.com

IMPROVEMENT OF THE MECHANISM OF EXPERT EVALUATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS BY THE METHOD OF MATHEMATICAL PROCESSING OF NON-NUMERIC DATA

Abstract. The article is devoted to improving the mechanism of expert evaluation of copyright infringement on intellectual property objects. The issues related to the need for their protection are considered. The methods of protection and the features of proving the violation of the right, in particular, to an industrial design, are analyzed. A method of mathematical processing of non-numerical data of expert assessments of intellectual property objects is proposed, which provides an increase in the objectivity of the examination results.

Keywords: intellectual property, industrial designs, copyright protection, expert evaluation, mathematical processing.

Literatura

1. The «Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) Was adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. [Electronic resource] // Legislation. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. The Law «Constitution of the Luhansk People’s Republic» on December 30, 2022. [Electronic resource] // Legislation. – Access mode:

<https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

3. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) November 30, 1994 N 51-FZ. [Electronic resource] // Legislation. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Rospatent. Federal Service for Intellectual Property. Documents and forms. [Electronic resource] // Legislation. - Access mode: <https://rospatent.gov.ru/ru/docs> <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/normativnye-dokumenty>

5. Federal Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» (with amendments and additions) dated May 31, 2001 N 73-FZ. [Electronic resource] // Legislation. - Access mode: <https://base.garant.ru/12123142/>

6. Beshelev S.D., Gurvich F.G. Mathematical and statistical methods of expert assessments / S.D. Beshelev, F.G. Gurvich // Ed. 2, reprint. and additional - M.: Statistics, 1980. - 264 p.

7. Locarno Agreement on the Establishment of the International Classification of Industrial Designs of September 8, 1968 [Electronic resource] // – Access mode: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/lokarnskoe-soglasenie-o-mkpo>

Кальницкая Наталья Дмитриевна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
и историко-правовых дисциплин Юридического института,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: n.calnitsckaia2011@yandex.com

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В данной статье рассматриваются основные этапы развития российской судебной власти. Особое внимание уделяется характерным чертам судопроизводства, изменениям в этой сфере в ракурсе исторического развития государственно-правовых и общественных процессов в России.

Ключевые слова: принцип разделения властей, суд, судебная власть, Россия, государство, государственная власть.

Принцип разделения властей – важнейший конституционный принцип, особая политико-правовая доктрина, которая обеспечивает основу организации власти демократического государства, а также является одним из главных принципов, на котором базируется политическая демократия. Сама теория имеет долгую историю. Ее истоки отдельные ученые находят в античном мире. Но окончательно сформулированной она стала в период Просвещения и Великой Французской революции XVIII в. Эта теория, созданная Ш.Л. Монтескье с целью эффективного функционирования государства, заключается в разделении государственной власти на три основные самостоятельные и независимые друг от друга ветви власти. Такой принцип разделения ветвей власти позволяет ликвидировать любую возможность концентрации всей полноты власти в руках одного лица или же органа, то есть необходим во избежание узурпации государственной власти [1, с. 40].

Принцип разделения властей предполагает наличие системы сдержек и противовесов, которые не позволяют одному из высших органов государственной власти узурпировать власть полностью. Суд выступает важнейшим в механизме системы сдержек и противовесов, обладая возможностями разрешать споры о компетенции между различными государственными органами, признавать незаконными акты, изданные органами исполнительной и законодательной власти. Судебная власть является той опорой, которая обеспечивает прочность всей конструкции государственности страны, разрешая

все конфликтные ситуации, споры о праве, устраняя юридические неопределенности. Поэтому изучение данной темы актуально.

Анализ библиографии дает представление о степени изученности данной проблемы, дает возможность обозначить те вопросы, которые не получили глубокого анализа в юридической науке. Среди отечественных ученых необходимо выделить таких авторов, как: П. А. Гук, С. В. Романова, С. Н. Жуенко, В. В. Филистеев, В. В. Филистеева, А. А. Шамардин, А. В. Илюхин, С. В. Архипов и другие.

История судебной власти России неотделима от государственно-правовых и общественных процессов, происходивших на протяжении веков в российском государстве и связанных с формированием, развитием и изменением системы управления обществом в различные исторические эпохи.

Исходя из общей хронологии российской истории, можно составить следующую периодизацию становления судебной ветви власти в государстве:

1. Догосударственный период (VI – IX ст.). Изначально, вероятно, люди сами разрешали свои конфликты, причем способы их разрешения были различными, поскольку не регламентировались юридическими правилами. Затем люди стали приглашать третьих (наиболее авторитетных) лиц, позднее государственных лиц или создавать органы для разрешения споров. У славян особое место играла община. Общинный суд древних славян выступал как государствообразующий фактор, проявлял самостоятельность в принятии решений. Однако судебная власть еще не выделялась из общества, не представляла собой отдельный институт и сливалась с функцией самоуправления [2, с. 13 - 14].

2. Феодалный период (IX – XVII ст.). На данном этапе происходила внутренняя структуризация судебной власти, это было связано с постепенным нарастанием и сосредоточением судебных полномочий в рамках обладания государственной властью. В целом судопроизводство ощущало на себе влияние общины (социальной единицы, накладывающей определенные нормы поведения), княжеской (государственной) власти и Церкви (в виде канонического права). При этом в русском судопроизводстве древнерусского периода элемент индивидуальной воли тяжущихся сторон играл важнейшую роль, а функция судьи ограничивалась наблюдением за спором и уравниванием средств и возможностей спорящих. У процесса отсутствовала следственная система, а государственная власть не вмешивалась в расследование до слушания. Стороны на суде имели в своем распоряжении три способа доказательства: свидетели (видок и послух); обращение к Божьему суду, божьим клятвам (по-древнерусски – рота), испытание водой или железом, а с XII в. иногда проводились судебные поединки; также для гражданских тяжб использовались акты, расписки и другие документы [3, с. 227 - 229]. В IX – XII вв. происходило выделение судебных функций из функций общинного само-

управления, выделялись первые признаки структурного обособления, связанные с передачей судебной власти правителю, также намечалось становление профессионализации суда. По мере развития феодальных отношений и постепенного становления сословной монархии (XII – XVI вв.) судебная система, неразрывно связанная с управлением, усложнялась, формировались местные судебные органы власти, которым делегировались значительные полномочия. Судебные функции тогда использовались для системы кормления. В то время отдельных зданий судов не было, а судебный процесс проходил в кабинетах, дворах должностных лиц или на площадях. По «Судебнику» 1550 г. сокращались судебные функции наместников, усиливался контроль со стороны центральной администрации. В XVI – XVII вв. складывалась единая государственная судебная система, происходило дальнейшее формирование системы полномочий суда. В этот период судебные полномочия вновь возвращались к органам местного самоуправления, таким как губные и земские избы.

3. Период расцвета абсолютизма (конец XVII в. – 1864 г.). Этот этап в России ознаменовал первые попытки отделения судебной власти от административной. При Петре I в 1713 г. в губерниях были учреждены должности судей, вводился институт профессиональных судей. Были созданы судебные органы, надворные и городские суды, которые не зависели от воевод и губернаторов. Учрежден Военный суд, Сенат. Согласно реформе Екатерины II изменилась судебная система – был введен сословный суд. Так, дела дворян рассматривались в уездных судах, Верхних земских судах; горожан – в городских и губернских магистратах; а государственных крестьян – в нижних и верхних земских расправах. В условиях дальнейшего закрепления крепостного права суд над помещичьими крестьянами вершили сами собственники крестьян. Можно отметить, что итогом судебных реформ Петра I и Екатерины II было создание судебных органов власти, которые уже не имели дополнительных административных полномочий. При этом можно выделить отрицательные черты, характерные для судебной сферы этого периода: множественность и запутанность процессуальных требований. Иногда сложно было определить круг дел, который подлежал рассмотрению отдельного судебного органа. В некоторых случаях, это приводило к затягиванию процесса на долгие годы. Также существенным недостатком дореформенного суда являлась коррупция, крайне низкая общая и юридическая грамотность судей. В суде использовалась розыскная форма судопроизводства. Судопроизводство осуществлялось в соответствии с принципом письменности, который предполагал, что решение дел судом происходило на основании письменных материалов, которые были получены во время следствия, а не на основании прямого получения доказательств, личного ознакомления с материалами дела, устного допроса участников судопроизводства. Адвокатура не существовала, что

не позволяло в полной мере осуществлять защиту лиц, привлекаемых к ответственности. В первой половине суд подчинялся власти губернатора и составлял единое целое с административной системой, по крайней мере, существенно зависел от нее. В ряде случаев различия административной и судебной форм репрессии были практически незаметны. Так, суд при осуществлении уголовного и гражданского судопроизводства не был в полной мере самостоятельным.

Отметим, что предпринимались попытки разрешения данных проблем. В XVIII – первой половине XIX в. усиливалась централизация и обособление системы государственных судов, происходило образование органов, обеспечивающих деятельность судов (прежде всего, создание Юстиц-коллегии). Отдельно следует выделить начало процесса специализации полномочий судов: формировались гражданские и уголовные коллегии [4, с. 171 - 172]. Особое место занимает реформирование М.М. Сперанского в законодательной сфере. С 1826 г. он фактически возглавил II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которое осуществляло кодификацию законов. Под его руководством были составлены Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, Свод законов Российской империи в 15 томах, что значительно облегчило процессуальную деятельность российских судей.

4. Реформационный (1864 – 1917 гг.). Судебная реформа 1864 г. качественно изменила судебный процесс, позволила законодательно утвердить основные элементы статуса суда в российской государственности. Структурное, организационное обособление было тесно связано с вопросами собственной деятельности и полномочиями контрольного характера в отношении иных органов власти. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. занимают уникальное место среди других правовых памятников эпохи буржуазно-демократических реформ. Следует обратить внимание на то, что в ходе судебной реформы произошли следующие изменения:

- отделение суда от администрации и независимость от нее;
- создание всесословного суда;
- равенство всех перед судом;
- введение института присяжных заседателей;
- введение прокурорского надзора;
- создание четкой системы судебных инстанций;
- отделение предварительного следствия от суда;
- введение апелляции и кассации;
- участие в процессе сторон защиты и обвинения.

Особо следует отметить, что в ходе реформы были провозглашены принципы гласности и устности процесса, равенства сторон, презумпция невиновности, свободной оценки доказательств.

Истоки ее подготовки уходят корнями в первую половину XIX в., когда М. М. Сперанским была предложена обширная программа реформирования судебной системы страны. Летом 1857 г. в Государственный совет поступил проект Устава гражданского судопроизводства, подготовленный графом Д. Н. Блудовым [5, с. 52]. К началу 1861 г. в Государственный совет на рассмотрение было представлено четырнадцать законопроектов, которые содержали сведения об изменении судебной системы. В результате, 20 ноября 1864 г. Александром II были утверждены основные документы судебной реформы: Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Судебную реформу 1864 г. вправе считать самой последовательной. Однако заложенный в реформе комплекс мер по учреждению самостоятельного, независимого суда не был реализован в полном объеме. Предпринятые верховной властью контрреформы, а затем революции начала XX в. радикально изменили российскую государственность и вместе с ней и положение судебной власти [6, с. 15 – 16].

5. Советский период (1917 – 1991 гг.). Упразднились царские суды, а функции правосудия были переданы местным судам и революционным трибуналам (для политических дел), которые избирались Советами. Большая роль принадлежала народным судам, которые действовали в составе судьи и двух народных заседателей. Теория построения социалистического государства исключала разделение властей. В этом контексте суд в СССР действовал как орган государственной власти, при этом наличие отдельных элементов статуса (структура, полномочия) не исключало подконтрольности суда всевластным Советам и партийно-бюрократическому аппарату. Были сформирована система судов, нормативная база их организации и деятельности на основе конституции.

6. Современный реформационный период (1991 – 2023 гг.). В современных условиях судебная власть провозглашается ветвью власти, начинается процесс формирования основных элементов институциональной, функциональной, ресурсной обособленности и автономности суда в системе государственной власти. Предпринимаются серьезные меры по адаптации места и роли суда в системе государственности, к решению единых государственно-правовых задач организации и жизнедеятельности современного российского общества [2, с. 13 – 15]. Современная структура судебной системы в Российской Федерации предусматривает наличие Конституционного суда РФ, Конституционных судов республик в составе РФ, уставных судов других субъектов РФ; Верховного суда РФ, общих, военных судов, арбитражных судов федеральных округов, арбитражных судов субъектов РФ, мировых судей. Конституционный суд РФ является высшим судебным органом, кон-

тролирующим соответствие законов и других нормативных правовых актов действующей Конституции. Конституционные суды республик в составе РФ, уставные суды других субъектов РФ независимы от Конституционного суда РФ, их решения не могут быть пересмотрены. Верховный суд РФ – высший судебный орган по гражданским делам, разрешению экономических споров, административным, уголовным и другим делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Мировые судьи в России являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Мировые судьи рассматривают гражданские дела (не подведомственные арбитражным судам), дела об административных правонарушениях, предусмотренные Кодексом РФ об административных правонарушениях, уголовные дела о преступлениях, за совершение которых может быть назначено максимальное наказание, не превышающее трех лет лишения свободы. В соответствии с Конституцией РФ обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Таким образом, можно отметить, что судебная власть является необходимым элементом общественной организации, без которого нормальное функционирование общества практически невозможно. Судебная власть России имеет давнюю историю. Институт правосудия столь же древний, как и само государство. Причина зарождения суда кроется в том, что любое общество несовершенно, а тем более не идеально. И во избежание открытой конфронтации, неконтролируемых властью ситуаций, а также для защиты интересов отдельных слоев населения собственно и создается само государство, а вслед и правовая система. И при этом для каждого исторического периода были характерны особенности, которые отражались на объеме, положении и возможностях судебной власти в России.

Литература

1. Филистеев В.В., Филистеева В.В. Судебная власть в системе разделения властей / В.В. Филистеев, В.В. Филистеева // Актуальные исследования. – 2021. – № 21 (48). – С. 39 - 42.
2. Гук П.А. Конституционно-правовые основы судебной и прокурорской деятельности: Учебное пособие / П.А. Гук. – Пенза: Издательство ПГУ, 2018. – 168 с.
3. Вернадский В.Г. История России. Киевская Русь / В.Г. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1999. – 448 с.
4. Шамардин А.А. Правоохранительные органы (Судоустройство): Учебник для вузов / А.А. Шамардин. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2021. – 275 с.

5. Илюхин А. В., Архипов С. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России / А.В. Илюхин, С.В. Архипов // История государства и права. – 2015. – № 18. – С. 50 – 54.

6. Романова С.В., Жуенко С.Н. История становления и развития судебной системы в России / С.В. Романова, С.Н. Жуенко // Государство и право в XXI в. – 2021. – № 2. – С. 13 – 18.

Kalnitskaya Natalia Dmitrievna

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional law and Historical
and Legal disciplines of the Law Institute,
SEI HE LPR «Vladimir Dahl Lugansk State University»
e-mail: n.kalnitsckaia2011@yandex.com*

THE MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN JUDICIAL POWER

This article discusses the main stages of the development of the Russian judiciary. Special attention is paid to the characteristic features of judicial proceedings, changes in this area from the perspective of the historical development of state-legal and social processes in Russia.

Keywords: the principle of separation of powers, the court, the judicial power, Russia, state, state power.

Literatura

1. Filisteev V.V., Filisteeva V.V. Sudebnaya vlast` v sisteme razdeleniya vlastej / V.V. Filisteev, V.V. Filisteeva // Aktual`ny`e issledovaniya. – 2021. – № 21 (48). – С. 39 - 42.

2. Guk P.A. Konstitucionno-pravovy`e osnovy` sudebnoj i prokurorskoj deyatel`nosti: Uchebnoe posobie / P.A. Guk. – Penza: Izdatel`stvo PGU, 2018. – 168 s.

3. Vernadskij V.G. Istoriya Rossii. Kievskaya Rus` / V.G. Vernadskij. – Tver`: LEAN, M.: AGRAF, 1999. – 448 s.

4. Shamardin A.A. Pravooxranitel`ny`e organy` (Sudoustrojstvo): Uchebnik dlya vuzov / A.A. Shamardin. – Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2021. – 275 s.

5. Ilyuxin A. V., Arxipov S. V. Ulozhenie o nakazaniyax ugovolny`x i ispravitel`ny`x 1845 g. kak prolog sudebnoj reformy` 1864 g. v Rossii / A.V. Ilyuxin, S.V. Arxipov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 18. – С. 50 – 54.

6. Romanova S.V., Zhuenko S.N. Istoriya stanovleniya i razvitiya sudebnoj sistemy` v Rossii / S.V. Romanova, S.N. Zhuenko // Gosudarstvo i pravo v XXI v. – 2021. – № 2. – С. 13 – 18.

Каплун Сергей Владимирович
старший преподаватель
кафедры международного права и
права социального обеспечения
Юридического института
ГБОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: institute-jur@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ИХ РОЛЬ В РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Статья посвящена рассмотрению принципов права, анализу их значения в трудовом праве и роли принципов трудового права в религиозных организациях. Правовое регулирование трудовых отношений определяется основными принципами трудового права, которые имеют место и в регулировании трудовых отношений в религиозных организациях.

Ключевые слова: принципы, принципы права, трудовое право, трудовые отношения, религиозная организация.

Для характеристики сущности правового регулирования трудовых отношений в религиозных организациях важно выявить его основные принципы, то есть объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми строится правовое регулирование указанных отношений.

Теоретические аспекты понятия, системы и классификации принципов права и принципов трудового права, в том числе в религиозных организациях, исследовались в трудах М.И. Байтина, С.Ю. Головиной, С.Г. Дробязко, В.Н. Каргашова, Л.И. Лазор, В.В. Лазор, И.В. Лазор, Н.А. Плахотиной, И.В. Понкина, Д.А. Смирнова, А.А. Стадченко, О.И. Цыбулевской, И.И. Шамшиной, Ф.Б. Штивельберга, Е.Б. Хохлова, Л.С. Явича и других ученых.

Так как принципы права, находя реальное воплощение в обществе, постоянно эволюционируют, следуя запросам этого самого общества, эта тематика является актуальной и требующей постоянного исследования.

Целью данной статьи является теоретический анализ принципов трудового права, их значение и возможность применения в религиозных организациях.

Значимость категории принципов, как в теоретическом, так и в практическом смысле, невозможно переоценить. Верное понимание принципов, их применение, а также руководство ими имеют огромное значение для каждого

человека. Так, многие известные публичные люди – Оноре де Бальзак, Иммануил Кант, Клод Гельвеций, Томас Джефферсон и другие – высказывались о принципах и их роли в жизни человека, но наиболее известная цитата принадлежит шотландскому писателю и реформатору Сэмюэлу Смайслу (1812 - 1904): «Человек без принципов и без воли похож на корабль, у которого нет руля и компаса, он меняет свое направление с каждой переменной ветра» [1].

По определению известного российского теоретика права В.Н. Карташова, слово ««принцип» в переводе с латинского (*principium*) означает буквально «основу, первоначало, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления (учения, организации, деятельности). Еще римские авторы обращали внимание на то, что «принцип есть важнейшая часть всего» (*principium est potissima pars cujunque rei*) [2, с.158].

В справочной литературе принцип определяется как научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают [3]; в субъективном смысле основное положение, предпосылка; в объективном смысле – исходный пункт, первооснова, самое первое... [4]; принцип (метаф.) или начало (*principium, αρχή*) - то, чем объединяется в мысли и в действительности известная совокупность фактов [5].

Переходя непосредственно к принципам права, отметим формулировку, данную Л.И. Лазор: «Правовое регулирование общественных отношений всегда базируется на определенных принципах, то есть на таких исходных положениях, основных идеях, соблюдение которых обеспечивает согласованность в действиях участников общественных отношений и ориентирует на достижение результата, значимого для общества и государства в целом» [6, с.120].

Важность правовых принципов также отмечают ученые С.Г. Дробязко, В.Н. Карташов, И.В. Понкин, Л.С. Явич и другие ученые.

В настоящее время существует вопрос о делении принципов, так как в юридической литературе принято различать «принципы права» и «правовые принципы», так как якобы категория «правовые принципы» не закреплена в законодательстве, а категория «принципы права» - закреплена.

Яркими представителями этой точки зрения являются Н.А. Беляев, утверждавший, что «Всякий принцип права есть правовой принцип, но не всякий правовой принцип есть принцип права» [7, с.128], В.В. Богатырев, а также ряд других ученых.

Существует и другое мнение, более применяемое в международном праве и заключающееся в том, что в настоящее время понятия «принцип права» и «правовой принцип» являются идентичными. Как утверждает О.В. Смирнов, понятия «правовой принцип» и «принцип права» во многом однозначны,

поэтому их нельзя противопоставлять друг другу как неправовую категорию (правовой принцип) правовой (принципу права) [8, с.16-17]. Этому же мнению придерживается и О.И. Цыбулевская.

Д.А. Смирнов, проанализировав научные труды Н.Н. Алексева, М.И. Байтина, О.В. Смирнова, В.Н. Козлова и Л.А. Мироновой, обозначает три основных направления в понимании принципов права: доктринальное, широкое и нормативное.

В целом, позитивные принципы права обобщаются в нормативных правовых актах, закреплены текстуально, имеют определенное количество, обладают императивностью, стабильны, являются частью законодательства и, следовательно, известны законоисполнителю. Доктринальные же принципы можно назвать аксиомами права, так как многие из них принимаются без доказательств, они субъективны и вариативны, могут меняться по объективным или субъективным причинам, часто представляют собой не имеющие юридического значения идеи и имеют варианты, не закрепленные текстуально.

Сторонниками доктринального понимания принципов права являются К.С. Юдельсон, И.Б. Морейн, К.А. Чернов. Они полагают, что принципы права носят исключительно доктринальный характер и не обладают императивностью.

Сторонники широкого понимания принципов права считают, что понятие права включает в себя не только нормы, но и другие правовые явления: правосознание, правоотношения, субъективные права и пр. Представителями этого направления являются Д.А. Керимов Р.З. Лившиц, В.С. Нерсесянц, В.А. Туманов, Л.С. Явич.

Нормативное же направление, по мнению Д.А. Смирнова, характерно для тех, кто правом считает только то, что закреплено государством в официально признанных источниках права. Сторонники подобного направления дают различные трактовки принципов права, но имеют единое представление о форме выражения принципов права [9, с.30-37]. Представителями нормативного понимания принципов права являются С.С. Алексеев, Г. Кельзен, П.И. Новгородцев, Р. Штаммлер.

Следует отметить, что принципы права не могут быть неизменными, вместе с развитием общества они претерпевают изменения, эволюционируют.

Л.С. Явичем предлагается три критерия классификации принципов права, используемые и в современной юридической науке: тип права, характер и уровень действия принципов права.

По типу права им выделяются принципы рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического права, а по уровню действия принципов права им принято их деление на три основных уровня, и эти уровни

широко используются в современной юридической литературе: общие, или основные; межотраслевые принципы; отраслевые принципы права [10, с.152].

По характеру Л.С. Явич, а впоследствии С.С. Алексеев, М.И. Марченко и другие ученые, делят все принципы права на неюридические (общесоциальные) и юридические (специально-юридические).

Так, общесоциальные принципы права – это принципы права, характеризующие общество в целом и являющиеся характеристикой демократического общества: Эти принципы закрепляют основы общественных отношений и подразделяются на экономические; политические; идеологические; нравственные; этические; социально-структурные; религиозные. Специально-юридические принципы представляют собой начало правового регулирования. Вне правовой сферы они утрачивают свою значимость. К специально-юридическим принципам относятся: законность, выражение в праве воли и интересов народа, равенство всех граждан перед законом, единство прав и обязанностей, ответственность за вину, сочетание убеждения и принуждения. Эти принципы подробно классифицировали М.И. Марченко и С.Г. Дробязко.

В зависимости от множества критериев существуют и иные классификации принципов права. Их охарактеризовали М.И. Байтин, А.Н. Гасанова, В.Н. Карташов, В.В. Лазарев, Г.В. Мальцев, А.В. Наумов и другие ученые.

В каждой отрасли юриспруденции существуют свои принципы права, которые отражают общеправовые принципы через призму своего предмета и метода. В современных государствах важнейшей отраслью права является трудовое право, при этом трудовое право регулирует только отношения наемного труда.

Так, Л.И. Лазор выделяет следующие характерные признаки наемного труда:

- добровольность; трудовая деятельность осуществляется лицом (работником) осознанно и является следствием свободного волеизъявления;
- определенность трудовой функции; лицо осуществляет трудовую деятельность определенного рода (вида), т.е. по оговоренной специальности, квалификации либо с заранее определенным кругом обязанностей, которые берется выполнять работник;
- регламентированность; трудовая деятельность работника производится под руководством извне, и при осуществлении этой деятельности работник обязан выполнять указания другого лица (работодателя) относительно порядка совершения определенных действий, времени выполнения этих действий, результата, который должен быть достигнут;
- отсутствие у работника прав на результат труда: результат труда, достигнутый лицом (работником) в процессе его деятельности, принадлежит не

ему, а лицу, которое организовывало этот труд и руководило (управляло) этим трудом, т.е. работодателю;

- возмездность; лицо, осуществлявшее наемный труд (работник), получает за свою деятельность определенную плату [6, с.10].

По ее мнению, работник, как лицо наемного труда, в трудовых отношениях является экономически слабой стороной, поэтому нуждается в социальной защите в случае нарушения его прав. Работодатель же нуждается в содействии в реализации своих законных интересов. Поэтому трудовое право нацелено помочь реализовать их права на законных основаниях, оказать содействие в организации производственной деятельности и общественного труда и соблюсти баланс их интересов [6, с.20].

Правовое регулирование трудовых отношений отражено в нормах трудового законодательства Российской Федерации и в соответствующих принципах трудового права.

Л.И. Лазор эти принципы определяет так: «...принципы трудового права – это исходные начала, руководящие идеи, на которых базируется правовое регулирование наемного труда; принципы отражают общую сущность норм трудового права, определяют направления дальнейшего развития трудового права в целом и его отдельных институтов. Принципы трудового права служат для восполнения трудовых пробелов, преодоления коллизий и толкования норм права» [6, с.127].

Принципы трудового права закреплены в Конституции Российской Федерации [11, ст.37], в статье 2 Трудового кодекса Российской Федерации [12, ст. 2] и в Декларации Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» [13].

Проанализировав эти документы, Л.И. Лазор [6, с.128-161], А.В. Кузьменко, Е.М. Офман и другие ученые разработали собственные классификации и определения принципов трудового права.

Все принципы трудового права между собой взаимосвязаны и имеют большое влияние на отношения между человеком и организацией. Эти принципы предопределяют содержание и сущность действующих и будущих правовых норм, а иногда и восполняют пробелы в законодательном регулировании отдельных сторон общественных отношений, не урегулированных правом.

Поэтому хотелось бы отметить продуктивность принципов трудового права в реализации защитных функций, а также их социальную значимость.

В религиозных организациях принципам трудового права предназначена особая роль, так как в них трудо-правовые отношения имеют свои особенности.

По мнению С.А. Головиной, «главная особенность в регулировании труда работников религиозных организаций заключается в том, что законодатель допускает исключения из общих правил, обосновывая это необходимостью соблюдения внутренних установлений религиозной организации» [14, с.11].

Также особенностью трудо-правовых отношений в религиозных организациях является конституционный принцип отделения церкви от государства (принцип светскости). Этот принцип является базовым, так как подчеркивает, что отношения государства и религиозных организаций строятся на принципах взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга, при условии соблюдения религиозными организациями норм действующего законодательства [11, ст.14]. Но при этом этот принцип наделяет религиозную организацию правом создавать свои внутренние правила, если они не нарушают законы государства [15, ст.15].

Вторым конституционным принципом в трудовом праве является принцип свободы совести и вероисповедания. Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [11, ст.28].

Несмотря на принцип отделения церкви от государства, в религиозных организациях частично действуют принципы трудового права, закрепленные в статье 2 «Трудового Кодекса Российской Федерации» [12, ст.2]. Следующими в трудовом праве религиозных организаций можно выделить принципы единства и дифференциации. Общие конституционные принципы и общие нормы трудового права, распространяющиеся на всех работников, независимо от каких-либо объективных или субъективных особенностей их труда, и работодателей в Российской Федерации, отражают принцип единства в трудовом праве.

Принципы дифференциации – это специальные, по сравнению с общими, нормы, которые дают возможность разным категориям работников наравне с другими реализовывать основные трудовые права и обязанности.

При этом, единство и дифференциация не исключают друг друга.

Ф.Б. Штивельберг выделяет объективные и субъективные основания дифференциации [16, с.197]. При этом объективные основания характеризуют условия и характер труда, отрасль народного хозяйства, характер трудовой связи между работником и работодателем (временные, сезонные работники, совместители), а субъективные основания связаны с особенностями субъектов трудового правоотношения - работника и работодателя.

Как отмечает А.В. Стадченко, «В последнее время некоторые авторы вполне обоснованно связывают субъектную дифференциацию не только с особенностями личности работника (половозрастные особенности, физиологические особенности человеческого организма), но и с особенностями другой стороны трудового договора - работодателя, в связи, с чем под субъектной дифференциацией понимают особенности субъектов трудового правоотношения, которые влекут необходимость применения специальных норм» [17].

Принцип дифференциации как нормы трудового права нашел свое применение в трудо-отношениях в религиозных организациях.

Ф.Б. Штивельберг применяет категорию правосубъектности для определения субъектных оснований дифференциации трудового права, чтобы определить объективные особенности субъектов трудовых отношений [16, с.106].

Проанализировав исследования Е.Б. Хохлова по специальной правосубъектности граждан, и отметив выделенные им две группы работников: работники, которые в силу закона обладают способностью к участию не во всех, а лишь в некоторых отношениях, составляющих предмет трудового права, либо реализующие свою способность к труду в особом порядке (ограниченная трудовая правосубъектность) и работники, которые в силу указания закона могут принимать участие в трудовых отношениях, в которых иные субъекты не имеют права участвовать» [18, с.316], мы делаем вывод, что работники религиозных организаций, заключившие трудовые договоры, имеют специальную правосубъектность.

Отметим, что в Русской Православной Церкви как религиозной организации священнослужители являются не работниками, а служителями церкви и подчиняются внутренним каноническим актам. Так как Трудовой Кодекс РФ и Устав Русской Православной Церкви не предусматривают заключение трудовых договоров религиозной организации со священнослужителями, эти трудовые отношения не могут регулироваться нормами Трудового Кодекса.

Работники, не связанные с выполнением религиозных обрядов, не имеющие специального религиозного посвящения (хиротонии) и образования и выполняющие работу, ничем не отличающуюся по содержанию от такой же работы в других организациях (свечница, она же продавец, просфорник, он же пекарь, повар, бухгалтер; электрик и др.), и заключившие трудовые договора с религиозной организацией, подчиняются нормам трудового законодательства Российской Федерации. Иные церковнослужители, получившие специальное религиозное (духовное) образование (регенты и псаломщики) и принимающие непосредственное участие в осуществлении религиозных обрядов, относятся к этой же категории.

Работники, должность которых имеет публичный или непубличный характер и связана с представлением интересов религиозной организации в отношениях с третьими лицами и заключившие с религиозной организацией трудовые договора, также подчиняются нормам трудового законодательства Российской Федерации.

Помимо этих категорий, в религиозных организациях трудятся добровольные помощники из числа верующих и на них принципы трудового права в религиозных организациях не распространяются.

Говоря о принципах правового регулирования трудовых отношений в религиозных организациях, невозможно не рассмотреть моральные нормы и нравственные принципы.

В религиозных организациях требования к моральным нормам и нравственным принципам их представителей должны быть неоспоримы.

Так как священнослужители и работники являются представителями своей религиозной организации, они должны соблюдать моральные нормы и нравственные принципы общества. Вся церковная община притягивает к себе внимание, а безнравственные и аморальные поступки подрывают авторитет церкви, хоть и в неравной мере завися от личности совершившего такой проступок – священнослужителя или церковнослужителя (работника религиозной организации) – и являются недопустимыми.

Священнослужители, не являясь субъектами трудовых отношений с точки зрения Трудового Кодекса РФ, не могут отстаивать свои права, опираясь на все принципы трудового права, закрепленные в статье 2 ТК РФ [12, ст.2]. Они обязаны строго выполнять внутренние установления религиозной организации и вести высоконравственную жизнь. Их нравственные принципы и ориентация на приоритет духовных ценностей над материальными, беззаветное служение Богу и людям определяют наполнение жизни религиозным смыслом и жертвенностью во имя великой цели.

Касаемо работников религиозных организаций, соблюдения ими моральных норм и нравственных принципов носит обязательный характер. Выполняемые ими функции и полномочия, которыми они обладают, налагают на работников обязательства их соблюдения. Чем выше статус работника религиозной организации, чем публичнее его должность, тем больший уровень ответственности за действия, высказывания и побуждения.

В целом, роль принципов трудового права в религиозных организациях является важным составляющим трудовых отношений между работодателем и работником. В трудовых отношениях в религиозной организации эти принципы являются неким связующим звеном между внутренними установлениями и законодательством государства и не позволяют грубо нарушать трудо-

вые права работников религиозных организаций, чем характеризуют себя как важный элемент социальной политики.

Помимо этого, принципы трудового права выражают идеи и нормы их реализации в современном обществе, а также продуцируют возникновение новых принципов в зависимости от вызовов и потребностей общества, в том числе и религиозного характера.

Литература

1. Цитаты известных личностей. Сэмюэл Смайлс. Цитаты. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.citaty.net/avtory/semiuel-smails/>
2. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции / В.Н. Карташов // Юридическая техника. – 2020. – №14. – С. 158-166.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]: подгот. по 2-му печ. изд. 1880 – 1882 гг. – Электр. дан. – М.: АСТ [и др.], 1998.
4. Философский энциклопедический словарь: энциклопедия / ред.-сост. Е.Ф. Губский. – М.: Инфра-М, 2003. – 575 с.
5. Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз - И.А. Ефрон 1890 г. – Ярославль: Терра, 1990-1994. – Т.49: Прага – Просрочка отпуска. – 492 с.
6. Лазор Л.И., Лазор И.В., Плахотина Н.А., Шамшина И.И. Трудовое право: Учебник в 2-х томах. Том 1. «Общая часть» / Под общ. ред. проф. Л.И. Лазор. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. – 464 с.
7. Беляев Н.А. Избранные труды. Понятие, сущность и содержание уголовно-правовой политики: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 730 с.
8. Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права [Текст] / О.В. Смирнов. - Москва : Юрид. лит., 1977. – 215 с.
9. Смирнов Д.А. О понятии принципов права / Д.А. Смирнов// Общество и право. – 2012. – № 4 (41), С. 30-37.
10. Явич Л.С. Общая теория права Л.: Изд-во ЛГУ. – 1976. – 285 с.
11. Конституция Российской Федерации. Новая редакция Конституции РФ с комментариями и изменениями на 2021-2022 год. [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://constitutionrf.ru/> - Конституция РФ 2022. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 06.03.2023. Официальный сайт.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации. Часть I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tcodeksrf.ru/> – Трудовой кодекс РФ 2022. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 06.03.2023. Официальный сайт.

13. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ilo_principles.shtml/ – Декларации. Организация Объединенных Наций. Официальный сайт.
14. Головина С.Ю. Правовое регулирование труда работников религиозных организаций по новому Трудовому кодексу РФ/ С.Ю. Головина // Религия и право. 2002. № 3. С. 11.
15. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359>. Официальный сайт.
16. Штивельберг Ф.Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России. / Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. – 200 с.
17. Стадченко А.А. Особенности правового регулирования трудовых отношений в религиозных организациях. // Российская Государственная библиотека. – 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002751352.pdf.
18. Курс российского трудового права: Часть общая. В 3-х томах. Т. 1 / Гребенщиков А.В., Маврин С.П., Хохлов Е.Б.; Под общ. ред.: Маврин С.П., Пашков А.С., Хохлов Е.Б. – С.-Пб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1996. – 573 с.

Kaplun Sergey Vladimirovich

Senior Lecturer

of the Department of International Law and

Social Security Rights of the Law Institute,

SEi hpe LPR “Lugansk State

University of Vladimir Dahl”

e-mail: institute-jur@mail.ru

THE PRINCIPLES OF LABOR LEGAL RELATIONS AND THEIR ROLE IN RELIGIOUS ORGANIZATIONS

The article deals with the principles of law, the analysis of their importance in labor law and the role of the principles of labor law in religious organizations. The legal regulation of labor relations is determined by the basic principles of labor law, which also take place in the regulation of labor relations in religious organizations.

Keywords: principles, principles of law, labor law, labor relations, religious organization.

Literature

1. Tsitaty izvestnykh lichnostey. Semyuel Smayls. Tsitaty. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <https://ru.citaty.net/avtory/semiuel-smails/>.
2. Kartashov V.N. Printsipy prava: ponyatiye, struktury, funktsii / V.N Kartashov // Yuridicheskaya tekhnika. – 2020. – №14. – S. 158-166.
3. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka Vladimira Dalya [Elektronnyy resurs]: podgot. po 2-mu pech. izd. 1880 – 1882 gg. – Elektr. dan. – M.: AST [i dr.], 1998.
4. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar': entsiklopediya / red.-sost. Ye.F. Gubskiy. – M.: Infra-M, 2003. – 575 s.
5. Entsiklopedicheskiy slovar': reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya F.A. Brokgauz - I.A. Yefron 1890 g. – Yaroslavl': Terra, 1990-1994. – T.49: Prayaga – Prosrachka otpuska. – 492 s.
6. Lazor L.I., Lazor I.V., Plakhotina N.A., Shamshina I.I. Trudovoye pravo: Uchebnik v 2-kh tomakh. Tom 1. «Obshchaya chast'» / Pod obshch. red. prof. L.I. Lazor. – Lugansk: Izd-vo LNU im. V. Dalya, 2017. – 464 s.
7. Belyayev N.A. Izbrannyye trudy. Ponyatiye, sushchnost' i sodержaniye ugovolno-pravovoy politiki.: Izd-vo «Yuridicheskiiy tsentr Press», 2003. – 730 s.
8. Smirnov O.V. Osnovnyye printsipy sovetskogo trudovogo prava [Tekst] / O.V. Smirnov. – Moskva : Yurid. lit., 1977. – 215 s.
9. Smirnov D.A. O ponyatii printsipov prava / D.A. Smirnov // Obshchestvo i pravo. – 2012. – № 4 (41), S. 30-37.
10. Yavich L.S. Obshchaya teoriya prava L.: Izd-vo LGU. – 1976. – 285 s.
11. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Novaya redaktsiya Konstitutsii RF s kommentariyami i izmeneniyami na 2021-2022 god. [Elektronnyy resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <https://constitutionrf.ru/> - Konstitutsiya RF 2022. Aktual'naya redaktsiya s Kommentariyami po sostoyaniyu na 06.03.2023. Ofitsial'nyy sayt.
12. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' I. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tkodeksrf.ru/> – Trudovoy kodeks RF 2022. Aktual'naya redaktsiya s Kommentariyami po sostoyaniyu na 06.03.2023. Ofitsial'nyy sayt.
13. Deklaratsiya MOT ob osnovopolagayushchikh printsipakh i pravakh v sfere truda i mekhanizm yeye realizatsii [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ilo_principles.shtml/ – Deklaratsii. Organizatsiya Ob»yedinennykh Natsiy. Ofitsial'nyy sayt.

14. Golovina S.YU. Pravovoye regulirovaniye truda rabotnikov religioznykh organizatsiy po novomu Trudovomu kodeksu RF / S.YU. Golovina // *Religiya i pravo*. 2002. № 3. S. 11.
15. Federal'nyy zakon «O svobode sovesti i o religioznykh ob»yedineniyakh»: [Elektronnyy resurs] // *Zakonodatel'stvo*. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359>. Ofitsial'nyy sayt.
16. Shtivel'berg F.B. Osnovaniya i predely differentsiatsii trudovogo prava Rossii. / Diss. kand. yurid. nauk. Yekaterinburg, 2004. – 200s.
17. Stadchenko A.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy v religioznykh organizatsiyakh. // *Rossiyskaya Gosudarstvennaya biblioteka*. – 2005. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002751352.pdf/.
18. Kurs rossiyskogo trudovogo prava: Chast' obshchaya. V 3-kh tomakh. T. 1 / Grebenshchikov A.V., Mavrin S.P., Khokhlov Ye.B.; Pod obshch. red.: Mavrin S.P., Pashkov A.S., Khokhlov Ye.B. – S.-Pb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1996. –573 s.

Коваль Валерий Стефанович
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры интеллектуальных прав
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: marta.kaf@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье освещаются некоторые вопросы правового регулирования государственной поддержки инновационной деятельности в Луганской Народной Республике. Рассматриваются основные источники финансирования участников инноваций. Анализируется правовое положение фондов поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности. Рассматривается механизм осуществления оценки и проверки эффективности государственной поддержки инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность; инновации; государственная поддержка инновационной деятельности; субъекты, принципы, формы, финансирование, оценка эффективности государственной поддержки инновационной деятельности; фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности.

Важной составляющей государственной политики является инновационная деятельность, которая становится определяющим фактором социально-экономического развития. Страны, развивающие инновационный тип хозяйственной деятельности, основанный на эффективном внедрении и развитии новшеств, получаемых в результате научно-исследовательских и / или опытно-конструкторских разработок, обеспечивают модернизацию своих экономик, конкурентоспособность отечественных товаров, работ и услуг на отечественном и мировом рынке, улучшение качества жизни. Соответствующая научно-техническая политика, условия и порядок ее реализации определены и в Луганской Народной Республике (далее – ЛНР) [1]. О стремлении ЛНР развивать свою экономику по инновационному пути свидетельствует и созданная здесь правовая база осуществления инновационного процесса. Она, в целом, достаточная для обеспечения созидательной деятельности в ЛНР [1; 2].

Правовой базой осуществления инновационного процесса на современном этапе, является законодательство в сфере интеллектуальной собственности. Законодательство, осуществляющее государственное регулирование в этой сфере в Луганской Народной Республики кодифицировано в полном объеме в части четвертой Гражданского кодекса ЛНР, который вступил в силу 10 декабря 2018 года. Обширное регулирование государственной поддержки инновационной деятельности содержится в главе пятой Закона ЛНР от 14 мая 2018 г. № 226-П. «О науке и государственной научно-технической политике» (статьи 23-27).

Поскольку в рамках одной статьи невозможно детально рассмотреть все ключевые проблемы оптимизации правового обеспечения инновационной деятельности, мы ограничимся лишь попыткой осветить некоторые вопросы правового регулирования государственной поддержки инновационной деятельности в ЛНР, которые до настоящего времени не были предметом специального исследования, что и станет целью данной публикации.

Правовое регулирование государственной поддержки инновационной деятельности в ЛНР направлено на то, чтобы создать необходимые правовые, экономические и организационные условия, а также стимулы для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность [1, ч. 2 ст. 23]. Соответствующие принципы и формы государственной поддержки инновационной деятельности и ее субъектов в лице Луганской Народной Республики, ее исполнительных органов, а также организаций, через которые может осуществляться такая поддержка, закреплены в Законе ЛНР «О науке и государственной научно-технической политике» и могут быть представлены в таблице № 1 [1, ч. 3 ст. 23, ч. 3 ст. 24].

Таблица № 1

Принципы и формы государственной поддержки инновационной деятельности

Принципы государственной поддержки инновационной деятельности	Формы государственной поддержки инновационной деятельности
1. Программный подход и измеримость целей при планировании и реализация мер государственной поддержки.	1. Предоставление льгот по уплате налогов, сборов, таможенных платежей. 2. Предоставление образовательных услуг.

<p>2. Доступность государственной поддержки на всех стадиях инновационной деятельности, в том числе для субъектов хозяйствования; опережающее развития инновационной инфраструктуры.</p> <p>3. Публичность оказания государственной поддержки инновационной деятельности посредством размещения информации об оказываемых мерах государственной поддержки инновационной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.</p> <p>4. Приоритетность дальнейшего развития результатов инновационной деятельности.</p> <p>5. Защита частных интересов и поощрение частной инициативы.</p> <p>6. Приоритетное использование рыночных инструментов и инструментов государственно-частного партнерства для стимулирования инновационной деятельности.</p> <p>7. Обеспечение эффективности государственной поддержки инновационной деятельности для целей социально-экономического развития Луганской Народной Республики.</p> <p>8. Целевой характер использования бюджетных средств на государственную поддержку инновационной деятельности.</p>	<p>3. Предоставление информационной поддержки.</p> <p>4. Предоставление консультационной поддержки, содействие в формировании проектной документации.</p> <p>5. Формирование спроса на инновационную продукцию.</p> <p>6. Финансовое обеспечение (в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал).</p> <p>7. Реализация целевых программ, подпрограмм и проведение мероприятий в рамках государственных программ Луганской Народной Республики.</p> <p>8. Поддержка экспорта.</p> <p>9. Обеспечение инфраструктуры.</p> <p>10. В других формах, не противоречащих законодательству Луганской Народной Республики.</p>
--	--

Представленные в таблице основные принципы и формы государственной поддержки инновационной деятельности соотносятся с правовым статусом субъектов инновационной деятельности, которые наделены такими правами и обязанностями, как право на самостоятельность при осуществлении инновационной деятельности (субъект вправе самостоятельно выбирать

направления и виды своей деятельности); право на свободную реализацию своей гражданской правоспособности в ходе инновационной деятельности; право на равный доступ к государственной поддержке; разумное и целевое расходование бюджетных средств, выделенных под реализацию инновационных проектов; осуществление учета и предоставление соответствующей статистической отчетности компетентным государственным органам; соблюдение действующего законодательства, в том числе норм, регламентирующих правила ведения конкурентной борьбы.

В рамках государственной поддержки инновационной деятельности определение соответствующих целей, основных направлений, а также полномочий исполнительных органов государственной власти Луганской Народной Республики осуществляется Советом Министров ЛНР на основе принципов и в формах, закрепленных в Законе ЛНР «О науке и государственной научно-технической политике» и представленных в таблице № 1 [1, ч. 2 ст. 24; ч. 3 ст. 23; ч. 3 ст. 24; ст. 25]. Поддержку инновационной деятельности в предусмотренных формах могут осуществлять и органы местного самоуправления, которые наделены правом принятия нормативных правовых актов о поддержке инновационной деятельности и реализации программ и проектов, направленных на поддержку этой деятельности на соответствующей территории [1, ч. 2 ст. 25].

Для успешной реализации инновационных процессов и развития инновационной деятельности государство активно использует финансовые механизмы. Поэтому не является случайным отнесение финансового обеспечения государственной поддержки инновационной деятельности (в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал) к важнейшим формам такой поддержки.

Финансирование государственной поддержки инновационной деятельности осуществляется из бюджета в пределах выделенных ассигнований с учетом основных направлений государственной поддержки, а также за счет средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями.

Закон ЛНР «О науке и государственной научно-технической политике» определяет порядок осуществления оценки и проверки эффективности расходования средств, направляемых на государственную поддержку инновационной деятельности (далее – оценка эффективности государственной поддержки). [1, ч. 1 ст. 27].

Правила оценки эффективности государственной поддержки и применяемые при проведении такой оценки критерии устанавливаются Советом Министров ЛНР [1, ч. 3 ст. 27]. При оценке эффективности государственной поддержки контрольные (надзорные) органы проверяют наличие и соблюдение

утвержденных субъектами государственной поддержки документов, которые определяют стратегию, цели, задачи и порядок предоставления государственной поддержки инновационной деятельности [1, ч. 5 ст. 27]. Приведенная ниже таблица № 2 дает представление о целях проверки соответствующих документов.

Таблица № 2.

Цель проверки документов, определяющих стратегию, цели и задачи предоставления государственной поддержки инновационной деятельности	Цель проверки документов, определяющих порядок предоставления государственной поддержки инновационной деятельности
Установить: 1) соответствие указанных документов основным направлениям государственной поддержки; 2) измеримость поставленных целей и задач; 3) возможность определения эффективности предоставления государственной поддержки инновационной деятельности; 4) взаимосвязь поставленных целей и задач с ключевыми показателями эффективности структурных подразделений и руководящего состава субъекта государственной поддержки, системой мотивации его работников (в случае если указанное требование применимо к проверяемому субъекту государственной поддержки); 5) наличие системы оценки ответственности за не достижение поставленных целей (в случае если указанное требование применимо к проверяемому субъекту государственной поддержки).	Установить: 1) наличие внутренних процедур контроля за выполнением установленного порядка предоставления государственной поддержки инновационной деятельности с указанием ответственных за принятие конкретных решений и санкций за нарушение установленных процедур; 2) прозрачность внутренних процедур контроля за выполнением установленного порядка предоставления государственной поддержки инновационной деятельности, а также наличия и описания основных этапов предоставления государственной поддержки инновационной деятельности с указанием предельных сроков их проведения; 3) наличие предусмотренных процедур коллегиального принятия решений и привлечения независимых профессиональных экспертов; 4) соответствие указанных документов требованиям к нормативным правовым актам органов государственной власти Луганской Народной Республики, установленным ее антикоррупционным законодательством.

Из таблицы видно, что требования, предъявляемые к документам, подлежащих проверке контрольными (надзорными) органами при оценке эффективности государственной поддержки инновационной деятельности четко регламентированы Законом. Установление взаимосвязи поставленных целей и задач с ключевыми показателями эффективности структурных подразделений и руководящего состава субъекта государственной поддержки, системой мотивации его работников, а также наличия системы оценки ответственности за не достижение поставленных целей может быть реализовано только в случае, если указанные требования применимы к проверяемому субъекту государственной поддержки.

В рамках оценки эффективности государственной поддержки Закон ЛНР «О науке и государственной научно-технической политике» запрещает проводить проверку тех субъектов хозяйствования, которые непосредственно не получали государственную поддержку инновационной деятельности и осуществляли ее финансирование за счет собственных средств [1, ч. 9 ст. 27]. Источниками финансирования инновационной деятельности таких субъектов являются: нераспределенная прибыль предприятия; эмиссия простых и привилегированных акций и долей и паев в капитале предприятия; заемные средства предприятия, включающие в себя займы и кредиты; денежные ресурсы, которые могут быть получены предприятием от своих производственных партнеров, готовых, ради совместной выгоды, предоставить те или иные преференции.

Методом финансирования инновационной деятельности, как показывает современная практика финансово-кредитных организаций западных стран, может быть обеспечение по кредитам, осуществляемое самой экономически жизнеспособной инновацией, то есть доходами, которые будут получены в будущем.

В целях поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности Законом ЛНР «О науке и государственной научно-технической политике» предусмотрено создание соответствующих фондов, финансовое обеспечение которых осуществляется как за счет бюджетных средств, так и за счет средств различных источников, не запрещенных законодательством ЛНР. Такие фонды могут создаваться Луганской Народной Республикой, физическими и / или юридическими лицами в организационно-правовой форме фонда [1, ч. 1 ст. 21]. Фонд поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, учредителем которого является Луганская Народная Республика, создается в организационно-правовой форме государственного учреждения. Для достижения указанных целей, фонд поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности: 1) формирует

направления научных исследований и / или экспериментальных разработок, поддерживаемых таким фондом; 2) проводит конкурсный отбор научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, в том числе направленных на перспективное развитие научных организаций и образовательных организаций (учреждений) высшего образования. Для фондов, созданных отдельными законами, может быть предусмотрен иной порядок отбора программ и проектов; 3) проводит экспертизу научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, финансовое обеспечение реализации которых полностью или частично будет осуществляться или осуществляется за счет средств такого фонда, при проведении конкурсного отбора и на всех стадиях реализации указанных программ и проектов; 4) осуществляет финансовое обеспечение научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов преимущественно за счет грантов, передаваемых физическим лицам и / или юридическим лицам на реализацию указанных программ и проектов; 5) обеспечивает контроль за результативностью научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, финансовое обеспечение реализации которых осуществляется за счет средств такого фонда, на всех стадиях их реализации; 6) обеспечивает раскрытие информации о своей деятельности; 7) осуществляет иные функции, определенные учредителем при создании такого фонда [1, ч. 4 ст. 21].

Разработанные фондами среднесрочные и долгосрочные программы поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, должны быть скоординированы с государственными программами ЛНР [1, ч. 9 ст. 21].

Содержание обширного регулирования государственной поддержки инновационной деятельности свидетельствует о понимании законодателем ЛНР того, что именно государство в настоящее время должно проводить политику создания отечественной инновационной системы, в которой будет увязан коммерческий расчет частных компаний с государственным принуждением.

Литература

1. О науке и государственной научно-технической политике: по состоянию на 12 марта 2020 г. / Народный Совет ЛНР; Закон ЛНР от 14.05.2018 г. № 226-П. Офиц. изд. – Луганск: Ведомости Народного Совета ЛНР, 2018. - 35 с.
2. Гражданский кодекс Луганской Народной Республики от 8 октября 2018 года, № 265 - П [Электронный ресурс] // Законодательство. - Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6977/> Народный Совет Луганской Народной Республики. Официальный сайт.

Koval' Valerij Stefanovich
associate Professor of the department
of intellectual rights of the Law Institute of Vladimir Dahl Lugansk State
University
e-mail: marta.kaf@mail.ru

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF STATE SUPPORT OF INNOVATION ACTIVITIES

The article highlights some issues of legal regulation of state support for innovation in the Lugansk People's Republic. The main sources of financing of innovation participants are considered. The legal status of funds for supporting scientific, scientific, technical, and innovative activities is analyzed. The mechanism for assessing and verifying the effectiveness of state support for innovation is considered.

Keywords: innovation activity; innovation; state support of innovation activity; subjects, principles, forms, financing, evaluation of the effectiveness of state support for innovation; funds for support of scientific, scientific-technical, innovative activity.

Literatura

1. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike: posostoyaniyu na 12 marta 2020 g. / Narodnyj Sovet LNR; Zakon LNR ot 14.05.2018 g. № 226-II. Ofits. izd. - Lugansk: Vedomosti Narodnogo Soveta LNR, 2018. - 35 s.

2. Grazhdanskij kodeks Luganskoj Narodnoj Respubliki ot 8 oktyabrya 2018 goda, № 265- II [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6977/> Narodnyj Sovet Luganskoj Narodnoj Respubliki. Ofitsial'nyj sajt.

Комаров Владимир Анатольевич
доцент кафедры административного
и экологического права
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: vlankom@yandex.ru

МЕРЫ И УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Где бюрократия, там две дочери: взятка и коррупция
Петр I

В статье излагаются общие аспекты коррупции, её вред для общества, как социального явления, авторское понимание мер и условий преодоления коррупции для оздоровления общества и повышения эффективности функционирования государственной власти.

Ключевые слова: справедливость, конституция, конституционно - правовые гарантии, коррупция, государственная власть, должностное лицо, преступление, предупреждение преступления, гражданское общество.

Предметом исследования настоящей статьи есть – организационно-правовые меры и условия, обеспечивающие эффективную деятельность по противодействию коррупции и преодолению негативных последствий коррупционных деяний. В этом контексте следует обратить внимание на наличие законодательных основ для эффективной борьбы с коррупцией.

Практические проявления коррупции можно увидеть, при желании, в любой сфере жизнедеятельности общества. Так, бытовая коррупция порождается взаимодействием рядовых граждан и чиновников. В неё входят различные подарки от граждан и услуги должностному лицу и членам его семьи. К этой категории также относится кумовство (непотизм). Деловая коррупция возникает при взаимодействии власти и бизнеса. Например, в случае хозяйственного спора, стороны могут стремиться заручиться поддержкой судьи с целью вынесения решения в свою пользу. Коррупция верховной власти относится к политическому руководству и верховным судам в демократических системах. Она касается стоящих у власти групп, недобросовестное поведение которых состоит в осуществлении политики в своих интересах и в ущерб интересам избирателей.

Коррупция (лат. *corruption* – разложение, разрушение, падение, подкуп).

В одной из предыдущих статей, приводилось легальное определение коррупции законодателем Луганской Народной Республики, а также приводился перечень деяний, которые законодательство ЛНР относит к коррупционным.

Представляется, что не каждое противоправное деяние, в основе которого личная выгода, есть коррупционное. Коррупция, в качестве квалифицирующего признака должна иметь в составе, как правило, прямой умысел, характеризующий деяние, в котором один из субъектов обязательно должен быть представителем власти, либо должностным лицом, либо лицом наделенным правом распорядительной функции (властными полномочиями).

В Российской Федерации правовая дефиниция коррупции закреплена в законе «О противодействии коррупции»: «1. коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица;».

Этим же законом установлено, что правовую основу противодействия коррупции составляют федеральные законы (Конституция, конституционные законы, другие федеральные законы), международные правовые акты, устанавливающие общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, нормативные правовые акты Президента, Правительства Российской Федерации, иных федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также муниципальные правовые акты.

Организация Объединенных Наций достаточно много внимания уделяет вопросам борьбы с коррупцией. Так, в 1990 году на восьмом конгрессе, проходившем в Гаване, ООН четко определила признаки этого негативного социального явления, ранее, в 1979 году на Генеральной Ассамблее ООН выработали единый подход к понятию коррупции, междисциплинарная группа Совета Европы по проблемам коррупции в 1995 году в Страсбурге расширила понятие «коррупция», а 27 января 1999 года Совет Европы принимает конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию. Кроме этого, Совет Европы в 1999 году принимает Конвенцию №174 «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию», наконец, Резолюция 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН.

самблеи от 31 октября 2003 года утверждает Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции и другие документы. Конвенции, устанавливая общее правовое понимание коррупции и подходы в борьбе с ней, основной массив и акцент, в сфере правового регулирования, переносят на национальный уровень, который, страны участники, определяют самостоятельно, в силу собственного понимания актуальности борьбы с этим явлением. В Российской Федерации, и Луганской Народной Республике, как субъекте российского государства, борьба с коррупцией регулируется национальным законодательством. Основным нормативным правовым актом, определяющим правовые и иные основы борьбы с коррупцией, есть закон Российской Федерации «О противодействии коррупции». Аналогичный закон в 2015 году был принят и в Луганской Народной Республике. В силу их практической аутентичности, во избежание дублирования, в дальнейшем, будем обращаться к федеральному закону. Конечно, основы правового регулирования процесса недопущения и преодоления негативных последствий коррупционных действий закреплены в Конституции Российской Федерации. Положения Основного закона Российской Федерации, предусмотренные статьями: 2; 3; 7; 11; 15, а также главой 2 и другими, прямо указывают на общепризнанные, социально одобряемые правомерные деяния участников общественных отношений, которые ведут к социальному спокойствию и устранению (избеганию) криминогенных констант ведущих к появлению криминологических детерминант, обуславливающих, в том числе, коррупционные составляющие в структуре общественных отношений.

Закон РФ «О противодействии коррупции» стал ключевым в структуре правовой основы, дающей возможность использовать особенности различных отраслей права для ведения продуктивной борьбы с коррупцией. Это стало возможным потому, что в законе раскрыты содержание и получили правовое значение различные понятия, например: «коррупционное правонарушение», «коррупционные отношения», «коммерческий подкуп» «антикоррупционные стандарты», «конфликт интересов на государственной службе», «личная заинтересованность государственного служащего» и другие. Определение коррупции, которое дает указанный закон, предполагает сущностную характеристику этого явления, включая поиск, установление и поддержание противоправных отношений между специально указанными субъектами коррупции. Это дает возможность профилактировать проявления коррупционного характера на ранней стадии и в целом расширить рамки борьбы с коррупцией. В законе четко обозначен принцип консолидации правовых средств, дающий возможность исключить коллизию иных отраслей права. Обозначение законом вопросов, решение которых есть компетенци-

ей исключительно федерального центра, не только не умаляет, но, напротив, устанавливает дополнительную возможность определить пределы ведения субъектов федерации, с учетом региональных особенностей. Закон предполагает расширение антикоррупционной законодательной базы, путем, вовлечения в реализацию положений, различных органов государственной власти и местного самоуправления.

Законодатель установил наличие иных лиц, приравненных к лицам, выполняющим государственные или муниципальные функции, что позволяет более эффективно отслеживать деятельность представителей государства в органах управления различных коммерческих организаций, участие в этом процессе соответствующих парламентских комиссий, развитие института общественного контроля и создание иных независимых и объективных органов. Существует возможность создания более открытого информационного механизма при назначении конкретных претендентов на важные государственные должности, путем установления единообразных процедур и обязательных требований, которым они должны соответствовать. Например, предусмотрен особый порядок в отношении лиц, претендующих на выполнение общественно-значимых и государственно-важных функций. К процедуре их назначения привлекаются различные формы контроля, включая институты парламентского и общественного контроля. В законодательной практике закреплено право различных лиц и организаций, независимо от формы собственности, требовать возмещения убытков, причиненных коррупционными нарушениями, возможность отмены актов, принятых в результате коррупционных правонарушений, и ответственность юридических лиц, причастных к коррупционной деятельности.

Кроме закона РФ «О противодействии коррупции», на решение задач борьбы с коррупцией ориентированы кодифицированные законы РФ в области материального и процессуального права, федеральные законы, такие как: «Об аудиторской деятельности», «О государственной регистрации юридических лиц», «Об оценочной деятельности», «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», правовые акты Президента и Правительства РФ, министерств и ведомств, субъектов РФ, органов местного самоуправления.

Какие существуют организационно - правовые возможности эффективной борьбы с преступлениями коррупционной направленности. Государственная власть Российской Федерации к решению проблемы борьбы с коррупцией подходит комплексно. Понимая, что эффективность антикоррупционной работы зависит от объема и степени вовлеченности в решение проблемы всех заинтересованных субъектов, и осуществления государственными органами,

органами местного самоуправления и организациями мероприятий направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений указом президента Российской Федерации утвержден «Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы».

Для повышения эффективности правового воздействия на общественные отношения и обеспечение законности, устранению коррупциогенных факторов, предлагается проведение антикоррупционной экспертизы путем анализа каждого проекта нормативного правового акта и его отдельных норм в соответствии с предусмотренной процедурой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Законодатель предоставил власти, для эффективной борьбы с коррупцией, возможность контролировать законность получения, денежных средств субъектами, подлежащими проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Если говорить о недостатках правового обеспечения борьбы с коррупцией в целом, то следует иметь ввиду, что часть норм законодательства о борьбе с коррупцией носит декларативный и неконкретный характер, страдает неточностью и содержит внутренние противоречия, что с одной стороны ставит под сомнение возможность достижения поставленных целей, а с другой – может создать предпосылки для использования этого законодательства в целях неосновательного преследования неугодных должностных лиц и государственных служащих». Самое страшное, для всех нормативных правовых актов направленных на борьбу с коррупцией, чтобы они не стали предпосылкой: «неосновательного преследования неугодных должностных лиц и государственных служащих».

Отдельно следует обратить внимание на проблему оффшоров, как средство умножения коррупции. По имеющимся оценкам, более половины крупных частных предприятий России, в том числе ряд предприятий системы жизнеобеспечения и ряд стратегических предприятий, зарегистрированы в оффшорных зонах. Соответственно, оффшорная юрисдикция, дает возможность концентрировать практически всю прибыль и налоговые вычеты в оффшорах. Огромное неконтролируемое государством поле взращивания и расцвета коррупции стало проблемой сохранения национальной безопасности России и обеспечения ее суверенитета. В январе 1923 года, группа депутатов внесла на рассмотрение Государственной Думы проект базового закона «О деоффшоризации», которым предусматривается перерегистрация в РФ активов, которые на данный момент зарегистрированы в оффшорах. Активы, принадлежащие оффшорным компаниям, собственность на которые не пе-

ререгистрирована на территории России в течение полугода, конфискуются в собственность Российской Федерации как бесхозное имущество. А предприятия, управляемые оффшорными компаниями и не переданные в течение этого же срока в управление российскому юридическому или физическому лицу, будут автоматически считаться переданными в управление Российской Федерации на всё время их существования. Шаг серьезный и правильный для эффективной борьбы с коррупцией, который заставит супербогачей либо вернуться со своими активами в юрисдикцию России, либо с ними попрощаться навсегда. Законопроект направлен, прежде всего, против владельцев активов так называемых «матрешек» под управлением оффшоров. Матрешка - юридический сленг среди международных юристов и налоговиков используется для реализации агрессивной тактики налогового планирования или сокрытия собственности. Заместитель председателя комитета по экономической политике Госдумы Артем Кирьянов считает, что законопроект следует рассматривать как публичную заявку на свое место в процессе разработки мер против утечки капитала.

В целом, анализ законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с коррупцией, позволяет прийти к выводу, что эта деятельность, заинтересованных органов, в достаточной мере обеспечена нормативным содержанием. Все разговоры о необходимости, какого-либо, дополнительного нормативного регулирования – проявление либо невежества, либо нежелания показывать эффективную работу в этом направлении. Чем продиктовано это нежелание вопрос риторический, ибо, в его основе, всегда, либо недостаток квалификации, либо прямой умысел, направленный на недопущение позитивного результата. Важно то, что, в любом случае результат отрицательный, а всякая суэта «по поводу» иллюзия деятельности. Если смотреть в суть проблемы, то для достижения эффективного результата в борьбе с коррупцией нужно не так много, а именно, должны заработать, качественно, все ветви государственной власти. Чья это забота? Понятно – государства. Кто несет ответственность за состояние дел в этой сфере – власть существующая, на конкретный период времени, в государстве. Гражданское общество выбрало и наделило полномочиями конкретные субъекты, уполномоченные на создание властного механизма, для эффективного управления, в целях позитивного развития этого общества. Выкорчевывать все, что мешает развитию общества не право, точнее, не только право, но, прежде всего, обязанность власти. Поэтому, исходя из классического, общепринятого в науке, разделения власти на: законодательную, исполнительную и судебную - эффективная борьба с незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения, вопреки законным интересам общества и государ-

ства, возможна только при надлежащем исполнении должностными лицами, исполняющими властные полномочия, своих обязанностей. Для этого, всего то, надо назначать на должности людей имеющих жизненные принципы и строго придерживающихся их, в повседневной практике (помните: «кадры решают все» - правильная формула.). Парламент, в лице законодателей – депутатов, должен качественно относиться к основной своей задаче – создание законодательной базы для эффективного функционирования исполнительной и судебной властей. В обеспечении качества работы исполнительной и судебной власти, грамотные, своевременные решения законодательной власти архиважны, т.к., устанавливая границы, в том числе физические, определяющие объем субъективного влияния исполнительной и судебной властей. Если нормы законов будут качественно выписаны, они не допустят вольной их интерпретации и ведомственного толкования. Это существенно снизит возможности, «ситуационного» применения правовых норм, расширительной их интерпретации правоприменительными актами. Правовая норма должна быть всеобъемлюща, конкретна, однозначна, самодостаточна. Если законодатель добьётся такого качества работы, о коррупции, как массовом явлении, можно будет забыть. Хабриева Т.Я убеждена, что: «эффективность правовых норм, преследующих юридические цели, измеряется правомерностью (законностью) поведения, юридико-техническим уровнем законодательства, его упорядоченностью».

На этом, благоприятном фоне, судебная власть сможет профессионально исполнять главное свое предназначение – осуществление эффективного судопроизводства. Представляется, что функция толкования правовых норм не должна быть функцией судебной власти, это область деятельности власти законодательной. Элементарная логика говорит о том, что кто может лучше разъяснить смысл принятой нормы, как не авторы принявшие ее. Они же, определяют порядок (алгоритм) ее применения. Парламент орган представительной демократии. Он состоит из избранных народа, который делегировал ему полномочия в принятии решений связанных с управлением государством. Народ – единственный источник власти в государстве. Вывод - парламент орган осуществляющий власть от имени и по поручению народа, и в иерархии властей его полномочия приоритетны. Судебная власть должна осуществлять свои функции строго в рамках очерченных законодательством, не расширяя его границы по своему усмотрению (особенно, в части решений судов). Исполнительная ветвь власти, из всех ветвей власти, должна иметь подчиненное, зависимое положение, т.к. круг ее полномочий, объективно, устанавливается результатами деятельности законодательной и судебной властей. В первом случае это нормы права, закрепленные в законодатель-

ных актах и актах устанавливающих порядок применения отдельных правовых норм, во втором – судебные акты. При таком подходе любому чиновнику, наделенному властными полномочиями, будет затруднительно чинить беззаконие.

В восьмидесятых годах прошлого века Зениным А.И. была предложена концепция эффективности законодательства и права в целом. Он считал, что: «мерой эффективности норм права (т.е. их свойства положительно влиять на экономическое и социальное развитие) служит отношение результатов их действия к их целям; эффективность предопределяется процессами, как установления, так и применения норм права; на эффективность могут проверяться отдельные нормы, их “блоки”, правовые институты, отрасли права и законодательства».

Вряд ли, кто – либо будет оспаривать, что эффективность правовой деятельности определяется, прежде всего, эффективностью правовых предписаний и экономичностью правового воздействия. По этому поводу С.С. Алексеев писал: «Эффективность воздействия права на общественные отношения обеспечивается точной и полной реализацией юридических норм в общественной жизни, их фактическим претворением в поведении людей, наряду с надлежащей научной организацией правотворчества».

Следует признать, что основой целеполагания в области устойчивого развития стратегического, поступательного, необратимого, эффективного противостояния коррупции как явлению есть общегосударственные комплексные и неделимые цели и задачи, глобальные по своему характеру и универсально применимые, при этом учитывающие в реалиях, возможностях и уровнях развития стратегий и приоритетов, особенности субъектов федерации.

В заключении, хотелось бы обратиться к утверждению ряда ученых о том, что эффективность действия правовой нормы определяется, прежде всего, её качеством, эффективностью деятельности правоохранительной системы, особенностями правосознания граждан имеющих установку на соблюдение или нарушения действующей нормы права. Кто бы и как бы, не относился к марксизму, но одно из утверждений Карла Маркса, в наших условиях, как никогда актуально: «Я вообще не думаю, что личности должны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей». Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года отнесла коррупцию к перечню угроз и вызовов экономической безопасности, а борьба с коррупцией названа в числе основных задач, развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики. Решение этой задачи предполагается путем создания условий, исключающих возможность

срачивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов, профилактики и предупреждения формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств.

Исследовав проблему, неизбежно приходим к выводу, что коррупция и ее проявления представляют угрозу национальным интересам, экономической безопасности страны на всех уровнях, и для ее устранения необходима консолидация усилий всех заинтересованных органов (государственных и негосударственных), как стратегического национального приоритета. Иначе, коррупция погубит государство.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999

2. О противодействии коррупции. Закон Луганской Народной Республики от 17. 07. 2015 года № 45 - II/ [Электронный ресурс] – Режим доступа:

3. Уголовный кодекс Луганской Народной Республики. Закон ЛНР от 14.08.2015 года № 58- II/ [Электронный ресурс] – Режим доступа:

4. О противодействии коррупции. Закон Российской Федерации №273 – ФЗ от 25 декабря 2008 г., п.1, Ст.1/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

5. Конституция Российской Федерации / [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

6. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы. Указ Президента РФ № 478 от 16.08.2021г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/search/?q>

7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Закон РФ № 172-ФЗ от 17.07.2009г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/

8. О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции». Закон РФ № 44-ФЗ от 06.03.2022г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411059/

9. Заключение Правового управления Государственной Думы по проекту федерального закона № 148067-3 «О противодействии коррупции». / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://transparency.az/transpfiles/zig104.pdf>

10. Законопроект о полной (принудительной) деофшоризации / [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://zavtra.ru/events/zakonoproekt_o_polnoj_\(prinuditel_noj\)_deofshorizacii](https://zavtra.ru/events/zakonoproekt_o_polnoj_(prinuditel_noj)_deofshorizacii)

11. Принудительная деофшоризация и конфискация: обзор законопроекта / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2023/01/31/prinuditelnaya_deofshorizaciya_i_konfiskaciya_obzor_zakonoproekta

12. Артем Терентьев. Депутаты предложили тотальную деофшоризацию: почему этого не стоит бояться. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/484222-deputaty-predlozili-total-nuudeofshorizaciu-pocemu-etogo-ne-stoit-boat-sa>

13. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журн. рос. права. – 2010 – № 12 – С. 5–26.

14. Зенин И.А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1980 – 371 с.

15. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Екатеринбург: Автограф, 2018 – 192 с.

16. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. – М.: Юрид. лит., 1980 – 280 с.

17. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения Т. 1. Дебаты Шестого Рейнского Ландтага. (Ст. 3). / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sv-scena.ru/Buki/Sobraniye-sochinyeniyi-tom-1.html#Q3630-DYEBATY-SHYESTOGO-RYEYINSKOGO-LANDTAGA-STATJJYA-TRYETJJYA-50>

18. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ президента РФ № 208 от 13 мая 2017 г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>

Komarov Vladimir Anatolyevich

*Assistant Professor; Department of Administrative
and environmental law*

SEI HE Law Institute

*«Lugansk State University
named after Vladimir Dahl»*

e-mail: vlankom@yandex.ru

MEASURES AND CONDITIONS FOR OVERCOMING CORRUPTION

The article outlines the general aspects of corruption, its harm to society as a social phenomenon, the author's understanding of measures and conditions

for overcoming corruption to improve society and increase the efficiency of the functioning of state power.

Keywords: justice, constitution, constitutional - legal guarantees, corruption, state power, official, crime, crime prevention, civil society.

Literatura

1. Slovar` russkogo yazy`ka: V 4-x t. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij; Pod red. A. P. Evgen`evoy. — 4-e izd., ster. — M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy`, 1999

2. O protivodejstvii korrupcii. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki ot 17.07.2015 goda № 45 - II/ [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa:

3. Ugolovny`j kodeks Luganskoj Narodnoj Respubliki. Zakon LNR ot 14.08.2015 goda № 58- II/ [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa:

4. O protivodejstvii korrupcii. Zakon Rossijskoj Federacii №273 – FZ ot 25 dekabrya 2008 g., p.1, St.1/ [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

6. O Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii na 2021-2024 gody`. Ukaz Prezidenta RF№ 478 ot 16.08.2021g. / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.consultant.ru/search/?q>

7. Ob antikorrupcionnoj e`kspertize normativny`x pravovy`x aktov i proektov normativny`x pravovy`x aktov. Zakon RF № 172-FZ ot 17.07.2009g. / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/

8. O vnesenii izmenenij v stat`yu 26 Federal`nogo zakona «O bankax i bankovskoj deyatel`nosti» i Federal`ny`j zakon «O protivodejstvii korrupcii». Zakon RF № 44-FZ ot 06.03.2022g. / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411059/

9. Zaklyuchenie Pravovogo upravleniya Gosudarstvennoj Dumy` po proektu federal`nogo zakona № 148067-3 «O protivodejstvii korrupcii». / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: <https://transparency.az/transpfiles/zig104.pdf>

10. Zakonoproekt o polnoj (prinuditel`noj) deofshorizacii / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: [https://zavtra.ru/events/zakonoproekt\\_o\\_polnoj\\_\(prinuditel`noj\)_deofshorizacii](https://zavtra.ru/events/zakonoproekt_o_polnoj_(prinuditel`noj)_deofshorizacii)

11. Prinuditel`naya deofshorizaciya i konfiskaciya: obzor zakonoproekta/ [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: https://zakon.ru/blog/2023/01/31/prinuditelnaya_deofshorizaciya_i_konfiskaciya_obzor_zakonoproekta

12. Artem Terent`ev. Deputaty` predlozhili total`nuyu deofshorizaciyu: pochemu e`togo ne stoit boyat`sya. / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim

dostupa: <https://www.forbes.ru/finansy/484222-deputaty-predlozili-total-nuudeofSORIZACIU-pocemu-etogo-ne-stoit-boat-sa>

13. Xabrieva T.Ya. E`konomiko-pravovoj analiz: metodologicheskij podxod // Zhurn. ros. prava. – 2010 – № 12 – S. 5–26.

14. Zenin I.A. Struktura, funkcii i usloviya e`ffektivnosti grazhdanskogo zakonodatel`stva v oblasti nauchno-texnicheskogo progressa: Dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 1980 – 371 s.

15. Alekseev S.S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. – Ekaterinburg: Avtograf, 2018 – 192 s.

16. Kudryavcev V.N., Nikitinskij V.I., Samoshhenko I.S., Glazy`rin V.V. E`ffektivnost` pravovy`x norm. – M.: Yurid. lit., 1980 – 280 s.

17. K. Marks, F. E`ngel`s. Sochineniya T. 1. Debaty` Shestogo Rejnskogo Landtaga. (St. 3). / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: <https://sv-scena.ru/Buki/Sobraniye-sochinyeniyi-tom-1.html#Q3630-DYEBATY-SHYESTOGO-RYEYINSKOGO-LANDTAGA-STATJJYA-TRYETJJYA-50>

18. O strategii e`konomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Ukaz prezidenta RF № 208 ot 13 maya 2017 g. / [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>

Кузнецов Александр Алексеевич
к.ю.н., профессор,
кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: kuznetsov.alex.5019@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Из всех положений, которые в жизни может занимать юрист,
без сомнения, положение следователя – самое своеобразное

Ганс Гросс

В статье рассматриваются вопросы, связанные с имплементацией законодательства Луганской Народной Республики в правовое поле Российской Федерации; анализируются современное состояние и особенности профессиональной подготовки следователей в образовательных учреждениях, включая ведомственные и гражданские. Автор убежден, что подготовка следователей в обособленном подразделении вуза позволит организовать необходимый образовательный процесс и проводить воспитательную работу, что усилит конкурентные преимущества гражданского вуза в подготовке специалистов для органов следствия. На основе анализа государственных требований к подготовке юристов сформулирован вывод о необходимости разработки нового образовательного стандарта по специальности «следственная деятельность».

Ключевые слова: образовательные стандарты, юридическое образование, следственная специализация, следователь, профессиональные качества следователя, нравственно-психологические качества следователя.

Трудно найти хотя бы одно государство в мире, которое не пыталось бы совершенствовать свою деятельность по реализации соответствующих функций. Одной из форм такого совершенствования является реформирование государственной деятельности в образовательной сфере. Поэтому на этапе реформирования государственной деятельности в Луганской Народной Республике в соответствии с Федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» [1, ст. 10] проблема подготовки

следователей для правоохранительной системы в контексте переходного периода сложна и многоаспектна. В то же время бесспорно то, что от её успешного решения напрямую зависит качество предварительного расследования, а если посмотреть более широко – в целом эффективность правосудия. Достаточно вспомнить известный лозунг: «Кадры решают всё!»

Говоря о подготовке специалистов-юристов в образовательных заведениях Луганской Народной Республики можно выделить следующие аспекты этой проблемы. Во-первых, это гражданско-правовой аспект, связанный с необходимостью формирования в обществе престижности службы в правоохранительных органах, устранения противоречий между сотрудником правоохранительных органов и обществом, укрепления в общественном сознании образа сотрудника правоохранительных органов как защитника прав, свобод и законных интересов граждан.

Во-вторых, рассматриваемая проблема имеет экономическое значение. В условиях рыночной экономики необходимость реформирования системы юридического образования обусловлена как формированием рынка труда, что неизбежно влечёт изменение принципов комплектования, так и значительным ростом числа вузов, осуществляющих подготовку специалистов в области юриспруденции. С одной стороны – это увеличение потока выпускников, а с другой – не всегда качественная их подготовка придают ещё большее значение рассматриваемой проблеме.

В-третьих, следует выделить собственно педагогическое значение реформы юридического образования. Речь идет не только о необходимости ведения высококлассной профессиональной подготовки специалистов по борьбе с преступностью в условиях крайне негативных тенденций её количественных и качественных изменений (эта задача всегда была и остаётся актуальной), но и формировании у выпускников юридических вузов, наряду с необходимостью высокого уровня правовой культуры, творческого отношения к предстоящей деятельности, широкого кругозора и профессиональной эрудиции.

Базой подготовки специалистов-юристов в Луганской Народной Республике являются Юридический институт Луганского государственного университета имени Владимира Даля и Луганская академия внутренних дел имени Эдуарда Алексеевича Дидоренко, главной целью которых является подготовка дипломированных специалистов-юристов, максимальное согласование потребностей практики с содержательной стороной обучения специалистов-юристов и существенное повышение их профессиональной подготовки. В структуре каждого вуза реализуется единый для всех будущих юристов государственный образовательный стандарт по специальностям «Ю-

риспруденция» и «Правоохранительная деятельность». Такая форма специализированной подготовки юристов (в том числе для органов следствия) в условиях системы государственного распределения выпускников до сегодняшнего времени остаётся оправданной и разумной.

В то же время профессия следователя имеет свою специфику, о которой нельзя судить по внешним проявлениям, известным большинству по детективному жанру. В действительности работа следователя будничнее и значительно сложнее. Она под силу далеко не всякому. Ибо расследовать – это прежде всего в условиях жесткого дефицита времени и активного противодействия заинтересованных лиц идти по следам преступника, выяснять обстоятельства происшествия, изобличать виновного.

Об особенностях профессии следователя сказано много. Она отличается от других (в том числе юридических) профессий повышенными профессиональными требованиями и особыми нравственно-психологическими характеристиками. Р. С. Белкин назвал следователя «идущим по следу», ведающим след [2, с. 6] и тем самым обозначил основную отличительную особенность этой профессии: необходимость работать в ситуации постоянного поиска, открытия неизвестного, невидимого. При этом предмет его поиска бывает очевиден не только по объективным причинам, но и субъективным (к примеру, противодействие расследованию его недобросовестных участников).

Следователь – это юрист, занимающийся расследованием преступлений. Профессия следователя одна из самых древних и существует ещё со времён Римской Империи и возникновения «Римского права». Следователь собирает, исследует и оценивает факты, систематизирует их и представляет в качестве доказательств по материалам уголовного дела на судебное разбирательство. Сегодня следователь – это мозг следственно-оперативной группы, направляющий и координирующий действия других сотрудников. Благодаря его работе доказываемся вина лица, совершившего преступление или невиновность (непричастность лица к преступлению).

Личность следователя сложна и многосторонна. Она складывается и формируется в результате взаимодействия многих факторов, но главным и определяющим является личность человека, который избрал профессию следователя в качестве одной из главных своих жизненных целей. «От него требуется энергия молодости, выносливость, неустанная ревность к делу, весьма обширные юридические познания не только по уголовному, но и по гражданскому праву» – писал Г. Гросс., и далее указывал, ... «Следовало бы поэтому назначать на должность судебного следователя только таких лиц, которые, независимо от других умственных и физических преимуществ, получили действительно энциклопедическое образование» [3, с. 8-9].

Рассуждая о личностных качествах следователя, Р. С. Белкин задавал себе вопрос: «Ангел? Вовсе нет, живой человек, но человек с твердыми нравственными устоями, ясной гражданской позицией и обостренным чувством долга» [2, с. 9]. Однако где эти качества взять? Проблема подготовки и воспитания следователя, обладающего высокими нравственно-психологическими качествами, в настоящее время приобретает особую остроту.

Более 50 лет назад С. С. Алексеев и В. Ф. Яковлев писали о проблемах создания «модели» юриста, предлагая в качестве оптимального варианта решения обозначенных ими уже тогда проблем специализированное обучение в обособленных структурных учебных подразделениях вуза. В числе аргументов специализаций в юридическом вузе они называли особые профессиональные качества, которыми должен обладать юрист на том или ином участке юридической службы. В профессии следователя к таковым они относили, помимо глубоких знаний в сфере уголовно-правовых наук, «гибкое «раскованное» мышление, умение работать с людьми и т. д.» [4, с. 74]. В то время предложения С. С. Алексеева и В. Ф. Яковлева были очень смелыми, новаторскими. Их реализация требовала коренной перестройки системы обучения в юридических вузах, серьёзных структурных изменений. Происходящие изменения в юридическом образовательном пространстве являются прямым отражением запросов работодателей, которые выступают инициаторами разработки программ подготовки юристов. Опыт создания и многолетнего функционирования специализированных факультетов в системе юридических вузов доказал правоту их идей.

Сегодня одним из ключевых вопросов повышения эффективности следственного аппарата является решение на научной основе вопроса обеспечения его наиболее квалифицированными кадрами. Высказанная С. Б. Россинским идея о необходимости разработки Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) по специальности «Следственная деятельность» [5] для изменения в юридическом образовательном пространстве является прямым отражением запросов работодателей, которые выступают инициаторами разработки программ подготовки юристов соответствующей специальности. Крупнейшие заказчики юридических кадров, в данном случае – следственные подразделения, таким образом выражают своё отношение к профессиональной подготовке будущих следователей, полагая оптимальным вариантом обучение их в рамках специалитета.

В настоящее время действующие государственные требования, содержащиеся во ФГОС по направлениям подготовки бакалавров и специалистов, по которым вузы готовят следователей, в полной мере не учитывают специфику данной профессии. Содержательная часть ФГОСа должна восполнить ука-

занный пробел, включив в следственную деятельность соответствующие ей общекультурные, общепрофессиональные и специализированные профессиональные компетенции. Ещё одной специфической чертой этого стандарта должны стать требования к организации воспитательного процесса, реализация которых позволила бы создать условия для формирования нравственно-психологических качеств будущего следователя.

При этом необходимо отметить, что требования к следователю как к профессионалу всё время повышаются. Общество и государство требует от него эффективной работы в достаточно сложных общественно-политических условиях, сложившихся в Российской Федерации на современном этапе.

Не каждый молодой человек, пришедший в систему СК России, даже по зову сердца и личным убеждениям, способен выдержать подобные нагрузки. Не каждый может поставить интересы общественного правового спокойствия выше личного благополучия. В повседневной деятельности сотрудников Следственного комитета по раскрытию и расследованию преступлений принципиальное значение имеет так называемый «человеческий фактор». Правовые нормы, как и социальные, экономические, организационные и иные регуляторы поведения людей, действуют в сочетании с психологическими.

Рассуждая о государственной политике в сфере профессиональной подготовки следователей, С. Б. Россинский указывает «об отсутствии единой долгосрочной и системной концепции, о стремлении государства сиюминутно решить существующие проблемы, то есть экстренно «заткнуть дыры», «малой кровью» (посредством внесения законодательных или организационно-штатных изменений) быстро добиться определённого результата» [5, с. 271]. По его мнению, начинать реформирование предварительного следствия необходимо с решения вопросов повышения качества образования [5, с. 273].

Подготовка будущих следователей ведется в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», утвержденным приказом Минобрнауки России от 31.08.2020 г. № 1138 (ред. от 19.07.2022) [6]. В этом ФГОС ВО закреплена совокупность обязательных требований к выпускникам, которые складываются из набора определённых знаний, умений, навыков.

В свою очередь, реализация указанных требований позволяет сформировать у выпускника ряд компетенций общего и специального значения, необходимых в работе следователя. Например, выпускник должен обладать способностью понимать социальную значимость своей будущей профессии, цель и смысл государственной службы, выполнять гражданский и служебный долг, профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, про-

фессиональной этики и служебного этикета, проявлять непримиримость к коррупционному поведению, высокий уровень правосознания и правовой культуры и т.д.

Специальные или профессиональные компетенции призваны показать готовность выпускника к профессиональной деятельности следователя. Среди таких компетенций можно выделить следующие: способность анализировать правоотношения, являющиеся объектами профессиональной деятельности, юридически правильно квалифицировать факты, события и обстоятельства, выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения, применять в профессиональной деятельности теоретические основы раскрытия и расследования преступлений, использовать в целях установления объективной истины по конкретным делам технико-криминалистические средства и методы, тактические приёмы производства следственных действий, формы организации и методiku раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений и многое другое.

Что касается качеств следователя, то их набор традиционен: соблюдение требований законности при осуществлении деятельности, сочетание теоретических знаний и практических навыков, умение руководить коллективом при раскрытии и расследовании преступлений, честность, порядочность, принципиальность.

Говоря о профессиограмме следователя, отметим, что она представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой все стороны профессиональной деятельности, а также личностные качества, знания, умения и навыки представлены во взаимной связи и зависимости. Каждая из сторон профессиограммы отражает, во-первых, определённый цикл профессиональной деятельности, а во-вторых, в ней реализуются личностные качества, умения, навыки, а также знания, которые обеспечивают профессиональный успех на этом уровне деятельности.

В основе профессиограммы лежит поисковая сторона деятельности, которая реализует стремление к раскрытию преступления и заключается в собирании исходной информации для решения профессиональных задач.

Особое значение поисковая сторона деятельности следователя имеет на первом этапе расследования. Сущность её заключается в вычленении из окружающей среды криминалистически значимой информации (следы преступления, потерпевшего, оружия или орудий преступления и т. д.), которая даёт возможность с достоверностью реконструировать событие преступления с такой степенью точности, как этого требует закон.

Восприятие следователя всегда целенаправленно, планомерно, осмысленно. Это связано с профессиональным опытом и с особенностью мышле-

ния. Наблюдение как определённый вид человеческой деятельности связано с преднамеренным восприятием предметов и явлений внешнего мира.

Осматривая место происшествия, следователь ищет ответы на вопросы: что здесь произошло, какие следы оставило это событие? Отметим, что основная задача изучения следов заключается главным образом, в их «чтении», т. е. в объяснении по следам отдельных обстоятельств события, собирании сведений о преступнике и при возможности преследовании его по горячим следам. Так, например, распознавание поведения человека по следам интересно описывает В. К. Арсеньев в путевых заметках: «По Уссурийскому краю», –

«На самом берегу реки был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки – вот всё, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром решил переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лёжки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

– Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? – обратился он ко мне в свою очередь с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дырчатые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

– Неужели понимай нету? – продолжал удивляться Дерсу. – Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы заметить, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает на пятку»[7, с. 309-310].

Эффективность процесса сбора доказательств в значительной степени зависит от знаний следователем информационных свойств различных материальных объектов, от его индивидуального информационного запаса.

В правильном решении этих задач велика роль личностных факторов: во-первых, это задатки и способности следопыта, далее имеют значение кри-

миналистические знания (учение о следах, способах совершения преступлений), профессиональный опыт (навыки вычленения опорных точек и построения контура события), жизненный опыт.

Следующий уровень – это коммуникативная сторона деятельности, в процессе которой следователь должен получить необходимую для раскрытия преступления информацию от людей путём общения с ними. На допросе нередко решается судьба допрашиваемого и судьбы других людей. Идёт борьба умов. Победить в этой борьбе следователю помогают специальные научные знания в области психологии и тактики допроса, мастерство, проявляющееся в профессиональных умениях и навыках ведения допроса.

Следователь должен уметь организовать свое психическое состояние. Хороший следователь обладает навыками управления своей волевой и эмоциональной сферой и – в рамках закона – эмоциями допрашиваемого.

Вся полученная в результате поисковой и коммуникативной деятельности информация следователя или дознавателя в процессе удостоверительной деятельности преобразуется в специальные предусмотренные законом формы – источники доказательства (протоколы следственных действий). Для этого следователь должен хорошо владеть письменной речью, иметь навыки быстрого перевода устной речи в письменную.

На следующем уровне следователь выступает как организатор расследования. Принимая ответственные решения, он добивается их реализации и при этом выступает в качестве организатора деятельности многих людей. Практическая работа ставит его ежедневно в положение сдающего экзамен, требует особой собранности, точности и организованности.

На следующем уровне находится реконструктивная сторона деятельности следователя. Говоря языком кибернетики, это блок переработки информации и принятия решения. Важное значение на этом уровне имеет общий и специальный интеллект следователя. Современный следователь должен очень много знать: уголовное право, уголовный процесс, криминалистику и педагогику, бухгалтерский учет и судебную баллистику. Это далеко не полный перечень научных дисциплин, на которые опирается специальный интеллект следователя при переработке исходной информации, выдвижении гипотез, версий и разработке планов расследования. Г. Гросс писал: «Ему (следователю – курсив мой) приходится решать вопросы по всем, без исключения, отраслям человеческого знания, он должен знать различные языки, уметь рисовать и должен знать, что ему может ответить судебный врач. Он должен быть знаком с уловками браконьеров, равно как и с приёмами биржевого спекулянта; он должен ясно представлять себе, каким образом совершён был подлог духовного завещания, как именно произошло железнодорожное

крушение, как действовали в известной карточной игре шулера, как произошёл взрыв котла и каким образом продавец лошадей обманывал покупателей; он должен быть осведомлён в счетоводстве торговых книг, должен понимать воровской жаргон, уметь разобрать шифрованное и, наконец, понимать работу и орудия всех ремёсел»[3, с. 8].

Завершает структуру профессиограммы социальная сторона, в которой следователь предстаёт как организатор борьбы с преступлениями на своём участке или районе. Центр тяжести в борьбе с преступностью переносится им на выяснение её причин и условий, и принятия мер к их устранению.

Новые исторические условия, обусловленные коренными изменениями, происходящими в политической, экономической и социальной сферах Луганской Народной Республики, выдвинули на первый план проблемы профессиональной подготовки следователей, важность и острота которых стали очевидны.

А к таким проблемам, на наш взгляд, можно отнести:

1) качество юридического образования в высших учебных заведениях ЛНР не всегда отвечает требованиям, предъявляемым работодателем (в данном случае Следственным комитетом) к выпускникам вузов, которые поступают на федеральную государственную службу в должности следователей;

2) базовое юридическое образование, получаемое в рамках традиционной системы высшего образования, сегодня не может обеспечить обучаемого, связавшего свою жизнь со следственной работой, знаниями, умениями, навыками, а также качествами, необходимыми ему для эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей;

3) должности следователей замещаются подчас малоопытными сотрудниками. На долю следователей следственных подразделений со стажем работы более 3 лет приходится порядка 30 %.

Сегодня время изменений наступило и потому очень важна задача «вписаться» в этот процесс реформирования с «запросной позицией» относительно подготовки следователей. Не вызывает никаких сомнений, что претендовать на должность следователя может только лицо, имеющее образовательно-квалификационный уровень «специалист».

Анализируя опыт реализации ФГОС по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» по подготовке следователей в таких самостоятельных учебных подразделениях, как Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Московская государственная юридическая академия (МГЮА), которая с 2015 г. получила статус университета, Саратовская государственная академия права (СГАП), Московская и Санкт-Петербургская академии Следственного комитета Российской Феде-

рации, следует отметить ряд положительных обстоятельств, свидетельствующих в пользу такой формы организации профильного обучения, как специальные учебные программы, усиленные дисциплинами уголовно-правового цикла и ориентированные на профессиональную подготовку следственных кадров.

Поскольку способы преступной деятельности и преступного противодействия меняются, становятся все более сложными и разнообразными, требования к уровню квалификации следователей будут постоянно возрастать. А поэтому в целях обеспечения вузами государственного запаса на квалифицированные следственные кадры, государство должно четко сформулировать требования к подготовке следователей в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС), а образовательные учреждения, имеющие достаточно ресурсов для реализации таких требований, в свою очередь, должны обеспечить их выполнение на надлежащем уровне, включая создание обособленных структурных учебных подразделений (институтов, факультетов, отделений), ориентированных на специализированную следственную подготовку.

Общеизвестно, что главной задачей российской образовательной политики является обеспечение высокого качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства. Качество образования раскрывается в таких характеризующих его понятиях, как: качество преподавания (учебного процесса); качество профессорско-преподавательского состава; качество дополнительных образовательных программ; качество материально-технической базы, информационно-образовательной среды; качество студентов; качество управления образованием; качество научно-исследовательской работы.

Важнейшей проблемой современного образования является восстановление единства систем обучения и воспитания, которое всегда было особенностью образования в России. Судьба молодого поколения в значительной мере зависит от устойчивого функционирования взаимосвязанных систем образования и воспитания, определяющих нравственные ориентиры, дающие знания и прочную духовную опору на подлинные, а не мнимые жизненные ценности, формирующие гражданственность и патриотизм. Это подчеркнул и Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в г. Краснодаре 12 сентября 2012 года на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи: «Нам необходимо в полной мере использовать лучший опыт воспитания и просвещения, который был и в Российской империи, и в Советском Союзе».

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики».

2. Белкин Р. С. Профессия – следователь (введение в юридическую специальность) / Р. С. Белкин. - М.: Юристь, 1998. - 168 с.

3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. - Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. - М - ЛексЭст, 2002. - 1088 с.

4. Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах / С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев // Правоведение. - 1976. - № 4. - С. 73-81.

5. Россинский С. Б. О концепции подготовки профессиональных следственных кадров для современной России / С. Б. Россинский // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Москов. акад. СК России. 2017. - С. 271-273.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалист по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»[Электронный ресурс] // Законодательство - Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362817/f529fcc83dbe452ed5977c680dfba69bdacbe80f/(дата обращения: 15.03.2023).

7. Арсеньев В. К. По уссурийскому краю. Дерсу Узала / Послесл. И. Кузмичева; Ил. Н. Устинова. - М.: Правда, 1983.

Kuznetsov Aleksandr Alekseyevich

*Ph. D., Professor department
of state and legal disciplines*

*Law Institute Lugansk National University
named after Vladimir Dal,*

e-mail: kuznetsov.alex.5019 @ mail.ru

**TO THE QUESTION OF THE TRAINING OF INVESTIGATORS
IN THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC IN CONDITIONS OF
MODERN EDUCATIONAL POLICY**

The article deals with issues related to the implementation of the legislation of the Luhansk People's Republic in the legal field of the Russian Federation; the current state and features of the professional training of investigators in educational institutions, including departmental and civil ones, are analyzed. The

author is convinced that the training of investigators in a separate division of the university will allow organizing the necessary educational process and carrying out educational work, which will enhance the competitive advantages of a civil university in training specialists for the investigating authorities. Based on the analysis of state requirements for the training of lawyers, a conclusion was made about the need to develop a new educational standard in the specialty «investigative activity».

Keywords: educational standards, legal education, investigative specialization, investigator, professional qualities of an investigator, moral and psychological qualities of an investigator.

Literatura

1. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 4 oktyabrya 2022 g. № 6-FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoj Narodnoj Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoj Federatsii novogo subyektu – Luganskoj Narodnoj Respubliki».

2. Belkin R. S. Professiya – sledovatel (vvedenie v yuridicheskuyu spetsialnost) / R. S. Belkin. - M.: YUristy, 1998. - 168 s.

3. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnyih sledovateley kak sistema kriminalistiki. - Novoe izd., perepech. s izd. 1908 g. - M - LeksEst, 2002. - 1088 s.

4. Alekseev S. S., YAKovlev V. F. O modeli yurista i obuchenii v yuridicheskikh vuzah / S. S. Alekseev, V. F. YAKovlev // Pravovedenie. - 1976. - № 4. - S. 73-81.

5. Rossinskiy S. B. O kontseptsii podgotovki professionalnyih sledstvennyih kadrov dlya sovremennoy Rossii / S. B. Rossinskiy // Sledstvie v Rossii: tri veka v poiskah kontseptsii: materialyi nauch.-prakt. konf. (Moskva, 12 oktyabrya 2017 g.) / pod obsch. red. A. I. Bastryikina. M.: Moskov. akad. SK Rossii. 2017. - S. 271-273.

6. Federalnyiy gosudarstvennyiy obrazovatelnyiy standart vysshego obrazovaniya - spetsialitet po spetsialnosti 40.05.01 «Pravovoe obespechenie natsionalnoy bezopasnosti» [Elektronnyiy resurs] // Zakonodatelstvo - Rejim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362817/f529fcc83dbe452ed5977c680dfba69bdacbe80f/ (data obrascheniya: 15.03.2023).

7. Arsenev V. K. Po ussuriyskomu krayu. Dersu Uzala / Poslesl. I. Kuzmicheva; Il. N. Ustinova. - M.: Pravda, 1983.

Кушнарёва Наталья Александровна
Старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: kna7a@mail.ru

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.

Актуальность темы исследования обусловлена различными взглядами правоведов на уголовно-правовую политику, которая заключается в рассмотрении степени важности индивидуального подхода к применению меры наказания в рамках уголовного преследования.

Назначение наказания является первостепенным, одним из главных и принципиальных вопросов отправления правосудия. От того, насколько законным и справедливым будет назначенное судом наказание, зависит не только судьба подсудимого, но и достижение целей, поставленных перед уголовным законодательством.

Выявление причин и возможность их решения требуют глубокого аналитического и практического подхода.

Ключевые слова: уголовное законодательство, наказание, индивидуализация, принципы, справедливость.

В соответствии со ст. 4 Федерального конституционного закона от 04 октября 2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной республики», - законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации действуют на территории Луганской Народной Республики со дня принятия в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным конституционным законом. Нормативные правовые акты Луганской Народной Республики действуют на территории Луганской Народной Республики до окончания переходного периода или до принятия соответствующего нормативного правового акта Российской Федерации и (или) нормативного правового акта Луганской Народной Республики [1].

Исходя из вышеизложенного, суды Луганской Народной Республики рассматривают уголовные дела по правилам, установленным законодательством Российской Федерации.

Задачами уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Для осуществления этих задач Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [2,ст.6].

Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека.

В УК РФ не упоминаются понятия индивидуализации наказания и индивидуализации уголовной ответственности, однако многие нормы уголовного закона своим содержанием определяют основания, признаки и границы индивидуализации наказания. Так, статья 60 УК РФ предусматривает, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи [3].

Индивидуализация наказания выступает как каркас уголовного законодательства.

Роль индивидуализации наказания в уголовном праве является важным условием справедливого правосудия. Индивидуальность наказания предполагает исключение формализма при определении меры уголовной ответственности лица, подразумевает персонификацию наказания в каждом конкретном случае.

Рассматривая назначение наказания как институт уголовного права, которому присущи свои специфические принципы, о составе и характеристике которых идут споры в научных трудах правоведов, представляется целесообразным искать место для индивидуализации наказания между уголовно-правовыми принципами и правилами назначения наказания.

Как отмечают С.А. Велиев и А.В. Савенков, несмотря на то, что индивидуализация наказания проходит красной нитью практически через каждую норму Общей части Уголовного кодекса, наиболее четко и полно она выражена в статьях, посвященных именно общим началам назначения наказания» [4, с.106].

А.М. Мифтахов подчеркивал, что индивидуализация наказания состоит в теснейшей взаимосвязи с задачами, принципами уголовного законодательства, целями наказания [5, с.38].

Как известно, к уголовно-правовым принципам относится система научно сформулированных, предельно обобщенных идей, выражающих обязательные требования, на которых строятся уголовное право и уголовно-правовая политика. Многие ученые-правоведы допускают, что уголовно-правовые принципы могут быть представлены в виде системы, то есть неким множеством элементов, находящихся в определенных взаимосвязях образующих ее целостность.

Исходя из системы принципов уголовного права предложенной С.А. Велиевым, следует:

а.) Общие принципы уголовного права, к которым относятся: законность, демократизм, гуманизм, справедливость;

б.) Отраслевые принципы - экономия мер государственного принуждения, неотвратимость ответственности, личная ответственность, принцип вины.

в.) Специальные принципы назначения наказания - индивидуализация наказания, разделение ответственности и наказания. Указанная выше система принципов сконструирована относительно отрасли уголовного права и отдельных ее институтов, следовательно, за основу ее построения взята традиционная система права, с ее делением на отдельные отрасли и институты. Такое понимание системы уголовно-правовых принципов можно назвать вполне устоявшимся в науке уголовного права. Обращаясь к принципам назначения наказания, важно уяснить их понятие, состав и место в иерархии уголовно-правовых принципов.

В тексте Уголовного кодекса отсутствует определение «принцип назначения наказания». При этом исследование сути деятельности по назначению наказания дает основание сделать вывод, что принципы назначения наказания —

это те же самые принципы уголовного закона, поскольку при назначении наказания суд руководствуется именно ими. Однако нельзя отождествлять принципы уголовного закона и принципы назначения наказания. Безусловно, они элементы одной системы и правильнее определить их соотношение как общего и специального.

Ряд авторов, в качестве принципов назначения наказания указывают общие уголовно-правовые принципы. Так, С. Г. Келина и В.Н. Кудрявцев считают, что главное заключается не в том, чтобы найти и выделить принципы, свойственные только уголовному праву не повторяющиеся в других отраслях права, а в том, чтобы выделить принципы, отражающие подлинную природу уголовного права, определяющие его функции и задачи [6, с.61].

Главное состоит в том, чтобы выделить принципы, отражающие настоящую природу института назначения наказания, независимо от того, где еще они встречаются. Таким образом, общеправовые принципы получают преломление в институтах уголовного права и поэтому могут быть отдельно рассмотрены как принципы соответствующих институтов.

Однако, для того чтобы отраслевые принципы уголовного законодательства могли рассматриваться как принципы назначения наказания, они должны иметь свое непосредственное или косвенное закрепление в Уголовном кодексе в статьях, касающихся назначения наказания, другими словами - направлять деятельность суда в сфере назначения наказания, пронизывать весь этот институт.

Следует отметить, что только у трех принципов усматривается вся совокупность необходимых признаков, присущих институту назначения наказания это - принцип законности, принцип справедливости и принцип индивидуализации наказания.

Говоря о принципах назначения наказания, следует начать с проявления принципа законности при назначении наказания. С.В. Познышев в своих работах отмечал, что в назначении наказания участвуют «две власти»: законодатель и судья [7, с.69].

В свою очередь, Л.Л. Кругликов продолжая эту мысль пишет, что первый из них очерчивает контур (абрис), пределы наказуемости за содеянное, вводя судебское усмотрение в строго определенные рамки, а второй (суд) в отведенных ему пределах конкретизирует наказание с учетом сформулированных в законе критериев и излагает свой вывод о мере наказания в приговоре. Таким образом, обеспечивается оптимальное сочетание принципов законности и индивидуализации наказания, создаются надлежащие условия справедливости приговора [8, с.83-84.].

Особой гарантией реализации принципа законности при назначении наказания, которая выражает качественный компонент системы, является то, что суд может назначить только наказание, перечисляющееся в перечне видов наказаний и закреплено законом в статье 45 УК РФ. Суд не имеет права по собственному усмотрению придумывать наказания, которые не указаны в перечне, суд не вправе менять порядок применения наказания. Суд не может назначать наказания, являющиеся только основными, в качестве дополнительных и наоборот, суд не должен произвольно изменять название наказания в приговоре по сравнению с нормативно-закрепленным его наименованием.

Следующий функциональный компонент системы гарантий законности при назначении наказания, который мы рассмотрим, выражает количественные характеристики наказания и относится к соблюдению законодательных ограничений наказания, что предполагает соблюдение как минимального так и максимального размеров наказания, предусмотренных для каждого вида наказаний в статьях Общей части уголовного закона, а также соблюдение размеров, предусмотренных санкцией соответствующей статьи Особенной части.

К количественному элементу можно отнести долг суда строго следовать обозначенным в законе правилам назначения наказания, влияющим на установление максимума и минимума возможного назначенного наказания.

Также кроме общих начал назначения наказания суд должен соблюдать особые правила назначения наказания. Принимая во внимание разнообразие преступлений, в законе закреплены всевозможные особые правила назначения наказания, применение которых часто вызывает затруднения на практике. Имеют место разнообразные варианты сочетания особых правил, оказывающих влияние на определение меры наказания. Цель правоприменителя состоит в том, чтобы окончательная мера наказания отвечала всем необходимым конкретной ситуации специальным правилам, следует сперва сконцентрировать внимание на закрепленных пределах наказания учитывая санкции статьи и положений общих начал, далее выявить все подлежащие использованию специальные начала, отметить последовательность их применения, учитывая это скорректировать границы наказания и, следуя аспектам индивидуализации, определить конечную меру наказания внутри границ наказания.

Разделение принципов индивидуализации и справедливости при назначении наказания важно в практическом и в теоретическом плане. Существуют позиции, которые основаны на их сравнении.

С.А. Галактионов полагает, что принцип справедливости ограничивает судебное решение при назначении наказания и иных мер уголовно-правово-

го характера требованием, чтобы они соответствовали характеру и уровню общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [9, с.69]. На такое понимание наталкивает формулировка принципа справедливости, которая отражена в ст. 6 УК РФ.

По мнению автора данной статьи, принципы индивидуализации наказания и справедливости при назначении наказания следует различать. Безусловно, они схожи по своей направленности, по средствам реализации, но нужно выяснить их содержание, сходство и отличия, для того чтобы обозначить область их действия.

Сложно прийти к конкретному заключению, в том, что именно можно отнести к справедливости назначения наказания, а что к индивидуализации наказания.

Так, П.А. Фефелов говорит, что принцип индивидуализации подразумевает учет характера и уровня общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, позволяющих при реализации принципа неотвратимости наказания, назначать лицу, совершившему преступление, справедливое наказание [10, с.51].

Эту тему рассматривает и Р.Н. Ласточкина, которая отмечает, что справедливость — это включающие в себя уравнивающие и распределяющие аспекты требования к назначаемой судом мере уголовно-правового воздействия, согласно которому вид и размер наказания должны определяться в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления, личностью виновного, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность [11, с.30].

Обращает на себя внимание, что указанные авторы-правоведы, описывают разные явления однако дают им схожее определение, включают в содержание разных понятий похожие компоненты, несмотря на то, что не могут и справедливость, и индивидуализация реализовываться путем учета характера и уровня общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, и быть путем достижения целей наказания. Некоторые факторы должны различать эти явления, в противном случае они – суть одно и то же.

Существует такое мнение, согласно которому принцип индивидуализации взаимосвязан с принципом справедливости.

Так, А.И. Лазуткин усматривает, что составляющая сердцевину содержания принципа справедливости идея индивидуализации наказания, а именно определения наказания в соответствии с характером и уровнем общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личностью виновного, находит свое юридическое воплощение в нормах как Общей, так

и Особенной части Уголовного кодекса [12, с.52]. Таким образом, А.И. Лазуткин сравнил принцип индивидуализации наказания и принцип справедливости назначения наказания, так как все то, что законодателем в ст. 6 УК РФ отнесено к области действия принципа справедливости, включено и в индивидуализацию.

Больше всех приблизились к решению рассматриваемой проблемы С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, они еще в 80-х годах XX века писали, что наши принципы справедливости и индивидуализации — близки, однако не вполне совпадающие категории. Индивидуализация всегда относится к личности виновного, а справедливость, в свою очередь, понятие более широкое, в котором учитываются и личные и общественные интересы [13, с.136].

Прорабатывая эту тему, ставлю для себя возможность разделить принцип справедливости при назначении наказания и принцип индивидуализации.

Индивидуализация наказания, определенно, относится к личности, по личному мнению, это значит, что все базовые признаки индивидуализации основываются, учитывая личность виновного. Однако помимо личности, в процессе индивидуализации учитываются и другие факторы, а точнее смягчающие и отягчающие обстоятельства, характеризующие обстановку содеянного преступления, в частности, и вовсе не связанные с личностью преступника. Несмотря на такую взаимосвязь, прослеживается следующая зависимость: все остальные признаки индивидуализации наказания формировались в историческом контексте, основой для выделения большинства из них, стала именно личность преступника, а точнее исторически первыми явились определенные обстоятельства, связанные с личностью преступника, которые влияли на меру наказания.

Что касается принципа справедливости, то сам термин «справедливость» тесно связан с равновесием в обществе. При совершении преступления это равновесие нарушается, возникает состояние несправедливости. Как же общество снова приходит в равновесие, как восстанавливается справедливость? Путем наказания за содеянное, и мера этого наказания может быть больше или меньше, однако, чтобы справедливость восторжествовала, наказание должно соотноситься, в первую очередь, с преступлением. Если мера наказания будет недостаточна, то чаши весов справедливости не придут в состояние равновесия, если же мера наказания будет избыточна, то равновесия так же не наступит и справедливость не будет восстановлена. Какой объемом «наказания» необходимо положить на чашу весов справедливости, чтобы уравновесить ее с чашей весов, которая отвечает за содеянное преступление? Если перевести это вопрос в правовое поле, то он будет звучать следующим образом: каковы же критерии справедливости при назначении наказания?

Справедливое наказание всегда назначается в соответствии с принципом индивидуализации, так же как и индивидуализацию наказания нельзя считать достигнутой, если назначенное наказание несправедливо. Следовательно, при помощи только учитываемых критериев разделить принципы индивидуализации и справедливости не представляется возможным, в том числе, и используя судебную практику, поскольку подходы, существующие в ней, в большей степени являются противоречивыми, нежели способствующими поставленной задаче разграничения исследуемых принципов.

Продолжая характеристику принципа справедливости при назначении наказания, стоит отметить, что именно в рамках исследуемого принципа подлежат учету общественные интересы, в противовес личности виновного, которая учитывается в процессе индивидуализации. Учет общественных интересов представляет собой социальный компонент принципа справедливости при назначении наказания.

Несомненно, несправедливое наказание вызывает отрицательный отклик в обществе, но это касается резонансных уголовных дел. У государства же нет возможности проводить общественную экспертизу по каждому приговору, это нарушило бы основы правосудия, поэтому задача выяснения общественной реакции на назначаемое наказание ложится на плечи судьи и входит в его деятельность по назначению наказания, по воплощению принципа справедливости.

Д.М. Молчанов, рассуждая о цели наказания, указывает, что восстановление социальной справедливости, можно увидеть не только в том, чтобы приговор удовлетворил общество, а в том, чтобы суд, назначая наказание, был убежден, что именно это наказание и именно в этом объеме соответствует жизненным интересам общества и государства [14, с.194].

Возможны разные соотношения в понимании справедливости судом и обществом. 1. Суд верно понял жизненные интересы, а общество их оценивает неверно. Тогда приговор фактически справедлив, а обществом воспринимается как несправедливый. 2. Суд неверно понял жизненные интересы общества, и общество само не понимает свои жизненные интересы. Тогда приговор фактически несправедлив, но судом и обществом оценивается как справедливый. 3. Общество верно понимает свои жизненные интересы, а суд выносит решения вопреки интересам общества. Тогда приговор несправедлив, а общество вынуждено подчиниться формально законному, но несправедливому решению. 4. Наконец, идеальный случай, когда и суд и общество верно оценивают жизненные интересы народа, страны, общества. Тогда приговор и фактически, и по восприятию его и судом, и обществом оказывается справедливым.

Компонент принципа справедливости, связанный с отношением потерпевшего к мере наказания, назначенной виновному, а также с возможностями потерпевшего повлиять каким-либо образом на назначаемое наказание предлагаем именовать диспозитивным.

На сегодняшний день в практике судов возникают трудности по вопросу возможности учесть мнение потерпевшего при назначении наказания. Подробное разъяснение практики учета мнения потерпевшего мы находим в обзоре судебной практики. Так, мнение потерпевшего о назначении подсудимому строгого наказания не может учитываться судом, поскольку не согласуется с положениями ст. ст. 6, 60, 63 УК РФ, и не отнесено законодателем к обстоятельствам, отягчающим наказание. Вместе с тем, поскольку перечень обстоятельств, смягчающих наказание подсудимому, предусмотренный ст. 61 УК РФ, не является исчерпывающим, то мнение потерпевшего о назначении подсудимому мягкого наказания может быть учтено судом при назначении последнему наказания.

Относительно данного вопроса существует позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная, в постановлении № 5 от 18.03.2014 г.: «обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания - такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего [15].

В данной связи видно, что Конституционный Суд РФ отрицает распространение частноправовых, определенных начал на столь традиционно публичную сферу как уголовное право. Даже возмещение вреда, причиненного преступлением, Конституционный Суд РФ называет «средством публично-правового реагирования», исключая из данной сферы потерпевшего.

Так, усматривается, что если причиненный потерпевшему вред не заглажен и виновный не предпринимал попыток его загладить, у потерпевшего должно остаться право сообщить о данном факте суду и попросить о

строгом наказании виновного, если же вред объективно больше не существует, то социальная справедливость в своем диспозитивном компоненте должна считаться восстановленной и у виновного должно оставаться право только попросить у суда снисхождения к виновному при назначении наказания.

Поскольку мнение потерпевшего является компонентом принципа справедливости назначения наказания, то вполне логичным было бы включить его в ч.1 ст.6 УК РФ, в таком случае можно полноправно говорить о мнении потерпевшего как составляющей принципа справедливости.

Принцип справедливости напрямую влияет на достижение цели восстановления социальной справедливости и заключается также в выяснении общественной реакции и мнения потерпевшего относительно назначенного наказания, а принцип индивидуализации наказания исходит из учета критериев, относящихся, в основном, к личности виновного и влияет скорее на достижение таких целей как перевоспитание виновного и частной превенции.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», имеются предписания: Обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в статьях 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [16]. Для назначения справедливого и соразмерного наказания судам следует неукоснительно учитывать индивидуальные особенности преступления и личности виновного.

Данную тему широко рассмотрела А.Р. Сафина. Она, в частности обратила внимание, что индивидуализация осуществляется в акте правоприменения на основании критериев, закрепленных в уголовном законе. Сущность индивидуализации - в выборе конкретной меры ответственности конкретному лицу. Это может выразиться в освобождении лица от ответственности или от наказания либо в назначении конкретного наказания в пределах санкции статьи. Основание индивидуализации ответственности - данные о личности виновного, тяжесть совершенного преступления, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. К индивидуализации уголовной ответственности относятся институты назначения наказания (гл. 10 УК РФ), освобождения от уголовной ответственности и от наказания (гл.

11, 12 УК РФ). Широкие рамки санкции (в особенности альтернативных относительно определенных санкций с дополнительными наказаниями) дают правоприменителю большие возможности для выбора виновному строго индивидуальной меры ответственности [17, с161-163].

Под целью наказания В.И. Зубкова предлагает понимать «те конечные фактические результаты, которых стремится достичь государство, устанавливая уголовную ответственность, осуждая виновного в совершении преступления к той или иной мере наказания и применяя эту меру» [18, с.65].

Таким образом, поиск оптимальных признаков разграничения принципов индивидуализации и справедливости при назначении наказания приводит к мысли, что эту грань нужно искать не в плоскости средств реализации рассматриваемых принципов, а в области конечного результата их функционирования. Ведь как справедливость наказания, так и его индивидуализация – далеко не самоцель. Определением справедливой и индивидуализированной меры наказания не заканчивается карательное воздействие. Наказание, о котором уже много сказано, существует не просто как «вещь в себе», законодатель предусмотрел цели наказания, среди которых выделяют восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта-Луганской Народной Республики.

2. Энциклопедия уголовного права: Назначение наказания. Т.9. С.-Пб.: Изд. профессора Малинина, 2007.С.15. 2.Мифтахов А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве. Дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 38.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05. 1996 года, Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 год <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.

3. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание: монография - М.: Юрлитинформ. 2012. С. 55.

4. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. С.106.

5. Мифтахов А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве. Дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 38.

6. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы уголовного права. М., 1988. С. 61.
7. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. С. 69.
8. Кругликов Л.Л., Благов Е.В. О законодательных пределах назначения наказания // Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982-1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 83-84.
9. Галактионов С.А. Принцип справедливости: Уголовно-правовой аспект. Дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С.69.
10. Феллов П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970. С. 51.
11. Ласточкина Р.Н. Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора. Казань. 1983. С.30.
12. Лазуткин А.И. Реализация принципа справедливости при назначении наказания в виде лишения свободы. Дисс. канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
13. С. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. раб. С. 136 14. Молчанов Д.М. Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). Москва: Проспект, 2014. С. 194.
14. Молчанов Д.М. Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). Москва: Проспект, 2014. С. 194.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области»// Российская газета, № 71 от 28.03.2014
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
17. Сафина А.Р. Индивидуализация наказания как составляющая часть института назначения наказания / А. Р. Сафина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 43 (438). — С. 161-163.
18. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М. 2002. С. 65.

Kushnareva Natalia Alexandrovna
Senior Lecturer in the Department of State-
Legal Disciplines of the Law Institute
of the Russian State University of LNR
“Lugansk State University named
after Vladimir Dahl”
e-meil: kna7a@mail.ru

INDIVIDUALIZATION AND FAIRNESS OF CRIMINAL PUNISHMENT

The relevance of the research topic is due to the different views of legal scholars on criminal law policy, which consists in considering the degree of importance of an individual approach to the application of punishment in criminal prosecution. Sentencing is a primary, one of the main and fundamental issues of the administration of justice. Not only the fate of the defendant depends on how lawful and fair the punishment imposed by the court will be, but also the achievement of the goals set for criminal law. Identifying the causes and the possibility of solving them require a deep analytical and practical approach.

Keywords: criminal legislation, punishment, individualization, principles, justice.

Literatura:

1. Federalnii konstitucionnii zakon ot 04 oktyabrya 2022 №6-FKZ «O prinyatii v Rossiiskuyu Federaciyu Luganskoi Narodnoi respubliki i obrazovaniya v sostave Rossiiskoi Federacii novogo subekta-Luganskoi Narodnoi respubliki.

2. Enciklopediya ugovnogo prava: Naznachenie nakazaniya. T.9. S.-Pb.: Izd. professora Malinina, 2007. S.15. 2. Miftahov A.M. Individualizaciya nakazaniya pri ego naznachenii s uchetom isklyuchitel'nykh obstoyatelstv v rossiiskom ugovnom prave. Diss. kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2012. S. 38

3. Ugovnii kodeks Rossiiskoi Federacii ot 24.05. 1996 goda, Odobren Sovetom Federacii 5 iyunya 1996 god <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>

3. Sabitov T.R. Ugolovno-pravovye principii: metodi poznaniya, sush'nost i sodержanie: monografiya - M.: YUridinform. 2012. S. 55.

4. Veliev S.A. Principii naznacheniya nakazaniya. SPb.: YUridicheskii centr Press. 2004. S.106.

5. Miftahov A.M. Individualizaciya nakazaniya pri ego naznachenii s uchetom isklyuchitel'nykh obstoyatelstv v rossiiskom ugovnom prave. Diss. kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2012. S. 38.

6. Kelina S. G., Kudryavcev V. H. Principi ugovolnogo prava. M., 1988. S. 61.
7. Poznishev S.V. Ocherk osnovnih nachal nauki ugovolnogo prava. M., 1923. S. 69.
8. Kruglikov L.L., Blagov E.V. O zakonodatel'nykh predelakh naznacheniya nakazaniya // Kruglikov L.L. Problemi teorii ugovolnogo prava. Izbrannie stati (1982-1999 gg.). YArosavl, 1999. S. 83-84.
9. Galaktionov S.A. Princip spravedlivosti: Ugolovno-pravovoi aspekt. Dis. kand. jurid. nauk. Ryazan.2004. S.69.
10. Fefelov P.A. Ponyatie i sistema principov sovetskogo ugovolnogo prava. Sverdlovsk, 1970. S. 51.
11. Lastochkina R.N. YAvnaya nespravedlivost nakazaniya kak osnovanie k otmene ili izmeneniyu prigovora. Kazan. 1983. S.30.
12. Lazutkin A.I. Realizaciya principa spravedlivosti pri naznachanii nakazaniya v vide lisheniya svobody. Diss. kand. jurid. nauk. Ryazan, 2004.
13. S. Kelina S. G., Kudryavcev V. H. Ukaz. rab. S. 136 14. Molchanov D.M. Vosstanovlenie socialnoi spravedlivosti kak cel nakazaniya // Ugolovnoe pravo strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii (30-31 yanvarya 2014 g.). Moskva: Prospekt, 2014. S. 194.
14. Molchanov D.M. Vosstanovlenie socialnoi spravedlivosti kak cel nakazaniya // Ugolovnoe pravo strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii (30-31 yanvarya 2014 g.). Moskva: Prospekt, 2014. S. 194.
15. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18.03.2014 № 5-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti vtoroi.1 stati 399 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossiiskoi Federacii v svyazi s zaprosom Ketovskogo raionnogo suda Kurganskoi oblasti»// Rossiiskaya gazeta, № 71 ot 28.03.2014 16. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 N 58 (red. ot 18.12.2018) «O praktike naznacheniya sudami Rossiiskoi Federacii ugovolnogo nakazaniya».
17. Cafina A.R. Individualizaciya nakazaniya kak sostavlyayush'aya chast instituta naznacheniya nakazaniya / A. R. Cafina. — Tekst : neposredstvennii // Molodoi uchenii. — 2022. — № 43 (438). — S. 161-163.
18. Zubkova V. I. Ugolovnoe nakazanie i ego socialnaya rol: teoriya i praktika. M. 2002. S. 65.

Лазор Юлия Анатольевна
старший преподаватель
кафедры интеллектуальных прав
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail:marta.kaf@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Исследованы основные аспекты интернациональной защиты интеллектуальных прав. Рассмотрены ряд международных конвенций и договоров, а также основные положения сотрудничества ВОИС и ВТО в рамках Соглашения о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, ВОИС (всемирная организация интеллектуальной собственности), ВТО (всемирная торговая организация), конвенция.

В условиях стремительного развития науки и техники интеллектуальная деятельность человека приобретает все большее значение в разных сферах материального и духовного производства. Все новейшие научные достижения и произведения искусства представляют собой результаты творческого труда и являются объектами интеллектуальной собственности (далее – ИС).

Долгое время правовое регулирование отношений, возникающих в связи с использованием интеллектуальных ценностей, считалось целиком и полностью задачей национальных законодательств государств, тем самым поощрявших творчество и способствовавших свободной эффективной торговле результатами интеллектуального труда в целях экономического и социального развития. Страны разным образом пытались урегулировать баланс между правами творцов в своих произведениях и правом общества на свободный доступ к этим произведениям. В результате возникали многочисленные несоответствия между национальными законами о защите прав ИС. Права, признанные в пределах одной страны, при отсутствии специальных международных соглашений для остальных стран не существовали. На уровне частных лиц это часто приводило к использованию произведения или изобретения без согласия автора или изобретателя и без выплаты ему гонорара, на межгосударственном уровне – к потере странами прав на новые технологии. Оказалось, что без четкой регламентации норм пользования интеллектуальными

благами невозможно международное сотрудничество практически во всех сферах человеческих знаний: в области научных исследований, в области медицины, нанотехнологий, в военной области, в области культуры и т.д.

Стала очевидна необходимость международной охраны ИС, которая обеспечивается через установление соответствующих контактов на международном уровне. В свете же ускорения процессов глобализации, интенсификации трансграничных связей и беспрецедентного роста значения интеллектуальных ценностей международное взаимодействие по вопросам ИС приобрело еще большую актуальность. В исследовании проводится анализ положений Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., Римской конвенции по охране прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций эфирного вещания 1961 г.

Вопросы ИС широко представлены в современной отечественной и зарубежной литературе. В основу исследования легла информация, почерпнутая из учебных пособий (Бромберг Г. В., Лебедев С. А., Розов Б. С. «Интеллектуальная собственность»). Международной охране ИС посвящены отдельные разделы в учебниках международного частного права М. Богуславского, В. Звекова, Г. Дмитриевой. Однако в результате непрерывного развития изучаемого феномена эти сведения быстро устаревают и часто не отражают реального положения вещей.

Относительно целостное видение международного сотрудничества в области охраны ИС предложено в трудах А. Минкова, П. Мегтса, А. Сергеева, А. Pardi. А. и других. В целом, на современном этапе создана обширная документальная база, существует множество публикаций по вопросам международной охраны ИС. Однако ни одна из этих публикаций не включает все аспекты проблемы.

Цель этой статьи – дать комплексный анализ и перспектив развития международного сотрудничества по охране ИС.

Исходя из цели исследования, можно сформулировать его основные задачи: определить основные формы международного взаимодействия в сфере охраны ИС, проанализировать договорную базу сотрудничества в данной области, выявить тенденции и перспективы развития системы международной защиты прав ИС.

Международная система охраны авторского права является сложным механизмом, в основе которого лежат прежде Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений в ее многочисленных редакциях и Всемирная конвенция об авторском праве 1952 года, которая была изменена в 1971 году.

В Берне в 1886 году было подписано универсальное соглашение, получившее название Международной конвенции о защите литературных и художественных произведений, предоставлявшей владельцу авторского права возможность не выполнять различных формальностей в стране, где требуется охрана, при условии, что он выполнил такие у себя в стране. К основным положениям Конвенции можно отнести и отсылочные нормы, устраняющие коллизии путем отсылки к законодательству страны, где требуется защита, или к праву страны, где была произведена первая публикация произведения.

Значительный интерес представляет анализ основного правила применимости охраны по Конвенции 1886 г. Следует отметить, что теоретически при решении этой проблемы можно исходить из двух предпосылок: территориальной и национальной. Первая означает признание охраны произведением, впервые опубликованным на территории государства-члена Конвенции, независимо от гражданства автора, а вторая предоставляет охрану произведения, автором которого будет гражданин страны-участницы, независимо от места первой публикации произведения [1, с. 3].

Первая конференция по пересмотру Бернской конвенции состоялась в Париже в 1896 г. В круг нововведений парижского текста следует отнести включение понятия «публикация» и определение его как «выпуска копий».

В процессе развития норм конвенционной охраны Бернской Конвенции важное место занимает Берлинская конференция 1908 г., которая устанавливала следующие основные положения:

1. Отказ от всех формальностей даже в том случае, если в стране первой публикации они есть.

- Более точно определено понятие объектов охраны и несколько расширен их круг за счет произведений хореографии и пантомимы, кинематографии, архитектуры и фотографии. Более того, новый текст предусмотрел право композиторов разрешать адаптацию их произведений для выполнения аппаратами механического воспроизведения и публичное исполнение данными аппаратами. Правда, это правило содержало оговорку о том, что законодательства стран-участниц могут установить специальные условия его применения.

- Правила, регламентирующие право на перевод, были также расширены: это право признавалось в течение всего срока охраны без всяких ограничений. При этом правила Конвенции 1896 г. отменялись, за исключением тех случаев, когда какая-либо страна пожелает сохранить их.

- Установлен срок охраны авторского права в 50 лет, исчисляемый со дня смерти автора. При этом это правило не имело обязательного характера, поскольку допускались разногласия в терминах охраны авторского пра-

ва, определяемых законом страны, где требуется защита, с условием, что этот термин не должен превышать установленного в стране происхождения произведения.

- Более четко определены понятия литературного и художественного произведений и закреплены положения о том, что данные произведения должны подлежать охране во всех странах-участниках с обязательным отражением этого в национальных законодательствах.

- Были признаны права автора на воспроизведение и публичное представление работ в кинематографе.

Важно заметить, что одной из существенных новелл было признание за владельцем авторского права правомочия на трансляцию произведения по радио. Исключая вышесказанное, был повышен уровень охраны авторских прав по Конвенции в связи с включением в перечень охраняемых произведений устных литературных произведений (лекций, речей, проповедей и т. п.), хотя государствам предоставлялись права исключать их из числа объектов охраны, а также определять условия, при которых лекции, проповеди и речи могут быть использованы в печати.

К числу наиболее важных новых положений Римского текста Бернской конвенции следует отнести также признание личных прав автора, сохраняющихся за ним и при уступке имущественных прав (издание, публикация, постановка и т. п.). Однако, объем и условия применения личных прав Конвенция не определяла, отсылая в этом вопросе к национальному законодательству. Она исключительно ограничила их временем жизни автора.

Среди других новшеств Римского текста Конвенции можно отметить применение принципа неделимости, целостности произведения при исчислении сроков охраны авторского права для работ, созданных в соавторстве, а также предоставление правилам Конвенции обратной силы, сохраненной всеми последующими текстами.

В Женеве в 1952 г. была принята Всемирная конвенция об авторском праве, вступившая в силу в сентябре 1955 г. Избрав своим основным правилом охраны интересов владельцев авторских прав принцип национального режима, Всемирная конвенция содержит ряд материально-правовых норм, наличие которых обеспечивает необходимый минимум охраны авторских прав в государствах, участвующих в Конвенции. К данным нормам относятся закрепление права перевода и установление минимального срока охраны (25 лет).

Конвенция не требует от стран, в национальных законодательствах которых есть указания о формальности как о неперемennom условии охраны авторского права, отказываться от них. При этом, что касается иностранцев, то, какие бы требования ни предъявлялись национальными законодательствами,

они считаются выполненными в отношении любого охраняемого произведения, впервые выпущенного в свет вне территории этого государства, если, начиная с первого выпуска в свет этого произведения, все его экземпляры, выпущенные с разрешения автора или другого обладателя авторского права, будут иметь знак ©, сопровождаемый именем обладателя авторских прав и годом (указание дня и месяца необязательно) первой публикации.

В числе конференций, изменивших и дополнивших Бернскую конвенцию – Стокгольмская конференция 1967 г., занимающая особое место. Вместе с вопросом о правовом режиме использования охраняемых произведений развивающимися государствами на Стокгольмской конференции дальнейшую эволюцию претерпели нормы, определяющие следующие понятия и институты международного авторского права:

1) были усовершенствованы «критерии применимости» Бернской конвенции и уточнены такие понятия, как «страна происхождения» и «выпуск в свет»;

2) расширен объем авторских правомочий путем признания «права автора на воспроизводство»;

3) упорядоченный режим кинематографических произведений;

4) уточнен принцип охраны личных прав автора;

- продлен срок охраны некоторых авторских правомочий. В эволюции системы интернациональной охраны авторских прав особенное место занимает и таковой принципиальный этап как Парижские конференции 1971 г. По одновременному пересмотру глобальной и Бернской конвенций.

Представляется целесообразным остановиться исключительно на вопросах, имеющих отношение к международной системе охраны авторских прав в целом. Следует отметить, что наряду с выработкой «особого механизма», позволяющего развивающимся и участвующим в Конвенции странам иметь более свободный доступ к охраняемым произведениям (а это было основной задачей конференции), во Всемирную конвенцию был включен ряд новых правил, которые повышали общий уровень конвенционной охраны и тем самым сближали его с уровнем, характерным для Бернской конвенции.

Во Всемирную конвенцию была включена новая статья, содержащая положения об охране основных прав, обеспечивающих имущественные интересы автора, включая исключительное право на воспроизведение своего произведения любыми способами, а также его публичное исполнение и радиотрансляцию. Эти права распространяются на произведение как в его оригинальной форме, так и на все другие основывающиеся на нем формы.

На повышение уровня охраны были направлены также специальные положения Всемирной конвенции, регламентирующие право государств-чле-

нов допускать исключения из правил охраны основных прав автора. Прежде всего данные исключения не должны противоречить «духу и букве» Всемирной конвенции в редакции 1971 года.

Кроме того, на конференции также подчеркивалось, что "дух" Конвенции должен определяться и ст. 27 Всеобщей декларации прав человека ООН, провозгласившей права любого лица свободно участвовать в культурной жизни общества и пользоваться охраной своих личных и экономических интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов [2, с. 28].

Существование двух текстов Всемирной конвенции неизбежно обостряет проблему их соотношения и затрудняет получение ответа на вопрос, какой же текст применяется в отношениях между странами, один из которых присоединился к Конвенции в редакции 1952 г., но не сделал этого по Конвенции в редакции 1971 г., и страны, присоединившейся к последнему тексту. /Следует отметить, что эта проблема принципиально важна, потому что затрагивает общий принцип суверенитета государств, которые не могут быть связаны с обязательствами международного договора, к которому они не присоединились.

Так, государства, присоединившиеся к тексту 1952 г., и государства, присоединившиеся к тексту 1971 г., регулируют свои отношения на основе правил текста 1952 г. При этом любое из таких государств-участников Конвенции 1952 г. может путем нотификации Генеральному директору ЮНЕСКО объявить о допустимости применения всеми государствами-членами Конвенции в редакции 1971 г. ее правил к произведениям своих граждан или произведений, впервые опубликованных на ее территории.

Итак, в ходе многостороннего сотрудничества была создана крупная договорная база по ИС. В рамках интернациональных договоров регламентируется охрана промышленной принадлежности, авторских и смежных прав. Эти соглашения действуют практически по всему миру, образуя единую систему защиты прав ИС и существенно упрощая любые операции с результатами творческой деятельности. Однако, поскольку технологии стремительно развиваются, международное сообщество постоянно сталкивается с новыми тенденциями в сфере ИС, требующими законодательного оформления. Практика показала, что государства научились быстро реагировать на подобные вызовы и при возникновении необходимости оперативно разрабатывать новые международные нормы и стандарты. В этом немалая заслуга международных организаций в области охраны ИС, которые изначально служат форумом для обсуждений актуальных проблем.

Организации в области защиты прав ИС действуют на двух уровнях: всемирном и региональном. Основными институтами, занимающимися охраной

ИС в мировых масштабах, являются Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Региональное сотрудничество в рамках региональных интеграционных объединений и специализированных учреждений. Всемирные и региональные организации выполняют разные функции: всемирные отвечают за разработку договоров, на которых держится вся система международной охраны ИС; региональные согласовывают детали государственных законодательств.

Рассмотрим деятельность и сотрудничество основных международных организаций в области интеллектуальной собственности.

ВОИС и ВТО сотрудничают в рамках Соглашения ТРИПС (Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность), которое затрагивает следующие основные моменты.

Во-первых, утверждается «национальный режим» и «режим наибольшего содействия» по защите интеллектуальной собственности.

Второй, и наиболее интересный момент, это наличие отсылок к Парижскому, Бернскому, Римскому и Вашингтонскому соглашениям (последнее, что касается вопросов, связанных с защитой типологий интегральных микросхем, формально так и не вступило в силу) по вопросам предоставления национального режима. В частности, в ст. 5 говорится, что участники соглашений под эгидой ВОИС руководствуются принципами предоставления национального режима, предусмотренными в этих соглашениях. В частности, ст. 2 Парижской конвенции предусматривает национальный режим в отношении патентов.

Подобные отсылки встречаются не только в Части I, но и в других регулирующих конкретные объекты. Здесь некоторые ученые задаются вопросом, как действовать в случае, если в рамках ВОИС будут приняты поправки в соглашения, не совместимые с принципами Соглашения ТРИПС. Например, значительно увеличив регулиующую роль государства в таких вопросах, как обязательное лицензирование, принципиально и идеологически отвергаемое ВТО [3, с. 32].

Цели и принципы Соглашения, как и всего пакета ВТО, можно кратко охарактеризовать как устранение препятствий в международной торговле. Здесь под таким препятствием понимаются нарушения интеллектуальной собственности, имеющие последствия в экономической сфере.

Часть II Соглашения содержит нормы и стандарты, касающиеся регулирования вопросов, связанных с конкретными объектами интеллектуальной собственности. К примеру, Раздел «Авторское право», статья 9 содержит по-

ложения о том, что «участники должны соблюдать статьи 1-21 Бернского соглашения 1971 г.». Указанные статьи содержат базовые понятия и принципы авторского права. Далее в разделе регулируются следующие вопросы: компиляция данных в компьютерных программах, вопрос аренды компьютерных программ и кинематографических работ, защита авторов представлений, радиовещательных организаций и производителей фонограмм. Сроки по охране смежных прав установлены в 50 лет.

Относительно торговых марок уточняются положения статьи 6 Парижской конвенции, предусматривающей отмену регистрации товарного знака, копирующего или имитирующего общеизвестный, ранее зарегистрированный знак. Устанавливается 7-летний срок защиты товарного знака с момента прекращения использования.

Отдельная статья посвящена происхождению вин (ст. 23). Страны-участники должны иметь средства предотвращения любых указаний, вводящих в заблуждение о происхождении товаров. Также запрещается использование наименований со словом «Как...». Например, "Как Шампанское" и т.п. Положение содержит исключения (п. 4 ст. 24) для добросовестных производителей товаров, пользующихся наименованием более 10 лет до даты вступления Соглашения в силу.

Для промышленных образцов срок охраны установлен в течение 10 лет.

Одной из причин, по которым многим странам приходится корректировать свое законодательство при подписании пакета ВТО, это положение раздела, касающееся патентов (ст. 27-34). Значительно ограничивается возможность широкого доступа к запатентованной продукции в некоторых отраслях производства. В частности, в некоторых странах отменены законы, запрещающие патентование в фармацевтической и сельскохозяйственной отрасли. Ограничивается возможность обязательного лицензирования. Срок охраны патента устанавливается согласно статье 33 Соглашения - 20 лет со дня регистрации.

Защита типологий интегральных микросхем, или, как их еще называют, чипов, основана на положениях Вашингтонского соглашения по охране типологий интегральных микросхем 1989 г. Основное отличие заключается в увеличении срока защиты с 8 до 10 лет.

Соглашение ТРИПС также охраняет такой объект как торговые секреты. Этот объект имеет много признаков интеллектуальной собственности, однако причисление его к таковым может вызвать споры. Тем не менее, Соглашение по ст. 39 обязывает страны-участницы обеспечить защиту торговых секретов, за исключением случаев, когда это противоречит честной коммерческой практике.

Часть III Соглашения состоит из следующих разделов:

– «Общие положения», предусматривающие эффективное правоприменение; «Гражданско-правовые и административно-правовые процедуры и средства». Здесь приписывается предоставлять широкий спектр гражданско-правовых средств защиты; компетентность судов остановить деятельность нарушителей прав интеллектуальной собственности, предотвращая проникновение контрафактной продукции на рынок и снижение ее стоимости; вопросы компенсации понесенного ущерба в адекватном размере;

– «временные меры», так же касающиеся юрисдикции судов по предотвращению незаконной деятельности, связанной с интеллектуальной собственностью;

– «пограничные меры», связанные с предотвращением перемещения контрафактной продукции через границы;

– «уголовные меры», касающиеся уголовных норм, предусматривающих наказание за так называемое «пиратство» (ст. 61).

Часть IV посвящается обретению права интеллектуальной собственности. Здесь предполагается доступность и простота процедуры регистрации, совместимой с целями Соглашения для объектов, которым посвящена Часть II.

Следовательно, международное сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности, в основном, регулируется Соглашением ТРИПС и соглашениями под эгидой ВОИС. Соглашение ТРИПС обобщило и объединило существующие документы, взяв за основу содержащиеся в этих документах принципы регулирования интеллектуальной собственности и сделав акцент на экономической составляющей данного объекта. В этой ситуации в сфере регулирования ВОИС остаются развитие науки, нравственный аспект, консультативные функции. ВОИС, созданное и действующее как специализированное учреждение ООН, было призвано регулировать вопросы интеллектуальной собственности в условиях существования двух противоположных политических систем.

В такой ситуации балансирования трудно обеспечивать императивность издаваемых и касающихся вопросов, далеких от проблем международной безопасности. В условиях международной экономической интеграции необходимы определенные гарантии в вопросах защиты интеллектуальной собственности. В отличие от документов, образующих ВОИС, Соглашение ТРИПС приписывает участникам обеспечить правоприменение в соответствии с предусмотренными Соглашением стандартами.

ВТО основывается на других принципах, чем ВОИС, и в сложившейся ситуации должна иметь место определенная конкуренция юрисдикции двух

международных организаций. Проблему разграничения поможет определить Соглашение о сотрудничестве ВОИС и ВТО, подписанное в 1995 году, и согласно которому Международное Бюро ВОИС должно гарантировать предоставление копий нормативных актов, инструкций, имеющих переводов, компьютерных баз данных Секретариата ВТО, Совета по ТРИПС, участникам соглашения о создании ВТО, на тех же условиях и в те же сроки, как это было сделано для членов ВОИС. В свою очередь, ВТО и Совет по ТРИПС должны предоставить аналогичные услуги. Пункт «а» части 3 статьи 2 Соглашения между ВТО и ВОИС имеет ссылку на п. 2 ст. 63 Соглашения ТРИПС, который предусматривает, что член ВТО освобождается от обязанности сообщать Совету по ТРИПС о решениях суда, инструкциях, мерах, связанных с защитой ИС внутри государства-члена (эти сообщения необходимы для осмотра деятельности в рамках Соглашения), если эти решения были переданы в ходе консультаций в регистр Международного Бюро ВОИС. Также в этом пункте предполагается, что, когда член ВТО сообщает в Совет по ТРИПС о появлении нового документа в реестре ВОИС, Секретариат имеет право обратиться в международное бюро ВОИС о безвозмездной передаче копии такого документа.

Статья 6 Парижского соглашения для целей Соглашения ТРИПС делегирует ВОИС разрешение вопросов, споров, предусмотренных статьей 6 Парижского соглашения 1967 года и касается использования государственных эмблем.

Юрико-техническая помощь и сотрудничество предполагает обмен информацией, взаимную помощь и консультации между Секретариатом ВТО и Международным Бюро ВОИС.

Помимо вопросов, предусмотренных настоящим Соглашением, сотрудничество ВОИС и ВТО реализуется в совместных программах. В частности, с 2001 года введена в действие совместная программа помощи развивающимся странам по вопросам интеллектуальной собственности [4, с. 24].

Следует отметить, что в условиях современной технологической революции появились принципиально новые возможности воспроизводства объектов, защищаемых правом интеллектуальной собственности. Это приводит к существенной дифференциации структуры системы охраны интеллектуальной собственности и усложнению самих механизмов такой охраны.

Особое значение приобретает охрана новых технологических объектов, к которым относятся компьютерные программы, биотехнологии, интегральные микросхемы, репрография (включая аудио- и видеозаписи), распространение сигналов через новую технику связи (спутники, кабель), цифровые системы распространения. Частично эти проблемы уже урегулированы договорами ВОИС и Соглашением ТРИПС.

В то же время возник сложнейший комплекс проблем, связанный с информационными потоками, коммерческой и другой деятельностью в сети Интернет и необходимостью приспособления структур охраны ИС к деятельности с использованием новейших информационных технологий. Этот комплекс выходит за рамки принятых в 1996 г. так называемых Интернет-договоров. Поэтому в сентябре 1999 г. ВОИС приняла так называемую «Цифровую повестку дня» – план действий из 10 пунктов, учитывающий проблемы охраны ИС в условиях развития сети Интернет.

В рамках выполнения названного плана в сентябре 1999 г., в дополнение к уже принятым мерам по созданию глобальной сети по вопросам интеллектуальной собственности – WIPONET, объединяющей в единую систему операции и базы данных национальных ведомств по ИС, а также электронно-цифровых библиотек интеллектуальной собственности, начато создание системы «Собрание законов для электронного доступа» – CLEA. В декабре 1999 г. была внедрена программа дистанционного обучения Академии ВОИС, которая базируется на Интернете и предусматривает 9-модульный курс по вопросам интеллектуальной собственности. ВОИС также приступила к реализации амбициозного проекта «Информационный менеджмент для Договора о патентной кооперации» – IMPACT с целью компьютеризации в рамках ВОИС операций, связанных с этим договором. Завершено развитие службы разрешения споров онлайн, что позволит уменьшить затраты времени и средств на эти процедуры.

С другой стороны, ВОИС в последнее время принимают меры, направленные на решение связанных с Интернет-технологиями проблем, а именно:

– признание защиты торговых знаков (идентификационных знаков) в системе Интернет;

– подготовка международного договора об аудиовизуальных исполнениях, на которые не распространяется охрана согласно Договору ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 г.;

– внедрение дополнительных мер охраны баз данных;

– урегулирование прав вещательных организаций, не урегулированных в достаточной степени ни Римской конвенцией 1961 г., ни Договором по исполнениям и фонограммам 1996 г.;

– урегулирование вопросов ИС, связанных с электронной коммерцией, включая проблемы торговых идентификаторов, названий Интернет-доменов, недобросовестное использование известных торговых знаков в качестве названия домена. Принята Единая политика разрешения споров в области названий Интернет-доменов, направленная на ограничение злоупотреблений в отношении товарных знаков в сети Интернет. В 2000 г.

инициировано распространение этого процесса на имена собственные, названия неправительственных организаций, географические обозначения, фирменные наименования, названия фармацевтических препаратов (это т. н. «второй процесс ВОИС в области названий Интернет-доменов») [5, с. 309].

Однако, как показывает практика, некоторые меры защиты и охраны ИС в современных условиях могут привести к нарушению права каждого человека на свободный доступ к информации. Это касается прежде всего существования ИС в сети Интернет, стремительно развившегося и занявшего большое место в повседневной жизни каждого из нас. Исходя из анализа современных тенденций решения проблемы установления баланса между интересами правообладателей и пользователей Интернета на международном уровне, четко прослеживается вектор в сторону усиления режима интеллектуальной собственности, что может оказать негативное влияние на свободу информации в Интернете. В этой связи представляется целесообразным принятие на международном уровне политических документов, которые могли бы вернуть пошатнувшееся равновесие.

Несомненно, весомый вклад в этом направлении мог бы осуществить ЮНЕСКО, разработав универсальный международный договор, укрепляющий такие ценности как доступ к информации/знаниям, обеспечение и защита интеллектуальной собственности в публичном домене.

Повсеместное признание необходимости охраны ИС – важная предпосылка для развития международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Благодаря тому, что все признают защиту прав ИС жизненно важной, стало возможным создание международных систем охраны различных объектов ИС. Так, Договор о патентной кооперации предусматривает подачу международных заявок, позволяющих получать патентную охрану сразу в нескольких государствах. Мадридское соглашение 1891 г. вводит международную регистрацию товарных знаков, а Гаагское соглашение 1925 г. – международное депонирование промышленных образцов. Следует отметить, что невозможно обеспечить эффективную защиту прав ИС на международном уровне при разнообразии подходов, которое практикуется разными странами. Следовательно, возникает потребность в гармонизации национальных законодательств по спорным вопросам.

Международные договоры образуют сеть, которая опутывает все страны-участницы, лишает их возможности действовать произвольным образом, по своему усмотрению. Они устанавливают единые нормы и стандарты охраны ИС, отступление от которых наказывается санкциями. Подписывая такие договоры, государства выражают согласие частично отказаться от соб-

ственных законодательств в сфере ИС и пойти по пути сближения с законодательствами других стран. Подобные соглашения существуют по практически всем категориям ИС. Первыми из них были Парижская и Бернская конвенции. Однако они содержали только общие положения, оставляя национальным государствам большую часть свободы в определении режима, применяемого к объектам ИС. Поэтому за ними последовали более специализированные соглашения. Договор о патентном праве установил единые требования к охране изобретений, Договор о законах о товарных знаках гармонизировал процедуры регистрации товарных знаков в разных странах. Государства пользуются единственной патентной классификацией, едиными классификациями товарных знаков и промышленных образцов. В рамках Римской конвенции унифицированы правовые нормы охраны смежных прав. Договор ВОИС по авторскому праву определяет единый режим, применяемый к компьютерным программам и базам данных. Договор об исполнении и фонограммах регламентирует охрану прав исполнителей и производителей фонограмм в мировых масштабах. Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности содержит единый минимальный стандарт правоприменения в сфере ИС. В рамках Римской конвенции унифицированы правовые нормы охраны смежных прав. Договор ВОИС по авторскому праву определяет единый режим, применяемый к компьютерным программам и базам данных. Договор об исполнении и фонограммах регламентирует охрану прав исполнителей и производителей фонограмм в мировых масштабах. Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности содержит единый минимальный стандарт правоприменения в сфере ИС. В рамках Римской конвенции унифицированы правовые нормы охраны смежных прав. Договор ВОИС по авторскому праву определяет единый режим, применяемый к компьютерным программам и базам данных. Договор об исполнении и фонограммах регламентирует охрану прав исполнителей и производителей фонограмм в мировых масштабах. Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности содержит единый минимальный стандарт правоприменения в сфере ИС.

Таким образом на современном этапе четко определились основные тенденции развития международного регулирования прав интеллектуальной собственности. Во-первых, эти права признаются почти повсеместно, хотя и в разном объеме. Во-вторых, благодаря переговорам на высшем уровне и действиям международных организаций наблюдается гармонизация и даже унификация национальных законодательств. В-третьих, отмечается универсализация охраны ИС, применение единого подхода при его

предоставлении своим гражданам и иностранцам, выравнивание объема прав и возможностей их защиты в суде для всех заинтересованных лиц. Как следствие, охрана ИС постепенно теряет традиционно территориальный характер.

Система международной охраны прав ИС кажется относительно стабильной, но на самом деле эта структура подвержена постоянным потрясениям. Новые проблемы и вызовы заставляют участников международного сотрудничества по ИС непрерывно пересматривать договорную базу своих отношений. Это позволяет адаптировать национальные законодательства к изменяющимся реалиям и одновременно продолжать их гармонизацию. Тенденция к модернизации международных норм и стандартов, приведение этих норм в соответствие с требованиями времени дополняет картину, сформированную в области международного регулирования прав ИС.

Ожидается, что в дальнейшем эти тенденции сохранятся и еще больше усилятся. Международное сотрудничество в сфере охраны ИС будет способствовать их развитию. Однако оно само ощущает на себе влияние ряда положительных и отрицательных факторов, соотношение которых и определяет плодотворность общих усилий, предпринимаемых на международном уровне.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных творений // Бюллетень международных договоров.- 2003. - №9. С. 3.
2. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Права человека. Сборник интернациональных документов. – М.: Издательство Столичного института, - 1986. - С. 28.
3. Мишель М. Вальтер. Связь и сопоставление Римской конвенции, Договора ВОИС по исполнению и фонограммам (ДВИФ) и Соглашения по аспектам прав интеллектуальной собственности, связанным с торговлей (Соглашения ТРИПС); развитие и вероятное совершенствование охраны смежных прав, признаваемых Римской конвенцией // интернациональное публичное и частное право.- 2003. - №5. - С. 32.
4. Бромберг Г.В., Лебедев С.А., Розов Б.С. Интеллектуальная собственность. Вводный курс: учеб. пособ. – М.: МАКС Пресс,- 2002. , -С. 24.
5. Международное частное право. Учебник / Под ред. Г. К. Дмитриевой. – М.: "Проспект", - 2000. - С. 309.

Lazor Yulia Anatolievna
Senior Lecturer of the Department
of Intellectual Property Rights
Institute of Law
GOU VO LPR "Lugansk State University
named after V. Dahl"
e-mail: marta.kaf@mail.ru

INTERNATIONAL ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION

The main aspects of international intellectual property rights protection are investigated. A number of international conventions and treaties are considered, as well as the main provisions of cooperation between WIPO and the WTO under the Agreement on Trade Aspects of Intellectual Property Rights.

Keywords: intellectual property, WIPO (World Intellectual Property Organization), WTO (World Trade Organization), convention

Literatura

1. Bernskaya konvenciya po ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh tvorenij // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov.- 2003. - №9. S. 3.

2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka 1948 g. // Prava cheloveka. Sbornik internacional'nyh dokumentov. – M.: Izdatel'stvo Stolichnogo instituta, - 1986. - S. 28.

3. Mishel' M. Val'ter. Svyaz' i sopostavlenie Rimskoj konvencii, Dogovora VOIS po ispolneniyam i fonogrammam (DVIF) i Soglasheniya po aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti, svyazannym s torgovlej (Soglasheniya TRIPS); razvitie i veroyatnoe sovershenstvovanie ohrany smezhnyh prav, priznavaemyh Rimskoj konvenciej // internacional'noe publichnoe i chastnoe pravo.- 2003. - №5. - S. 32.

4. Bromberg G.V., Lebedev S.A., Rozov B.S. Intellektual'naya sobstvennost'. Vvodnyj kurs: ucheb. posob. – M.: MAKS Press,- 2002. , -S. 24.

5. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik / Pod red. G. K. Dmitrievoj. – M.: "Prospekt", - 2000. - S. 309.

Левченко Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко»

РЕЦЕПЦИЯ ДОКТРИНЫ РИМСКОГО ПРАВА В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить в исторической ретроспективе рецепцию доктрины римского права в правовой системе Российской Федерации XIX века. Выявлены и проанализированы основные направления реализации этой идеи, которая внедрялась в правовое пространство Российской империи, начиная с ее «византийского» периода и заканчивая второй половиной XIX века. Указаны причины неудавшихся реформ М. М. Сперанского и достижения немецкой исторической школы, которые в последующем не получили должного логического продолжения в научно-теоретических юридических концепциях отечественных правоведов.

Ключевые слова: рецепция, римское право, правотворчество, историческая школа права, кодификация, частное право, государственное право, закон, инкорпорация.

Влияние римского права на формирование правовых систем всех Европейских государств XIX века не оспаривается никем. Следовательно очевидным является то, что и правовая система Российской Империи, как и все без исключения правовые системы, возникшие впоследствии на ее территории государств, относится к странам так называемой романо-германской правовой семьи, традиционно противопоставляемой так называемой англо-саксонской правовой семье. И уже только этого факта достаточно для констатации вышеуказанного влияния. Однако, масштаб, механизмы и, самое важное, результаты влияния римского права на правовую систему Российской Империи к настоящему времени серьезно не изучены, хотя, очевидно, что ее исторические корни продолжают оказывать влияние на развитие правовой системы современной России.

Весь XIX век можно считать периодом интенсивного формирования правовой системы Российской Империи. Этот процесс протекал под влиянием другого, гораздо более интенсивного и масштабного процесса трансформации правовых систем всех европейских государств. Суть этого масштабного процесса заключалась в том, что политические идеи Великой французской

революции получали в европейских государствах правовое содержание и конституционное выражение, неизбежно становились в них определяющим фактором как правотворчества, так и правоприменения. Основным вектором проявления политических идей Великой французской революции (равноправия, свободы личности и др.) в правовой сфере безусловно стала идея формального равенства всех людей, согласно которой, люди рождаются свободными и равными в правах, следовательно их правовое положение должно быть одинаковым.

Хотя Декларация прав человека и гражданина и допускала, что некоторые общественные и правовые различия допускаются в целях «общей пользы», тем не менее, всем была очевидна будущая, хотя и неблизкая, неизбежность такой юридической трансформации, которая будет заключаться в переходе от существовавшего в тот период исторически сложившегося, естественного, институционального, сословного права, к современному праву общей нормы, построенному на принципах формального равенства и единого общегражданского статуса. И это будущее право, по своим генетическим и субстанциональным характеристикам, принципиально отличалось от первого, хотя и имело, вроде бы ту же законодательную форму. Так, если первое право формировалось историческим путем, изначально представляя собой по своей сути, фактически сложившейся порядок, выраженный в виде правовых обычаев, и его создание требовало от законодателя лишь усилий в плане юридической техники, обеспечивающей придание уже существующему праву писаной формы. Такое право, будучи правом сущего, могло вообще не иметь под собой иных, более глубоких, доктринальных основ.

Новое право было совсем иным. Предоставление всем одинакового, равного масштаба свободы было невозможно без создания огромного количества процедур, определяющих границы правореализации каждого индивида, механизмов разрешения обязательно возникающих между ними конфликтов, согласования их воли и т.д., которые исторически не существовали и должны были быть созданы исключительно законодателем, что было невозможно без юридической доктрины, положения которой должны были лечь в основу этой работы.

При этом очевидно, что исторически сложившееся право Российской империи не отвечало качеству формального равенства, предполагающего наличие единого общегражданского статуса и общегражданской и политической правоспособности.

Важно отметить, что в начале XIX в. правовое закрепление сословного неравенства существовало во всех европейских государствах. Даже принятый в 1804 году Законодательным корпусом Франции Code Civil, уничтожил

сословное неравенство лишь в части имущественных и брачно-семейных отношений. Но, даже секуляризовав брачные отношения, ни CodeCivil, ни принятое спустя 92 года Германское гражданское уложение ни установили полное равенство мужчин и женщин, то есть, не реализовали в полной мере идею единого общегражданского статуса. В этой связи очевидно, что не было особой нужды торопиться в этом направлении и Российской империи. Но, при всем этом, необходимость перехода к праву общей нормы, или, языком М.М. Сперанского, к праву, основанному «на общем мнении», ощущалась многими государственными деятелями.

Практическая реализация этой идеи Императором Александром II М. М. Сперанским началось еще в начале XIX в. и проявлялась в стремлении императорской власти создать единый Свод законов Российской Империи, который представлял собой хоть и небольшой, но важный шаг вперед к переходу, пускай и в неопределенно далеком будущем, к праву, основанному на едином общегражданском статусе. Назначенный в 1810 году директором Комиссии составления законов, М. М. Сперанский, как и Император Александр I, видел своей задачей создание проекта будущего Гражданского уложения Российской Империи, которое бы в максимальной степени соответствовало бы духу и структуре CodeCivil.

Однако, работа Комиссии практически не двигалась, причиной этого являлось не столько сопротивление работе Комиссии всех слоев русского общества, а, в первую очередь, полное отсутствие каких-либо доктринальных основ для решения той масштабной задачи, которая стояла перед Комиссией.

В дальнейшем, при вступлении на престол Николая I, последним было принято решение скорректировать работу Комиссии составления законов с тем, чтобы вместо разработки проекта гражданского уложения, предполагавший обширную кодификацию законодательства по примеру Кодекса Наполеона, в течение ближайшего времени ограничится лишь составлением Свода законов (т.е. их инкорпорацией), без какого-либо изменения сути и даже содержания действующих актов.

В этой связи Император поручил на тот момент статс-секретарю М. М. Сперанскому изложить свои мысли о способах скорейшего улучшения действующего законодательства.

В конечном итоге, принимая во внимание точку зрения М. Сперанского, Николай I решил прибегнуть к созданию именно Свода существующих законов, однако, с исключением всего недействующего в них, однако без всяких изменений в существе (т.е. осуществить, в выражениях современной теории права не планировавшуюся ранее инкорпорацию, а уже консолидацию действующего законодательства). Принимая во внимание факт длитель-

ного бездействия существующей Комиссии, Императором было принято решение поручить выполнение работ не Комиссии в ее прежнем составе, а Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, основанному 31 января 1826 года. Тем самым, Николаем Павловичем было учтено пожелание М. Сперанского, принять в свое непосредственное ведение работу по составлению Свода. Начальником Второго отделения был назначен Михаил Андреевич Балугьянский, который, вникнув в данное дело, решил, что готовящийся свод, наподобие *Corpus juris civilis*, должен обнимать собой все части законодательства в их совокупности, убедив впоследствии в этом и Императора. Он же полагал необходимым принять к работе на Сводом начала, установленные Фрэнсисом Бэконом, однако «с теми ограничениями, признанными необходимыми по свойству наших законов».

Очевидно, что подведение доктринальной основы под деятельность Комиссии и Второго отделения принесло результат. 15 января 1833 года М. Сперанский всеподданнейше представил на усмотрение Императора отпечатанные экземпляры Свода, которые 1 февраля были представлены Госсоветом к высочайшему подписанию (свод вступал «в законную силу и действие» с 1 января 1835 года).

В этой связи надо отметить, что принципиальное решение Николая I относительно будущего Свода законов, безусловно, привело к сохранению и развитию сословного законодательства, означало его, (т.е. Императора) и государственного аппарата, опору на такое законодательство, как на основное средство управления обществом, при котором правовые рамки нового Свода должны были обеспечить правовой статус сословных групп и гарантировать определенные в законодательстве сословные права. Но равным образом нельзя отрицать и того, что государственная власть, хотя бы в лице ее некоторых представителей, ясно понимала неизбежность, перспективы, и, что самое важное, масштаб начавшейся правовой трансформации.

Дажератующий за кодификацию М.М. Сперанский полагал, что упорядочение и некоторое развитие сословного законодательства необходимо, однако, при этом, оно есть лишь первый шаг к созданию нового Уложения Гражданского, которое должно быть сделано по образцу *Code Civil*, с существенной, пусть и в будущем, доктринальной переработкой существующих законов. Невозможность сосуществования между собой с одной стороны, идеи нового, ранее никогда не существовавшего правового порядка, основанного презумпции всеобщего равенства людей, от имени которых, через посредство представительных учреждений и формируется это право, и, с другой стороны, наличием сословий была очевидна и не оспаривалась из со-

временников никем, , что прекрасно выражено Гегелем в предисловии к его «Философии права».

В связи с вышесказанным возникает вопрос, а какие собственно юридические средства, философско- и научно-юридические концепции использовали сами разработчики CodeCivil? И тут можно с полной уверенностью утверждать, что таким юридическим средством, еще в дореволюционной Франции, а, позднее и в Германских государствах и Соединенном Королевстве служила идея древнеримского права, известная как *ius gentium*(право народов).

В этой связи необходимо отметить, что завершение М.М. Сперанским огромной работы над составлением свода законов Российской Империи в 1833 году так же совпадает по времени с созданием десятка суверенных на тот период германских государств, входивших сначала в Рейнский союз, а, затем, в Германский и Северо-Германский союзы, а впоследствии и Германскую Империю (Вюртемберг, Ганновер, Бавария, Франкфурт, Пруссия и др.). При этом еще в 1807-1810 гг. в Пруссии было отменено крепостное право. Все это свидетельствовало о более высоком уровне развития немецкой юридической науки и объективно требовало необходимости критического осмысления и рецепции части этого опыта на российскую почву.

Этому способствовала парадоксальность ситуации. Так, одновременно с пониманием необходимости и неизбежности реализации идеи формального равенства, российская императорская власть ясно осознавала невозможность решения этой проблемы в ближайшей перспективе, обоснованно полагая, что ее поспешная реализация может привести к революции и гибели существующего государственного строя. Немецкий же опыт правового и государственного развития иллюстрировал явную альтернативу предыдущему, когда развитие идей конституционной правовой государственности и единого общегосударственного статуса приводило не к установлению республик, а к сохранению и даже объединению существующих монархий. И это не могло быть не поддерживаемо императорской властью и представителями российской науки.

Однако, пойти по пути Европейских государств и использовать идею *ius gentium* для создания свода законов и развития собственной правовой системы научная мысль России объективно не могла. Прежде всего, потому, что степень рецепции римского права в Российской империи была значительно меньше, чем во Франции и германских государствах. Так, рамки рецепции римского права в Российской империи были определены крещением Руси в 988 году, благодаря которому римское право воспринималось древнерусским обществом как часть византийско-христианской культуры. Судебники Древней Руси ссылались на нормы права Юстиниана как на основной источник.

Известны древнейшие (XI – XIII в.в.) переводы на русский язык Юстиниановых Новелл, выдержек из Кодекса и Дигест Юстиниана, собранные в «Кормчей книге». Нормы брачного, наследственного и обязательственного права заимствовались их «Номоканона» и Свода Юстиниана, наиболее полно отраженные в конце XIII в. в «Мериле праведном». Но при этом рецепция римского права Древнерусским обществом была значительно ограничена фактором диглоссии (билингвизма), одновременном сосуществовании в обществе двух пластов одного языка, высокого и торжественного, и, одновременно, языка низкого, народного. В качестве первого выступал церковнославянский болгарский, богослужебный язык. Общеизвестно, что первые опыты перевода библейских греческих текстов на славянский язык восходят к братьям Кириллу и Мефодию и их продолжателям, которые на основе различных славянских диалектов создали специально предназначенный для переводов греческой церковной книжности высокий, церковнославянский язык, грамматика и лексика которого отражали строй греческого языка.

В этой связи очевидно, что сильно опосредованные византийской культурой институты римского классического частного права могли быть осознанно восприняты лишь крайне малочисленной образованной частью Древнерусского общества, и, при этом, только в той мере, в какой они (т.е. институты римского классического права) были сонаправлены вектору православно-христианского мировоззрения, чего не было. Поэтому войти в привычку и стать тем самым нормами обычного права, эти институты для подавляющего большинства населения не могли в принципе, так как большая часть населения не могло воспринять их через наличные языковые средства. В то же время, будучи частью судебных норм эти нормы поддерживались княжеской и церковной юрисдикцией.

В этой связи очевидно, что российская юридическая наука конца XVIII–начала XIX в.в. не воспринимала реципированные институты римского права, поскольку в русском обществе их никогда не было. Не могла она в полной мере воспринимать и институты римского права, опосредованные византийской религиозной традицией, поскольку последнее означало бы толкование догматов и неизбежную конфронтацию с Церковью. Поэтому, когда в 30-е годы XIX в. в связи с составлением Свода возникла необходимость создания доктринальных основ будущей кодификации, юридическая наука пошла по единственно возможному на тот период пути – пути рецепции уже полученных французской и немецкой юридической доктриной результатов изучения римского права. При этом реципированию подвергались достижения немецкой исторической школы права, представители которой наиболее продвинулись в этом направлении.

Одним из самых ярких представителей российской науки, кто пытался заимствовать и переносить на российскую почву идеи немецкой исторической школы права был С.В. Пахман, начало расцвета научной деятельности которого приходится на 1850 г.

Ему, как и многим другим правоведам, было очевидно, что большая часть населения России живет не по писаным законам, а в соответствии с повседневными обыкновениями, обычаями. Зная, что уже принятый Свод законом признает эти правила в качестве действующих правовых норм, большинство российских юристов того времени тем не менее полагали, что большинство народных обычаев не имеют общих начал, которые слишком неопределенны и разнообразны, что бы было можно найти в них некоторые общие закономерности, по примеру *ius gentium* и *allgemeine Recht*. Однако, Семен Викентьевич Пахман был убежден в обратном. Признавая, что в обычном праве есть такие правила, было бы равнозначно возвращению к первобытному, младенческому строю правосознания, С. Пахман отмечал при этом, «внимательный глаз открыл бы в нашем обычном праве, быть может и такие начала, которые свойственны самому развитому юридическому быту, и которые, следовательно, не было бы надобности черпать из какого либо иного источника».

Сказанное выше нельзя понимать в том смысле, что С. Пахман механически рецепировал идеи немецкой исторической школы права. В его трудах видны попытки совмещения достижений немецкой доктрины с французской.

Так, рассуждая о предмете и системе будущего русского гражданского уложения, ученый полагал, что эти вопросы должны быть разрешены на основании тех указаний, которые содержались в действующем законодательстве Российской империи и в истории кодификации русского права. То есть за основу системы уложения должен быть принят порядок расположения правового материала, усвоенный М.М. Сперанским во время предшествующих попыток систематизации российского законодательства и предполагающий разграничение трех объектов права: личности как таковой, имущества, и, наконец, «отдельной стороны личности (чужого действия) по отношению к имуществам». То есть, по мнению С.В. Пахмана, будущее русское гражданское уложение должно было бы состоять из введения и трех книг: книги первой «О праве лиц», книги второй «О праве на имущество», и книги третьей «О праве по обязательствам».

То есть структура будущего русского уложения была бы идентична *Code Civil*, которая, в свою очередь, восходит к институциям Гая, но не к структуре Германского гражданского уложения.

При этом представителями русского научного сообщества предпринимались постоянные попытки сочетать рецепцию немецкой исторической школы

права с достижениями французской и английской юридической доктрин. Так, положения французской доктрины, определяли структуру будущего Уложения, а рецепируемые положения английской правовой доктрины имели инструментально методологическое значение при составлении Свода законов Российской империи, который, как предполагалось, будет действовать до создания Гражданского уложения.

Процесс рецепирования отдельных положений юридической доктрины германских государств, Франции и Англии не сопровождался их серьезным критическим осмыслением и соотносением между собой.

В результате начиная с 50-х гг. XIX века правовая доктрина России приобретала синтетический характер, характер гипертрофированно – энциклопедического знания, когда практически каждый исследователь занимался бесконечным критическим анализом зарубежных доктрин, их сравнением между собой, но не предпринимая при этом, каких-либо попыток создать какого-то эвристически нового знания. Если взаимоисключающий характер положений рецепируемых доктрин и сознавался отдельными представителями научного сообщества, то он нивелировался декларациями о необходимости учитывать все точки зрения для развития юридической науки.

Литература

1. Осакке, К. Сравнительное правоведение в схемах. Общая и особенная части: учеб.-практич. пособие. – М. : Дело, 2000. – 256 с.
2. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение: учебник / под ред. В. А. Туманова. – М., 2003. – С. 373.
3. Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen. Art 1. <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789>
4. Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. – Москва: «НАУКА». – 1989. – С. 32.
5. Корфа, М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 861. – Т II. – С. 299-301.
6. Обзорение исторических сведений о Своде законов. – 2-е изд. – СПб., 1833, 1837. – С. 68-70.
7. Bakon, Francis. The letters and the life. – London, Longman, Green, Longman, and Roberts. – 1862. – С. 77-79.
8. Кодан, С.В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // Юридические исследования. – 2012. – № 2. – С. 117–145.

9. Пахман, С. История кодификации гражданского права. – М.: Гарант, 2004. – С. 428.

10. Гегель. Философия права. – Москва: Изд-во Мысль, 1990. – С. 98.

11. Кофанов, Л.Л. Внешняя система римского права. Право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. – М., 2015.

12. Оршанский, И. Народный суд и народное право. Журнал гражданского и уголовного права: Сентябрь и октябрь. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1875, кн. 5. – С. 1-71.

13. Пахман, С.В. Обычное гражданское право России. – М., 2003. – С. XXIX.

14. Томсинов, В.А. Пред. к Пахман С.В. «Обычное гражданское право в России». – М.: «Зерцало», 2003. – С. XVII.

Levchenkov Alexander Ivanovich

Doctor of Law, Professor,

Professor of the Department of Theory and History

of State and Law GU LNR

«Lugansk Academy of Internal Affairs

named after E.A. Didorenko»

RECEPTION OF THE DOCTRINE OF ROMAN LAW INTO THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX CENTURY

Annotation. The article attempts to trace the reception of the doctrine of Roman law in the legal system of the Russian Federation in the 19th century in a historical retrospective. The main directions for the implementation of this idea, which was introduced into the legal space of the Russian Empire, starting from its «Byzantine» period and ending with the second half of the 19th century, are identified and analyzed. The reasons for the failed reforms of M. M. Speransky and the achievements of the German historical school, which subsequently did not receive the proper logical continuation in the scientific and theoretical legal concepts of domestic jurists, are indicated.

Keywords: reception, Roman law, law-making, historical school of law, codification, private law, state law, law, incorporation.

Literatura

1. Osakve, K. Sravnitel'noe pravovedenie v skhemah. Obshchaya i osobennaya chast': ucheb.-praktich. posobie. – М. : Delo, 2000. – 256 s.

2. Saidov, A.H. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik / pod red. V. A. Tumanova. – M., 2003. – S. 373.
3. Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen. Art 1. <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789>
4. CHibiryaev, S. A. Velikij russkij reformator. ZHizn', deyatel'nost', politicheskie vzglyady M. M. Speranskogo. – Moskva: «NAUKA». – 1989. – S. 32.
5. Korfa, M.A. ZHizn' grafa Speranskogo. – SPb., 861. – T II. – S. 299-301.
6. Obozrenie istoricheskikh svedenij o Svode zakonov. – 2-e izd. – SPb., 1833, 1837. – S. 68-70.
7. Bakon, Francis. The letters and the life. – London, Longman, Green, Longman, and Roberts. – 1862. – S. 77-79.
8. Kodan, S.V. Soslovnnoe zakonodatel'stvo v politike rossijskoj verhovnoj vlasti (1800-1850-e gg.) // YUridicheskie issledovaniya. – 2012. – № 2. – S. 117–145.
9. Pahman, S. Istoriya kodifikacii grazhdanskogo prava. – M.: Garant, 2004. – S. 428.
10. Gegel'. Filosofiya prava. – Moskva: Izd-vo Mysl', 1990. – S. 98.
11. Kofanov, L.L. Vneshnyaya sistema rimskogo prava. Pravo prirody, pravo narodov i kommercheskoe pravo v yuridicheskoy mysli antichnosti. – M., 2015.
12. Orshanskij, I. Narodnyj sud i narodnoe pravo. ZHurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava: Sentyabr' i oktyabr'. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1875, kn. 5. – S. 1-71.
13. Pahman, S.V. Obychnoe grazhdanskoe pravo Rossii. – M., 2003. – S. XXIX.
14. Tomsinov, V.A. Pred. k Pahman S.V. «Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii». – M.: «Zercalo», 2003. – S. XVII.

Любинецкий Владимир Владимирович
Старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: institute-jur@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена вопросу распространения использования искусственного интеллекта в гражданском праве. В работе определено понятие искусственного интеллекта. Охарактеризованы основные перспективы использования ИИ в различных сферах жизнедеятельности человека. Приведены примеры уже используемых видов ИИ. Рассмотрено место и определена роль искусственного интеллекта в гражданском праве, а также выделены основные проблемы определения правового статуса ИИ. Поднят вопрос авторских прав на произведения, созданные самостоятельными действиями ИИ, а также предложены пути правовой регламентации авторского права искусственного интеллекта на объекты творчества.

Ключевые слова: информационные технологии, авторское право, искусственный интеллект.

Научно-технический прогресс в XXI в. уже достиг таких высот, о которых раньше могли помыслить разве что самые смелые писатели-фантасты. Компьютерные технологии, мобильные телефоны, Интернет – всё это уже давно стало привычным и используемым людьми в их повседневной жизни. Однако, правовая сфера не всегда поспевает за стремительно развивающимися новыми технологиями, в связи с чем порой возникают проблемы, требующие незамедлительных решений. Одним из таких актуальных вопросов на сегодняшний день является регламентация использования искусственного интеллекта (ИИ) в рамках гражданского права.

Первый искусственный интеллект был создан ещё в XX в., но наибольшую популярность данное направление технологических разработок приобрело именно в XXI в. Актуальность проблемы регламентации использования ИИ в гражданском праве обусловлена тем, что на сегодняшний день ИИ уже достиг того уровня, когда он может самостоятельно не только выполнять какие-то однотипные задачи, но и создавать объекты творчества – уникальные

изображения, видеоклипы и прочие предметы искусства, законодательно охраняемые авторским правом. В связи с этим, в науке гражданского права закономерно ставится вопрос о том, какое же место ИИ должен занимать в гражданских правоотношениях: это субъект или же объект? А как при этом должно регламентироваться авторское право на созданные ИИ уникальные предметы искусства? На все эти вопросы нам и предстоит ответить в рамках данной работы.

Рассмотрение выбранной темы следует начать с того, что искусственный интеллект, как для законодателей, так и для обычных граждан – это принципиально новое явление в науке и технике, в связи с чем, уровень правовой регламентации и научного обоснования использования ИИ в различных сферах жизни общества всё ещё остается достаточно низким. Тем не менее, в Российской Федерации с 2019 года принята стратегия «О развитии искусственного интеллекта», в которой, что немаловажно, дается определение искусственного интеллекта как «комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1, гл. 1].

Таким образом, несмотря на сравнительно недавнее повышение интереса к ИИ, в отечественном правовом поле уже сделаны определенные шаги на пути к законодательному закреплению хотя бы тех минимальных категорий, которыми можно оперировать при дальнейшем изучении и правовой регламентации деятельности ИИ. В то же время, до ответа на вопрос: «какое место ИИ должен занимать в гражданском праве» – отечественному законодателю ещё далеко, т.к. прийти к единому мнению о природе искусственного интеллекта всё ещё достаточно сложно, что обуславливается разницей в уровне используемых ИИ.

Как было отмечено ранее, искусственный интеллект можно определить в качестве совокупности технологических решений, имитирующих когнитивные способности человека. На наш взгляд, данное определение ИИ в целом можно считать верным, т.к. в нём отражено основное отличие искусственного интеллекта от других высокотехнологичных машин – способность к обучению и выполнению задач не на основе определенного алгоритма, а в результате самостоятельного анализа различной информации.

При этом, существует огромное множество видов ИИ, которые используются в различных сферах жизнедеятельности общества и порой ограничиваются лишь каким-то определенным узким функционалом. Примером можно считать ИИ, созданные для того, чтобы обучаться играть в какую-то

определенную игру, скажем – шахматы, и бросать вызов самым известным гроссмейстерам. Другой случай, когда искусственный интеллект создан для совершенствования в какой-либо отдельной области. Так, IBM Watson Health значительно облегчает жизнь врачам при хранении и получении данных об истории болезней пациента, но всё же ограничен в решении ряда вопросов (поиске лекарств от неизлечимых заболеваний), ввиду того, что реальные научные прорывы всё ещё остаются за людьми.

Перечисленные программы являются примерами искусственного интеллекта, но они воспринимаются как объекты в разрезе структуры правоотношения, потому что они используются людьми в качестве вспомогательных средств для жизнедеятельности человека. Принципиально другое значение ИИ приобретают в случаях, когда целью их существования является творчество на основе самостоятельного анализа. К таким ИИ, по нашему мнению, можно отнести ChatGPT и Midjourney, первый из которых генерирует текст, а второй – создает оригинальные изображения.

Согласно ч.1 ст.1358 Гражданского кодекса ЛНР и соответствующей ей ч.1 ст.1228 ГК Российской Федерации: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [2, ст. 1358; 3, ст. 1228]. Ключевым в этом правовой норме является понятие «гражданин», которое явно указывает на то, что автором произведения может быть лишь физическое лицо, но не искусственный интеллект, правовой статус которого на данный момент всё ещё остается нерегулированным. При этом, изображения, которые генерирует ИИ нельзя назвать результатами творческой деятельности человека, т.к. искусственный интеллект самостоятельно анализирует информацию и на её основе выдает конечный результат, поэтому возникает закономерный вопрос: кто должен выступать автором произведения в случае, если предмет творчества был создан искусственным интеллектом? Ответить на него возможно лишь определившись, какое же место должен занимать искусственный интеллект в структуре правоотношения: ИИ должен расцениваться как субъект или как объект?

В научных кругах на данный момент существует несколько популярных точек зрения по поводу правового статуса искусственного интеллекта. Приведем некоторые из них:

1. ИИ как объект права. Некоторые авторы считают, что искусственный интеллект является лишь более высокотехнологичной версией обычных машин. Если говорить упрощенно, то, по их мнению, ИИ – это чуть более развитый компьютер, который выполняет часть функций за человека, значительно облегчая жизнь последнего, но при этом действуя в определенных рамках, а потому считать искусственный интеллект более чем машиной невозможно,

т.к. человек фактически полностью контролирует ИИ, имея возможность приостановить его работу или вовсе уничтожить;

2. ИИ как физическое лицо. Другие ученые акцентируют внимание на том, что искусственный интеллект более не может считаться простым инструментом, ввиду того, что он наделен программным обеспечением, позволяющим ему имитировать когнитивные способности человека, а, следовательно, и создавать нечто принципиально новое. В разрезе творческих успехов ИИ отмечается, что на данный момент объектами авторского права признаются лишь те произведения, у которых есть конкретный автор, которым де-юре может выступать лишь человек, но на сегодняшний день ИИ де-факто может создавать предметы искусства наравне с людьми, а потому следует признать правосубъектность ИИ, чтобы не возникало проблем с определением авторства, когда какое-либо произведение создано искусственным интеллектом [4, с.77].

3. ИИ как юридическое лицо. Подобная точка зрения также нашла определенное распространение ввиду того, что наделение правосубъектностью юридического лица порой воспринимается в науке как своего рода «фикция», и, следовательно, по такой логике ИИ также можно наделить подобного рода правосубъектностью, которая возникает по иным основаниям нежели у физического лица и имеет определенные ограничения.

4. ИИ как особый правовой субъект. Авторы, придерживающиеся данного мнения, исходят из позиции, что ИИ представляет собой принципиально новый субъект правоотношений, а потому его правовой статус не может соответствовать тем рамкам, в которых осуществляют свои права и обязанности юридические и физические лица. Такой подход предлагает определение нового субъекта права – электронного лица, в качестве которого и будет выступать ИИ в случае возникновения правоотношений [5, с.137].

На наш взгляд, последняя из представленных точек зрения является наиболее рациональной, однако, необходимо уточнить, что не каждый ИИ может быть представлен электронным лицом. Включать в категорию электронных лиц узкофункциональные вариации искусственного интеллекта, в задачи которых не входит участие в правоотношениях, по нашему мнению, не имеет смысла. В связи с этим существует необходимость создания определенной классификации искусственного интеллекта в зависимости от его многозадачности, пределов развития и целевой направленности.

Концепция человеческого надзора за ИИ, разработанная и поддерживаемая международным сообществом, представляет собой один из важных принципов взаимодействия человека с искусственным интеллектом [6, с.148]. Для более эффективного, но при этом рационального использования ИИ в жизнедеятельности человека и общества необходимо поддерживать определенный

контроль за развитием искусственного интеллекта со стороны людей, но при этом не пытаться отрицать тот факт, что способности ИИ вполне могут имитировать когнитивные функции человека. Достигнув определенного баланса в этом вопросе можно разграничивать те вариации ИИ, которые используются человеком как объект правоотношений, а также отделять от них более продвинутые версии искусственного интеллекта, способные претендовать на включение их в категорию электронных лиц.

Что касается вопроса предоставления искусственному интеллекту прав и обязанностей равных человеческим, то здесь следует отметить, что ИИ является результатом научных изысканий человечества, в связи с чем всё ещё невозможно поставить способности ИИ в один ряд с людскими. Важным фактором в данной ситуации выступает и вопрос морали, ведь приравнять искусственный интеллект к физическому лицу в правовом плане будет означать начало эпохи равноправия людей и машин, что всё ещё находится в достаточно далеком будущем и лишь осторожно рассматривается в качестве перспективы дальнейшего развития научно-технического прогресса.

В то же время, правовой статус юридического лица не подходит ИИ, ввиду принципиальной разницы в самой сущности данных субъектов. Юридическое лицо не может принимать решения в прямом смысле «самостоятельно», т.к. волеизъявление юридического лица является опосредованной волей физических лиц, руководящих им. Искусственный интеллект в отличие от юридического лица может принимать собственные решения на основе самостоятельного сбора и анализа информации, поэтому приравнивать его к категории юридического лица будет слишком грубо и в дальнейшем может вызвать определенные правовые трудности.

Оставить за ИИ статус объекта, на наш взгляд, будет также неправильно, потому что искусственный интеллект имеет способности к обучению и может находить решение проблем независимо от заданного алгоритма, в связи с чем у ИИ появляются и способности к творчеству, фактическим автором которого является именно искусственный интеллект, а не человек.

Следовательно, искусственный интеллект представляет собой принципиально новую категорию как для гражданского оборота, так и для отечественного правового поля в целом, ведь иногда он может выступать как объект правоотношений, а в некоторых случаях его следует относить к субъектам с особым правовым статусом, который отечественному законодателю ещё предстоит разработать. Причем вопрос разграничения ИИ как объекта и как субъекта правоотношений представляется весьма сложным, ввиду того, что искусственным интеллектом признается лишь тот комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и

получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности людей. Из этого исходит, что любой ИИ должен быть достаточно развит для того, чтобы создавать нечто новое, однако, из-за того, что искусственному интеллекту не всегда требуется вступать в общественные отношения в качестве субъекта, некоторые из них всё же следует относить к объектам.

Например, общество не относится к автомобилям «Tesla» со встроенным автопилотом как к машинам, которые могут самостоятельно вступать в гражданский оборот в качестве субъекта. Автопилот, работающий на основе ИИ, воспринимается законодательством как комплектующая конкретного автомобиля, который используется соответственно человеком. Искусственный интеллект в данном случае не имеет достаточной самостоятельности, поэтому является объектом правоотношений. В то же время, нейросеть Midjourney, специализирующаяся на создании оригинальных изображений по запросу пользователя, на наш взгляд, может претендовать на роль субъекта, пусть и с ограниченными возможностями. Ведь отнести изображение, сгенерированное данным искусственным интеллектом к авторству человека, который задал запрос на его создание невозможно, ввиду того, что пользователь задает запрос лишь в текстовой форме, в то время как ИИ генерирует изображение на основе собственных «знаний». Это как заказать портрет художнику: автором всё равно будет считаться человек, написавший полотно, а покупатель лишь приобретет права на собственно физическое воплощение картины.

Таким образом, если искусственный интеллект служит не только вспомогательным элементом какого-либо механизма, может самостоятельно создавать оригинальные продукты творчества, приравненные к результатам человеческой интеллектуальной деятельности, и самостоятельно вступать в общественные отношения, то подобный искусственный интеллект, на наш взгляд, следует относить к формирующейся категории электронного лица, рамки прав и обязанностей которого отечественному законодателю необходимо определить уже в ближайшее время, чтобы избежать возможных случаев нарушения установленных правовых норм.

Определив роль и место искусственного интеллекта в гражданском праве, нужно обратить внимание на проблему авторства ИИ над результатами, если можно так сказать – «интеллектуальной деятельности» искусственного интеллекта. Ранее было отмечено, что согласно действующему гражданскому законодательству, автором произведения может выступать лишь человек, т.к. произведение признается таковым только в том случае, когда оно было создано творческим трудом человека. По нашему мнению, такой подход после распространения ИИ, который может самостоятельно генерировать оригинальные изображения, аудиофайлы, модели и прочее – несколько устарел.

По мнению некоторых ученых, право авторства в случае самостоятельного создания ИИ произведения, которое можно приравнять к результатам интеллектуальной деятельности человека, необходимо оставлять за самим искусственным интеллектом, который непосредственно создал данный объект творчества [7, с.54], что, на наш взгляд, представляется верным в контексте современного развития искусственного интеллекта. Тем не менее, в такой ситуации возникает закономерный вопрос: кто должен получать прибыль с созданных ИИ объектов творчества? Вариантов ответа несколько: создатель ИИ, правообладатель ИИ или тот, кто пользуется услугами искусственного интеллекта, если правообладатель ИИ предоставляет таковые услуги на возмездной или безвозмездной основе.

В целом же, данный вопрос всё ещё остается достаточно дискуссионным, т.к. подходов может быть несколько. На наш взгляд, создатель ИИ имеет авторские права лишь на сам искусственный интеллект, но каким-либо образом использовать результаты творчества самого ИИ может лишь его правообладатель, что в целом соответствует рассмотренной ранее концепции человеческого надзора и позволяет достичь гармоничного соотношения по использованию ИИ человеком.

Таким образом, следует отметить, что искусственный интеллект представляет собой принципиально новое явление для права и в перспективе может привести к возникновению качественно новых общественных отношений, требующих правовой регламентации. Положительным аспектом является то, что отечественный законодатель уже закрепил понятие искусственного интеллекта и тем самым дал понять, что Российская Федерация стремится идти в ногу с научно-техническим прогрессом, разрабатывая и внедряя такие новшества науки и техники как искусственный интеллект в различные сферы жизнедеятельности общества.

Тем не менее, использование искусственного интеллекта ставит перед правом новые вызовы. Отечественному законодателю необходимо определить, какой правовой статус искусственный интеллект будет иметь в общественных отношениях и как поступать с правом авторства в случаях, когда произведение создано самостоятельной интеллектуальной деятельностью ИИ. На наш взгляд, с распространением искусственного интеллекта возникнет потребность в принципиальной перестройке существующего понимания права и правосубъектности. Необходимо будет различать такой субъект правоотношений как электронное лицо, которым могут выступать определенные виды ИИ, способные к самостоятельному созданию объектов творчества, которые можно приравнять к результатам интеллектуальной деятельности человека.

По нашему мнению, у искусственного интеллекта огромное будущее как у технологии, способной в корне изменить не только принципы гражданского

оборота, но и поменять представление людей о машинах в целом, поэтому законодательное закрепление правового статуса искусственного интеллекта не заставит себя долго ждать.

Литература

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

2. Гражданский кодекс Луганской Народной Республики от 8 октября 2018 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6977/> – Народный Совет Луганской Народной Республики. Официальный сайт.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

4. Артеций Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л.С. Артеций // Вестник науки и образования. – 2019. – № 7-1 (61). – С. 76-81.

5. Вавилин Е.В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права / Е.В. Вавилин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 135-146.

6. Афанасьева Е.Н. Новые технологии в области искусственного интеллекта бросают вызов основам гражданского права / Е.Н. Афанасьева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 145-152.

7. Сергеев А.В. Проблемы охраны искусственного интеллекта с точки зрения гражданского законодательства / А.В. Сергеев // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 52-56.

Lyubinetsky Vladimir Vladimirovich

*Senior lecturer of the Department of state
law disciplines, Institute of law,
SEI HE LPR “V. DAHL LSU”
e-mail: institute-jur@mail.ru*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to the issue of the spread of the use of artificial intelligence in civil law. The concept of artificial intelligence is defined. The main prospects

of using AI in various spheres of human activity are characterized. Examples of already used types of AI are given. The place and role of artificial intelligence in civil law are considered and determined, as well as the main problems of determining the legal status of AI are highlighted. The issue of copyright for works created by independent actions of AI is raised, and ways of legal regulation of the copyright of artificial intelligence on objects of creativity are also proposed.

Keywords: information technology, copyright, artificial intelligence.

Literature

1. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 goda «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

2. Grazhdanskij kodeks Luganskoj Narodnoj Respubliki ot 8 oktyabrya 2018 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <https://nlnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6977/> – Narodnyj Sovet Luganskoj Narodnoj Respubliki. Oficial'nyj sajt.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

4. Artenij L.S. Iskusstvennyj intellekt v avtorskom prave / L.S. Artenij // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 7-1 (61). – S. 76-81.

5. Vavilin E.V. Iskusstvennyj intellekt kak uchastnik grazhdanskih otnoshenij: transformaciya prava / E.V. Vavilin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2021. – № 42. – S. 135-146.

6. Afanas'eva E.N. Novye tekhnologii v oblasti iskusstvennogo intellekta brosayut vyzov osnovam grazhdanskogo prava / E.N. Afanas'eva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 36. – S. 145-152.

7. Sergeev A.V. Problemy ohrany iskusstvennogo intellekta s tochki zreniya grazhdanskogo zakonodatel'stva / A.V. Sergeev // YUridicheskaya nauka. – 2022. – № 7. – S. 52-56.

Медведчук Анна Александровна
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко»
e-mail: medved1313@inbox.ru

РОЛЬ СМИ В ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ И ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается вопрос правового просвещения молодежи в России. Анализируется история развития правового просвещения и воспитания в России. Выделяется основной вектор правового просвещения, направленный на воспитание патриотизма в кругу молодежи, а также воспитательного процесса в системе образования, в основе которого лежит сочетание российских традиций и мирового опыта. Определяется роль СМИ в правовом просвещении молодежи, которая, по мнению автора, должна сводиться к оказанию помощи молодежи в адаптации к жизни в правовом демократическом государстве, регулируя свои отношения с институтами и гражданами этого государства только на основе соблюдения норм права.

Ключевые слова: правовое информирование, просвещение, воспитание, СМИ, правосознание, правовая культура.

В политической жизни России наблюдается заметная динамика, связанная с институтами государственной власти, которая существенно влияет на развитие государства и общества. Конфигурация российской власти существенно изменилась за последнее время. Период с 2000 года по 2008 год характеризовался появлением целой группы новых политических институтов (Государственный совет, полномочные представители президента в федеральных округах, Общественная палата РФ и другие). Кроме того, изменились и ранее существовавшие политические и государственные институты: партийная и избирательная системы, процедура избрания на должность глав регионов. Все эти изменения реализованы как на уровне законодательства (специальными актами), так и на уровне иных нормативных актов (Указов Президента РФ, Постановлений Правительства РФ и др.). Таким образом, можно констатировать, что при сохранении основных параметров конституционной модели государственной власти произошла существенная коррекция всей системы государственной власти и управления [1, с.86]. Институты

государственной власти представляют собой социальные образования, осуществляющие власть и управление обществом.

Говоря о правовом воспитании населения России, необходимо начать с Федерального закона N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. В нем приведен широкий перечень полномочий федеральных органов государственной власти в сфере образования (ст. 6). В сущности, именно на федеральные органы государственной власти ложатся полномочия по разработке и проведению политики в сфере образования, что является одним из основных направлений работы для правового воспитания. Полномочия по разработке и реализации региональной программы возложены на органы государственной власти субъектов России.

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, юридических и физических лиц по формированию высокого уровня правосознания и правовой культуры населения или отдельных граждан [3, с.155].

Правовое просвещение и воспитание было одним из важнейших направлений политики еще со времен СССР. Так, предмет «Конституция» был введен в школьные программы практически сразу после принятия Конституции нового образца в 1924 году. Но в 1958 году он был убран из школьных программ. На замену столь необходимому предмету пришел другой – «Обществознание». Однако данный предмет содержит комплексные знания, в которых праву отдается лишь пятая часть всего курса.

Курс «Человек и общество» появился в 90-е годы двадцатого века. В нем были собраны различные положения из области общественных наук. Начиная с 1994 года, и по сей день, в школьные программы было включено обязательное изучение важнейшего закона России – Конституции РФ.

В конце 90-х годов наблюдалось возрастание направленности общества на апатриатическое воспитание. При этом начали формироваться различные специальные программы и центры [4, с.258]. Следствием такого направления общества стало проявление поддержки патриотичности со стороны государства. Одним из показателей возросшего интереса к формированию патриотичности в обществе и официальной поддержки данного направления являлась Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 гг.» [5], принятая в 2001 году. Этот документ устанавливал основные методы, которые должны применяться при патриотическом воспитании и формировании системы такого воспитания. При этом данной программой охватывались все возрастные и классовые категории населения России.

Новым прорывом можно считать разработанные и утвержденные в 2011 году «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [6]. Данный акт был направлен на поднятия правовой культуры, правовых знаний населения, выработки у него почтения по отношению к закону, суду и в целом к правопорядку. В Основах делается упор на одну из задач государства, а именно – объяснение гражданам их обязанностей, связанных с соблюдением установленных правил, исполнением обязанностей, уважением прав и законных интересов иных лиц и другие социально-значимые вопросы. Данные положения закреплены в ч. 3 Основ: «Настоящие Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства». Указанный вектор повлиял на выделение проблемы правового нигилизма и ее освещенности.

Говоря о правовом просвещении, нельзя обойти Указ Президента РФ от 2012 года №761 «О Национальной стратегии в интересах детей на 2012-2017 годы» [7], утвердившим «Национальную стратегию действия в интересах детей на 2012 – 2017 годы». В нем, наряду со многими иными направлениями для формирования систем обеспечения реагирования на нарушение прав детей, говорится о формировании системы правового просвещения. Упоминается об обеспечении правового обучения и воспитания несовершеннолетних лиц, а также работающих с ними специалистов.

Следующим необходимым для рассмотрения актом являются «Основы государственной молодежной политики РФ в период до 2025 года» [8], принятые в 2014 году. Основная цель документа - это воспитание патриотизма в кругу молодежи. В частности, говорится о формировании понимания конституционных прав и обязанностей, их реализации. Молодежь должна проявлять знание культурного, исторического и национального наследия. Учтявая, что в Основах прописан срок до 2025 года, они действуют и сейчас.

В 2015 году был издан новый акт, одобренный Правительством РФ – «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [9]. Основной целью этого акта, в противовес Основ от 2014 года, является формирование института воспитания. Рассматривается обновление воспитательного процесса в системе образования, в основу которого будет положено сочетание российских традиций и мирового опыта.

В 2016 году была утверждена «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [10], в которой выделялись следующие

цели: воспитание граждан; создание условий для воспитания граждан; военно-патриотическое воспитание граждан.

Вернувшись к вопросу правового воспитания в школьном образовании стоит отметить Федеральный Закон от 24.09.2022 N 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» [11] и статью 1 Федерального Закона, делающий обязательным применение федеральных рабочих программ по учебным предметам, включая «Обществознание».

Таким образом, можно говорить о том, что правовое просвещение детей и молодежи происходит, прежде всего, посредством школьного образования. Важно отметить, что принятие этих документов, на наш взгляд, мало что изменило в государстве. Каких-либо конкретных способов повышения правового сознания населения ни один из этих актов не содержит. Эти стратегии и направления лишены реальной силы, они только декларируют направления деятельности. Однако на практике реализация данных положений затруднительна.

Существенным недостатком является отсутствие на сегодняшний день отдельного нормативного акта, посвященного правовому воспитанию. Те документы, которые уже приняты, не могут решить проблемы, существующие на практике.

Таким образом, изучив историю развития правового воспитания в России, можно сделать вывод, что проблема низкого уровня правовой грамотности населения существовала всегда, и заключается в том, что в действиях органов власти в разные временные промежутки не было системности. Меры, принятые государством, не были упорядоченными и взаимосвязанными. Все попытки решить проблему носили бессистемный характер. Правовую культуру граждан необходимо повышать системными действиями, осуществляемыми на постоянной основе, путем пропаганды достоверной правовой информации. И этим обязаны заниматься не только власти федерального уровня, работа должна проводиться и на уровне субъектов, муниципалитетов.

На наш взгляд, необходимо устранить существующие в законодательстве, юридической доктрине противоречия относительно сущности воспитания, в том числе правового. Для достижения данной цели важно привести в соответствие дефиниции, установленные Законом об образовании; принять нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы организации, осуществления правового воспитания на определенных уровнях, направленное на различные категории населения.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что вопрос правового просвещения и информирования путем средств массовой информации (далее –

СМИ) практически не имеет систематизированной правовой регламентации. Нет единого закона, который бы определял деятельность различных органов в правовом просвещении граждан. Если говорить о регламентации деятельности СМИ, то наиболее действенными в этой области являются Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» [12] и Закон РФ от 13.03.2006 N 38 «О рекламе» [13], последний из которых непосредственно связан с рекламной деятельностью в сфере СМИ. При этом в Законе РФ «О средствах массовой информации» вообще отсутствует какое-либо упоминание о правовом информировании граждан, а в Законе РФ «О рекламе» отсутствует сам термин правовой рекламы.

Проведя анализ, мы приходим к выводу о том, что информация об обязанности органов власти обеспечивать сам процесс правового воспитания и просвещения с помощью СМИ разрознена, содержится в ряде различных нормативно-правовых актах и никак не систематизирована. Сама же деятельность современных российских СМИ, будучи ориентирована преимущественно на коммерческие цели, не обеспечивает целенаправленность в должной мере правового воспитания молодежи. Кроме того, нередки случаи, когда СМИ блокируют процесс восприятия молодежью позитивных правовых ценностей, способствуя тем самым непредсказуемости и неоднозначности результатов правового воспитания. На наш взгляд первостепенная задача СМИ должна сводиться к оказанию помощи молодежи в адаптации к жизни в правовом демократическом государстве, регулируя свои отношения с институтами и гражданами этого государства только на основе соблюдения норм права.

Литература

1. Кузнецов, И.И. Новые институты в системе государственной власти РФ: тенденции и противоречия развития / И.И. Кузнецов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, № 1. – С. 368.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения – 27.02.2023).

3. Адаева О.В., Худойкина Т.В. Практико-ориентированное обучение как форма правового воспитания в высших учебных заведениях // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5. – С. 256.

4. Голунов, С.В. Патриотическое воспитание в России: за и против / С.В. Голунов // Вопросы образования. – 2012. – № 3. – С. 258-273. – DOI 10.17323/1814-9545-2012-3-258-273. – EDN PEKJHJ.

5. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 гг.» от 16 февраля 2001 года № 122 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901781482> (дата обращения – 28.02.2023).

6. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (дата обращения – 28.02.2023).

7. Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О национальной стратегии в интересах детей на 2012-2017 годы» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1158767/ (дата обращения – 28.02.2023).

8. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения – 28.02.2023).

9. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения – 27.02.2023).

10. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 N 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (дата обращения – 28.02.2023).

11. Федеральный Закон от 24.09.2022 N 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427331/ (дата обращения – 28.02.2023).

12. Федеральный Закон от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения – 27.02.2023).

13. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения – 27.02.2023).

Medvedchuk Anna Alexandrovna

Lecturer at the Department of Theory and History

of State and Law of the State Institution

of the LPR «Lugansk Academy of Internal

Affairs named after E.A. Didorenko»

e-mail: medved1313@inbox.ru

THE ROLE OF THE MEDIA IN LEGAL EDUCATION AND EDUCATION YOUTH OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the issue of legal education of youth in Russia. The history of the development of legal education and upbringing in Russia is analyzed. The main vector of legal education is singled out, aimed at instilling patriotism among young people, as well as the educational process in the education system, which is based on a combination of Russian traditions and world experience. The role of the media in the legal education of young people is determined, which, according to the author, should be reduced to assisting young people in adapting to life in a democratic state governed by the rule of law, regulating their relations with the institutions and citizens of this state only on the basis of compliance with the rule of law.

Keywords: legal information, education, education, mass media, legal awareness, legal culture.

Literatura

1. Kuznecov I.I. Novye instituty v sisteme gosudarstvennoj vlasti RF: tendencii i protivorechija razvitiya / I.I. Kuznecov // *Izvestija Saratovskogo universiteta*. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija. – 2009. – T. 9, № 1. – S. 368.

2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 29.12.2022) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023) // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashhenija – 27.02.2023).

3. Adaeva O.V., Hudojkina T.V. Praktiko-orientirovannoe obuchenie kak forma pravovogo vospitaniya v vysshih uchebnyh zavedenijah // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. – 2016. – № 5. – S. 256.

4. Golunov, S.V. Patrioticheskoe vospitanie v Rossii: za i protiv / S.V. Golunov // *Voprosy obrazovanija*. – 2012. – № 3. – S. 258-273. – DOI 10.17323/1814-9545-2012-3-258-273. – EDN PEKJHJ.

5. Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2001-2005 gg.» ot 16 fevralja 2001 goda № 122 //

[Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/901781482> (data obrashhenija – 28.02.2023).

6. «Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan» (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 N Pr-1168) // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (data obrashhenija – 28.02.2023).

7. Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 g. № 761 «O nacional'noj strategii v interesah detej na 2012-2017 gody» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1158767/ (data obrashhenija – 28.02.2023).

8. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (data obrashhenija – 28.02.2023).

9. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 N 996-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (data obrashhenija – 27.02.2023).

10. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 N 326-r (red. ot 30.03.2018) «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (data obrashhenija – 28.02.2023).

11. Federal'nyj Zakon ot 24.09.2022 N 371-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj Zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427331/ (data obrashhenija – 28.02.2023).

12. Federal'nyj Zakon ot 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 14.07.2022) «O sredstvakh massovoj informacii» // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (data obrashhenija – 27.02.2023).

13. Federal'nyj zakon ot 13.03.2006 N 38-FZ (red. ot 14.07.2022) «O reklame» (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.10.2022) // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (data obrashhenija – 27.02.2023).

Мягкая Анна Алексеевна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: anna-myagkaya@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ШИКАНА» И «ПРАВОНАРУШЕНИЕ»

В статье проведен сравнительно-правовой анализ понятий «шикана» и «правонарушение». Исследованы признаки правонарушения и злоупотребления правом. Доказано, что данные понятия не являются тождественными. Обоснованы предложения по совершенствованию отечественного гражданского законодательства.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, правонарушение.

Актуальность темы данной статьи обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с квалификацией осуществления субъективного права в качестве злоупотребления правом. Следует констатировать, что в последнее время случаи злоупотребления правом в нашей окружающей действительности существенно участились, что, с одной стороны, говорит о снижении правовой грамотности населения, с другой – о явлении, диаметрально противоположном, то есть о способности некоего субъекта права, осведомленного о своих правах, использовать предоставленные законом возможности для удовлетворения личных субъективных интересов в ущерб общественным.

Необходимо отметить, что вопросы сущности злоупотребления правом всегда были в центре внимания исследователей, начиная с дореволюционных времен. Так, пристальное внимание указанной проблеме уделяли М.М. Агарков, К.Н. Анненков, М.И. Бару, В.П. Грибанов, В.П. Доманжо, О.С. Иоффе, И.А. Покровский и другие ученые.

Изучению шиканы, как одной из форм злоупотребления правом, посвящены работы Т.С. Яценко [1], А.С. Губарь [2]. Проблемы недопустимости злоупотребления гражданскими правами исследовал в своей работе В.И. Емельянов [3]. Вопросам недопустимости злоупотребления депутатским статусом как разновидности злоупотребления правом посвящена работа А.А. Мягкой [4].

На протяжении длительного периода времени дискуссии отечественных ученых-юристов о правовой сущности злоупотребления правом приводили к тому, что большинство ученых отождествляли данное явление с правонарушением. Ввиду существующего и в настоящее время в специальной юридической литературе многообразия различных точек зрения и научных подходов к данной проблеме, во избежание всевозможных разночтений и терминологической путаницы, целью данной статьи является определение соотношения понятий «шикана» как особой формы злоупотребления гражданским правом с понятием «правонарушение».

Итак, главенствующая норма права, закрепляющая положение о запрете злоупотребления правом, содержится в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая устанавливает запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке [5, ч. 1 ст. 10]. Проанализировав данную норму, приходим к выводу, что отечественный законодатель выделяет четыре формы злоупотребления правом, первой из которых выступает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Данную форму в специальной юридической литературе, как правило, называют шиканой. Данный термин имеет немецкие корни (Chicane нем. – спорить о безделице), и был заимствован из немецкого права. Пункт 226 Германского гражданского уложения, принятого в конце XIX столетия и действующего с многочисленными изменениями и дополнениями и в настоящее время, регламентирует запрет шиканы: «Не допускается осуществление права только с целью причинения вреда другому лицу» [6, п. 226].

Что касается юридической дефиниции «правонарушение», то представляется наиболее емким и конструктивным определение, предложенное исследователем Е.В. Грызуновой: «...правонарушение можно определить как противоправное, виновное действие или бездействие субъекта, которое причиняет вред обществу, государству, отдельным лицам и влечет применение юридической ответственности» [7, с. 33].

На основании вышеизложенного и принимая во внимание мнение различных исследователей, попытаемся проанализировать, являются ли понятия «шикана» и «правонарушение» тождественными.

Например, ученый В.П. Грибанов считает злоупотребление правом определенной разновидностью гражданского правонарушения: «Злоупотребле-

ние правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [8, с. 63].

По мнению исследователя С.В. Михайлова, «злоупотребление правом есть разновидность неправомерного поведения, следовательно, гражданское правонарушение» [9, с. 74]. Схожей позиции в своих трудах придерживался советский ученый Х.А. Текаев: «Злоупотребление правом – это неправомерное поведение, выражающееся в осуществлении управомоченным лицом своего субъективного права с помощью таких форм, способов, средств реализации, которые выходят за пределы объема данного права» [10, с. 113].

В.В. Лазарев, говоря о нарушении норм права, пишет, что злоупотребление правом, как и всякое правонарушение, должно вытесняться [11, с. 324]. Соответственно, данный ученый также ставит знак равенства между злоупотреблением правом и правонарушением.

По мнению дореволюционного российского правоведа И.А. Покровского, основным и непременным признаком шиканы является цель причинить вред [12, с. 118]. Несмотря на совпадение современной нормы Гражданского кодекса РФ, о которой говорилось ранее, с мнением уважаемого ученого, следует однако же заметить, что шикана не исчерпывает все случаи злоупотребления правом. Нередко бывает, что лицо может своими действиями наносить ущерб другим лицам, не желая этого и не принимая этого во внимание. По нашему мнению, обязывать граждан осуществлять свои права лишь в том случае, если эти действия не принесут вреда другим гражданам, было бы не совсем правильным. В качестве примера можно привести конкуренцию в сфере рыночной торговли. Допустим, некий предприниматель открыл торговую точку напротив торговой точки другого предпринимателя, занимающегося реализацией подобных товаров, вследствие чего последний, не выдержав конкуренции, стал банкротом. Разумеется, вследствие определенных действий первого предпринимателя был нанесен ощутимый вред второму предпринимателю, и по своим последствиям данный ущерб гораздо больший, нежели упущенная выгода первого предпринимателя в случае, если бы он отказался от идеи открытия своей торговой точки. Однако возложение на первого предпринимателя обязанности перед осуществлением своего законного права предвидеть и сравнивать положения тех лиц, интересы которых могут быть затронуты, сделало бы крайне затруднительным и практически невозможным осуществление этого самого законного права.

Отождествление злоупотребления правом с правонарушением прослеживается в научных публикациях и современных ученых-юристов. Напри-

мер, О.А. Поротикова, указывая, что злоупотребление гражданским правом является особым видом гражданского правонарушения, полагает, что злоупотребление правом должно расцениваться как умышленное поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему субъективного гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в законе пределов осуществления прав и причиняющее вред третьим лицам либо создающее условия для наступления такого вреда [13, с. 190].

Следует отметить, что в юридической литературе против данного подхода к сущности злоупотребления правом выступает множество ученых, мнение которых мы разделяем. На наш взгляд, понятие «злоупотребление правом» не тождественно понятию «правонарушение», и данные научные категории отличны друг от друга. Возможно лишь отметить, что злоупотребление правом ведет к правонарушению. Однако если неправомерное действие субъекта права выступает как нарушение правовых норм или же как непосредственное посягательство на защищаемые правовыми нормами субъективные права, то злоупотребление правом всегда внешне опирается на субъективное право и формально не противоречит объективному праву. Если у лица нет субъективных прав, злоупотреблять правом оно не может, однако совершить противоправное действие и при отсутствии субъективных прав может [14, с. 112].

Сопоставляя понятия «шикана» и «правонарушение», необходимо принять во внимание признаки этих явлений. Правонарушение всегда имеет противоправный характер, поскольку правонарушитель своими действиями (бездействием) всегда нарушает права других граждан. Исходя из нормы статьи 10 ГК РФ, закрепляющей принцип недопустимости шиканы, шикана также является противоправным поведением.

Правонарушение – это виновное деяние (бездействие) субъекта. Шикана также всегда совершается виновно. В ГК РФ прямо указано, что не допускаются действия, «осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу» [5, ч. 1 ст. 10], соответственно, лицо действует не под принуждением, а выражает свою свободную волю, совершая подобные действия.

Следующим признаком правонарушения являются общественно-опасные действия (бездействие) лиц, причиняющие вред другим лицам. Поскольку целью шиканы является причинение вреда, то общественная опасность в данном случае закономерна.

Следует отметить, что в отличие от правонарушения, субъектом шиканы всегда является управомоченное лицо, использующее свое право с намерением причинить вред другому лицу (например, предъявить иск в суд о взыскании алиментов, чтобы досадить добросовестному алиментоплательщику с целью подорвать его репутацию). Лицо, действующее, не имея на то субъек-

ективного права или же выходящее за пределы его содержания, даже если его целью является причинение кому-то вреда, не является субъектом шиканы.

Также помимо вышеперечисленных признаков (противоправность, вина, причинение вреда) правонарушение характеризуется также причинно-следственной связью между поведением субъекта (правонарушителя) и наступившими в результате его действий (бездействия) последствиями.

Отметим, что в норме части 1 статьи 10 ГК РФ закрепляется лишь принцип недопустимости шиканы, то есть деяний, осуществляемых с исключительной целью причинить вред другому лицу, однако же о наступлении их общественно-вредных последствий ничего не говорится. Несмотря на это, потерпевший в результате действий субъекта шиканы, как правило, поднимает вопрос о привлечении данного субъекта к юридической ответственности. Следует подчеркнуть, что при этом, если исключительная цель субъекта шиканы (причинение вреда другому лицу) осталась по каким-то причинам нереализованной, то квалифицировать в его действиях шикану невозможно. Его действия являются реализацией принадлежащего ему субъективного права, цель причинить вред другому лицу не достигнута, следовательно, в его действиях шиканы нет.

Однако, если в результате осуществления права управомоченным субъектом вред другому лицу все же был причинен, то для квалификации действия данного субъекта в качестве шиканы необходимо установить основной ее признак: исключительную цель осуществления права – причинение вреда другому лицу.

Итак, наличие факта причинения вреда другому лицу является, по нашему мнению, неотъемлемым признаком шиканы.

Необходимо указать на то, что управомоченное лицо, совершающее шикану, может причинить другому лицу как имущественный, так и моральный вред. То есть результатом шиканы может быть нарушение имущественных (например, потеря дохода или его уменьшение и т.д.) и/или личных неимущественных (например, покушение на репутацию, достоинство личности) прав и интересов потерпевшего.

Как уже указывалось ранее, одним из признаков правонарушения, влияющее на пределы юридической ответственности, является вина, то есть отношение правонарушителя к содеянному и его последствиям. Особенностью гражданско-правовой ответственности является то, что форма вины для ее наступления, за исключением нескольких случаев, прямо указанных в законе, не имеет никакого значения. Важно понимать, что при квалификации в действиях управомоченного субъекта шиканы установление формы вины может иметь определенное значение. На это указал и законодатель, обозначив-

ший в части 1 статьи 10 ГК РФ, что такие действия осуществляются исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Соответственно, при совершении шиканы субъект действует с прямым умыслом, то есть, когда лицо осознает общественно-опасный характер своего действия, предвидит общественно-опасные последствия и желает их наступления.

Также немаловажно, что для квалификации действий лица в качестве шиканы определенное значение может иметь мотив поведения управомоченного лица. Он может быть самым разнообразным: от зависти, обиды и неприязни к коллеге (соседу, бывшему супругу) до желания избавиться от неудобного конкурента. В целом для квалификации действий лица как злоупотребления правом в данной его форме мотив не имеет превалирующего значения. Однако на мотив может ссылаться потерпевший, чтобы подтвердить свое утверждение о совершении в отношении него шиканы и отсутствии иного интереса у управомоченного лица, нежели причинение вреда потерпевшему.

Итак, в результате проведенного сравнительно-правового анализа признаков правонарушения и шиканы выявлены определенные сходства, позволяющие сторонникам отождествления данных правовых категорий утверждать, что «шикана есть правонарушение» [1, с. 19]. Однако, по нашему убеждению, это лишь на первый взгляд. В целом действия субъекта под названием «шикана», не подпадают под понятие «правонарушение».

В отличие от юридических действий, которые имеют явно выраженный противоправный характер и содержат все признаки правонарушения, злоупотребление правом представляет собой прежде всего такое осуществление субъективного права, которое идет вразрез с его назначением, ролью, функцией, местом в правовом регулировании общественных отношений, нарушает пределы осуществления права, но не нарушает запрет, содержащийся в правовой норме.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что поведение управомоченного лица, не нарушающее нормы права, в пределах субъективного права, но выходящее за установленные пределы осуществления прав, будет являться не правонарушением, а противоправным злоупотреблением правом.

По нашему мнению, в целях защиты прав и интересов как управомоченного лица, так и других лиц и общества в целом, назрела необходимость в правовой регламентации пределов осуществления управомоченным лицом своих прав. При этом речь идет не об ограничении и ущемлении этих прав, а об установлении равного положения всех граждан в системе общественных отношений, правовом обеспечении и гарантии этого равенства. Следует вменить управомоченному лицу обязанность при реализации своего субъек-

тивного права соотносить свое поведение не только с нормами закона, но и нормами морали, принципами разумности и добросовестности, а также интересами других субъектов права. Принимая во внимание тот факт, что предложенные пределы осуществления управомоченным лицом своих прав представляют собой общеправовые оценочные категории, считаем целесообразным законодательное закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации содержания и видов пределов осуществления управомоченным лицом субъективного права, с указанием на их юридическое значение.

Результаты данного исследования, на наш взгляд, позволят исследователям проблемы юридической сущности злоупотребления правом избежать терминологической путаницы ввиду существующего в специальной юридической литературе многообразия различных точек зрения и научных подходов к данной проблеме, а также будут весьма полезными в правоприменительной практике.

Литература

1. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Татьяна Сергеевна Яценко. – Ростов-на-Дону, 2001. – 27 с.
2. Губарь А.С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом / А.С. Губарь // Вестник Пермского университета. – 2012. – Выпуск 4(18). – С. 64 – 72.
3. Емельянов В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству: Дисс.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Владимир Иванович Емельянов. – М, 2001. – 195 с.
4. Мягкая А.А. Правовая ответственность депутатов Народного Совета Луганской Народной Республики: проблемы и пути решения / А.А. Мягкая // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов № 58. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2022. – С. 150 – 157.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Кодификация РФ. Действующее законодательство Российской Федерации. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/gk-rf/>
6. Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Официальный сайт. – Режим доступа: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/
7. Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Елена Вениаминовна Грызунова. – Саратов, 2002. – 246 с.

8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав (Классика российской цивилистики). Изд. 2-е, стереотип. / В.П. Грибанов. – М.: «Статут», 2001. – 411 с.
9. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. – М.: «Статут», 2002. – 205 с.
10. Текаев Х.А. Злоупотребление правом / Х.А. Текаев // Проблемы реализации права: Межвуз. сб. научн. работ / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 113 – 120.
11. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 1994. – 360 с.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (сер.: Классика российской цивилистики) / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 353 с.
13. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: Дисс.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ольга Александровна Поротикова. – Саратов, 2002. – 203 с.
14. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): Дисс.... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Наталья Александровна Дурново. – Нижний Новгород, 2006. – 170 с.

Myagkaya Anna Alekseevna
candidate of history, associate Professor,
associate Professor of the Department
of state and legal disciplines of the Law Institute
Luhansk state University named after Vladimir Dahl
e-mail: anna-myagkaya@rambler.ru

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF THE CONCEPTS «CHICANE» AND «OFFENSE»

The article provides a comparative legal analysis of the concepts of «chicane» and «offense». The signs of the offense and abuse of the right have been studied. It is proved that these concepts are not identical. The proposals for improving domestic civil legislation have been substantiated.

Keywords: abuse of law, chicane, offense.

Literature

1. Yatsenko T.S. Shikana kak pravovaya kategoriya v grazhdanskom prave: Avtoref. diss.... kand. yurid. nauk: 12.00.03 / Tat'yana Sergeevna Yatsenko. – Rostov-na-Donu, 2001. – 27 s.

2. Gubar' A.S. Shikana kak osobaya forma zloupotrebleniya grazhdanskim pravom / A.S. Gubar' // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – Vypusk 4(18). – S. 64 – 72.
3. Yemel'yanov V.I. Nedopustimost' zloupotrebleniya grazhdanskimi pravami po rossiyskomu zakonodatel'stvu: Diss.... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Vladimir Ivanovich Yemel'yanov. – M, 2001. – 195 s.
4. Myagkaya A.A. Pravovaya otvetstvennost' deputatov Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoy Respubliki: problemy i puti resheniya / A.A. Myagkaya // Problemy prava: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov № 58. – Lugansk: Izd-vo LGU im. V. Dal'ya, 2022. – S. 150 – 157.
5. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoj Federatsii ot 30.11.1994 g. № 51-FZ [Elektronnyy resurs] // Kodifikatsiya RF. Deystvuyushcheye zakonodatel'stvo Rossiyskoj Federatsii. – Rezhim dostupa: <https://rulaws.ru/gk-rf/>
6. Grazhdanskoye ulozheniye Germanii ot 18.08.1896 g. (s posleduyushchimi izmeneniyami) [Elektronnyy resurs] // Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet. Ofitsial'nyy sayt. – Rezhim dostupa: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/
7. Gryzunova Ye.V. Pravonarusheniye i yuridicheskaya otvetstvennost' v ikh sootnoshenii: Diss... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Yelena Veniaminovna Gryzunova. – Saratov, 2002. – 246 s.
8. Gribanov V.P. Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav (Klassika rossiyskoj tsivilistiki). Izd. 2-ye, stereotip. / V.P. Gribanov. – M.: «Statut», 2001. – 411 s.
9. Mikhaylov S.V. Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave / S.V. Mikhaylov. – M.: «Statut», 2002. – 205 s.
10. Tekayev KH.A. Zloupotrebleniye pravom / KH.A. Tekayev // Problemy realizatsii prava: Mezhevuz. sb. nauchn. rabot / Sverdlov. jurid. in-t im. R.A. Rudenko. – Sverdlovsk: SYUI, 1990. – S. 113 – 120.
11. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Podred. V.V. Lazareva. – M.: Yurist», 1994. – 360 s.
12. Pokrovskiy I.A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava (ser.: Klassika rossiyskoj tsivilistiki) / I.A. Pokrovskiy. – M.: Statut, 1998. – 353 s.
13. Porotikova O.A. Problema zloupotrebleniya sub'yektivnym grazhdanskim pravom: Diss.... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Ol'ga Aleksandrovna Porotikova. – Saratov, 2002. – 203 s.
14. Durnovo N.A. Zloupotrebleniye pravom kak osoby vid pravovogo povedeniya (teoretiko-pravovoy analiz): Diss.... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Natal'ya Aleksandrovna Durnovo. – Nizhniy Novgorod, 2006. – 170 s.

Осик Елена Александровна
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: osiklena@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА

Статья посвящена рассмотрению исторических аспектов возникновения и развития дистанционного труда в мире и России. Охарактеризованы положительные моменты от внедрения дистанционного труда в деятельность предприятий и сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о дистанционном труде.

Ключевые слова: дистанционный труд, дистанционная занятость, надомный труд, надомная работа, работодатель, работник, надомник.

Интернет все больше входит в нашу повседневную жизнь, сопровождает во всех сферах деятельности: от рабочего до свободного времени. При этом, работник не обязан присутствовать на своем рабочем месте в реальном времени, он может работать удаленно, дистанционно, виртуально. В нашей жизни появляются новые формы и виды занятости, которые меняют содержание труда и трудовые отношения. Постепенно происходит замещение «реальных» механизмов и практик занятости на виртуальные аналоги [1].

Работодатели в наше время все больше внимания уделяют такому понятию как дистанционная или удаленная работа. В соответствии со ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации «дистанционной (удаленной) работой является выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя при условии использования и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» [2]. Таким образом, возникает новое понятие «дистанционные трудовые отношения» — такая форма трудовых отношений, которые возникают в сфере цифровой занятости между работником и работодателем и предполагают взаимодействие в виртуальной среде.

Возрастает ценность свободного времени, наличие которого является необходимым условием воспроизводства человеческого капитала [3]. При этом, работающие, стремятся организовать работу с длительным отдыхом, выбирая для себя рабочие места с более удобным (гибким) графиком рабо-

ты с учетом собственного биологического ритма, индивидуальных запросов и предпочтений. Экономия рабочего времени также возникает в результате отсутствия транспортных проблем (нет необходимости каждый день добираться на работу), соответственно снижаются расходы, связанные с поездками до офиса и обратно, кроме того тратится меньше сил и ресурсов (в том числе финансовых), что благоприятно сказывается на доходах работника.

Удаленная работа является не только привилегией для работника, но и решением проблем для фирмы (большей частью финансовых). Работодатель может привлекать в штат высококвалифицированных специалистов-профессионалов, проживающих в любой части страны (и не только), и экономить на содержании рабочих мест (меньше работников – меньше затраты на коммунальные услуги), и тем самым сокращаются затраты работодателя на аренду помещений и организацию рабочих мест (меньше работников – меньше арендуемой площади), что позволяет ему проводить более гибкую налоговую политику фирмы и уменьшать затраты.

Вопросам дистанционной занятости, удаленного труда посвящены труды Д. Ниллеса, Ф. Кинсмана, Г. Гордона, И. Я. Киселева, В. Г. Соифера, В. А. Васильева, Р. З. Лившица, Т. А. Избиеновой, Н. Л. Лютова, А. М. Куренной, М. В. Луданик, М. А. Шабановой, Л.И. Лазор, А.М. Лушниковой, М. В. Лушниковой, И.И. Шамшина, и др.

В данной работе рассмотрим исторические аспекты возникновения и развития дистанционного труда.

В литературе встречается несколько синонимов термина «дистанционная работа»: фриланс, телеработа, надомный труд, удаленная работа. Разберемся в происхождении данных терминов.

Так, слово «фрилансер» (от англ. free lance — свободная пика) в значении «средневековый наемный воин» впервые было употреблено Вальтером Скоттом в историческом романе «Айвенго» в 1819 году. В современном понимании «фриланс» появился как эксперимент американцев Джека Ниллеса и Фрэнка Скиффа, которым принадлежат два ключевых фриланс-понятия — «telecommunication» (деловая связь по телефону) и «flexiplace» (дословно — «гибкое рабочее место») [4].

В 1972 году Джек Ниллес придумывает новый способ работы – «телеработу», суть идеи проста: работников не обязательно держать в офисе, связь между сотрудниками можно поддерживать с помощью современных средств коммуникации (интернета тогда не было, а был проводной телефон).

Результаты своего эксперимента Джек Ниллес презентовал в университете Южной Калифорнии, а позже получил финансирование от Националь-

ного научного фонда — NFS (National Science Foundation). Успех фриланса был связан с такими актуальными социальными вопросами как транспортная проблема (особенно в больших городах) и организация работы в удаленных сельских регионах.

В 1979 году, ранее опубликованные труды Джека Ниллеса привлекают внимание главы специального Комитета по экономическому развитию США Фрэнка Скиффа. Продолжая идеи ученого, он придумывает новый термин «flexiplace» («гибкое рабочее место»). Фрэнк Скифф публикует статью в «Washington Post» под громким заголовком «Работа из дома экономит бензин» [5].

Уже спустя три года, в 1982 году Джил Гордон (бывший консультант в области управления кадрами компании Johnson & Johnson) проводит первую национальную конференцию по телеработе в США. А еще через два года, в 1984 году Джил Гордон начинает выпускать бюллетень «Telecommunity Review».

На протяжении 80-х годов XX века Джек Ниллес и Джил Гордон изучают научную сторону телеработы, руководят небольшими проектами. Уже известный Фрэнк Скифф вместе с Дэвидом Флеммингом заняты практикой: внедряют новую технологию в министерства и ведомства США. Практические исследования показывают, что далеко не всегда офисного работника можно заменить удаленным: часть проектов терпят крах, но часть — выживают.

Следует отметить, что в настоящее время США по количеству фрилансеров сохраняет лидирующие позиции наряду с Канадой, Японией, Финляндией и Швецией. Кроме того, в некоторых странах, где стоимость рабочей силы достаточно высока, возможность привлекать работников удаленно, из других стран, становится особенно привлекательной (такой опыт широко распространен в США) [4].

В России, надомный труд стал развиваться в XVIII-XIX веках, именно в это время начался промышленный подъем, когда избыток трудовых ресурсов стал основной причиной появления надомных работников. Данные аспекты отображены в статье Е. С. Заиченко [6]. В данной статье, автор указывает, что в РСФСР, в период индустриализации, позиции надомного труда были впервые закреплены КЗоТом (1922 год), при этом использовался термин «квартирники». Декретом СНК РСФСР «Об изъятиях по распространению кодекса законов труде издания 1922 года на квартирников» 2 июля 1923 года определено понятие «квартирники», а именно лица, выполняющие работу по найму у себя на дому, с использованием материалов работодателя и исключительно личного труда. В то же время работодатели уже платили взносы за

социальное страхование каждого работающего на него квартирника. Кроме того, данным законодательным актом предусматривались дополнительные возможные условия прекращения договора с квартирником. Данным декретом также указывалось на необходимость выдачи расчетных книжек квартирникам, чтобы исключить возможность сокрытия трудовых договоров с данными работниками. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что государство в первую очередь старалось защитить лиц, которые, в силу своих ограниченных физических возможностей, не могли работать в месте нахождения организации.

Постановлением СНК РСФСР «Об условиях труда квартирников» от 15 ноября 1928 года был расширен правовой статус надомников. Данным постановлением оговаривалось, что материалы могли быть приобретены надомником или же работа могла выполняться из его подсобных материалов. Ранее работа выполнялась только из материалов работодателя. Кроме того, принятый законодательный акт, устанавливал новые правила, а именно порядок оплаты простоев и предоставления отпуска надомникам, при этом область деятельности таких работников не была ограничена. Данный вид деятельности особое развитие получил в текстильной, трикотажной и галантерейной промышленности [6].

Следует сказать, что утвержденное 29 сентября 1981 года Госкомтруда СССР «Положение об условиях труда надомников» определяло надомников как «лиц, которые заключили трудовой договор с организацией о выполнении работы на дому личным трудом из материалов и с использованием орудий и средств труда, выделяемых предприятием, либо приобретаемых за счет средств этого предприятия». При этом преимущественное право на заключение такого договора имели женщины с детьми до 15 лет, инвалиды и пенсионеры. Кроме того, такие трудовые отношения фиксировались в трудовой книжке, также предоставлялся отпуск - 15 дней. Однако, данное положение, в случае неисполнения указанных правил, не предусматривало ответственности работодателей [6].

КЗоТ РСФСР 1971 года (где указано, что труд надомных работников может регулироваться федеральным законодательством) предоставил субъектам федерации возможность принимать свои нормативные правовые акты, которые регулировали труд надомников на учебно-производственных комбинатах, например, незанятому населению и инвалидам получить образование для работы в сфере алмазообрабатывающей, камнеобрабатывающей и ювелирной промышленности [7].

В 1996 году Международной организацией труда была принята конвенция о надомном труде № 177, в которой обозначено, что надомный труд является

работой, выполняемой надомником за вознаграждение с целью производства товаров или услуг по месту жительства либо в других непроизводственных помещениях [8].

Государственной Думой Российской Федерации 21 декабря 2001 года был принят Трудовой кодекс РФ, однако глава, посвященная регулированию труде дистанционных работников, была введена только в 2013 году [9]. Внесенные изменения урегулировали отношения, когда работодатели нанимают сотрудников, работающих вне помещений, принадлежащих работодателям. Кроме того, в 2020 году в Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», были внесены очередные изменения, которые вступили в силу с 1 января 2021 года [10]. Данные изменения стали реакцией законодателей на сложившуюся в 2020 году ситуацию с пандемией коронавируса в стране.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Непосредственное влияние на развитие трудовых ресурсов в трудовых коллективах оказывает научно-технический прогресс, реально используемый в трудовых коллективах.

2. Существенные изменения в функционирование рынка труда и составляющих его элементов внесли произошедшие изменения в жизнедеятельности общества и социально-экономические процессы становления информационно-электронного общества.

3. В структуру современных тенденций развития в сфере трудовых ресурсов органично вписывается дистанционная занятость.

4. Мобильность рабочей силы повышается, труд становится глобальным ресурсом, и рынок труда переходит национальные границы – все это возможно благодаря Интернету и развитию трудовых ресурсов.

5. За счет расширения «пространства» занятости путем решения проблем с трудоустройством людей пред пенсионного возраста и ограниченной физической возможности, а также молодежи способствует снижению уровня безработицы благодаря использованию дистанционной формы трудовых отношений.

6. Для организаций, применяющих и обеспечивающих дистанционную занятость работников целесообразно, вводить налоговые льготы в связи с эффективным использованием трудовых ресурсов и экономией транспортных расходов. Все это улучшает экологическую обстановку в городах и населенных пунктах.

Понятие «дистанционный труд» было введено в гражданский оборот сравнительно недавно но, несмотря на уже закрепленное в Трудовом кодексе определение, требует дальнейшей проработки.

В целях защиты прав работников, выполняющих трудовую функцию в режиме дистанционной работы, следует предусмотреть группы работников, имеющих преимущественное право на заключение дистанционного трудового договора, так как это положительно отразится на снижении уровня безработицы и послужит дополнительной возможностью реализации трудового потенциала лиц с семейными обязанностями и ограниченными возможностями.

Литература:

1. Правкина Я. Ю. Социологический анализ дистанционного труда как инновационной формы занятости современной молодежи / Я.Ю. Правкина // Современные научные исследования и инновации. – Апрель 2012. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/04/11168>
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197 - ФЗ (ред. 19.12.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/adca37e8038a44ab5499c589bf6205dcebaf12d6/
3. Глаз Ю. А. Человеческий капитал как основная составляющая интеллектуального капитала организации / Ю.А. Глаз // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2010. – № 1(33). – С. 418-425.
4. Ефимов В.А. Мировые тенденции развития дистанционных трудовых отношений / В.А. Ефимов // Нормирование и оплата труда в строительстве. - 2019. - № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://panor.ru/articles/mirovye-tendentsii-razvitiya-distantsionnykh-trudovykh-otnosheniy/5890.html>
5. Антропов С. Кто и когда придумал удаленную работу / С. Антропов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kadrof.ru/history.shtml>
6. Заиченко Е.С. Труд надомников в России: история развития правового регулирования / Е.С. Заиченко // Труды Института государства и права Российской академии наук: статьи аспирантов и стажеров института государства и права. - М.: Институт государства и права РАН. – 2011. – № 2. – С. 108-118. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Trudi_IGPRAN.2011-2.pdf

7. Полтавец Ю.Н. Надомный труд. Правовые аспекты. Современность / Ю.Н. Полтавец // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003269>.
8. Моцкая О.В. Современный надомный труд: пробелы в правовом регулировании / О.В. Моцкая // Труды Института государства и права Российской академии наук: статьи аспирантов и стажеров института государства и права. – М.: Институт государства и права РАН. – 2009. – № 2. – С. 248-261. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Trudi_igpran.2009-2.pdf
9. Федеральный закон от 05.04.2013 № 60-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144640/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ - КонсультантПлюс.
10. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ - КонсультантПлюс.
11. Прокушев Е. Ф. Информационный ресурс в менеджменте современного предприятия в условиях интеграции / Е.Ф. Прокушев // Менеджмент, маркетинг и современные бизнес-коммуникации. - М.: Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2013. – С. 53-55.
12. Касьянчик Г. С. Дистанционный труд в России / Г. С. Касьянчик. // Исследования молодых ученых: материалы XXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июль 2021 г.). — Казань: Молодой ученый, 2021. — С. 30-35. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/398/16615/>

Osik Elena Alexandrovna
senior lecturer of the department
of state-legal disciplines
SEI HE LPR "Lugansk State University
named after Vladimir Dahl"
e-mail: osiklena@mail.ru

HISTORICAL ASPECTS OF THE EMERGENCE OF DISTANCE LABOR

The article is devoted to the consideration of historical aspects of the emergence and development of distance labor in the world and Russia. The positive aspects of the introduction of remote labor into the activities of enterprises are characterized and conclusions are drawn about the need for further improvement of the legislation on remote labor.

Keywords: remote work, remote employment, home work, home work, employer, employee, homemaker.

Literatura:

1. Pravkina YA. YU. Sotsiologicheskiy analiz distantsionnogo truda kak innovatsionnoy formy zanyatosti sovremennoy molodezhi / YA.YU. Pravkina // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. – April' 2012. – № 4 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://web.snauka.ru/issues/2012/04/11168>

2. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 №197 - FZ (red. 19.12.2022) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/adca37e8038a44ab5499c589bf6205dce6af12d6/

3. Glaz YU. A. Chelovecheskiy kapital kak osnovnaya sostavlyayushchaya intellektual'nogo kapitala organizatsii / YU.A. Glaz // *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii*. – 2010. – № 1(33). – S. 418-425.

4. Yefimov V.A. Mirovyye tendentsii razvitiya distantsionnykh trudovykh otnosheniy / V.A. Yefimov // *Normirovaniye i oplata truda v stroitel'stve*. - 2019. - № 9. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://panor.ru/articles/mirovye-tendentsii-razvitiya-distantsionnykh-trudovykh-otnosheniy/5890.html>

5. Antropov S. Kto i kogda pridumal udalennuyu rabotu / S. Antropov [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kadrof.ru/history.shtml>

6. Zaichenko Ye.S. Trud nadomnikov v Rossii: istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya / Ye.S. Zaichenko // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk: stat'i aspirantov i stazherov instituta gosudarstva i prava*. - M.: Institut gosudarstva i prava RAN. – 2011. – № 2. – S. 108-118. [Elektronnyy

resurs] – Rezhim dostupa: http://www.igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Trudi_IGPRAN.2011-2.pdf

7. Poltavets YU.N. Nadomnyy trud. Pravovyye aspekty. Sovremennost' / YU.N. Poltavets // Materialy V Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii «Studencheskiy nauchnyy forum» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003269>.

8. Motskaya O.V. Sovremennyy nadomnyy trud: probely v pravovom regulirovanii / O.V. Motskaya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk: stat'i aspirantov i stazherov instituta gosudarstva i prava. – M.: Institut gosudarstva i prava RAN. – 2009. – № 2. – S. 248-261. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Trudi_igpran.2009-2.pdf

9. Federal'nyy zakon ot 05.04.2013 № 60-FZ (red. ot 01.04.2019) «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144640/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ - Konsul'tantPlyus.

10. Federal'nyy zakon ot 08.12.2020 № 407-FZ «O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya distantsionnoy (udalennoy) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distantsionnyu (udalennuyu) rabotu po initsiative rabotodatelya v isklyuchitel'nykh sluchayakh» [Elektronnyy resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ - Konsul'tantPlyus.

11. Prokushev Ye. F. Informatsionnyy resurs v menedzhmente sovremennogo predpriyatiya v usloviyakh integratsii / Ye.F. Prokushev // Menedzhment, marketing i sovremennyye biznes-kommunikatsii. - M.: Gomel': Belorusskiy trgovno-ekonomicheskiy universitet potrebitel'skoy kooperatsii, 2013. – S. 53-55.

12. Kas'yanchik G. S. Distantsionnyy trud v Rossii / G. S. Kas'yanchik. // Issledovaniya molodykh uchenykh: materialy XXII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', iyul' 2021 g.). — Kazan': Molodoy uchenyy, 2021. — S. 30-35. — [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/398/16615/>

Прохорова Ольга Анатольевна

*к.э.н., доцент кафедры административного
и экологического права Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: ol_proxорова@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫМИ МЕРАМИ

Целью современной государственной правовой политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности окружающей среды должно стать укрепление правопорядка в экологической сфере. Для этого, на наш взгляд, необходимо признание экологической преступности одной из системных угроз национальной безопасности Российской Федерации и использование для борьбы с ней системы мер, включающей предупреждение экологических правонарушений, неотвратимость юридической ответственности за них, минимизацию и ликвидацию вреда окружающей среде, при ведущей роли на современном этапе мер профилактики экологических преступлений.

Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (далее – ФЗ № 182) профилактика правонарушений определяется как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. В ст. 6 ФЗ № 182 закреплены два направления, прямо относящиеся к профилактике экологических правонарушений: во-первых, обеспечение экологической безопасности, охрана окружающей среды (п. 13), и во-вторых, предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (п. 15). [1]

Круг субъектов профилактики правонарушений конкретно указан в ст. 5 ФЗ № 182: федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Важно подчеркнуть, что содержание профилактики составляют меры социального, правового, организационного, информационного характера, направленные на выявление и устранение факторов, детерминирующих совершение экологических правонарушений, а также на лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение.

В научном и практическом плане понятие профилактики экологических правонарушений может употребляться как синоним охраны окружающей среды с учетом того, что соответствующая деятельность направлена на сохранение и восстановление благоприятного состояния окружающей среды. Организация профилактики экологических правонарушений может рассматриваться и как перспективная цель общества и государства в сфере восстановления и сохранения благоприятного состояния окружающей среды с точки зрения ее чистоты (незагрязненности) и ресурсоемкости.

По мнению А.Э. Жалинского, экологическая профилактика позволяет: выявлять, а затем устранять или сдерживать, ослаблять продуцирующую силу детерминантов правонарушений; усиливать и совершенствовать социальный контроль за состоянием правовой охраны природы, всей совокупности общественных отношений в сфере взаимодействия с окружающей средой; обеспечивать действие правовых природоохранных и экологизированных норм, повышать результативность юридической ответственности; улучшать позицию населения по отношению к природоохранным мероприятиям, обеспечивать социальную активность граждан в данной сфере. [2, с.166-167]

Под предупреждением (профилактикой) правонарушений в области охраны природы следует понимать совокупность мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих нарушениям природоохранного законодательства, на пресечение конкретных противоправных посягательств в этой области.

Экологические, как и иные правонарушения, имеют в своей основе определенные причины, под которыми понимаются явления и процессы, вызывающие намерение совершить противоправные действия и формирующие отрицательный нравственный облик правонарушителей.

Обеспечение экологических прав человека осуществляется широким комплексом социальных и государственно-правовых мер. Среди них важное значение имеет профилактика экологических правонарушений административно-правовыми мерами.

Административно-правовая профилактика представляет собой одно из направлений социальной профилактики, в рамках которой изучаются факторы, оказывающие вредное влияние, в частности, на экологическую обстановку,

и принимаются меры превентивного характера, стимулирующие сознательное соблюдение нормативных предписаний экологического законодательства гражданами и должностными лицами и способствующие устранению выявленных причин совершения экологических правонарушений. [3, с. 106]

Выявление и устранение условий, способствующих нарушению экологического законодательства, под которыми понимаются конкретные недостатки в деятельности учреждений, организаций, отдельных должностных лиц и граждан, занимает важное место в профилактической деятельности органов общей и специальной компетенции в сфере обеспечения экологической безопасности.

Условно причины совершения экологических правонарушений можно разделить на три группы: социальные (социально-психологические, культурологические и т.п.), организационно-правовые и технико-технологические.

В группе социальных и, в частности, социально-психологических причин совершения экологических правонарушений выделяется широко распространенное мнение, что природные богатства являются неисчерпаемым, бесплатным источником доходов, и поэтому их использование и охрана не нуждаются в государственно-правовом регулировании. Такое потребительское отношение сложилось даже в тех регионах России, где природные богатства выступают не в качестве основного источника существования, а лишь предметом любительской охоты, рыболовства и т.д.

Другая причина экологических правонарушений социального характера - низкая экологическая культура населения, формирование которой достигается организацией проведения бесед и лекций для населения, встреч граждан с депутатами, представителями органов местного самоуправления в форме ответов на вопросы по экологическому состоянию территории: о новом строительстве, проблемах гаражей, организации площадок для выгула собак, защиты зеленых насаждений, очистки и благоустройства территорий и т.п.

Группа организационно-правовых причин совершения экологических правонарушений обусловлена, в первую очередь, несовершенством административно-правового статуса специально уполномоченных государственных органов, а также сложившейся в сфере обеспечения экологической безопасности системой мер государственно-правового принуждения.

Эффективность профилактики во многом зависит от уровня организации работы и административно-правового статуса специально уполномоченных государственных органов в сфере обеспечения экологической безопасности, позволяющих привлекать широкие слои населения к охране природных ресурсов; от умения организовать работу так, чтобы ни одно нарушение правил охраны природных богатств не оставалось без наказания.

Большинство мер административно-правовой профилактики (предупреждения) экологических правонарушений имеют моральное значение и исполняются населением в добровольном порядке. Однако если методы морального влияния недостаточны для обеспечения экологической безопасности, то возникает необходимость в применении специальных предупредительно-принудительных мер при отсутствии правонарушения (запрещение движения автотранспорта по отдельным магистралям вследствие чрезмерного загрязнения им воздуха, карантин и др.).

Основанием для их применения служит не административный проступок, а совершение действий, объективная сторона которых свидетельствует об определенном отклонении от установленных норм, действующих в сфере административного права.

Особенности применения административно-предупредительных, по существу - профилактических, мер позволяет выделить их в отдельную группу классификации, применение которой, как правильно отмечает И.И. Веремеенко», осуществляется в исключительных обстоятельствах и связано с ограничением субъективных прав и свобод граждан. [4, с.69]

Социально-правовое значение мер профилактики состоит в том, что в системе пресечения, предупреждения и административного наказания должна учитываться возможность применения мер восстановления нарушенного порядка, имеющих большое значение для укрепления законности и реально существующих как особый вид административного принуждения.

При определении мер административного принуждения, влекущих наступление административной ответственности, следует исходить из того, что юридическая ответственность - это самостоятельный юридический институт, содержание которого, как правило, выходит за пределы принуждения к исполнению существующей обязанности в процессе принуждения хотя и происходит восстановление нарушенной законности, но оно не сопровождается возложением на виновное лицо новых юридических обязанностей принудительного характера.

Принуждая к исполнению той или иной обязанности в сфере обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды, правоприменительные органы приводят участников правоотношений в то положение, в котором они должны были находиться в соответствии с требованиями закона.

Принудительным исполнением обязательств в сфере обеспечения экологической безопасности, конечно, восстанавливается нарушенная законность, но не решается вопрос о наказании правонарушителя, хотя для него в ряде случаев и наступают неблагоприятные последствия (например, при изъятии используемого не по назначению земельного участка лицу, арендовавшие

му его, не возмещаются расходы, понесенные им для улучшения почвы). В данном случае имеет место не дополнительное для нарушителя обременение, характерное для юридической ответственности, а неблагоприятное последствие, вызванное неправомерными действиями лица.

Иной характер принуждения имеют лишения, являющиеся следствием применения к правонарушителю мер юридической и, в частности, административно-правовой ответственности, реализуемой в виде назначения определенных видов административного наказания.

К подобным видам административного наказания относится, в частности, возмездное изъятие в соответствии со ст. 3.7 КоАП РФ орудий совершения или предметов административного правонарушения (в данном случае - экологического правонарушения). Конфискация огнестрельного оружия и боевых припасов, других орудий охоты не может применяться к лицам, для которых охота является основным источником существования (п. 2 ст. 3.7 КоАП РФ).

Достаточно широко используется в сфере обеспечения экологической безопасности такой вид административного наказания, как лишение специального права и, в частности, лишение права охоты, но не в отношении лиц, для которых охота является основным источником существования.

Меры восстановления нарушенного порядка, принудительного исполнения обязательств и пресечения правонарушений не порождают дополнительных лишений для нарушителя и не возлагают на него новых обязанностей, изменяющих его административно-правовой статус в сторону ограничения субъективных прав, что характерно для юридической ответственности. Следовательно, указанные меры не являются мерами юридической ответственности.

Реализующиеся в сфере административно-правовых и административно-процессуальных отношений меры административно-процессуального пресечения могут исключить саму возможность продолжения совершения экологических правонарушений. Эти меры одновременно направлены на восстановление нарушенных интересов личности и государства и привлечение виновных к ответственности.

По отношению к обеспечению экологической безопасности наиболее применима следующая дифференциация мер административного принуждения: меры пресечения, предупреждения, восстановления и административного наказания.

Целевая направленность каждой меры различна, но административно-правовая природа их едина и предоставляет правоприменителям возможность выбора и сочетания этих мер, что необходимо для профилактики и непосредственного устранения причин экологических правонарушений.

В административно-правовой литературе не теряет актуальности вопрос о соотношении административного принуждения и административно-правовых санкций. И.И. Веремеенко считает, что понятие «мера государственного принуждения» шире понятия «правовой санкции», которую автор понимает как «... указание на меры государственного принуждения, охраняющие нормы права от нарушения, но не всякая мера принуждения, осуществляемая органами государства, является санкцией» и к которой относит только меры административного наказания, т.е. меры, при помощи которых государство либо карает правонарушителя, либо принуждает его выполнить соответствующую правовую обязанность или устранить вред. Все иные меры преследуют обеспечительные или вспомогательные цели, а поэтому являются санкциями. [4, с. 106]

В законодательной практике вопрос о санкциях решается по-разному: традиционно санкции размещаются в административном, уголовном и т.п. законодательстве, содержащем правовые запреты, нарушение которых и влечет наступление соответствующей ответственности и наказания.

Данный принцип должен быть распространен и на сферу законодательного регулирования вопросов обеспечения экологической безопасности: санкции, наступающие за совершение экологических правонарушений, не должны приводиться в экологическом законодательстве, так как тем самым нарушается принцип разграничения отраслей законодательства.

Административно-правовые санкции служат охране правопорядка, обеспечивают соблюдение юридических обязанностей и как меры государственного принуждения характеризуют всю систему средств правового принуждения и включаются в содержание всех охранительных правоотношений.

Итак, можно сделать вывод, что практика выявления и устранения причин и условий совершения экологических правонарушений свидетельствует о том, что система социальной и, в частности, административно-правовой профилактики обусловлена характером их происхождения.

Наиболее распространенными технико-технологическими причинами роста числа экологических правонарушений является изношенность основных фондов, падение технологической и производственной дисциплины, несоответствие применяемых технологий современным требованиям, ослабление государственного (в частности, прокурорского) надзора и контроля в сфере соблюдения норм техники безопасности на предприятиях, деятельность которых связана с эксплуатацией источников повышенной опасности.

В системе мер административно-правовой профилактики экологических правонарушений помимо усиления контроля за соблюдением государственных стандартов, технических нормативов и правил важное место занимает

научная разработка и внедрение системы технологий безопасности, ориентированной на разработку научно-технических, административно-правовых и социально-психологических форм и методов охраны среды обитания человека.

Профилактическое значение и административно-правовое обеспечение системы технологий безопасности состоит в том, что некоторые техногенные аварии являются прямым следствием наводнений, землетрясений, порывов сильного ветра и других стихийных природных явлений.

Анализ причин и экологических последствий природных и техногенных аварий и катастроф достаточно убедительно указывает на прямую их причинно-следственную взаимосвязь. Так, при характеристике ущерба, нанесенного наводнениями, часто упоминаются прорывы дамб, повреждение систем жизнеобеспечения, затопление населенных пунктов, но при этом наблюдаются и вторичные события, влияющие и на экологическое состояние природной среды, и на техносферу.

Анализируя аварии природно-техногенного происхождения, можно отметить, что, несмотря на продолжающийся спад производства, крайне неблагоприятное положение сложилось на объектах угольной, горнорудной металлургической, химической, химико-фармацевтической, нефтехимической, нефтеперерабатывающей, нефтедобывающей, микробиологической, целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности, при эксплуатации магистрального трубопроводного транспорта.

Отрицательное воздействие на экологическую безопасность населения оказывают техногенные аварии на водопроводно-канализационных и коммунальных сетях жизнеобеспечения, одна треть из них происходят по причине ветхости сетей; средний физический износ этих систем оценивается более чем в 50%, что является критической величиной, грозящей в дальнейшем резким увеличением аварийности.

В системе мер устранения причин и условий аварий и катастроф природно-техногенного происхождения необходимо уделить особое внимание не столько усилению контроля за соблюдением соответствующих государственных стандартов, технических нормативов и правил, сколько совершенствованию системы регистрации и оценки экологического ущерба, организации взаимодействия министерств и ведомств при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также научных исследований проблем разработки и внедрения технологий безопасности. [5]

Система создания технологий безопасности ориентирована на разработку научно-технических, административно-правовых и социально-экономических основ охраны и защиты человека, территорий и среды обитания от аварий и катастроф природно-техногенного происхождения.

Создание технологий безопасности как одно из направлений административно-правовой профилактики экологических правонарушений включает следующие задачи:

- разработку проектов нормативно-технических документов, регламентирующих порядок использования технических систем и средств защиты человека, территорий и среды обитания от последствий экологических аварий;
- составление кадастра реальных и потенциальных угроз экологической безопасности;
- проектирование с учетом стандартов экологической безопасности производственных объектов, технических систем эксплуатации и т.д.

Превентивной мерой определения опасности проектируемой деятельности хозяйственных объектов является проведение экологической экспертизы, ориентированной на установление соответствия проектов требованиям экологической безопасности.

Согласно Федеральному закону от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» отходы в зависимости от степени негативного воздействия на окружающую среду подразделяются в соответствии с критериями, установленными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование в области охраны окружающей среды, на пять классов опасности: I класс - чрезвычайно опасные отходы; II класс - высоко опасные отходы; III класс - умеренно опасные отходы; IV класс - мало опасные отходы; V класс - практически неопасные отходы. В Российской Федерации ведется государственный кадастр отходов, включающий в себя федеральный классификационный каталог отходов, государственный реестр объектов размещения отходов, а также банк данных об отходах и технологиях использования и обезвреживания различных видов отходов. [6]

Основными требованиями, предъявляемыми к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям при эксплуатации предприятий, зданий, строений, сооружений и иных объектов, связанной с обращением с отходами являются: соблюдение установленных требований в области охраны окружающей среды; разработка проектов нормативов образования отходов и лимитов на их размещение; внедрение малоотходных технологий; проведение инвентаризации отходов и объектов их размещения; проведение мониторинга состояния окружающей природной среды на территориях объектов размещения отходов; предоставление в установленном порядке необходимой информации в области обращения с отходами; соблюдение требований предупреждения аварий, связанных с обращением с отходами, принятие неотложных мер по их ликвидации.

Административно-правовое обеспечение процессов создания технологической безопасности является в силу их социальной значимости органической частью проведения государственной экологической политики, реализуемой, в частности, путем:

- организации подготовки пакета административно-правовых актов федерального уровня, регулирующих вопросы обеспечения экологической безопасности;
- разработки и реализации типовых планов защиты населения при авариях природно-техногенного характера, методик оценки подготовленности территориально-региональных систем жизнеобеспечения населения к функционированию в чрезвычайных ситуациях;
- внедрения новейших средств активной и пассивной защиты от опасных последствий чрезвычайных ситуаций природно-техногенного характера и т.д.;
- создания технических средств наблюдения, информирования населения об угрозах возникновения чрезвычайных ситуаций природно-техногенного характера и т.д.

Реализация тех или иных полномочий по обеспечению экологической безопасности, в частности, в сфере административно-правовой профилактики экологических правонарушений прямо и косвенно связана с качественным составом управленческих кадров специализированных органов обеспечения экологической безопасности путем создания учебной базы подготовки, переподготовки и повышения их профессиональной квалификации.

В комплексе социальных мер профилактики экологических правонарушений важное место занимает обучение населения основам экологической безопасности, т.е. формирование у граждан знаний о правилах поведения в условиях реального и потенциального действия факторов, создающих угрозы экологической безопасности.

Очевидно, имеется необходимость в принятии законодательного акта прямого действия, устанавливающего принципы экологически правомерного поведения, что позволит сократить объем административного законодательства, так как многие нормативные положения, имеющие общий характер, повторяются практически в каждом из действующих либо вновь разрабатываемых и принимаемых законов об административной ответственности.

Представляется, что главным содержанием обучения населения основам экологической безопасности должна стать не столько правовая информация, т.е. информация о тех или иных правовых запретах, предусмотренных экологическим законодательством, сколько разъяснение правовых, технических и морально-нравственных норм, формирующих экологическую культуру

населения. Иными словами, организация экологического просвещения среди населения должна раскрывать не только содержание дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за экологические правонарушения, но и результаты профилактической деятельности органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности.

Конкретный характер разъяснительной работы проявляется и в том, что разработка профилактических мер должна опираться на профессиональное знание специфики объектов, составляющих экологическую угрозу, с одной стороны, и возможностей их устранения на основе принятия каких-либо административно-правовых санкций к нарушителям экологического законодательства либо организационно-управленческих, технико-технологических и т.п. решений - с другой.

Важный резерв профилактики экологических правонарушений - обучение населения основам экологической безопасности, которое, помимо профилактического, имеет важное культурологическое значение, а формирующееся на стыке права и техники знание становится предпосылкой соблюдения правил техники безопасности, повышения технологической культуры как элемента общей и правовой культуры, в частности.

Иными словами, центральным моментом профилактики экологических правонарушений выступает морально-нравственный запрет на их совершение, соблюдение которого гарантируется не страхом наступления определенного вида юридической ответственности, а сознательным отношением к соблюдению норм экологического права как общепризнанных социальных норм, закрепляющих естественные права человека.

Обучение основам экологической безопасности органически предполагает соответствующее (экологическое) воспитание, с помощью которого профилактика экологических правонарушений осуществляется на морально-нравственной основе не только среди взрослого населения, но и детей.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что основными направлениями развития экологической профилактики в современных условиях должны являться:

а) преобразование ныне реализуемых административно-правовых мер профилактики экологических правонарушений в целостную систему, что требует определения иерархии ее целей, создания необходимых организационных структур, обеспечения мониторинга и контроля эколого-профилактической деятельности публичной властью и обществом в целом, прежде всего для разграничения профилактических функций и определения возможностей субъектов данного вида деятельности, повышения их статуса и т.д.;

- б) разработка отдельных специфических, профилактических административно-правовых мер, методики и тактики их проведения;
- в) совершенствование информационного, правового и организационного обеспечения осуществляемой профилактической деятельности;
- г) получение необходимой социальной поддержки;
- д) налаживание полезных для страны международных связей в данной сфере.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть принципиальную необходимость оптимизации экологической профилактики на системной основе и разработки последовательной стратегии развития экологической профилактики в рамках административно-правовых мер.

Литература:

1. Федеральный Закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606230035>
2. Жалинский А.Э. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды. - М., 1985. – 124 с.
3. Ивакин В. И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности : монография. - М. : Изд-во Юридического института МИИТ, 2017. - 290 с.
4. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. М. : Юридическая литература, 1995. – 192 с.
5. Приказ Минприроды России от 28.01.2021 № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды» / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/573536168>
6. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

Prokhorova O.A.

*Assistant Professor; Department of Administrative
and environmental law SEI HE Law Institute
“Lugansk State University named after Vladimir Dahl “
e-mail: ol_proxopova@mail.ru*

FEATURES OF PREVENTION OF ENVIRONMENTAL VIOLATIONS BY ADMINISTRATIVE LEGAL MEASURES

This article examines the features of the application of administrative and legal measures in the implementation of the prevention of environmental offenses.

Ensuring environmental safety is impossible without strengthening the rule of law in the environmental sphere and using a system of measures for this, including the prevention of environmental offenses, the inevitability of legal liability for them, the minimization and elimination of harm to the environment, with the leading role at the present stage of measures to prevent environmental crime.

Crime prevention is a set of social, legal, organizational, informational and other measures aimed at identifying and eliminating the causes and conditions conducive to the commission of offenses, as well as providing educational influence on individuals in order to prevent the commission of offenses or antisocial behavior.

Therefore, administrative and legal prevention is one of the areas of social prevention, within the framework of which factors that have a harmful effect, in particular, on the environmental situation, are studied, and preventive measures are taken that stimulate conscious compliance with environmental regulations. some legislation by citizens and officials and contributing to the elimination of the identified causes of environmental offenses.

Keywords: environmental offenses, environmental safety, prevention of offenses, environmental and legal liability, administrative and legal measures.

Literatura

1. Federalnii Zakon «Ob osnovah sistemi profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federacii» ot 23 iyunya 2016 g. № 182_FZ / [Elektronnii resurs] // Rejim dostupa_ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606230035>
2. Jalinskii A.E. Effektivnost yuridicheskoi otvetstvennosti v ohrane okrujayuschei sredi. _ M. _ 1985. – 124 s.
3. Ivakin V. I. Teoreticheskie problemi formirovaniya i razvitiya ekologo_ pravovoi otvetstvennosti _ monografiya. _ M. _ Izd_vo Yuridicheskogo instituta MIIT_ 2017. _ 290 s.
4. Veremeenko I.I. Administrativno_ pravovie sankcii. M. _ Yuridicheskaya literatura_ 1995. – 192 s.
5. Prikaz Minprirody Rossii ot 28.01.2021 № 59 «Ob utverjdenii Metodiki ischisleniya razmera vreda_ prichinennogo atmosfernomu vozduhu kak komponentu prirodnoi sredi» / [Elektronnii resurs] // Rejim dostupa_ <https://docs.cntd.ru/document/573536168>
6. Federalnii zakon ot 24 iyunya 1998 g. № 89_FZ «Ob othodah proizvodstva i potrebleniya» // SZ RF. 1998. № 26. St. 3009.

Ратников Виктор Юрьевич

*кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: ratnickow.vitya@yandex.ru*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ»

Аннотация: в статье приводятся и анализируются подходы ученых к определению категории «юридический факт» на различных этапах развития юридической науки.

Ключевые слова: юридический факт, правовая категория, право, правоотношения, действия.

В юридической литературе под юридическими фактами принято понимать конкретные жизненные обстоятельства, служащие основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Исследователи, рассматривающие проблемы, связанные с выявлением сущности юридических фактов, определением их функций и общих признаков, отмечают, что истоки категории «юридический факт» следует искать в глубокой истории юриспруденции. Так, еще римское право различало несколько оснований возникновения правоотношения. Институции Гая Юстиниана содержат четыре таких основания: контракт, квазиконтракт, деликт, квазиделикт. Позднее стало выделяться пятое основание – односторонняя сделка [1, с.124].

А.Ф. Вишнеvский, анализируя становление учения о юридических фактах, также называет первопроходцами в исследовании юридических фактов римских юристов. Автор отмечает, что в современных исследованиях существует мнение о том, что в римском праве не были выработаны основные категории теории юридических фактов, а также их классификация, что позволяет говорить об отсутствии теории юридических фактов на тот период. Однако, по мнению А.Ф. Вишнеvского, именно в римском праве было выработано общее представление о юридических фактах, позволившее представителям позднейшей правовой науки создать развитую теорию юридических фактов [2, с.83].

Дальнейшее развитие учения связано с пандектистикой – течением в правовой мысли Германии в первой половине XIX века, которое основывалось на разработках немецких цивилистов конца XVIII – первой половины XIX в.

(Г. Дернбург, Р. Зом, Г. Пухта, А. Тон, Е. Цительман, Л. Эннекцерус и др.). В соответствии с этой системой, юридически значимые факты, которые противопоставлялись фактам юридически и релевантным, могут являться либо событиями, либо волевыми действиями, непосредственно не направленными на юридические цели, но вместе с тем обуславливающими наступление правовых последствий, или непосредственно направленными на возникновение либо прекращение правоотношений. Представители этого направления систематизировали и догматически обработали нормативный материал римского права в целях разработки общих теорий, понятий, фундаментальных принципов права. Термин «юридический факт» был впервые введен Ф. Савиньи, который под юридическими фактами понимал события, обуславливающие начало или конец правоотношения. Необходимо отметить, что понятие «юридические факты» впервые находит свое законодательное отражение в ст. ст. 104-185 Германского гражданского уложения 1900 г., часто упоминающегося под названием Германский гражданский кодекс.

Со временем данная система подвергалась изменениям и дополнениям. В первую очередь, в нее было включено специальное указание на действия, являющиеся противными нормам права, то есть правонарушения. Затем были выделены так называемые слитные или сложные юридические факты, состав которых образовывался известным единством событий и действий, являющихся необходимыми для возникновения либо прекращения правоотношений. Вслед за этим был проанализирован вопрос относительно предварительного действия наступающих частей фактического состава, то есть называемого предварительного действия или прообраза права. Далее были предприняты попытки формирования общей системы юридических фактов, включающей в себя обстоятельства, которые обладали юридическим значением как в сфере частного, так и в сфере публичного права.

Формирование теории юридических фактов в XIX в. в общеевропейском контексте происходит под влиянием нормативного позитивизма, как отмечает А.Ф. Вишневский. Именно представители этого направления разработали понятие и классификацию юридических фактов, показали их значение. В этот период исследованиями юридических фактов занимались такие западноевропейские ученые, как: Ю. Барон, Э. Бекинг, Е. Холдер, Ф. Савиньи, Е. Цительман и др. [2, с.85].

Следует также проанализировать роль отечественной науки в формировании теории юридических фактов.

Русские ученые-правоведы первоначально обратились к исследованию понятия «юридический факт» и в целом к проблеме юридических фактов лишь в начале XIX века.

Одним из первых русских исследователей юридических фактов являлся Д.И. Мейер. Он говорил о них, как о событиях могущих влечь юридические последствия без их определения. Мейер писал только о юридических действиях, не упоминая о фактах природы. Юридические действия назывались им проявлением воли. Он указывал, что не все действия имеют значение для права, действие становится юридическим только тогда, когда оно имеет какое-нибудь отношение к вопросу о праве. Юридические действия подразделялись Д.И. Мейером на: 1) положительные и отрицательные; 2) законные и незаконные.

Более глубокое изучение юридических фактов было проведено русским правоведом К.Д. Кавелиным. Говоря об установлении и прекращении правоотношений, он указывает как способы их возникновения и прекращения не только действия лиц (юридические действия), но и на законы природы, выделяя таким образом юридические факты - события.

Русский правовед Е.Н. Трубецкой писал, что права находятся в состоянии непрерывного движения: они возникают, уничтожаются, переходят от одних лиц к другим, непрерывно изменяют свой вид. Все это происходит под воздействием юридических фактов, которые он определял как «все состояния и события действительности, которым свойственно устанавливать и прекращать права» [3, с.188]. Наступление юридического факта Е.Н. Трубецкой связывал с применением определенной нормы права. Ученый разделял юридические факты на зависящие и независящие от воли людей. Среди юридических фактов, независящих от воли людей, Е.Н. Трубецкой отдельно выделял факты, не зависящие от воли человека, не противоречащие праву и не порождающие неправомерного состояния, но вызывающие возникновение права. Факты, зависящие от воли людей или действия, им подразделялись на положительные и отрицательные. В сущность вторых им вкладывалось воздержание от действия. Также юридические факты, зависящие от воли людей, Е.Н. Трубецким разделялись на правомерные и неправомерные.

Более подробно понятие «юридического факта» было сформулировано Г.Ф. Шершеневичем, в котором ученый обобщил юридические последствия, вытекающие из юридических фактов: «... юридические отношения возникают, изменяются и прекращаются вследствие юридических фактов, т.е. наступления таких обстоятельств, с которыми нормы объективного права соединяют определенные юридические последствия» [4, с.205]. Примечательно, что Г.Ф. Шершеневич в своем определении не был сосредоточен только на этапах начала и окончания правоотношений. Он назвал и этап изменения. Кроме того, знаменитый ученый признавал формулировку следствия из юридических фактов – «определенные юридические последствия». Такое обобщен-

ное определение юридических фактов впоследствии было широко воспринято учеными и активно использовалось в правовой науке. Г.Ф. Шершеневич выделял простые юридические факты и сложные. Также он разделял юридические факты на юридические действия и на события. В свою очередь юридические действия разделялись им на два вида: сделки и правонарушения.

Е.В. Васьковский в своем учебнике гражданского права, признанным одним из выдающихся исследований гражданского права России конца XIX столетия, определял юридические факты как обстоятельства, порождающие перемены в правах [5, с.63]. Также как и его современники Е.В. Васьковский считал, что юридические факты могут быть произведены волею заинтересованных лиц или же происходить независимо от нее. Первую группу юридических фактов Васьковский называл юридическими действиями, вторую группу – юридическими событиями. В свою очередь действия подразделялись им на дозволенные и недозволенные, или правонарушения. Правонарушения разделялись им на случайные, неосторожные и умышленные.

Своеобразное определение юридическим фактам давал Н.М. Коркунов, который считал, что юридический факт есть факт, обуславливающий применение юридических норм, и что «юридическими фактами в тесном смысле слова называются такие события и действия, которые не представляют собою ничего противного требованиям юридических норм и которым независимо от намеренности их совершения присвоено определенное юридическое значение, заключающееся или в установлении новых прав и обязанностей, или в изменении и прекращении уже существующих» [6, с.152]. Такученый подчеркивает, что факты сами по себе еще не порождают субъективных прав, источником которых являются нормы объективного права; юридические факты являются лишь внешним поводом для применения норм и, следовательно, возникновения, изменения или прекращения субъективных прав. Позиция Н.М. Коркунова является содержательным уточнением определения юридических фактов.

Таким образом, проанализировав существовавшие в дореволюционной России подходы к определению категории «юридический факт», можно сделать вывод, что российскими учеными проводились достаточно глубокие исследования категории юридический факт, с высокой степенью обоснованности были сформулированы понятие, признаки и разработаны классификации юридических фактов используемые современной наукой.

В отечественной правовой науке анализу понятия «юридический факт» и формулированию его дефиниции было уделено значительное внимание.

Наиболее обширное исследование проблематики юридических фактов, внесшее существенный вклад в обоснование данной правовой категории, посвятил О.А. Красавчиков. Он определял юридические факты как факты ре-

альной действительности, с наличием или отсутствием которых нормы гражданского права связывают юридические последствия, то есть возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений) у правосубъектных лиц [7, с. 5]. О.А. Красавчиков отмечал, что «юридические факты отличаются от иных фактов реальной действительности только тем, что с ними закон связывает определенные юридические последствия».

Еще одно фундаментальное исследование юридических фактов было проведено В.Б. Исаковым. Под юридическими фактами он понимал социальные обстоятельства действительности (события, действия), вызывающие в соответствии с нормами права наступление определенных правовых последствий – возникновение, изменение и прекращение правовых отношений. Таким образом, В.Б. Исаков включает в понятие юридического факта два основных момента: «наличие явлений действительности -событий или действий (материальный момент); их предусмотренность в нормах права в качестве оснований правовых последствий (юридический момент)» [8, с. 6].

С.С. Алексеев образно именуется юридические факты «рычажком», приводящим нормы объективного права в действие, и, следовательно, выступающим одним из средств формирования конкретного содержания прав и обязанностей участников правового отношения [9, с.56]. С.С. Алексеев определяет юридические факты как «конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [10, с.72].

Выдающийся советский ученый Н.Г. Александров дает следующее определение юридическим фактам: «жизненные факты определенного вида или же комплексы таких фактов, с которыми право связывает возникновение, либо изменение, либо прекращение субъективных прав, и соответствующих юридических обязанностей» [11, с.242]. Н.Г. Александров был сторонником позиции, что юридические факты могут вызывать юридические последствия только в виде возникновения, изменения и прекращения правоотношения или субъективных прав и соответствующих юридических обязанностей [12, с.36].

Обобщение приведенных определений приводит к выводу, что юридические факты в отечественной правовой науке понимались учеными в целом практически одинаково.

Учеными советского периода было общепризнано, что понятие «юридический факт» включает в себя два противоречащих друг другу, но при этом взаимосвязанных момента: наличие обстоятельств, явлений внешнего мира – событий или действий (материальный момент) и их признание и закрепление в нормах права в качестве оснований последствий (юридический момент).

Современное состояние научных знаний о юридических фактах характеризуется зародившимся в советский период разделением проводимых исследований на имеющие общетеоретический характер и носящие отраслевой характер. В исследованиях последних лет ученые-правоведы продолжают уделять большое внимание изучению юридических фактов. Вместе с тем с момента проведения наиболее крупных исследований, проведенных в советский период времени, теория юридических фактов практически не получила своего развития и не претерпела существенных изменений.

Литература:

1. Возякова В.В. История возникновения понятия «юридический факт» / В.В. Возякова // Безопасное детство как правовой социально-педагогический концепт: сборник трудов научной конференции. - Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. – С.124-125.
2. Вишневский, А.Ф. Становление и развитие учения о юридических фактах в теоретической правовой науке / А.Ф. Вишневский // Право и демократия: сборник научных трудов. - Минск, 2013. – С.82-102.
3. Лекции по энциклопедии права / Трубецкой Е.Н. - М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. - 227 с.
4. Общая теория права. Вып. 3 / Шершеневич Г.Ф. - М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 805 с.
5. Учебник гражданского права / Васьковский Е.В.; Науч. ред.: Ем В.С. - М.: Статут, 2003. - 382 с.
6. Лекции по общей теории права / Коркунов Н.М.. - 4-е изд. - С.-Пб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1897. - 364 с.
7. Юридические факты в советском гражданском праве / Красавчиков О.А. - М.: Госюриздат, 1958. - 183 с.
8. Фактический состав в механизме правового регулирования / Исаков В.Б.; Науч. ред.: Алексеев С.С. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. - 128 с.
9. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: Сборник статей. - М.: «Статут», 2001. - С. 54-68.
10. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования / Алексеев С.С. - М.: Статут, 1999. - 712 с.
11. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Александров Н.Г. - М.: Госюриздат, 1961. - 271 с.
12. Правовые отношения в социалистическом обществе. Лекция / Александров Н.Г. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. - 45 с.

Ratnikov Viktor Yurievich

*candidate of historical sciences, associate professor,
department of state and legal disciplines Law Institute,
GOU VO LPR «Luhansk State University Of Vladimir Dahl»
e-mail: ratnickow.vitya@yandex.ru*

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE CATEGORY “LEGAL FACT”

The article presents and analyzes the approaches of scientists to the definition of the category “legal fact” at various stages of the development of legal science.

Keywords: legal fact, legal category, law, legal relations, actions.

Literature:

1. Vozyakova V.V. Istorija vozniknoveniya ponyatiya «yuridicheskij fakt» / V.V. Vozyakova // Bezopasnoe detstvo kak pravovoj social'no-pedagogicheskij koncept: sbornik trudov nauchnoj konferencii. - Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet, 2015. – S.124-125.

2. Vishnevskij, A.F. Stanovlenie i razvitieucheniya o yuridicheskikh faktah v teoreticheskoy pravovoj nauke / A.F. Vishnevskij // Pravo i demokratiya: sbornik nauchnyh trudov. - Minsk, 2013. – S.82-102.

3. Lekcii po enciklopedii prava / Trubeckoj E.N. - M.: T-vo Tip. A.I. Mamontova, 1917. - 227 s.

4. Ob shchaya teoriya prava. Vyp. 3 / Shershenevich G.F. - M.: Izd. Br. Bashmakovyh, 1912. – 805 s.

5. Uchebnik grazhdanskogo prava / Vas'kovskij E.V.; Nauch. red.: EmV.S. - M.: Statut, 2003. - 382 s.

6. Lekcii po obshchej teorii prava / Korkunov N.M.. - 4-e izd. - S.-Pb.: Izd. yurid. kn. magazina N.K. Martynova, 1897. - 364 s.

7. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave / Krasavchikov O.A. - M.: Gosyurizdat, 1958. - 183 s.

8. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / Isakov V.B.; Nauch. red.: Alekseev S.S. - Saratov: Izd-voSarat. un-ta, 1980. - 128 s.

9. Alekseev S.S. Odnostoronnie sdelki v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Antologiyaural'skojcivilistiki. 1925-1989: Sbornikstatej. - M.: “Statut”, 2001. - S. 54-68.

10. Pravo: azbuka - teoriya - filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya / Alekseev S.S. - M.: Statut, 1999. - 712 s.

11. Pravo i zakonnost' v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma / Aleksandrov N.G. - M.: Gosyurizdat, 1961. - 271 s.

12. Pravoye otnosheniya v socialisticheskom obshchestve. Lekciya / Aleksandrov N.G. - M.: Izd-voMosk. un-ta, 1959. - 45 s.

Старовойтова Юлия Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: y.g.starovoitova@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯНИЯ КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Статья посвящена определению объема деяния, характеризующего объективную сторону состава преступления с административной преюдицией. Установлено, что в уголовно-правовой литературе существуют два основных подхода к данной проблеме. Согласно первому, объективную сторону образуют несколько тождественных или однородных правонарушений, за первое из которых лицо было подвергнуто административному наказанию. В соответствии со вторым, объективной стороной состава преюдициального преступления охватывается лишь второе или третье из ряда аналогичных деяний. Отмечается, что несколько аналогичных правонарушений, за первое из которых к лицу применялись административно-правовые меры воздействия, не могут в совокупности образовывать деяние, лежащее в основе преступления, поскольку, во-первых, это нарушает принцип *non bis in idem*, во-вторых, эти правонарушения не объединены единой виной лица. Приводятся аргументы в пользу второго подхода. Делается вывод о том, что объективную сторону состава преступления с административной преюдицией образует одно – повторное нарушение. Повышенная опасность всего деяния как основания уголовной ответственности обуславливается объектом посягательства, признаками субъекта, а также временем совершения правонарушения.

Ключевые слова: преступление, административное правонарушение, административная преюдиция, объективная сторона, деяние, общественная опасность, лицо, подвергнутое административному наказанию.

Появление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) составов преступлений с административной преюдицией породило в специализированной литературе новую волну научных дискуссий относительно целесообразности существования таких уголовно-правовых запретов. Следует отметить, что практика установления уголовной ответственности за деяние,

совершенное лицом, которое ранее уже подвергалось мерам административного воздействия за аналогичные правонарушения, была достаточно распространенной в отечественном уголовном законодательстве советского периода. Вместе с тем, несмотря на большое количество трудов, написанных по данной проблематике, феномен административной преюдиции в уголовном праве, безусловно, требует дальнейшего научного осмысления с учетом современных социально-правовых реалий.

В данной работе наше внимание будет сфокусировано на определенных теоретических проблемах, связанных с особенностями объективной стороны составов преюдициальных преступлений.

К проблеме социально-правовой природы деяния в составе преступления с административной преюдицией в своих работах в разное время обращались А.В. Богданов, А.Г. Безверхов, И.О. Грунтов, Н.А. Лопашенко, В.П. Малков, Е.Ю. Пудовочкин, В.В. Хилюта, З.Э. Эргашева и другие. Однако единого подхода по этому поводу так и не выработано.

Не подвергая сомнению тот факт, что обязательным признаком объективной стороны любого состава преступления является общественно опасное деяние, отметим, что среди исследователей отсутствует единство мнений относительно объема общественно опасного деяния в составах преступлений с административной преюдицией, в связи с чем дискуссионным также остается вопрос о видовой принадлежности таких преступлений – относятся ли они к единичным простым или единичным сложным преступлениям.

Большинство высказанных на этот счет точек зрения сводятся к одному из следующих подходов: 1) общественно опасное деяние в составах преступлений с административной преюдицией представляет собой два или более тождественных или однородных действия (бездействия), каждое из которых в отдельности содержит признаки административного правонарушения; 2) общественно опасное деяние в таких составах образует лишь одно второе (третье) действие (бездействие), совершенное лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние.

Так, В.П. Малков, рассматривая виды сложных единичных преступлений, выделяет среди них преступления, в основе которых лежат повторные действия. Их особенностью является то, что «каждое из действий, из которых складывается преступление, будучи взято изолированно, не может рассматриваться в качестве преступления, а по своей правовой природе является административным, дисциплинарным правонарушением или антиобщественным проступком... В ряде случаев уголовная ответственность установлена за повторность действий после наложения административного взыскания за ранее совершенное аналогичное правонарушение» [3, с. 123]. Получается,

что в таких составах преступлений общественно опасное деяние как признак объективной стороны представлено рядом аналогичных правонарушений, которые в силу определенных обстоятельств уже не рассматриваются изолированно как административные или дисциплинарные правонарушения, а образуют качественно новую категорию – повторность действий. При этом, исходя из изложенной позиции, очевидно, что, по крайней мере, одним из определяющих такую трансформацию обстоятельств является совершение второго и последующих деяний после наложения административного взыскания за первое правонарушение.

По мнению И.О. Грунтова, объективная сторона составов преступлений с административной преюдицией складывается из ряда тождественных правонарушений [4, с. 12]. Подобную точку зрения разделяет и А.Г. Безверхов, отмечая, что особенность объективной стороны в составах преступлений с административной преюдицией «состоит из двух и более актов однородного противоправного поведения, точнее из тождественных правонарушений, за первое из которых лицо было привлечено к административной ответственности» [5, с. 44].

Вместе с тем в отношении такого подхода в специализированной литературе высказывалось достаточно много замечаний, свидетельствующих о его узковости. Наиболее важными среди них являются следующие.

Во-первых, нарушается принцип *non bis in idem* («не дважды за одно и то же»). Поскольку административное правонарушение, за которое лицо было подвергнуто административному наказанию, охватывается объективной стороной состава преступления с административной преюдицией, получается, что это правонарушение подвергается еще и уголовно-правовой оценке при определении деяния, частью которого оно является, как преступного.

Во-вторых, представляется затруднительным определить, к чему следует относить преступления с административной преюдицией – к единичным преступлениям или к множественности преступлений. Последнее, очевидно, следует исключить, поскольку множественность образуют единичные преступления, в то время как преступление с административной преюдицией, как отмечают вышеупомянутые исследователи, состоит из нескольких деяний, каждое из которых подпадает под признаки административного правонарушения. К поистине парадоксальному выводу в этой связи приходит Н.А. Лопашенко, по мнению которой, преступление с административной преюдицией, не являясь формой множественности преступлений, также не наделено признаками ни единичного простого преступления, ни единичного сложного преступления [6, с. 68]. Свою позицию автор обосновывает тем, что в преступлении с административной преюдицией отсутствуют ос-

новые признаки единичного преступления, а именно: нельзя установить внутреннюю взаимосвязь между отдельными составляющими его административными правонарушениями, каждое из которых имеет самостоятельное значение; у этих правонарушений нет единого преступного результата; для такого преступления невозможно признать единую вину для всех входящих в него административных правонарушений [6, с. 67-68]. При этом интересно, что сама исследователь склоняется к точке зрения, что «в преступлении с административной преюдицией есть несколько деяний, каждое из которых составляет административное правонарушение» [6, с. 67], поскольку «очевидно, неверно принимать во внимание только самый последний факт административного правонарушения: если его изолировать от ранее совершенных правонарушений, то спорить вообще не о чем: имеет место всего только административное правонарушение» [6, с. 65-66]. Таким образом, автор полагает, что именно такой подход наиболее правильно отражает сущность преступления с административной преюдицией, подчеркивая при этом, что предложенное понимание рассматриваемого преступления не согласуется ни с концепцией единичного преступления, ни с концепцией множественности преступлений.

Противоположной точки зрения придерживается А.В. Богданов, который приходит к выводу о том, что «преступление с признаками повторно совершенного административного правонарушения, относится к единичным сложным преступлениям, в следствии того, что его образует одно повторно совершенное деяние с признаками административного правонарушения, являющегося аналогичным, тождественным или однородным, по отношению к административному правонарушению, за которое лицо считается подвергнутым административному наказанию» [7, с. 18], при этом «предикатное административное правонарушение находится за пределами состава рассматриваемых преступлений, а повторное деяние приобретает признак общественной опасности вследствие деформации личности его субъекта в общественно опасную личность» [7, с. 17].

По мнению З.Э. Эргашевой, «преступление с административной преюдицией представляет собой не два или три самостоятельных административных правонарушения, а единичное общественно опасное противоправное деяние, виновно совершенное лицом, подвергнутым за ранее совершенное аналогичное правонарушение административному наказанию» [8, с. 16], и «основанием уголовной ответственности служит повторно совершенное деяние» [8, с. 16]. Общественную же опасность преступления с административной преюдицией автор связывает со специальным признаком субъекта преступления, а именно его административной наказанностью [8, с. 16].

Е.Ю. Пудовочкин так же полагает, что основанием уголовной ответственности служит «поведение, которое допускает лицо, имеющее административную наказанность в период срока сохранения правового значения за этим состоянием» [2, с. 38-39]. Проанализировав решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), исследователь признает, что «правда на стороне тех специалистов, которые ограничивают объективную сторону преступления с административной преюдицией только и исключительно последним фактом совершения административного проступка. Именно он является предметом уголовно-правовой оценки» [2, с. 39]. В целом, отмечая обоснованность изложенной позиции, сложно согласиться с утверждением автора о том, что административный проступок может являться предметом уголовно-правовой оценки.

Позиция КС РФ по этому поводу, к которой апеллирует Е.Ю. Пудовочкин, в частности была изложена в Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дядина» (далее – Постановление КС РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П), в п. 4.2 которого отмечено: «что касается соотношения диспозиции статьи 212.1 УК Российской Федерации с принципом *non bis in idem* (статья 50, часть 1, Конституции Российской Федерации), то предусмотренный ею состав преступления (равно как и иные составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние) не предполагает – вопреки утверждению заявителя по настоящему делу – возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию. Основанием привлечения к уголовной ответственности в таких случаях является только такое нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, которое совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП Российской Федерации более двух раз в течение ста восьмидесяти дней, в пределах срока, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения, и лишь при условии, что за инкриминируемое ему деяние это лицо не было подвергнуто административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное данной статьей» [9]. Исходя из этого, получается, что и объективную сторону составов преступлений с административной преюдицией образует лишь одно деяние, аналогичное тому или тем, за которое или ко-

торые лицо ранее уже подвергалось мерам административно-правового воздействия.

Данная позиция представляется небезосновательной, в связи с чем целесообразно отметить следующее.

Во-первых, не оспаривая право законодателя вводить уголовную ответственность за те или иные правонарушения, следует признать важность соблюдения при этом определенных правил установления уголовно-правового запрета. В специализированной литературе научным основам криминализации деяний в разное время уделялось достаточно внимания, и, несмотря на отсутствие унифицированной формулы, многие исследователи сходятся во мнении о том, что при решении вопроса о криминализации того или иного правонарушения необходимо учитывать общественную опасность деяния, его распространенность, возможность борьбы с ним иными, менее репрессивными мерами, а также степень готовности общества к установлению уголовно-правового запрета [10, с. 204-213; 11, с. 68-70; 12, с. 105]. Если рассматривать административную преюдицию в качестве кримиобразующего признака, то логически возникает вопрос: чем обусловлена повышенная общественная опасность совершенного правонарушения, можно ли считать его достаточно распространенным, а борьбу с ним менее репрессивными методами неэффективной?

Полагаем, далеко не каждое правонарушение, даже при его совершении во второй, третий, четвертый раз, способно стать преступлением. Так, например, к пешеходу, несколько раз допустившему переход улицы на запрещающий сигнал светофора или в местах, где не имеется линий или указателей перехода, и подвергнутому административному взысканию, вряд ли стоит применять уголовно-правовые меры воздействия при совершении вновь аналогичного правонарушения. В большинстве таких случаев вред причиняется лишь отношениям, в рамках которых обеспечивается дорожное движение. В то же время, например, при совершении побоев, мелкого хищения, при возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства объектом посягательства являются такие провозглашенные Конституцией РФ ценности, как здоровье человека, собственность, честь и достоинство личности; правонарушение, состоящее в неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, сопряжено с нарушением конституционных обязанностей. Действительно, следует констатировать тот факт, что преимущественное большинство преюдициальных преступлений представляют собой нарушения, посягающие на те или иные конституционные ценности. Исходя из этого, можно сказать, что по характеру общественной опасности эти деяния можно рас-

смагивать как пограничные между административным правонарушением и преступлением. При их совершении в первый раз законодатель посчитал целесообразным применение к виновному лицу мер административно-правового воздействия; за повторное же их совершение, свидетельствующее о нежелании лица становиться на путь исправления, установлена уголовная ответственность.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК под угрозой наказания. Логично предположить, что это деяние ложится в основу уголовной ответственности, ибо уголовная ответственность наступает за совершение преступления. В ст. 8 УК РФ закреплено, что основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Сопоставив приведенные законодательные положения, получается, что общественно опасное деяние, запрещенное УК под угрозой наказания – это деяние, которое содержит все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Очевидно, что и в ст. 8 и в ст. 14 УК РФ деяние понимается в широком смысле как уголовно-правовая категория, характеризующаяся определенным соединением объективных и субъективных признаков.

Исходя из изложенного нельзя не согласиться с тезисом Н.А. Лопашенко о том, что в основу преступления ложится деяние; именно оно обладает признаком общественной опасности. Однако при этом она разделяет общественную опасность деяния и общественную опасность лица, его совершающего, утверждая, что некоторые признаки субъекта могут влиять на степень общественной опасности деяния, однако не могут превращать повторное правонарушение в качественно иное явление – преступление [6, с. 69]. С данной позицией сложно согласиться, поскольку исследователь фактически отождествляет деяние, лежащее в основе преступления, с деянием как признаком объективной стороны.

Не подвергая сомнению тот факт, что именно общественно опасное деяние лежит в основе преступления, полагаем, что это деяние в одинаковой степени образуют все элементы состава преступления, признаки каждого из которых могут обуславливать его общественную опасность. Такой подход нашел свое отражение в п. 4.1 Постановления КС РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П, в котором отмечается, что «криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, –

такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления»[9].

Все составы преступлений с административной преюдицией характеризуются наличием специального субъекта – это лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное или однородное правонарушение. Полагаем, именно по этому признаку преступление отграничивается от административного правонарушения. Совершая новое аналогичное деяние во второй (третий) раз в период, когда правовые последствия первого правонарушения еще не исчерпаны, лицо не только продолжает игнорировать установленные правовые запреты, но и демонстрирует своего рода пренебрежение к уже вынесенному в отношении него решению о наложении административного наказания. Именно эти субъективные признаки придают совершаемому правонарушению новое качество, требующее более жесткой реакции государства.

Подход, в соответствии с которым именно признаки субъекта могут обустраивать повышенную степень общественной опасности совершенного деяния, не является новеллой в уголовном праве. Так, именно на нем зиждется установление более суровой ответственности при рецидиве, совершении преступления в соучастии. Почему же признаки субъекта могут лежать в основе дифференциации составов преступлений по степени общественной опасности, но не могут приниматься во внимание при разграничении преступлений и административных правонарушений?

В-третьих, обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, как известно, является вина, которая выражает внутренне отношение лица к совершаемому действию (бездействию) и его возможным последствиям и проявляется в умысле или неосторожности. Если предположить, что объективную сторону состава преступления с административной преюдицией образуют несколько аналогичных или однородных правонарушений, следовательно, все они должны охватываться единой виной, ибо речь идет об одном единичном преступлении. Однако, если лицо в связи с определенным стечением обстоятельств вновь «принимает решение» совершить правонарушение, аналогичное тому, за которое оно еще считается административно наказанным, между ними, безусловно, невозможно установить связь, выражающуюся в общей вине.

Все вышеизложенное дает основание сделать вывод о том, деяние как признак объективной стороны состава преступления с административной преюдицией образует лишь одно – повторное нарушение. Хотя формально такое действие или бездействие является аналогичным действию или бездействию, характеризующему административное правонарушение, однако, при-

нимая внимание важность объекта посягательства, определенные признаки субъекта как лица, к которому уже применялись меры административного воздействия за такое же нарушение, а также небольшой разрыв во времени между предыдущим и новым нарушением, можно говорить о повышенной общественной опасности последнего, чем, должно быть, и обусловлена необходимость его криминализации. Тезис о том, что в таком случае основанием уголовной ответственности становится не общественно опасное деяние, а общественно опасное состояние лица, представляется не совсем обоснованным, поскольку речь идет не о потенциальной возможности совершения лицом общественно опасных деяний как основании уголовной ответственности, а о конкретных актах сознательного повторного нарушения правовых норм.

Литература

Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления / В.В. Хилюта // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 17 Материальное право. – С. 117-136.

Пудовочкин Е.Ю. Преступление с административной преюдицией: проблемы отграничения множественности преступлений от сложного единичного деяния // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 4(66). – С. 36-48.

Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). – Казань : Изд-во Казан ун-та, 1974. – 307 с.

Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – Минск, 1985. – 25 с.

Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2011. – № 2(10). – С.39-52.

Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 64-71.

Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Богданов. – М., 2019. – 25 с.

Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 27 с.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.>

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения – 23 марта 2023 г.)

Основания уголовно-правового запрета / [отв. ред. В. Н. Кудрявцев]. – М. : Издательство «НАУКА», 1982. – 303 с.

Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости / П. С. Дагель // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67–74.

Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний / П. А. Фефелов // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101-105.

Starovoitova Yulia Gennadievna
PhD in Law, Associate Professor
State and Law Disciplines Department,
Institute of Law
Vladimir Dahl Lugansk State University
e-mail: y.g.starovoitova@mail.ru

ON PECULIARITIES OF AN ACTIVITY AS A FEATURE OF THE OBJECTIVE SIDE OF CORPUS DELICTI OF WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

The article is concerned with a scope of an activity that characterizes the objective side of corpus delicti with administrative prejudice. It has been found out that there are two main approaches to the problem in question. The first one suggests that the objective side is constituted by several identical or similar violations for the first of which an individual has been subjected to administrative punishment. In alignment with the second approach the objective side of the prejudicial crime corpus delicti involves only one violation – the second or third one. It is argued that several similar violations for the first of which an individual has been subjected to administrative liability cannot constitute altogether the activity that is considered the grounds for criminal liability. Firstly, it violates the principle non bis in idem. Secondly, these violations are not connected by common culpability. Certain arguments in favour of the second approach are given. It is proved that the objective side of the corpus delicti with administrative prejudice involves only one repeated violation. Social danger of the whole activity that establish grounds for criminal liability is stipulated by the value of targeted objects of violations, features of a crime subject, and time of crime commission.

Keywords: crime, administrative offence, administrative prejudice, objective side, activity, social danger, individual subjected to administrative punishment..

Literature

Khilyuta V.V. Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya / V.V. Khilyuta // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. – 2021. – T. 5. – № 17 Material'noye pravo. – S. 117-136.

Pudovochkin Ye.Yu. Prestupleniye s administrativnoy preyuditsiyey: problemy otgraniicheniya mnozhestvennosti prestupleniy ot slozhnogo yedinichnogo deyaniya // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2018. – № 4(66). – S. 36-48.

Malkov V.P. Sovokupnost' prestupleniy (voprosy kvalifikatsii i naznacheniya). – Kazan: Publishing House Kazan un-ta, 1974. – 307 s.

Gruntov I.O. Ugolovno-pravovye normy s administrativnoy preyuditsiyey ^ avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk. – Minsk, 1985. – 25 s.

Bezverkhov A.G. Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». – 2011. – № 2(10). – S.39-52.

Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave - net! // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2011. – № 3. – S. 64-71.

Bogdanov A.V. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave Rossii : avtoref. dys. ... kand. yuryd. nauk / A.V. Bohdanov. – M., 2019. – 25 s.

Ergasheva Z.E. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2019. – 27 s.

Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10 fevralya 2017 g. № 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti st. 212.1 Ugolvnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina I.I. Dadina» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (data obrashcheniya - 23 marta 2023 g.)

Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta / [otv. red. V.N. Kudryavtsev]. – M. : Izdatel'stvo «NAUKA», 1982. – 303 s.

Dagel' P.S. Usloviya ustanovleniya ugovnoy nakazuyemosti / P.S. Dagel' // Pravovedeniye. – 1975. – № 4. – S. 67–74.

Fefelov P.A. Kriterii ustanovleniya ugovnoy nakazuyemosti deyaniy / P.A. Fefelov // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1970. – № 11. –S. 101-105.

Стрекалов Андрей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru

Цветков Александр Георгиевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: aleksandrg54@mail.ru

ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС И ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Рассмотрены заведомо ложный донос и лжесвидетельство в современном уголовном праве. Определено, что заведомо ложный донос и лжесвидетельство, к какой бы классификации они ни относились, занимают если не центральное (хотя и недалеко от этого), то, безусловно, далеко не последнее место в системе преступлений против правосудия. Сделан вывод о том, что критерий непосредственного объекта преступления дает возможность уяснить, на что именно направлены заведомо ложный донос и лжесвидетельство.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступление, заведомо ложный донос, лжесвидетельство, преступления против правосудия.

Общественная опасность деяний, предусмотренных статьями уголовного кодекса 306 (Заведомо ложный донос) и 307 (Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод) [1], состоит не только в том, что они посягают на нормальную деятельность органов правосудия, препятствуя установлению истины по делу, защите и восстановлению нарушенных прав пострадавшей стороны, но и в том, что заведомо ложный донос и лжесвидетельство при определенных обстоятельствах могут повлечь за собой крайне негативные последствия в виде осуждения невиновного лица, необоснованных имущественных и финансовых потерь граждан и организаций, которые, в свою очередь, могут привести к возникновению

кризисных явлений как в экономике страны так и общественном бытии социума в целом.

В юридической литературе уделяется значительное внимание исследованию уголовно-правовых проблем, касающихся как преступлений против правосудия в целом, так и преступлений, посягающих на порядок получения доказательств. В этой связи хотелось бы отметить работы И. С. Власова, А. В. Галаховой, А. С. Горелика, А. Т. Гужина, И. В. Дворянскова, Л. В. Иногамовой-Хегай, А. П. Кузнецова, Ю. И. Кулешова, Л. В. Лобановой, Г. П. Лозовицкой, Н. А. Носковой, Ш. С. Рашковской, А. Б. и др.

Для лучшего уяснения сути и особенностей преступных деяний, предусмотренных ст. 306 и 307 УК, необходимо определить их место в системе преступлений против правосудия.

Глава 32 уголовного кодекса «Преступления против правосудия» содержит двадцать пять статей (ст. ст. 294 - 316), которые охватывают достаточно широкий круг противоправных деяний в рассматриваемой сфере. Попытки классифицировать названные выше посягательства неоднократно предпринимались со второй половины XX в. и продолжаются до настоящего времени, что свидетельствует о том, что актуальность данной проблемы не утрачена.

В специальной литературе существуют различные варианты построения системы преступлений против правосудия. Многообразие классификаций определяется двумя подходами, берущими начало с УК РСФСР 1960 года. В рамках первого подхода за основу классификации берется субъект преступления, в рамках второго - непосредственный объект. Исторически первой была классификация по субъекту преступления, многообразие вариантов которой мы рассмотрим далее.

Так, Кульберг Я. М. разделяет преступления против правосудия на две группы:

- преступления, совершаемые только должностными лицами (посягательства «изнутри»);
- преступления, совершаемые отдельными гражданами (посягательства «извне») [2].

Черных И. М. выделяет три группы посягательств:

- преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами суда и органов предварительного расследования;
- преступления против правосудия, совершаемые лицами, призванными законом способствовать осуществлению правосудия;
- преступления против правосудия, совершаемые прочими лицами [3].

Рашковская Ш. С. делит преступления против правосудия на две группы:

1) преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами – работниками органов дознания, следователями, прокурорами, судьями;

2) преступления против правосудия, совершаемые иными лицами. Следует отметить, что вторая группа делится ею на три подгруппы:

- преступления, противодействующие расследованию, разбирательству и разрешению судом уголовных дел;

- преступления, противодействующие исполнению судебного приговора;

- преступления, противодействующие правильной деятельности органов правосудия путем укрывательства преступлений и недонесения о них [4].

Глистин В. К., также кладя в основу классификации признак субъекта преступления, выделяет три группы посягательств против правосудия:

а) преступления, совершаемые должностными лицами органов дознания, следствия, прокуратуры или суда;

б) преступления, совершаемые частными лицами, привлекаемыми к отправлению правосудия (к примеру, заведомо ложные показания, заведомо ложный донос);

в) преступления, представляющие собой уклонение от отбывания наказания (например, побег из места заключения или из-под стражи) [5].

Еще один вариант классификации сформулирован Сахаровым А. Б. и Носковой Н. А., которые подразделяют анализируемые нами деяния на следующие группы:

- преступления, совершаемые работниками правоохранительных органов;

- преступления, совершаемые гражданами;

- преступления, совершаемые лицами, отбывающими наказание [6].

Сходным образом преступления против правосудия классифицировал Здравомыслов Б. В., разбив их на три группы посягательств:

1) преступления, которые совершают должностные лица – работники органов правосудия;

2) преступления, совершаемые лицами, в отношении которых применены меры правового принуждения;

3) преступления, совершаемые иными лицами, нарушающими общегражданские обязанности оказывать содействие правосудию [7].

Гаранина М. А. предлагает классификацию, включающую четыре группы деяний:

- преступления против правосудия, совершаемые участниками процесса;

- преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами;

- преступления против правосудия, совершаемые лицами, находящимися в предварительном заключении или отбывающими наказание;

- преступления против правосудия, совершаемые иными лицами [8].

Кондрашева Т. В., Козаченко И. Я., Незнамова З. А. и Новоселов Г. П. подразделяют преступления против правосудия на три группы:

- преступления, совершаемые должностными лицами и работниками правоохранительных органов, органов правосудия;
- преступления, совершаемые частными и должностными лицами, привлекаемыми к отправлению правосудия или связанными с отправлением правосудия;
- преступления, совершаемые лицами, в отношении которых правосудие осуществилось, либо лицами, обязанными исполнять судебный акт [9].

Красиков А. Н. распределяет рассматриваемые деяния на две основных группы:

- преступления, совершаемые должностными лицами органов суда, следствия, дознания и прокуратуры;
- преступления, совершаемые другими лицами (все остальные преступления против правосудия).

При этом преступления второй группы, в свою очередь, разделяются на три подгруппы:

- а) преступления, совершаемые лицами, призванными в силу закона к выполнению обязанностей, содействующих осуществлению правосудия;
- б) преступления, совершаемые осужденными или лицами, находящимися под стражей, а также иными лицами в интересах указанных лиц;
- в) преступления, совершаемые иными лицами против работников органов правосудия [10].

Достоинство приведенных классификаций состоит в том, что они способствуют лучшему пониманию субъекта преступления, позволяют выявить и изучить его особенности, учитывая, что субъект многих преступлений против правосудия является специальным, в том числе деяния, предусмотренного статьей 307 УК.

Вместе с тем использование в качестве критерия классификации субъекта преступления не позволяет в полной мере добиться четкого разграничения преступлений против правосудия, учитывая особенности структуры Особенной части действующего уголовного закона.

В немалой степени по этой причине возник второй подход, связанный с учетом непосредственного объекта преступления как основания классификации посягательств против правосудия, который стал преобладающим с принятием УК РФ 1996 года.

Упомянутому обстоятельству также способствовало построение Особенной части на основе объекта преступления. Однако и до этого учеными предлагались подобные классификации.

Так, Власовым И. С. и Тяжковой И. М. рассматриваемые деяния сгруппированы следующим образом:

- преступления, препятствующие использованию работниками суда и правоохранительных органов их прав для осуществления задач правосудия, а не вопреки им;

- преступления, препятствующие поступлению в распоряжение правосудия доброкачественных доказательств и правдивых сведений от граждан;

- преступления, нарушающие беспрепятственное получение правосудием сведений о преступлении и обстоятельствах его совершения;

- преступления, препятствующие осуществлению государственного принуждения в соответствии с судебным решением или решением прокурора [11].

Вместе с тем при анализе отдельных составов преступлений против правосудия авторы использовали классификацию по субъекту преступления, предложенную Тяжковой И. М. ранее, что, вне всякого сомнения, нарушает единство основания классификации [12].

Малков В. П. подразделяет преступления против правосудия на четыре группы:

1) преступления, посягающие на самостоятельность судебной власти, ее авторитет и безопасную деятельность судей и иных лиц, действующих осуществлению правосудия;

2) преступления, совершаемые судьями и иными должностными лицами органов предварительного расследования и сторонами по гражданскому (арбитражному) делу;

3) преступления, посягающие на установленный Конституцией РФ и процессуальным законом порядок получения, использования и сохранения доказательственной информации;

4) преступления, посягающие на установленный законом порядок исполнения вступивших в законную силу приговоров, решений судов и иных судебных актов [13].

Следует отметить, что единство критерия классификации указанным автором также соблюдено не было, поскольку вторая группа выделена им по признаку субъекта преступления, в то время как остальные – по признаку непосредственного объекта.

Своего рода компромиссным вариантом является классификация Иванова В. Д., который, разделяя в целом позицию Малкова В. П., предлагает классифицировать преступления против правосудия как в зависимости от объекта преступного деяния, так и от особенностей субъекта преступления:

- преступления, совершаемые должностными лицами органов дознания, следствия, прокуратуры и суда;
- преступления, совершаемые лицами, являющимися участниками предварительного расследования и судебного следствия, то есть привлекаемыми к осуществлению правосудия;
- преступления, совершаемые лицами, призванными по закону содействовать осуществлению правосудия;
- преступления, противодействующие осуществлению правосудия;
- иные преступления, посягающие на отправление правосудия;
- преступления, совершаемые арестованными, задержанными и осужденными) [14].

Представляется необходимым отметить своеобразную классификацию Иногамовой-Хегай Л. В., которая подразделяет все рассматриваемые преступления на четыре группы.

К первой группе относятся деяния, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом.

Во вторую группу входят преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов прокуратуры и предварительного расследования по осуществлению функции уголовного преследования.

Третья группа включает посягательства на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов по исполнению судебного акта.

Четвертая группа объединяет посягательства на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность всех органов по осуществлению правосудия (общие преступления против правосудия); либо органов суда по осуществлению правосудия, а также органов прокуратуры, предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования; либо органов прокуратуры, предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования, а также органов, исполняющих судебные акты [15].

Указанная классификация взята за основу Агузаровым Т. К., который сгруппировал преступления против правосудия следующим образом:

Первая группа – преступления, посягающие на общественные отношения по реализации конституционных принципов отправления правосудия.

Вторая группа – общие преступления против правосудия, то есть преступления, способные посягать как на общественные отношения по поводу отправления правосудия, так и на отношения по поводу деятельности правоохранительных органов, призванной содействовать правосудию.

Третья группа – преступления, посягающие на общественные отношения по нормальному функционированию государственных органов, содействующую

щих суду в отправлении правосудия, – прокуратуры, дознания и предварительного следствия.

Четвертая группа – преступления, посягающие на отношения по реализации судебного акта [16].

Кузнецов А. П. предлагает классифицировать преступления против правосудия по объекту посягательства, выделяя три группы деяний:

- преступления, посягающие на авторитет судебной власти;
- преступления, посягающие на деятельность по осуществлению задач правосудия;
- преступления, посягающие на установленный порядок судопроизводства [17].

Голоднюк М. Н. группирует анализируемые посягательства так:

- преступления, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих правосудие;
- преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия;
- преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами – судьей, прокурором, лицом, производящим дознание или предварительное следствие;
- преступления, препятствующие исполнению наказания или возмещению вреда, причиненного преступлением [18].

Кулешов Ю. И., основываясь на признаке непосредственного объекта, разделяет преступления против правосудия на три группы:

- 1) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие выполнение задач и целей правосудия;
- 2) преступления, посягающие на общественные отношения, гарантирующие исполнение вынесенных процессуальных решений;
- 3) преступления, посягающие на общественные отношения, охраняющие безопасность, а также честь и достоинство участников процесса либо их близких [19].

Наиболее удачной, на нашему мнению, представляется классификация преступлений против правосудия, предложенная Агузаровым Т. К., который в качестве основы использовал классификацию Иногамовой-Хегай Л. В. и отнес статьи 306 и 307 УК к группе общих преступлений против правосудия, то есть преступлений, способных посягать как на общественные отношения по поводу отправления правосудия, так и на отношения по поводу деятельности правоохранительных органов, призванной содействовать правосудию.

Следует отметить, что во многих приведенных классификациях преступлений против правосудия в зависимости от непосредственного объекта посягательства также не выдерживается единство основания классификации, что, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к рассматриваемому вопросу.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Классификация рассматриваемых деяний в зависимости от субъекта преступления имеет важное теоретическое и практическое значение. Она помогает сориентироваться, от кого именно защищено правосудие посредством уголовно-правовых ограничений, а также правильно определить лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности по соответствующей статье уголовного закона.

2. Заведомо ложный донос и лжесвидетельство, к какой бы классификации они ни относились, занимают если не центральное (хотя и недалеко от этого), то, безусловно, далеко не последнее место в системе преступлений против правосудия.

Так, критерий субъекта преступления позволяет отнести исследуемые деяния к исключительно важной для судопроизводства группе посягательств, совершаемых преимущественно лицами, выступающими в качестве источника получения доказательств по делу, либо содействующими последним: потерпевшими, свидетелями, экспертами, специалистами, переводчиками; в ряде случаев – подозреваемыми и обвиняемыми.

3. Критерий непосредственного объекта преступления дает возможность уяснить, на что именно направлены рассматриваемые преступные посягательства и что подлежит уголовно-правовой охране. В этом качестве выступает порядок формирования достоверных доказательств, поступающих в распоряжение органов предварительного расследования и суда, что обеспечивает нормальную деятельность органов правосудия.

Вместе с тем представляется неверным относить заведомо ложный донос и лжесвидетельство к различным классификационным группам, основываясь только на признаке объекта посягательства, поскольку, как следует из вышеизложенного, в их природе больше сходства, чем различия.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 30.12.2021, № 499-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. Кульберг Я. М. Преступления против правосудия. /Я. М. Кульберг. - М.: Юридическая литература, 1982. - 201 с.

3. Черных И. М. Преступления против социалистического правосудия: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 /И. М. Черных. - М., 2002. - 19 с.
4. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. /Ш. С. Рашковская. – М.: Изд-во ВЮЗИ. - 1988. - 124 с.
5. Глистин В. Н. Конкуренция уголовно-правовых норм. Учебное пособие. /В. Н. Глистин. - Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета, 2008. - 186 с.
6. Сахаров А., Носкова Н. Преступления против правосудия /А. Сахаров, Н. Носкова // Социалистическая законность. - 1987. - № 11. - С. 46.
7. Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. Б. В. Здравомыслова. - М.: Юридическая литература, 1993. - 453 с.
8. Гаранина М. А. Системы преступлений против правосудия (формирование и развитие). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. /М. А. Гаранина. - М., 2015. - 23 с.
9. Уголовное право. Особенная часть. / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой и Г. П. Новоселова. – М.: НОРМА - ИНФРА-М, 2008. - 768 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. / Под ред. Б.Т. Разгильдиева и А.Н. Красикова. – Саратов: СНУ, 2009. - 495 с.
11. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. / И. С. Власов, И. М. Тяжкова. –М.: ТМ., 1988. - 253 с.
12. Уголовное право России. Т. 2. Особенная часть. / Под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. - М.: Норма, 2008. - 680 с.
13. Малков В. П. Уголовно-правовая оценка заведомо ложного доноса обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. - 2008. - № 1 (5). - С. 76 - 78.
14. Иванов В. Д. Уголовное право. Особенная часть. /В. Д. Иванов. - Ростов н/Д: Феникс, 2012. - 488 с.
15. Уголовное право Российской Федерации. В двух томах. - Т. 2. Особенная часть. / Под ред. Иногамовой-Хегай Л.В. - М.: Инфра М, 2012. - 432 с.
16. Агузаров Т. К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей: Монография. /Т. К. Агузаров -М.: ТК Велби, 2014. -276 с.
17. Кузнецов А. П. Преступления против правосудия: Учебное пособие. – Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) РУК, 2019. -461 с.
18. Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия /М. Голоднюк // Уголовное право. - М., 2010. - № 2. - С. 14 - 16.
19. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации. Учебное пособие. / Ю. И. Кулешов. - Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2017. - 247 с.

Strekalov Andrey Evgenievich,
*candidate of juridical sciences, associate professor,
associate professor of state and
law disciplines department, Law Institute
GOU VO LPR «Lugansk State Vladimir Dahl University»
e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru*

Tsvetkov Alexander Georgievich,
*candidate of juridical sciences, associate professor,
associate professor of state and law
disciplines department, Law Institute
GOU VO LPR «Lugansk State Vladimir Dahl University»
e-mail: aleksandrg54@mail.ru*

KNOWINGLY FALSE REPORT AND PERJURY IN THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST JUSTICE

Considered deliberately false denunciation and perjury in modern criminal law. It is determined that deliberately false denunciation and perjury, no matter what classification they belong to, occupy if not the central (although not far from it), then certainly not the last place in the system of crimes against justice. It is concluded that the criterion of the direct object of the crime makes it possible to clarify what exactly the deliberately false denunciation and perjury are aimed at.

Keywords: criminal law, crime, deliberately false denunciation, perjury, crimes against justice.

Literature

1. 1. Uголовnеe kоdеkѕ ot 13.06.1996 № 63-Ф3 (s izm. ot 30.12.2021, № 499-Ф3) [Tekst] // SZ RF. - 1996. - № 25, ст. 2954.

2. Kulyberg Ya. M. Prestupl'naya protiv pravosudiya. / Ya. M. Kulyberg. M.: Uridicheskaya literatura, 1982. - 201 s.

3. Chernеe I. M. Prestupl'naya protiv socialisticheskogo pravosudiya: Avtoref. diss. ...kand. urid. nauk: 12.00.08 / I. M. Chernеe.- M., 2002. - 19 s.

4. Rashkovskaya Sh. S. Prestupl'naya protiv pravosudiya. / Sh. S. Rashkovskaya.- M.: Izd-vo VUZI. - 1988. - 124 с.

5. Glistin V. N. Konkurenciya ugovovno – pravoveeh norm. Uchebnoe posobie. / V. N. Glistin.- Krasnoyarsk: Izd- Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. - 186 s.

6. Saharov A., Noskova N. Prestupl'naya protiv pravosudiya. /A. Saharov, N. Noskova // Socialisticheskaya zakonnosty. - 1987. - № 11. - S. 46.

7. Uголовное parvo Rossii. Osobennaya chasty. /Pod red. B. V. Zdravomeeslova.- M.: Uridicheskaya literatura, 1993. - 453 s.
8. Garanina M. A. Sisteme prestupleniy protiv pravosudiya (formirovanie i razvitie). Avtoref. diss. ... kand. urid. Nauk. / M. A. Garanina. - M., 2015. - 23 s.
9. Uголовное parvo Rossii. Osobennaya chasty. /Pod red. I. Ya. Kozachenko, Z. A. Ntznamovoy I G. P. Novoselova. - M.; NORMA. - INFRA-M, 2008. - 768 s.
10. Uголовное parvo Rossiyskoy Federacii. Osobennaya chasty. /Pod red. B. T. Razgilydieva i A. N. Krasikova. - Saratov: SNU, 2009. - 495 s.
11. Vlasov I. S., Tyazkova I. M. Otvetstvennosty za prestupleniya protiv pravosudiya. /I. S. Vlasov, I. M. Tyazkova. - M.: TM., 1988. - 253 s.
12. Uголовное parvo Rossii. T. 2. Osobennaya chasty. / Pod. Red. A. N. Ignatova I U. A. Krasikova. - M.: Norma, 2008. - 680 s.
13. Malkov V. P. Uголовно – pravovaya ocenka zavedomo loznogo donosa obvinyaemogo //Trudee Akademii upravleniya MVD Rossii. - 2008. - № 1 (5). - S. 76 - 78.
14. Ivanov V. D. Uголовное parvo. Osobennaya chasty. /V. D. Ivanov. – Rostov n/D: Feniks, 2012. - 488 s.
15. Uголовное parvo Rossiyskoy Federacii. V dvuh tomah. – T. 2. Osobennaya chasty. / Pod red. Inogamovoy-Hegay L. V. – M.: Infra M, 2012. - 432 s.
16. Aguzarov T. K. Prestupnue posyagatelystva na nezavisimosty i neprekosovennosty sudey: Monografiya. /T. K. Aguzarov. – M.: TK Velbi, 2014. - 276 s.
17. Kuznecov A. P. Prestupltniya protiv pravosudiya: Uchebnoe posobie. - Cheboksaree: Cheboksarskiy kooperativneey institute (filial) RUK, 2019. - 461 s.
18. Golodnuk M. Istoriya razvitiya rossiyskogo zakonodatelystva o prestupleniyay protiv pravosudiya. / M. Golodnuk. // Uголовное parvo. – M., o преступлених против правосудия /М. Голоднюк // Уголовное право. - M., 2010. - № 2. - S. 14 - 16.
19. Kuleshov U. I. Prestupleniya protiv pravosudiya: ponyatie, sistema, uridicheskii analiz I problemee kvalifikacii. Uchebnoe posobie. / U. I. Kuleshov. - Habarovsk: RIC HGAEP, 2017. - 247 s.

Ткаченко Владимир Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
и права социального обеспечения

Юридического института,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: volodya.tkachenko2017@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению исторических условий становления и развития административно-процессуальных отношений в Российской империи. На основе анализа законодательства различных эпох рассмотрено значение процессуальных норм вообще и административно-процессуальных норм в частности для развития административного права как основополагающей отрасли публичного права.

Ключевые слова: отрасль права, юридический процесс, административно-процессуальное право, административно-процессуальные отношения, административно-процессуальные нормы, административный процесс.

В основу эволюции человечества положен процесс реализации системы общественных потребностей и интересов. Чем полнее и раньше они воплощаются в жизнь, тем более совершенных характеристик достигает общая оценка развития того или иного общественно-политического образования под названием «государство». Одним из главных правовых регуляторов указанных процессов является административное право - основополагающая отрасль публичного права [1,5].

Административное право и его институты стремительно восстанавливаются и развиваются, происходит их отграничение на уровень отдельных правовых отраслей. Именно в таком состоянии сегодня находится и отечественное административно-процессуальное право.

Решению указанной проблемы посвятили исследования И. Е. Андриевский, А. Ф. Андрияш, Д. М. Бахрах, К. С. Бельский, И. П. Корф, А. Е. Лунев, И. В. Михайловский, М. М. Розин, В. А. Рязановский, А. А. Селиванов, В. Д. Сорокин, Ю. М. Стариков, И. Т. Тарасов, Ю. А. Тихомиров, А. Ф. Фрицкий, Н. Ю. Хаманева и др.

Ознакомление с трудами ученых, дает основания утверждать, что несмотря на значительные достижения внесенные ними в развитие административно-процессуального права, вне поля их зрения, в определенной мере, остался вопрос относительно причин его возникновения и развития на разных этапах существования общества.

Однако, пренебрежение правопреемством часто приводит к потере правовой стабильности, столь необходимой обществу, государству и гражданину. Поэтому задачей данной статьи является изучение исторических условий становления и развития административно-процессуальных отношений в Российской империи.

Отечественное административно-процессуальное право, как производное административного права, прошло несколько этапов становления и функционирования. В его историческом багаже содержится опыт как минимум двух правовых систем - царской России и СССР. Как таковое оно имеет более чем двухвековую традицию.

Однако, как подчеркивал М. Д. Сергиевский, научное исследование не может ограничиваться только отечественным правом. В качестве необходимого материала должно привлекаться и право других государств, поскольку цивилизованным народам не суждена замкнутая жизнь, а потому нельзя игнорировать международное влияние, которое проникает во все сферы [1, 2-3] общественного бытия.

Проблема управления публичными делами возникла на ранних этапах развития цивилизации. Так, например, еще в Древнем Риме, Греции и Египте значительное внимание уделяли поддержанию общественного порядка и обеспечению лояльности граждан, благоустройству и содержанию войска, постройки дорог, каналов и т.п. [2, 9]. Эти факты убеждают, что нормы публичного права начали формироваться еще со времен Древнего Рима.

Однако, известный древнеримский юрист Ульпиан в титуле первом «О правосудии и праве» (*De iustitia iure*) книги первой «Дигесты или Пандекты» писал: «изучение права делится на две части: публичное и частное (право)». Главным критерием такого деления права он избрал понятие интереса. «Публичное право, - отмечал Ульпиан, - которое (касается) положения Римского государства, частное, которое (касается) пользы отдельных лиц; существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении» [3, 157].

История Римского процессуального права делится на три периода: в Древнем (архаическом) «Царском праве» (753 – 367 г. г. до н. э.) существовал легисакционный процесс, в классическом праве (27 г. до н. э. – 235 г. н. э.) был введен формулярный процесс, а постклассическом праве (IV-V вв. н. э.) стал функционировать экстраординарный процесс [4, 36; 5, 19].

Целесообразно согласиться с мнением историков о том, что указанные выше даты весьма условны. В жизни римское право постепенно переходило из одного состояния в другое и в одних своих частях оно развивалось скорее, а в других медленнее.

Легисакционный и формулярный процессы состояли из двух стадий: производство *in iure* и производство *apud iudicem*. Производство *in iure* имело целью установление правильного способа совершения процессуальных действий и наличия и соблюдения иных предусмотренных правом требований. Производство *apud iudicem* заключалось в проверке судьей или арбитром, который рассматривал дело, фактических показаний сторон, а также принятии решения.

Почти все легисакции были введены одним из правовых памятников Древнего мира - Законом XII таблиц - *LEGES DUODECSM TABULARUM*-одним из самых ранних источников римского права, который датируется по обычаю 451-450 годом до н. э. [6, 10; 5, 20].

Основополагающими принципами экстраординарного процесса были: ориентация на удовлетворение публичных, то есть государственных и общественных интересов; одностороннее волеизъявление субъектов публичных правоотношений; единый принцип осуществления всех процессуальных действий; иерархичность ступеней процесса; регулирование отношений императивными нормами; тайна судебного производства. Итак, предметом публичного права были интересы государства в целом [7, 157]. А их охрана осуществлялась с помощью процессуальных норм.

Как свидетельствует Е. О. Харитонов, в Древнем Риме публичное право включало в себя нормы, относительно осуществления административного и уголовного процесса. Например, с помощью административно-процессуальных норм, осуществлялось регулирование процесса применения магистратом административных взысканий. В соответствии с публичным законом «О границах административного штрафа» (*Iex Aternia Tarpeja*), штраф, как административное взыскание, налагался на лиц, оказавших сопротивление распоряжению магистрата или препятствовавших ему при исполнении обязанностей или презиравших его лично [7, 162].

Таким образом, уже в древнем римском праве можно вести речь о становлении процессуального права в собственном смысле – совокупности правовых норм, которые регулируют порядок разрешения споров. И уже здесь можно проследить важную закономерность. Чем больше развито материальное право, тем подробнее в законодательстве вырисовывается деятельность, связанная с осуществлением правосудия [6, 9-10]. Однако, как убедительно отмечал профессор А. Х. Гольмстен, римские юристы не знали специальной

науки юридического процесса, а слово *processes* никогда не употреблялось римлянами в том значении, которое оно имеет в современном праве [8, 123].

Мастерски разработанное в деталях римское право явилось синтезом всего юридического творчества античного мира, а затем легло в качестве фундамента правового развития новых народов [9, 212].

Анализ истоков административного права показывает, что родословная норм этой отрасли глубоко погружается в правовые системы Древнего Востока и античного Запада (кодекс Хаммурапи, публичное право древнего Рима). Но их количественный рост и объединение в организационную совокупность, в отрасль права совпадает с Новым и Новейшим временем, что определяется степенью развития общественных отношений.

Общественные отношения, которые составляют предмет административного права, также уходят своими корнями в далекое европейское прошлое. Процесс его развития начался более трехсот лет назад: сначала в XVIII в. под названием «наука полиции», затем в XIX в. под названием «наука полицейского права», а на рубеже XIX – XX вв. и в первое десятилетие XX в. завершилось постепенное превращение в «науку административного права». Его истоки приходятся на Францию времен Ришелье и Людовика XIV, Пруссию Фридриха II и Россию Петра I и Екатерины II [10, 15; 11, 15]. В этих государствах издаются первые кодифицированные нормативные акты: Полицейский кодекс Франции (первая половина XVIII века), Устав благочиния в России (1782 г.) и др.

Так, согласно полицейскому Уставу благочиния, у полиции был неограниченный круг полномочий. Ею осуществлялось обеспечение населенных пунктов продовольствием, забота о школах, контроль за уплатой налогов и тому подобное.

На основе полицейского законодательства появились первые научные работы, а именно французского исследователя Н. Деламара, немецких ученых Юсти и Зоннефельса, русских – И. М. Платонова, П. С. Гуляева, М. Ф. Рождественского и др. Наука о полиции объединяла систему разнообразных знаний – политических, юридических, экономических, финансовых. Так, например, в работе М. Ф. Рождественского «рассуждения о мерах правительства по сохранению жизни и здоровья народа» речь шла о проблемах качественной еды, воды, жилья и др. [11, 15-16].

Расширение и усложнение государственного управления в условиях функционирования правового государства во второй половине XIX в. поставили перед учеными-полицистами вопрос о замене науки полицейского права наукой административного права.

В этот период появилось большое количество работ в которых все больше разграничиваются государственное право, административное право, государ-

ственное управление. И в связи с установлением в большинстве государств Европы конституционных форм правления граница XIX-XX вв. становится переломным моментом становления административного права как самостоятельной отрасли.

Значительный вклад в осуществление этой реформы был сделан немецкими учеными Р. Модем, Л. Штейном и О. Майером. Так, Л. Штейн в работе «учение об управлении» (1867 г.) и О. Майер в работе «немецкое административное право» (1895 г.) убедительно доказывают, что государственное управление в XIX в. вышло за пределы полицейской деятельности, а потому полицейское право должно уступить место административному праву. Именно Отто Майер в конце XIX столетия создал завершенную систему общего административно-правового учения [12, 212].

А французский ученый Г. Бартеlemi в работе «трактат об административном праве» (1901 г.) подводя итог развития науки административного права во Франции за последние сто лет, приводит ее в систему, которая состоит из трех частей: в первой анализируются органы исполнительной власти, во второй – методы и формы их деятельности, а в третьей речь идет об административных судах и процедуре по судебным искам, то есть – об административно-процессуальной деятельности судебных инстанций. Таким образом, очевидно, что уже в начале XX в. французский ученый убедительно доказывает факт существования в деятельности государственной власти отдельного вида общественных отношений, а именно – административно-процессуальных отношений и необходимости изучения и внедрения в деятельность административных судов – административных процедур то есть административно-процессуальных норм, как первоосновы административного процесса.

Под влиянием немецкой и французской доктрин, но чуть позже, формировалась административно-правовая наука Российской Империи.

В начале XIX в. наука административного права начала формироваться как наука полицейского права. Среди выдающихся представителей, которые были создателями науки полицейского права были известные отечественные ученые А. Я. Антонович, М. М. Шпилевский, М. Х. Бунге, В. В. Ивановский, В. М. Лешков, В. Ф. Дерюжинский, Э. М. Берендтс, И. Е. Андреевский, И. Т. Тарасов, М. М. Лазаревский и др. [11, 17; 13, 58].

Однако, в конце XIX века с попыткой введения в России конституционной монархии поле общественных отношений значительно расширяется и полицейское право, как самостоятельная отрасль, было обречено на объединение с «правом управления» - понятием, введенным Л. Штейном в Германии во второй половине XIX века. Это право устанавливало принципы

управления, правовой статус таких важных структур исполнительной власти, как правительство, армия, регламентировало деятельность государственных служащих, их обязанности и права, а также ответственность в случае злоупотребления властью и нарушением прав граждан [14, 6-44] и порядок рассмотрения соответствующих жалоб.

Вскоре понятие «право управления», содержание которого не охватывало всех отношений, связанных с деятельностью исполнительной власти, было заменено на более точное и удачное понятие «административное право». Оно имело черты родового понятия и распространялось на обе основные части административно-правовой деятельности: управленческую и полицейской. Кроме этого, данное понятие охватывало еще одну важную часть административно-правовой реальности, а именно: отношения, связанные с защитой прав и свобод граждан [10, 16].

Таким образом, были очерчены контурные границы предмета новой отрасли права, который состоял из двух равновеликих групп отношений: отношений государственного управления и отношений по административно-процессуальной регламентации обеспечения прав и свобод граждан во время властно-управленческой деятельности. Такая структурная схема построения предмета административного права полнее охватывала властно-управленческие отношения, возникающие в демократическом обществе, подчеркивала значительную весомость социального назначения этой правовой отрасли в нем.

В конце XIX века началось развитие административного права как самостоятельной правовой отрасли и юридической науки в Российской Империи.

Переход к науке административного права проявлялся в отказе ученых-административистов от традиций и методологии науки полицейского права. Так, Е.М. Берендтс в работе «Опыт системы административного права» (1898 г.) значительное место уделяет методологии административно-правовой науки. Он признает ее, как строго юридическую и отвергает методологию, которая базируется на «общей политике, социологии и общих рассуждениях» [15, 11-12]. На аналогичных методологических позициях стояли И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский и А. И. Елистратов.

Значительное место в работах ученых того периода занимало учение об исполнительной власти построение которой они предлагали осуществлять по принципу разделения властей. В это время происходили процессы количественного и качественного роста связанных между собой управленческих норм, которые регулировали порядок устройства и деятельности административных органов, создания их актов, отношений гражданина с административной властью.

Первые исторические памятники о возникновении науки процессуального права в дореволюционной России датируются концом XVIII – первыми тремя четвертями XIX столетий.

Понимание процессуального права в этот период связывается с правоохранительной (включая правоустанавливающую) деятельностью судебных органов. В начале это были разработки, которые касались отдельных отраслей процессуального права. Позднее в научной литературе возникло направление, которое рассматривало процесс как научную дисциплину, построенную на единых общих началах, а другие процессы – гражданский, уголовный, административный – как подотрасли этой науки, как второстепенные разновидности одного основного вида [6, 9-10] юридического процесса.

Эта теория нашла отражение и в практической деятельности государственных органов царской России. Так, например, в учебных курсах и учебных пособиях по теории уголовного и гражданского процессов наряду с материальным правом как его составной частью включались процессуальные нормы в виде особых частей или глав в материальные кодексы. И лишь 20 ноября 1864 года Судебными уставами царской России было осуществлено распределение материальных и процессуальных законов [16, 20].

В конце XIX – начале XX в. определяются и научные мнения российских юристов относительно места процессуальных аналогов в системе правовых наук. В этой связи целесообразно отметить научные труды выдающихся ученых того времени В. А. Рязановского «единство процесса», И. В. Михайловского «судебное право, как самостоятельная юридическая наука», И. Я. Фойницкого «Курс уголовного судопроизводства», М. М. Розина «процесс, как юридическая наука», С. А. Корфа «административная юстиция в России», И. Е. Андреевского «полицейское право», И. Т. Тарасова «лекции по полицейскому праву» и др.

Так профессор М. М. Розин определяет, что в отличие от науки материального права, которое, будучи публичным или частным, изучает юридические отношения в условиях их нормального возникновения, развития и прекращения, предметом науки процессуального права является деятельность государства по разрешению споров о праве, по установлению и охране действующего права [17, 25]. Роль органа, предназначенного исключительно для разрешения споров о праве, установлении и охране права, играет суд. Он является единственным органом, на который государство обычно возлагает названные задачи, независимо от того, о каком праве идет спор [17, 26].

А при ответе на вопрос о предмете административно-процессуального регулирования ученые исходили из того, что отношения, которые складывались между людьми в сфере государственного управления (внутреннего управле-

ния), должны в обязательном порядке быть упорядочены и урегулированы с помощью правовых норм, что является необходимым фактором построения правового государства. Подобных взглядов придерживались М. М. Розин, С. А. Корф, М. М. Шпилевский и др. Так, например, М. М. Шпилевский, подчеркивал, что для защиты общества от произвола административной власти необходимо, чтобы административные распоряжения выдавались только органами, прямо уполномоченными на это законом. Более того, нужно, чтобы закон точно очерчивал предмет, порядок издания и форму административных распоряжений [18, 81-82].

Значительный вклад в развитие административно-процессуальной теории в Российской империи осуществил выдающийся ученый И. Е. Андреевский [19; 20; 21; 22; 23; 24]. Именно он одним из первых дал определение административного суда. Ученый пишет, что административный суд - это особое разбирательство, которое применяют по делам - спорам, не подпадающим под юрисдикцию обычных судов. Это дела где одной стороной является частное лицо, второй - администрация. Далее он указывает, что элементы такого суда в России появились в результате принятия судебных уставов в 1864 г. [25, 241-242].

Более остро, проблема прав в свобод человека встала после объявления царскими властями Манифеста 17 октября 1905 года. Она стала наиболее актуальной в трудах по административному праву. Значительный вклад в институт защиты прав и свобод человека внесли известные административисты того времени И. Т. Тарасов, М. М. Коркунов, А. И. Елистратов и С. А. Корф.

С.А. Корф усматривал гарантию обеспечения субъективных публичных прав граждан от посягательств на них администрации в административной юстиции - системе специальных административных судов, которые решают административно-правовые споры между гражданами (организациями) и органами исполнительной власти [26, 446-449].

И. Т. Тарасова считают первым российским ученым, который среди ученых Российской империи поднял проблему административных правонарушений, как сугубо управленческой категории, и внес в ее разработку существенный вклад [27, 49; 28, 20; 21, 2-3].

«Практика функционирования административного аппарата всех государств показывает, - писал И. Т. Тарасов, - что независимо от наличия или отсутствия явных, прямых, сознательных правонарушений и отклонений от служебного порядка, в деятельности любой администрации всегда возможны такие действия и распоряжения, которые существенно нарушая законные права и интересы граждан, не являются ни преступлениями, ни гражданской неправдой, ни погрешностями по службе». В такого рода действиях и распо-

ряжениях администрации и заключается сущность так называемой административной неправды [29, 158-159].

Для эффективного противодействия административной лжи, он считал необходимым, ввести административную юстицию и образовать систему административных судов. Функциональное назначение административных судов он видел не в наложенных взысканий и наказаний, а исключительно в кассации или прямой отмене неправомερных актов административной власти [21, 364]. Ответственность по решению административного суда И.Т. Тарасов формулирует как административную ответственность, то есть ответственность за совершение управленческого (административного) правонарушения и отграничивает ее от другой судебной ответственности [23, 205].

Понятие незаконных действий администрации, рассмотрение которых является компетенцией административных судов, дает известный административист и теоретик права досоветского периода В. М. Гессен. По его мнению такими распоряжениями является: а) принятые некомпетентным органом; б) принятые по вопросам, которые должны регулироваться законами; в) объективируемы с нарушением установленной формы [30, 38,41,53].

Существенное значение для понимания трансформации представлений о сущности отечественного административного права в механизме защиты публичного права имеют исследования А. И. Елистратова, активная творческая деятельность которого пришлась на 1911 - 1929 годы. А. И. Елистратов признавал важным само устройство проявлений власти (обособление законодательных и административных учреждений, коллегиальность, четкое определение полномочий, содействие самоуправлению, административный надзор и ревизия), принцип «закономерного повиновения» требованиям власти, жалобы на чиновников. Особое внимание уделялось административной юстиции как судебному обжалованию актов управления. Она служит для граждан публично-правовой гарантией и означает покорение правящей власти судебному контролю [31, 252-285].

В целом можно констатировать, что в Российском государстве, в конце XIX – начале XX века. (до 1917 года) сложилась устойчивая тенденция обоснование административного права как относительно самостоятельной отрасли, а взгляды ученых на содержание процессуального аналога административного права, определялись тем, что его нормы были призваны стать регулятором общественных отношений, которые возникают между административными органами и гражданами, с целью всесторонней защиты прав последних через систему административной юстиции.

Литература

1. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1896.
2. Курс административного права и процесса / Ю.А. Тихомиров - М., 1998. - 798 с.
3. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М., 1997.
4. Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. М., 1997.
5. Скрипилев Е.А. Основы римского права. Конспект лекций. - 4-изд. - М.: ОСЬ-89, 2005.- 208с.
6. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. - М.: Издательство НОРМА, 2003. - 240с.
7. Римское право (Институции). - (За общ. ред. д-ра юрид. наук, проф.. Е.О. Харитоновой). М., 2003. - 288 с.
8. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894.
9. Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996.
10. К вопросу о предмете административного права. К.С. Бельский. // Государство и право. - 1997. - № 11. - С. 14-21.
11. Административное право России: курс лекций / К.С. Бельский, [и др.]; под ред. Н.Ю. Хаманевой. - М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. - 704 с.
12. Стариков Ю.Н. Как развивалась наука административного права в европейских странах // Журнал российского права. - 1999.- № 3/4.- С. 212.
13. Агапов А.Б. Учебник административного права. - М, 1999.
14. Штейн Л. Учение об управлении и право управления. Спб., 1874.
15. Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Ярославль, 1898.
16. Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. - М.: ОАО «Издательский Дом «Городец»», 2005. - 80 с.
17. Розин Н.Н. процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции. 1910. - № 8. - С. 25.
18. Римаренко Ю.И., Усенко И.Б. Полицейское и административное право.: М., 2003.
19. Андреевский И. Полицейское право: Т. 1. Введение. Часть 1: Полиция безопасности. -2-еизд., испр. и доп. -СПб: Типография В.В. Пратца, 1874. -648с.
20. Андреевский И. Полицейское право: Т. 2. Часть 2: Полиция благосостояния. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб: Типография и Литография А. Е. Ландау, 1876. - 728 с.
21. Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права (конспект лекций): В 2 т. Т. 1: Введение и общая часть - Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1888. - 386 с.

22. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т.1: Введение. - М.: тип. Моск. ун-та, 1908. - 253 с.
23. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2: Общая часть.- М.: печатня Снегиревой, 1910. - 266 с.
24. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 3: Особенная часть. - М.: тип. Моск. ун-та, 1913. - 668 с.
25. Андреевский И. Е. Административный суд // Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. Н. И. Берзиным. В 16 т. Отд. 1. Т. 1. - СПб.: Общественная польза, 1873. - 709 с.
26. Корф С.А. Административная юстиция в России. Т. 2. СПб., 1910. Кн. 3. - 246 с.
27. Хомяков Г. А. Административный суд в Российской Федерации: Дис... д-ра юрид. наук: 12.00.14. - М., 2001.- 397 с.
28. Честнов И. Л. Институт административных правонарушений в системе права: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.02. - СПб, 1994. - 159 с.
29. Тарасов И. Т. Организация административной юстиции. // Юридический вестник - 1897. - № 9. - С. 158-159.
30. Гессен В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанные в 1901 - 1902 учебном году в Александровской военно-юридической академии. - СПб: типо-лит. М. Гинсбурга, 1902. - 354с.
31. А.И. Елистратов. Основные начала административного права. Издание второе. - М., 1917.

Tkachenko Vladimir Ivanovich
*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
International Law and Social Security
Law of the Institute of Law, State Educational
Institution of Higher Education "Vladimir Dahl
Luhansk State University"*
e-mail: volodya.tkachenko2017@yandex.ru

THE FORMATION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article is devoted to the study of the historical conditions of the formation and development of administrative-procedural relations in the Russian Empire. Based on the analysis of legislation of different eras, the importance of procedural norms in general and administrative procedural norms in particular for the development of administrative law as a fundamental branch of public law is considered.

Keywords: branch of law, juridical process, administrative processional relations, administrative processional norms, administrative processional law, administrative process.

Literature

1. Sergievsky N.D. Russian criminal law. Part general. St. Petersburg., 1896.
2. Course of administrative law and process / Yu.A. Tikhomirov - M., 1998. – 798 p.
3. Monuments of Roman law: Laws of the XII tables. Guy's institutions. Digests of Justinian. - M., 1997.
4. Salogubova E.V. Roman civil procedure. M., 1997.
5. Skripilev E.A. Fundamentals of Roman law. Lecture notes. - 4th ed. - M.: OS - 89, 2005. – 208s.
6. Lukyanova E.G. Theory of procedural law. - M.: NORMA Publishing House, 2003. - 240s.
7. Roman Law (Institutions). - (For the general ed. of Dr. Yurid. E.O. Kharitonova). M., 2003. - 288 p
8. Golmsten A.H. Legal studies and articles. St. Petersburg, 1894.
9. Khvostov V.M. System of Roman Law. M., 1996.
10. On the subject of administrative law. K.S. Belsky. // State and Law. - 1997. - No. 11. - pp. 14-21.
11. Administrative law of Russia: course of lectures / K.S. Belsky, [et al.]; edited by N.Y. Khamaneva. - M.: TK Velbi, Iz-vo Prospect, 2008. - 704 p.
12. Starilov Yu.N. How the science of administrative law developed in European countries // Journal of Russian Law. - 1999. - No. 3/4. - p.212.
13. Agapov A.B. Textbook of Administrative law. – M, 1999.
14. Stein L. The doctrine of management and the law of management. St. Petersburg, 1874.
15. Berendts E.N. Experience of the administrative law system. Yaroslavl, 1898.
16. Ryazanovsky V.A. Unity of the process: A textbook. - M.: JSC «Publishing House «Gorodets», 2005. - 80 p.
17. Rozin N.N. process as a legal science// Journal of the Ministry of Justice. 1910. - No. 8. - p. 25.
18. Rimarenko Yu.I., Usenko I.B. Police and administrative law.: M., 2003.
19. Andreevsky I. Police law: Vol. 1. Introduction. Part 1: Security Police. - 2nd ed., ispr. and add. - St. Petersburg: V. V. Pratz Printing House, 1874. - 648 p.
20. Andreevsky I. Police law: Vol. 2. Part 2: Welfare Police. - 2nd ed., ispr. and add. - St. Petersburg: Printing and Lithography of A. E. Landau, 1876. - 728 p.

21. Tarasov I. T. A brief outline of the science of administrative law (lecture notes): In 2 vols. Vol. 1: Introduction and general part - Yaroslavl: typo-lit. G. Falk, 1888. - 386 p.
22. Tarasov I. T. Lectures on police (administrative) law. Vol. 1: Introduction. - M.: type. Moscow. un-ta, 1908. - 253 p.
23. Tarasov I. T. Lectures on police (administrative) law. Vol. 2: General part. - M.: printing house of Snegireva, 1910. - 266 p
24. Tarasov I. T. Lectures on police (administrative) law. Vol. 3: Special part. - M.: type. Moscow. un-ta, 1913. - 668 p
25. Andreevsky I. E. Administrative Court // Russian encyclopedic dictionary, published by Prof. St. Petersburg un-ta N. I. Berzin. In 16 t. Ed. 1. Vol. 1. - St. Petersburg: Public benefit, 1873. - 709 p.
26. Korf S.A. Administrative justice in Russia. Vol. 2. St. Petersburg, 1910. Book 3. - 246 p.
27. Khomyakov G. A. Administrative court in the Russian Federation: Dis. ... Dr. jurid. sciences: 12.00.14. - Moscow, 2001. - 397 p.
28. Chestnov I. L. Institute of administrative offenses in the system of law: Dis... cand. jurid. sciences': 12.00.02. - St. Petersburg, 1994. - 159 p
29. Tarasov I. T. Organization of administrative justice. // Legal Bulletin - 1897. - No. 9. - pp. 158-159.
30. Gessen V. M. From lectures on police law, delivered in the 1901-1902 academic year at the Alexander Military Law Academy. - St. Petersburg: typo-lit. M. Ginsburg, 1902. - 354s.
31. A.I. Elistratov. The basic principles of administrative law. Second edition. - M., 1917.

Холод Елена Александровна

*Старшего преподавателя кафедры
государственно-правовых дисциплин*

Юридического института

*ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»*

e-mail: marta.kaf@mail.ru

К ВОПРОСУ РОСТА КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО НУЖДЕ

Проведено уголовно-правовое исследование юридической характеристики вопроса роста краж, совершаемых по нужде в Луганской Народной Республике, выработаны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства исследуемой темы.

Ключевые слова: кража, корыстные преступления, общественная опасность, вредоносность деяния, хищение, имущество.

Высокую степень общественной опасности в государстве имели и продолжают иметь корыстные преступления, которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом. Среди них особое место занимает кража.

Актуальность исследования проблем установления, дифференциации и реализации уголовной ответственности за данное преступление обуславливается значительным удельным весом краж, как в структуре корыстных преступлений, так и в структуре преступности в целом.

Проблемы уголовно-правовой характеристики кражи, безусловно, неоднократно подвергались научному анализу в трудах А. Г. Безверхова, А. И. Бойцова, В. А. Владимирова, Т. Т. Дубинина, С. Г. Келиной, И. Я. Козаченко, А. И. Коробеева, П. В. Коробова, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцева и других ученых-юристов, однако многие вопросы остаются спорными и, на мой взгляд, требуют дальнейшего анализа.

Целью исследования является провести уголовно-правовое исследование юридической характеристики вопроса роста краж, совершаемых по нужде в Луганской Народной Республике, выработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства исследуемой темы.

С целью исследования следует отметить, что по мнению ряда криминологов, следует различать виды корысти: корысть-накопительство (свойственна хищению с использованием служебного положения), корысть-потребительство (вызванная туеядством, паразитизмом), корысть-престиж (определяется престижными соображениями), корысть-утилитаризм (основывается на

стремлении к сиюминутной выгоде, пользе, свойственна мелким хищениям, корысть-бедность, нужда (в основе которой лежит физическое выживание и удовлетворение своих жизненно важных биологических потребностей) [1, с.181].

Если такие виды корысти, как накопительство (стяжательство), потребительство (паразитизм), престиж, утилитаризм, всегда характеризуются как социально порицаемые, низменные побуждения, то корысть-бедность (нужда) вызывает скорее жалость, чем осуждение. Особенно это касается ненасильственной преступности имущественного характера, совершаемой той частью населения, которая живет за чертой бедности. Ч. Беккариа писал: «Кража является обычно преступлением нищеты и отчаяния, преступлением той несчастной части человечества, которой право собственности (ужасное и, может быть, не необходимое право) оставило возможность одного лишь голого существования» [2, с.118].

Очевидно, что корыстные побуждения могут иметь различные юридическую и этическую характеристики. Разумеется, что не всякая корыстная мотивация, не всякое побуждение материального (экономического) характера должны рассматриваться как исключительно отрицательное и тем более криминальное [3, с.41], указывающее на значительную опасность или вредоносность совершенного деяния.

Рост краж, совершаемых по нужде, позволил в современной доктрине поставить вопрос о смягчении наказания за указанные деяния. Одни исследователи ведут речь об установлении в уголовном законе привилегированного состава кражи, совершенной «вследствие нужды и безработицы в целях удовлетворения минимальных потребностей своих и (или) своей семьи» [4, с. 8]. Другие предлагают дополнить привилегированными составами преступлений и другие формы хищений, в частности ненасильственный грабеж [5, с. 18]. Необходимо также отметить, что в соответствии с действующим законодательством кражу, совершенную от крайнего голода, грозившего летальным исходом, следует расценивать как совершенную в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК ЛНР).

Этот вопрос имеет исторические основания. Кража по нужде была известна еще каноническому праву, исходившему из авторитета христианской церкви. По общему правилу, наказание за это правонарушение либо исключалось, либо значительно смягчалось. Кража по нужде наказывалась только в случаях, когда она была совершена неоднократно. Средневековые канонисты ввели в практику такие принципы, как «нужда закона не знает», «необходимость сама творит себе закон». В отечественном уголовном праве влияние голода и нужды на наказуемость кражи было закреплено в Воинских артикулах

1715 года. Артикулы допускали смягчение наказания или полную безнаказанность кражи, совершенной в состоянии голодной нужды, если это деяние не преследовало цели личного обогащения. [6, с. 27]. Как видно, для наличия такой кражи необходимы следующие условия: 1) состояние голода, побуждающее субъекта к похищению чужого имущества, которое похититель должен доказать; 2) предметом похищения должны быть потребляемые вещи небольшой стоимости. Артикул не указывал, какую цену вещи следует считать небольшой, решение этого вопроса было отнесено на усмотрение суда.

В Уставе о наказаниях 1864 года, налагаемых мировыми судьями, среди обстоятельств, снижающих наказание за кражу вдвое (ст. 171), указывалось на совершение тайного похищения чужого имущества по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе. Кража съестных припасов в состоянии крайней нужды была выделена в привилегированный вид в Проекте Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. При этом крайняя нужда должна быть доказанной, похитить можно было столько количества съестных припасов, «сколько для насыщения или удовлетворения надобно было»; третьим признаком такой кражи являлась «невеликая цена украденного». [7, с. 221].

И.Я. Фойницкий по рассматриваемому вопросу писал: «Кража по нужде или воровство из крайности выделяется по особенностям мотивов деятельности и объясняет случаи тайного похищения чужого имущества по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе. Предметом ее может быть всякое имущество, а не только употребляемое в пищу или вообще употребляемое. Необходимо лишь, чтобы похищение их было вызвано крайностью виновного, обуславливающей лишь смягчение наказания, нужно отличать состояние необходимости, которое устраняет наказуемость деяния» [8, с.205].

Привилегированный состав кражи известен советскому уголовному законодательству. Согласно п. «а» ст. 162 УК РСФСР 1926 года тайное похищение чужого имущества (кража), совершенное без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами, влекло за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до трех месяцев; совершенное при тех же условиях, но вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи – принудительные работы на срок до трех месяцев [9, ст. 162]. Однако уголовно-правовая доктрина советского периода отрицательно оценивала этот смягчающий признак в уголовном законе, указывая, что в стране, где отсутствует безработица и растет материальное благополучие трудящихся, данное обстоятельство не может встретиться на практике.

В действующем уголовном законодательстве подобные привилегированные положения о «краже по нужде» отсутствуют. Правда, среди обстоятельств, смягчающих наказание, названо «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств» (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК ЛНР). В этой связи ряд ученых, таких как Г.Н. Борзенков, С.А. Елисеев и др., соглашается с тем, что формула о краже, совершенной в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, удачно дополнила бы указанный в Уголовном Кодексе признак смягчающего обстоятельства [6, с. 176].

В.Н. Кудрявцев указывал, что «в группе населения, живущей ниже уровня бедности, воровство становится вынужденным способом физического выживания» [10, с. 102]. Я.И. Гишинский отмечает, что «кражи ... чаще совершают представители низших страт и подростки: именно для них ограничены легальные пути хорошего заработка», на основании чего ученый делает вывод о неэффективности применения за указанные деяния такого наказания, как лишение свободы, которое только повышает криминальную активность, изменяет психику осужденного и т.д. [11, с. 119]

Как отмечает профессор Л.И. Лазор Луганская Народная Республика провозглашена как государство правовое, демократическое и социальное. Социальное государство закрепляет в качестве первоочередной своей задачи заботу о «социуме» - то есть о своих гражданах и иных людях, проживающих в нем [12, с. 13].

Конституционный принцип социального государства предполагает проведение социальной политики, признающей за каждым членом общества право на такой уровень жизни, который необходим для поддержания здоровья его и его семьи, когда он работает, а также в случаях безработицы, болезни, инвалидности, старости. Следовательно, если человек не может обеспечить себя материально по независящим от него причинам, государство безвозмездно оказывает необходимую помощь и поддержку, а «не направляет всю силу репрессий против самых социально незащищенных слоев населения».

Принимая во внимание ряд факторов, а именно: 1) опыт отечественного законодательства, значительно смягчавшего в прошлом уголовное наказание за кражу, совершенную в силу крайней нужды; 2) относительную распространенность в современной действительности исследуемого обстоятельства; 3) его нехарактерность для большинства случаев совершения тайного хищения чужого имущества; 4) значительно меньшую по сравнению с основным составом степень общественной опасности содеянного и личности виновного; 5) сложность учета указанного обстоятельства в рамках санкции ч. 1 ст. 171 УК ЛНР; 6) обязанность государства обеспечивать достойную жизнь каждого человека; 7) стремление современного отечественного права

и государства обеспечить «веру в добро и справедливость», высокие гуманистические идеалы, а также постулаты нравственных норм о терпимости, любви к любому человеку и об особом сочувствии к оступившемуся, считаю необходимым обеспечить строгую дифференциацию уголовной ответственности за рассматриваемую разновидность краж путем значительного смягчения уголовной ответственности при отсутствии в содеянном квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных в ст. 171 УК ЛНР.

В общетеоретическом плане высказанное предложение можно реализовать, используя с учетом исторических традиций такие приемы дифференциации, как формулирование правила смягчения наказания за такую кражу в Особенной части УК ЛНР, конструирование специального вида освобождения от уголовной ответственности либо привилегированного состава кражи по нужде.

На целесообразность более частого использования конструкции привилегированного состава в Особенной части УК обращено внимание ряда исследователей. Так, Я.М. Брайнин считал оптимальным закрепление в первой части статьи основного состава, во второй — состава с уменьшающими ответственность обстоятельствами и в третьей — состава с отягчающими ответственность обстоятельствами [13, с. 56]. На возможность и желательность закрепления во второй и третьей частях сочетаний привилегизирующих и квалифицирующих признаков указывала и Т.А. Лесниевски-Костарева. При этом, по ее мнению, законодатель неоправданно отгеснил конструкцию привилегированных составов на второй план, тогда как, наоборот, следует более активно использовать привилегизирующие признаки в Общей и Особенной частях уголовного закона [14, с. 201]. Необходимо отметить, что объединение в рамках одной статьи признаков, характеризующих разные направления дифференциации уголовной ответственности — гуманистическое и репрессивное, не соответствует правилам законодательной техники, используемым при конструировании статей Уголовного кодекса.

Наиболее оптимальным, на мой взгляд, представляется следующий вариант решения указанной проблемы. Предлагаю дополнить гл. 22 «Преступления против собственности» УК ЛНР самостоятельной статьей в следующей редакции:

«Статья 1712. Кража, совершенная в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств

Кража, совершенная в силу стечения тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств, -

наказывается обязательными работами на срок до девяноста часов, либо исправительными работами на срок до трех месяцев, либо ограничением сво-

боды на срок до шести месяцев, либо принудительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до одного месяца, либо лишением свободы на срок до шести месяцев».

При этом под стечением тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств следует понимать безработицу, безденежье, бедствие, продолжительную болезнь, престарелый возраст, бродяжничество, многодетность, инвалидность, наличие на иждивении у виновного нетрудоспособных престарелых родителей и пр. Указанный вид краж должен характеризоваться особым мотивом (стремлением виновного удовлетворить первичные жизненные потребности), целью (направленной на физическое выживание), размером (незначительный ущерб) и субъектом (неимущим или малоимущим физическим лицом).

Считаю, что с учетом сложной экономической ситуации указанные изменения являются своевременными и способствуют совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Литература

1. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корусть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / Миненок М.Г., Миненок Д.М. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. - 367 с

2. Беккариа Ч. О. преступлениях и наказаниях / Беккариа Ч. - М.: Инфра-М, 2004. - 184 с.

3. Криминальная мотивация / Антонян Ю.М., Гульдан В.В., Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., и др.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. - М.: Наука, 1986. - 304 с.

4. Федотов А.В. Кража, совершаемая с незаконным проникновением в жилище (Уголовно-правовые и криминологические аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Федотов А.В. - М., 2004. - 188 с.

5. Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Малькова И.Ю. - Саратов, 2009. - 30 с.

6. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Верина Г.В. - Саратов, 2003. - 510 с.

7. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Белогриц-Котляревский Л.С. - Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. - 628 с.

8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные / Фойницкий И.Я.. - 6-е изд. - С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. - 442 с.

9. Раго А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / Раго А.И. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 304 с.

10. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. Монография / Кудрявцев В.Н. - М.: Гардарики, 2002. - 238 с.

11. Гишинский Я.И. Преступления против собственности: криминологический анализ. Исходные представления // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. Сборник научных трудов. - Саратов: Сателлит, 2006. - С. 518-526.

12. Лазор Л.И. Перспективы развития трудового законодательства в Луганской Народной Республике / Л.И. Лазор// Актуальные проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В.Даля.- 2016. – № 37. – С. – 8-17.

13. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение / Брайнин Я.М. - М.: Юрид. лит., 1967. - 240 с.

14. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Лесниевски-Костарева Т.А. - М.: Норма, 1998. - 296 с.

Kholod Elena Alexandrovna

*Senior Lecturer of the Department of State
and Legal Disciplines
Institute of Law*

*GOU VO LPR «Lugansk State University
named after V. Dahl»*

e-mail: marta.kaf@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE GROWTH OF THEFTS COMMITTED IN NEED

A criminal law study of the legal characteristics of the issue of the growth of thefts committed in need in the Luhansk People's Republic was conducted, recommendations were developed to improve the current legislation of the topic under study.

Keywords: theft, mercenary crimes, public danger, harmfulness of the act, theft, property.

Literatura

1. Minenok M.G., Minenok D.M. Koryst'. Kriminologicheskie i ugodovno-pravovye problemy / Minenok M.G., Minenok D.M. - S.-Pb.: Yurid. centr Press, 2001. - 367 с

2. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah / Bekkariya Ch. - M.: Infra-M, 2004. - 184 c.
3. Kriminal'naya motivaciya / Antonyan Y.M., Gul'dan V.V., Kudryavcev V.N., Luneev V.V., i dr.; Otv. red.: Kudryavcev V.N. - M.: Nauka, 1986. - 304 c.
4. Fedotov A.V. Krazha, sovershaemaya s nezakonnym proniknoveniem v zhilishche (Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty). Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Fedotov A.V. - M., 2004. - 188 c.
5. Mal'kova I.Y. Grabezh: voprosy kvalifikacii, differenciacii otvetstvennosti i individualizacii nakazaniya. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Mal'kova I.Y. - Saratov, 2009. - 30 c.
6. Verina G.V. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. Dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.08 / Verina G.V. - Saratov, 2003. - 510 c.
7. Belogric-Kotlyarevskij L.S. Uchebnik russkogo ugolovnogogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti / Belogric-Kotlyarevskij L.S. - Kiev: Yuzhno-rus. kn-vo F.A. Iogansona, 1903. - 628 c.
8. Fojnickij I.YA. Kurs ugolovnogogo prava. Chast' osobennaya: Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye / Fojnickij I.Y.. - 6-e izd. - S.-Pb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1912. - 442 c.
9. Rarog A.I. Kvalifikaciya prestuplenij po sub»ektivnym priznakam / Rarog A.I. - S.-Pb.: Yurid. centr Press, 2002. - 304 c.
10. Kudryavcev V.N. Prestupnost' i nrayy perekhodnogo obshchestva. Monografiya / Kudryavcev V.N. - M.: Gardariki, 2002. - 238 c.
11. Gilinskij Y.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskij analiz. Iskhodnye predstavleniya // Ugolovno-pravovaya politika i problemy protivodejstviya sovremennoj prestupnosti. Sbornik nauchnyh trudov. - Saratov: Satellit, 2006. - S. 518-526.
12. Lazor L.I. Perspektivy razvitiya trudovogo zakonodatel'stva v Luganskoj Narodnoj Respublike / L.I. Lazor// Aktual'nye problemy prava: teoriya i praktika. Sbornik nauchnyh trudov. - Lugansk: Izd-vo LNU im. V.Dalya.- 2016. - № 37. - S. - 8-17.
13. Brajnin Y.M. Ugolovnyj zakon i ego primenenie / Brajnin Y.M. - M.: YUrid. lit., 1967. - 240 c.
14. Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika / Lesnievski-Kostareva T.A. - M.: Norma, 1998. - 296 c.

Черчукина Людмила Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент
заслуженный юрист Украины, доцент
кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: kaf_sledak@mail.ru

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: В статье приводятся факты, характеризующие становление и развитие института судебных приставов в России, имеющего древнюю историю. Наряду с этим рассматриваются отдельные вопросы формирования в Луганской Народной Республике системы органов принудительного исполнения и их функционирования с момента провозглашения независимости после государственного переворота в Украине, имевшего место в 2014 г., и до вхождения в состав Российской Федерации в качестве самостоятельного субъекта. Подчеркивается важность учреждения 22 октября 2022 г. деятельности Управления Федеральной Службы судебных приставов по Луганской Народной Республике.

Ключевые слова: судебный пристав; органы принудительного исполнения; исполнительное производство; розыск должников; дознание; установленный порядок деятельности суда.

Вхождение Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта ознаменовало начало нового этапа в отечественной истории. Это судьбоносное решение открывает путь в правовое пространство российского государства, способствуя решению проблем, связанных с недостаточным законодательным и нормативным обеспечением деятельности государственных органов ЛНР. В этой связи представляет интерес функционирование системы органов принудительного исполнения, основы формирования которых были заложены в августе 2014 года, под неумолкаемый грохот снарядов украинских террористов, пытавшихся подавить дух жителей Донбасса и их желание связать свою судьбу с исторической Родиной.

Институт судебных приставов имеет давнюю историю. В России первые упоминания о судебных приставах уходят в далекое прошлое, обращая

исследователей к XV и XVI векам, когда в Новгородской и Псковской Судных грамотах были расписаны достаточно широкие полномочия приставов, включающие отдельные элементы судебной и следственной деятельности. В частности, в Псковском государстве выполнение исполнительных функций возлагалось на подвойских (приставов). Приставные памятки предписывали обязанности вызова на суд ответчика и свидетеля, производство различных взысканий по решению суда.

Соборным уложением 1649 года, предоставившим судебным приставам достаточно широкие полномочия, были закреплены функции исполнения судебных решений и обеспечения деятельности суда. В результате наметилась тенденция к увеличению у приставов полицейских функций, заключающихся в содействии раскрытию преступлений и преданию обвиняемых суду, поддержанию основ государственного управления и общественного порядка, а также по обеспечению деятельности суда и исполнению судебных решений по гражданским делам.

Во второй половине XVII века Петр I инициировал реформу суда. Принятые новые законодательные акты, так называемые Новоуказные статьи, во многом дополняли и изменяли правовые нормы Соборного уложения 1649 года. Например, Новоуказные статьи о разбойных делах (1649 г.), Новоторговый устав (1667 г.) и другие указы внесли существенные дополнения в законодательные нормы, регламентировавшие исполнение судебных решений. Указом Петра I № 3255 от 12.12.1717 г. была создана Юстиц-коллегия, в состав которой вошел Урядный приказ, осуществлявший исполнительно-распорядительные функции на основании судебных решений и властных актов высших органов и должностных лиц государства Российского.

Упразднение института судебных приставов в начале XVIII века ознаменовалось тем, что функции по исполнению судебных решений, а также по обеспечению порядка в суде, возлагались на специальных служащих: адъютантов, подьячих, секретарей и др., состоящих при судах или органах управления.

Возрождение института судебных приставов приходится на вторую половину XVIII века, на период Екатерининских реформ. Однако функции приставов были возложены на полицию, входившую в состав Министерства внутренних дел. С принятием в 1782 г. Устава благочиния, названные функции окончательно переданы полиции. В полицейских управлениях были введены специальные должности становых приставов. Именно на них возлагались обязанности исполнения судебных решений. Вместе с тем становые приставы выполняли и другие функции, не свойственные их служебной деятельности, что влекло затягивание исполнения судебных решений.

В связи с тем, что совмещение полицейских и судебно-вспомогательных функций себя отнюдь не оправдывало, на подготовительном этапе судебной реформы 1864 г. принято решение о восстановлении института судебных приставов. 29.09.1862 г. были утверждены «Основные положения преобразования судебной части», регламентировавшие исполнение судебных постановлений судебными приставами, состоявшими при судах. В рамках проведения судебно-правовой реформы 1864 г. были заложены организационно-правовые основы исполнительного производства. К их числу следует отнести: «Учреждение судебных установлений», «Устав о наказаниях, налагаемых мировым судьей», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства». Впоследствии в процессе его (исполнительного производства) реформирования принимались различные нормативно-правовые акты, нацеленные на оптимизацию правил исполнения судебных решений. Создание института судебных приставов в процессе судебной реформы 1864 г. стало крупнейшим достижением не только в сфере исполнительного производства, но и в развитии российского права как такового.

После Октябрьской революции Декретом Совета Народных Комиссаров от 24.11.1917 г. одновременно с ликвидацией судебной системы Российской империи был ликвидирован институт судебных приставов. Вместе с тем судебным приставам, как и другим канцелярским чиновникам упраздненных учреждений, предписывалось оставаться на своих местах и под общим руководством комиссаров исполнять все необходимые функции по направлению неоконченных дел, а равно давать в назначенные дни заинтересованным лицам справки о положении дел. Вскоре порядок в местных судах и других судебных органах изначально стал обеспечиваться Красной гвардией, а затем и местной милицией.

30 декабря 1918 г. Декретом ВЦИК принято Положение о народном суде РСФСР, согласно которому исполнение решений по гражданским делам и реализация различных денежных взысканий возлагалось на судебных исполнителей.

В советский период выполнение исполнительских функций возлагалось на судебных исполнителей, входивших в систему судебных учреждений, и находившихся в двойном подчинении органов юстиции и судов. Судебные исполнители состояли в штате работников суда, фактически являясь помощниками судьи, поскольку все процессуальные решения в процессе реализации исполнительных документов принимались судьей и имели силу судебного решения.

Впоследствии порядок исполнения судебных решений был регламентирован ГПК РСФСР 1964 г. и ГПК союзных республик, Инструкциями Ми-

нистерства юстиции СССР «О порядке исполнения судебных решений» от 24.04.1973 г. и «Об исполнительном производстве» от 15.11.1985 г.

На протяжении восьмидесяти лет в СССР функции обеспечения порядка в зале судебного заседания и принудительной доставки в суд участников процесса возлагались на советскую милицию.

Сложившаяся в СССР система исполнительного производства действовала до середины 90-х годов прошлого столетия на территории России, Украины и других стран СНГ.

Распад Союза ССР повлек за собой радикальные перемены в государственном устройстве постсоветских республик, экономические преобразования, реформу правовой системы. На повестку дня встал вопрос обеспечения действенного порядка в залах судебного заседания, гарантий безопасности судей, заседателей, участников процесса и реализации мероприятий по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Силами судебных исполнителей достичь этого было невозможно, что собственно и обусловило необходимость выделения исполнительной службы в самостоятельную структуру в составе Министерства юстиции. Однако и это, как показала практика, ситуацию не изменило. В России, на Украине исполнение в пределах своей компетенции определений судов и постановлений судей о приводе лиц, уклоняющихся от явки по вызову, и оказания содействия судебным органам в производстве отдельных процессуальных действий было отнесено в соответствии с законами РСФСР, Украины к обязанностям милиции общественной безопасности.

До государственного переворота 2014 г. на Украине организацией принудительного исполнения решений судов и других органов занималась Государственная исполнительная служба. Постановлением Кабинета Министров Украины № 17 от 21.01.2015 г. «Вопросы оптимизации деятельности центральных органов исполнительной власти и системы юстиции» предусмотрена ее ликвидация. Задачи и функции по реализации государственной политики в сфере организации принудительного исполнения решений судов и других органов были возложены на Департамент Государственной исполнительной службы Министерства юстиции Украины.

02.06.2016 г. Верховной Радой Украины приняты законы «Об исполнительном производстве» и «Об органах и лицах, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений и решений других органов», которые вступили в силу 05.10.2016 г. С учетом нововведений, исполнение всех решений, находившихся в сфере ответственности государственной исполнительной службы, кроме решений, связанных с долгами государственных органов и предприятий, органов местного самоуправления и коммунальных

предприятий, возложено на частного исполнителя. Исполнение решений о выселении физических лиц осталось в ведении государственных исполнителей. Проанализировать эффективность деятельности частных исполнителей в связи с невозможностью выезда на территорию Украины из-за военных действий, не представляется возможным.

12.05.2014 г. по результатам референдума о самоопределении Луганской Народной Республики, состоявшегося 11.05.2014 г., 96,2 процентов жителей Луганской области, которые не поддержали государственный переворот в Украине, проголосовали за независимость региона и создание Луганской Народной Республики.

Указом Главы Луганской Народной Республики 25.08.2014 г. было создано Министерство юстиции ЛНР, в структуру которого вошел Департамент судебных приставов. Его организационное построение включало следующие структурные элементы:

- отдел организации исполнительного производства, на который возлагались функции по организации принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, по осуществлению контроля над территориальными отделами в установленной сфере их деятельности;

- отдел организации работы по реализации имущества должников, который призван был организовывать работу по оценке, учету, хранению и реализации арестованного и изъятого имущества;

- отдел организации дознания, работы по розыску должников, их имущества и розыску детей, который наряду с организацией производства дознания по уголовным делам, розыска должников и их имущества, розыска детей территориальными отделами, должен осуществлять контроль над их деятельностью в установленной сфере;

- отдел по исполнению особо важных исполнительных производств, задачи которого заключались в организации и осуществлении принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

- отдел организации обеспечения установленного порядка деятельности судов, на который возлагались функции обеспечения безопасности судей, присяжных заседателей и других участников судебного процесса, а также судебных приставов при проведении исполнительных действий; осуществления охраны зданий, помещений судов; зданий и помещений Департамента судебных приставов и Министерства юстиции, а также территориальных отделов.

Создание Департамента судебных приставов Министерства юстиции ЛНР обусловлено тем, что существовавший институт судебных исполнителей в период, когда территория Луганской Народной Республики входила в

состав Украины, с учетом современных реалий исчерпал себя. Формирование специальной службы на принципиально новых организационно-правовых началах было нацелено, прежде всего, на оптимизацию исполнительного производства и организацию обеспечения установленного порядка деятельности судов.

Правовую основу деятельности судебных приставов составили: Временный Основной Закон (Конституция) ЛНР, законы ЛНР, нормативные правовые акты Главы ЛНР и Совета Министров ЛНР, Временное положение о судебных приставах ЛНР и другие законодательные акты, действовавшие на территории Республики.

Правовой статус судебных приставов и полномочия должностных лиц структурных подразделений судебных приставов Министерства юстиции ЛНР был урегулирован Временным положением о судебных приставах Луганской Народной Республики, утвержденным постановлением Совета Министров ЛНР № 50 от 02.02.2016 г., с изменениями и дополнениями, утвержденными постановлением Совета Министров ЛНР от 18.10.2018 г. [1, с. 13-21].

К сожалению, в условиях военного времени, оптимальное функционирование органов службы судебных приставов в Луганской Народной Республике, несмотря на предпринимаемые попытки, по объективным причинам должным образом обеспечено не было, их деятельность о существовала в усеченном виде.

В частности, перед Департаментом судебных приставов стояла задача создания специализированных отделов территориальных органов службы судебных приставов, призванных осуществлять предварительное расследование в форме дознания. В структуре службы судебных приставов надлежало создать такие специализированные подразделения дознания, которые бы в перспективе приобрели статусное положение координатора процессуальной работы судебных приставов-исполнителей, судебных приставов по организации установленного порядка деятельности судов и судебных приставов-дознателей по предупреждению и пресечению преступных посягательств, совершаемых в процессе принудительного исполнения судебных и иных актов, а также обеспечения установленного порядка деятельности судов в Луганской Народной Республике. Работа подразделений дознания должна была быть нацелена на оперативное реагирование на заявления и сообщения о совершенных преступлениях, подследственных службе судебных приставов, реализацию принципов уголовного судопроизводства при осуществлении дознания по уголовным делам, дознания в сокращенной форме. Деятельность специализированного подразделения дознания Департамента судебных при-

ставов Министерства юстиции ЛНР, наряду с организационным обеспечением работы судебных приставов-дознателей территориальных органов, должна была быть нацелена на оказание методической помощи сотрудникам, которые по своим функциональным обязанностям могли заниматься уголовно-процессуальной деятельностью. Оказание методической помощи следовало организовать в тесном взаимодействии с высшими учебными заведениями, призванными обеспечить базовую подготовку юристов [2 с. 186-188].

Для реализации этой задачи Министерством юстиции ЛНР с привлечением ученых было организовано проведение занятий в системе служебной подготовки с кандидатами на должность судебного пристава-дознателя в рамках специально разработанного курса «Производство дознания органами службы судебных приставов Луганской Народной Республики». Тематика данного курса свидетельствует о комплексном подходе к подготовке высококвалифицированных специалистов в этой сфере деятельности. Особое внимание при проведении занятий было уделено изучению вопросов практической направленности, связанных с организацией работы специализированных подразделений службы судебных приставов ЛНР, призванных осуществлять предварительное расследование в форме дознания; организацией учетно-регистрационной работы и единого учета преступлений; возбуждением уголовных дел и особенностями процессуальной деятельности судебного пристава-дознателя; процессуальным порядком производства дознания и планомерно-организационным обеспечением расследования в форме дознания; с прокурорским надзором, судебным и ведомственным процессуальным контролем за деятельностью органов дознания. Вне поля зрения не оставлены и особенности расследования всех категорий уголовных дел, подследственных органам службы судебных приставов. Однако, как уже подчеркивалось, в силу объективных причин специализированные отделы территориальных органов службы судебных приставов, призванные осуществлять предварительное расследование в форме дознания, созданы не были. Производство дознания по уголовным делам, отнесенным к их компетенции, осуществлялось полицией [1].

Обеспечением установленного порядка деятельности судов занималась Государственная служба охраны МВД ЛНР. Территориальные органы службы судебных приставов в основном выполняли функции по организации принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также реализации имущества должников.

Принятие Луганской Народной Республики в состав России в качестве нового субъекта открыло широкие перспективы для быстрой интеграции в правовое поле Российской Федерации.

22.10.2022 г. учреждена деятельность Управления Федеральной Службы судебных приставов по Луганской Народной Республике. Это позволит в кратчайшие сроки организовать функционирование системы органов принудительного исполнения в соответствии с Федеральным законодательством, в полной мере реализовать функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительных функций и функций по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, обеспечить ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, по осуществлению федерального государственного контроля за деятельностью указанных юридических лиц, включенных в государственный реестр.

Литература:

1. Черечукина Л.В. Производство дознания органами службы судебных приставов Луганской Народной Республики : Учебное пособие / МВД ЛНР ; Костром. гос. ун-т ; Луган. академ. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. – Кострома : Изд-во КГУ, 2017. – 600 с.

2. Черечукина Л.В. Становление в Луганской Народной Республике службы судебных приставов как органа дознания / Л.В. Черечукина // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – Вып. 1(2) 2017. – С. 185-202.

Cherechukina Lyudmila Vyacheslavovna

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor,

Honoured Lawyer of Ukraine, Associate Professor of

State Legal Disciplines Department of The Law Institute,

State Educational Institution of Higher Professional Education

«Luhansk national University named after Vladimir Dahl»

e-mail: kaf_sledak@mail.ru

**THE THORNY PATH OF SYSTEM FORMATION ENFORCEMENT
AGENCIES IN THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC**

Abstract. The article presents facts characterizing the formation and development of the institution of bailiffs in Russia, which has an ancient history. Along with this, separate issues of the formation of the system of enforcement bodies in the Luhansk People's Republic and their functioning from the moment of independence after the coup d'état in Ukraine in 2014 and before joining the

Russian Federation as an independent entity are considered. The importance of the establishment of the Office of the Federal Bailiff Service for the Luhansk People's Republic on October 22, 2022 is emphasized.

Keywords: bailiff; enforcement agencies; enforcement proceedings; search for debtors; inquiry; established procedure for the activities of the court.

Literatura:

1. CHerechukina L.V. Proizvodstvo doznaniya organami sluzhby sudebnyh pristavov Luganskoj Narodnoj Respubliki : Uchebnoe posobie / MVD LNR ; Kostrom. gos. un-t ; Lugan. akadem. vnutr. del im. E.A. Didorenko. – Kostroma : Izd-vo KGU, 2017. – 600 s.

2. CHerechukina L.V. Stanovlenie v Luganskoj Narodnoj Respublike sluzhby sudebnyh pristavov kak organa doznaniya / L.V. CHerechukina // Vestnik Luganskoj akademii vnutrennih del imeni E.A. Didorenko. – 2017. – Vyp. 1(2) 2017. – S. 185-202.

Чутчева Ольга Геннадьевна

доктор юридических наук, профессор
кафедры международного права и
права социального обеспечения

Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: institute-jur@mail.ru

Лефтер Кристина Вячеславовна

Ассистент кафедры международного права
и права социального обеспечения Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: kristinalefter@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования отношений, возникающих в системе заемного труда для оптимизации деятельности компаний. Особое внимание уделяется анализу договоров: лизинга, аутстаффинга, аутсорсинга, которые активно используются в зарубежных компаниях при решении кадровых вопросов на рынках занятости персонала. На основании проведенного анализа, в рамках рассматриваемой проблематики, разработаны предложения по усовершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: лизинг персонала, договор лизинга, аутстаффинг, аутсорсинг, трудовой договор.

На современном этапе развития рыночных отношений многие компании разрабатывают новые схемы по управлению человеческими и экономическими ресурсами, позволяющими существенно увеличивать доходы компаний и стремятся оптимизировать механизмы управления персоналом, в том числе, с помощью так называемого заемного труда. Данный вид труда в прежние времена в большинстве стран категорически запрещался.

Различные проблемы правового опосредования социально-экономических отношений, возникающих в процессе лизинга персонала, исследовали такие ученые, как Киселев И.Я., Б.А. Аникин, И.Л. Рудал, Г.О. Партин, А.Ю. Жданов, К. Кетлер, Ф. Кимур, Дж. Кросс, М.С. Ледт и др.

Однако единого мнения по поводу определения сущности и юридической конструкции правового регулирования отношений между работником работодателем и кадровыми агентствами, в настоящее время, не существует, ни в теории, ни в правотворческой практике.

Объектом данного исследования являются трудовые отношения, складывающиеся в связи с лизингом рабочей силы.

Цель данного исследования – усовершенствование действующего законодательства, регламентирующего лизинг рабочей силы в ЛНР. Поэтому в связи с современными социально-экономическими условиями необходимо разработать адекватные им нормы трудового законодательства определяющие общие правила лизинга рабочей силы как способа развития трудовых отношений между работниками кадровых агентств, оказывающих услуги временного характера различным фирмам.

Лизинг персонала – это своеобразная форма трудовых отношений, при которой фирма или компания нанимает работников, постоянно или временно, исключительно для выполнения заказов на услуги фирм-заказчиков. Агентство по лизингу рабочей силы (лизинговое агентство) передает своих работников разного рода организациям как бы на время займа, на непродолжительное время [1, с.103].

В настоящее время в России происходят процессы формирования и развития рыночных отношений. Это способствует появлению новых форм взаимоотношений участников гражданского оборота.

Одной из таких современных форм взаимоотношений является договор аутсорсинга, представляющий собой передачу организациям, которые занимаются узкоспециализированным обслуживанием населения, определенных функций организации (бухгалтерский учёт, юридические услуги, маркетинговые исследования).

Заёмный труд в РФ начал массово использоваться с конца 1990-х гг.[2, с. 52-60]. Поскольку остро стал вопрос о снижении вложенных затрат на персонал рабочей силы.

Как показывает практика большинства стран, спрос на заёмных работников формировался за счет крупных предприятий с участием иностранного капитала. На современном этапе всё складывается по-другому, и такая форма занятости стала очень выгодной для многих предприятий различных видов экономической деятельности и форм собственности.

Однако отсутствие норм в действующем законодательстве РФ стало причиной неоднозначной ситуации, когда на практике заёмный труд получил широкое распространение, но в то же время эти отношения оставались почти полностью вне правового поля, что, безусловно, вызвало значительные

трудности и усилило риски для всех участников данного процесса. При этом самой главной проблемой было несоответствие такого типа трудовых взаимоотношений традиционным нормам, регулирующим социально-трудовую сферу, а также существующей нормативно-правовой базе регламентирования занятости. Не менее весомым аспектом выступало то, что термины и понятия, присущие таким типам занятости, никак не отображались и не определялись в рамках трудового права.

Чаще всего трудовые отношения при использовании труда заемных работников в РФ регулируются с помощью гражданско-правовых договоров.

В 2004 г. в ходе разработки проекта Федерального Закона «О защите прав работников, нанимаемых частными агентствами занятости с целью предоставления их труда третьим лицам» была подготовлена Концепция правового регулирования заемного труда (далее – Концепция), которая обозначила ряд задач: определить и отразить главные и принципиальные положения относительно такого явления, как заёмный труд; сделать обзор мирового опыта и внутренней (российской) практике использования системы заемного труда; выделить основные положения по разработке и внедрению эффективного механизма защиты прав работников, задействованных по нетрадиционным формам занятости (заёмный труд); акцентировать внимание и более четко рассмотреть некоторые особые моменты, которые должны быть закреплены дополнены в соответствующем законопроекте; детализировать наиболее важные вопросы, которые могут возникать во время использования заемного труда, и систематизировать особые типы правоотношений, которые возникают между сторонами во время его применения [2, с.52-60].

Анализируя саму Концепцию, можно определить, что значительное внимание уделялось именно роли посредников и обеспечению внедрения принципов и правил их деятельности.

Безусловным является то, что эта Концепция, как и сам законопроект, была направлена на обеспечение решения большинства вопросов, возникающих при использовании аутсорсинга (аутстаффинга) персонала [2, с. 52-60].

По проекту закона предусматривалось решение таких острых вопросов, как: нормирование статусов сторон (особенно посредников); определение спектра правоотношений между всеми участниками процесса предоставления и использования заемного труда; формирование перечня санкций в отношении ответственности в случае несоблюдения норм действующего законодательства и нарушений условий трудовых и коллективных договоров при использовании таких форм занятости, как аутсорсинг и аутстаффинг.

По мнению большинства сторонников законодательного обеспечения и легализации заемного труда в РФ, такая форма занятости будет способство-

вать уменьшению уровня безработицы, но на сегодняшний день в стране так и не удалось полностью обеспечить юридического и социально-ориентированного использования соответствующих форм занятости, а соответствующий законопроект до сих пор не вступил в силу.

Причинами этого может быть следующее: использование заемного труда во многих аспектах вступает в правовой конфликт с устоявшимися принципами и нормами трудового права; трехсторонние отношения между участниками системы заемного труда, которые возникают в случае использования таких форм занятости, значительно затрудняют регулирование социально-трудовых отношений и оставляют большое количество возможностей, которые, в свою очередь, могут быть использованы для злоупотреблений со стороны работодателей (или посредников) и сужения объемов социальных гарантий и благ для наемных работников; сегодня на разных уровнях системы социально-трудовых отношений в РФ не выработана четкая и согласованная позиция в отношении последствий заёмного труда [3].

Можно сделать вывод, что аутсорсинг – это передача определенных вспомогательных функций организации третьим лицам, которые специализируются в этой области. В настоящее время аутсорсинг широко распространен в Америке и Европе.

Основная проблема использования в России «заемного труда» - это неурегулированность этих взаимоотношений в специальном законе. Специального вида договора, который бы регламентировал аутсорсинговые услуги, в России, к сожалению, не существует. А вместе с тем, главное преимущество аутсорсинга – это минимализация расходов на содержание штата без ущерба для функционирования компании.

Договор аутсорсинга в настоящее время не входит в число договоров, именованных в Гражданском законодательстве Российской Федерации, что свидетельствует о недостаточности нормативного регулирования данного вида правоотношений. Договор аутсорсинга является смешанным гражданско-правовым договором, так как включает в себя элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что договор аутсорсинга должен представлять собой соглашение, в результате которого одна сторона (заказчик) за вознаграждение передает свои функции другой стороне (производственные, сервисные, информационные), а вторая сторона должна располагать необходимым для этого персоналом (ресурсами).

От аутсорсинга следует отличать аутстаффинг (найм персонала через специализированные компании).

Аутстаффинг – это технология кооперации кадровых процессов путем передачи ряда функций по управлению персоналом внешним организациям. Сущность его заключается в том, чтобы вывести персонал за штат компании и оформить в штат компании – аутстаффера (провайдера) с последующим предоставлением этого персонала заказчику от имени аутстаффера за вознаграждение.

В данном случае предметом договора аутстаффинга являются не люди, а услуги организации по найму персонала.

В свою очередь, лизинг персонала, когда персонал не состоит в штате компании заказчика существенно отличается от аутсорсинга и аутстаффинга, поскольку персонал привлекается по мере необходимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что аутстаффинг (от английского слова *outstaffing* – «внештатный») – это схема управления персоналом, согласно которой в распоряжение компании заказчика предоставляется большое количество работников. Они не вступают с организацией в правовые отношения и выполняют работы от имени аутстаффера [4, с.7].

В свою очередь, аутсорсинг (от английского слова *outsourcing* «внешний источник») – это схема сотрудничества по которой компания-заказчик передает часть своих бизнес процессов на обслуживание другим компаниям (юридическим лицам) [4, с.288].

В российской литературе лизинг персонала ещё именуется «арендой персонала» или «аутстаффингом персонала». Но в российском законодательстве в отличие от американского или европейского эти понятия в едином нормативном акте в сфере труда не закреплены.

С недавнего времени во многих странах Запада (Франции, ФРГ, Италии, Испании, Дании и других) заемный труд стал предметом юридической регламентации.

И.Я. Кеселев отмечает, что законодательство запада отрегулировало правоотношения между работниками и лизинговыми агентствами [1, 104].

Основная разница между этими двумя видами услуг заключается в том, что аутсорсинг – это передача подрядчику определенных функций компании, а аутстаффинг – это штат подрядчика. Все обязательства по выплатам и компенсациям, как при аутсорсинге, так и при аутстаффинге, несет кадровое агентство, ведет необходимую документацию, предоставляет отчеты.

В настоящее время с целью укрепления положения компании на рынке необходимо активно применять инновационные подходы к ведению бизнеса.

Например, перспективным направлением для Ханты-Мансийского Автономного Округа является аутсорсинг и аутстаффинг как инструменты повышения эффективности компаний, снижения рисков и издержек и опти-

мизации бизнес процессов. Повышения конкуренции на внутренних рынках региона являются двигателем по использованию доступных механизмов технологического процесса по привлечению квалифицированной рабочей силы и по внедрению инноваций. Чтобы укрепить своё господство на рынке компании должны найти методы ведения бизнеса.

Современное производство представляет собой взаимодействие услуг капитала компаний (предприятий) и физических средств, по итогу каждый получает доход за свой труд. Это привело к появлению нового понятия «лизинг персонала».

Трафимова Н.Н. в своей научной работе указывает, что новые кадровые технологии могут применяться в различных формах. Выделяют 4 направления – долгосрочная аренда персонала (лизинг); подбор временного персонала; выведение персонала за штат (аутстаффинг); передача непрофильных активов или процессов управления внешним подрядчиком (аутсорсинг).

Так, в Ханты-Мансийском Автономном Округе происходит смешивание понятий аутсорсинг, аутстаффинг и лизинг персонала [5, с.2].

На сегодняшний день крупные предприятия Ханты-Мансийского Автономного Округа отказались от излишних функций и передают их на аутсорсинг малому бизнесу. Малый бизнес города Югры имеет большие перспективы в развитии.

За период 2008-2010г.г. число фирм, пользующихся услугой, начало расти, популярность среди них составили около 12% всех потребителей. В округе используют передачу на Аутсорсинг сервисных подразделений крупнейшей энергетической компании «Лукойл». Успешным является проект аутсорсинга информационных технологий страховой компании «Росно», также к аутсорсингу прибегают различные рекламные агентства, охранные предприятия и организации транспортных перевозок [5, с.3].

Рынок аутсорсинга в округе за 2008-2010г.г. вырос в три раза, это свидетельствует об усилении юридической составляющей бизнеса [5, с.4].

Компании Округа также прибегают и к аутстаффингу, чтобы сохранить или улучшить финансовые показатели. Для России аутстаффинг является законной схемой налоговой оптимизации. Экономия достигается за счет применения упрощенной системы налогообложения, происходит лишь уплата страховых взносов на обязательные пенсионные страхования. Налоговая экономия может достигать 20% от фонда оплаты труда.

Несомненное преимущество аутстаффинга – это сокращение прямых затрат, влияющих на себестоимость производимого продукта (услуги). Помимо экономии на фонде оплаты труда, снижаются затраты на аренду помещения, стоимость техники и расходных материалов [5, с.4].

Безусловно, услуги по лизингу персонала, по его содержанию, осуществление расчета начисления выплаты заработной платы, премий, компенсаций и налогов ведение личных дел, трудовых книжек, предоставление отпусков больничных и т.п. для российского рынка труда совсем новые, хотя на Западе оно широко используется уже много лет и создают актуальную проблему, которая требует разрешения на современном этапе.

По исследованиям зарубежных аналитиков американские компании активно пользуются услугами сотрудников различных фирм-агентств. В некоторых зарубежных компаниях по данным экспертов кадрового рынка, персонал состоит в штате кадровых агентств. Огромное количество занятых в США и странах Западной Европы состоят в штате кадровых агентств-лизингодателей. Ежегодно число международных компаний, специализирующихся на кадровом лизинге увеличивается в несколько раз. Мировой оборот услуг по лизингу персонала превышает несколько млрд. долларов в год и растет примерно на треть ежегодно.

В России этими услугами начали пользоваться только после кризиса, когда большинство иностранных компаний, оставшихся работать на российском рынке, были вынуждены частично сокращать своих сотрудников, частично выводить их за штат с целью списания расходов по содержанию персонала.

В настоящее время в России работают три из пяти мировых лидеров в области кадровых лизинговых услуг. Также, услуги лизинга предлагают и менее крупные зарубежные компании. Всего на рынке отечественного лизинга действует порядка десяти компаний разного уровня. Весь объем арендного рынка составляет менее общего объёма кадровых услуг при том, что в мире эта доля оценивается минимум в несколько раз.

Отношения по лизингу рабочей силы в трудовом законодательстве ЛНР не регламентированы, как уже было сказано, вместе с тем, юридическая конструкция договора лизинга присутствует в гражданско-правовом законодательстве.

В российской Федерации на федеральном уровне также определяется договор лизинга в гражданском законодательстве. Так, в соответствии с Федеральным законом от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее — Закона «О лизинге») лизинг — вид инвестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его на основании договора лизинга физическим или юридическим лицам за определенную плату, на определенный срок и на определенных условиях, обусловленных договором, с правом выкупа имущества лизингополучателем. Лизинговая деятельность зависит от государственной политики в области инвестиций, в частности, от налоговых и амортизационных льгот.

Таким образом, под лизинговой сделкой понимают совокупность договоров, необходимых для реализации договора лизинга между лизингодателем (арендодателем), лизингополучателем (арендатором) и продавцом (поставщиком) предмета лизинга. Лизинговые отношения могут быть оформлены трехсторонней сделкой с участием лизингодателя, лизингополучателя и продавца [6, ст.2].

Аналогичное определение содержится в учебном пособии Л.П. Дашкова и А.В. Брызгалина, так, лизинг – это особый вид договора аренды, предусматривающий предоставление Лизингодателем (арендодателем) лизингополучателю (арендатору) принадлежащих ему оборудования, машин, ЭВМ, оргтехники, транспортных средств, сооружений производственного, торгового и складского назначения в исключительное пользование на установленный срок за определенное вознаграждение...[7, с.196].

Таким образом, отсутствие правового регулирования отношений по предоставлению заемного труда является комплексной проблемой в рамках гражданско-правового и трудо-правового регулирования. Целесообразно, на наш взгляд, было бы разработать концепцию единого договора, имеющего смешанный характер, то есть договора лизинга и договора в сфере труда между работником, работодателем и лизинговым агентством.

В связи с этим необходимо внести изменения в Трудовой Кодекс Луганской Народной Республики включив в него новую главу «Правовые аспекты регулирования лизинга рабочей силы» в которой предусмотреть регламентацию отношений, возникающих в связи с передачей рабочей силы определив права и обязанности, а также специфические особенности правового статуса всех участников данных отношений.

Литература:

1. Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество) – М.: ЗАО «Бизнес – школа «Интел – Синтез» совместно с ООО «Журнал» управление персоналом, 2003-160с.

2. Киселев И. Концепция правового регулирования заемного труда / И. Киселев, Б. Карабельников, Э. Черкасова, С. Кукса, В. Юдкин, А. Леонов, В. Свечкарченко // Хозяйство и право. – 2004. № 2. – С. 52- 60.

3. Смирных Л. И. Заемный труд: экономическая теория, опыт стран ЕС и России. URL [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docplayer.ru/412991-Zayomnyu-trudekonomicheskaya-teoriya-opyt-stran-es-i-rossii.html> (дата обращения: 22.01.2021).

4. Аникин Б.А., Рудая И.Л. Аутсорсинг и аутстаффинг. Высокие технологии менеджмента: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и. дом. – М.: ИНФРА – М, 2009. – 320 с. – (высшее образование).

5. Перспектива развития Аутсорсинга и Аутстаффинга в Ханты-Мансийском Автономном округе – ЮГРЕ, Трафимова Н.Н. УМТСиК ООО «Газпромтрансгаз Югорск» г. Югорск

6. Федеральный Закон «О финансовой аренде (лизинге) [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102084677&backlink=1&nd=102056153&rdk=0> – pravo.gov.ru. Официальный сайт.

7. Коммерческий договор: от заключения до исполнения / Сост. Л.П. Дашков, А.В. Брызгалин. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1995. – 324 с.

Chutcheva Olga Gennadiевна

Doctor of Law, Professor

*Department of International Law and
social security rights Law Institute*

*SEI HE «Lugansk State University
named after Vladimir Dahl*

e-mail: institute-jur@mail.ru

Lefter Kristina Vyacheslavovna

*Assistant of the Department of International Law
and Social Security rights Law Institute*

SEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»

e-mail: kristinalefter@mail.ru

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR LEASING

The article is devoted to topical issues of legal regulation of relations arising in the system of agency work to optimize the activities of companies. Particular attention is paid to the analysis of contracts: leasing, outstaffing, outsourcing, which are actively used in foreign companies in solving personnel issues in the employment markets. Based on the analysis, within the framework of the problem under consideration, proposals have been developed to improve the current legislation.

Keywords: personnel leasing, leasing agreement, outstaffing, outsourcing, employment contract.

Literature

1. Kiselev I.YA. Novyy oblik trudovogo prava stran Zapada (proryv v postindustrial'noye obshchestvo) – М.: ЗАО «Biznes – shkola «Intel – Sintez» sovместno s ООО «Zhurnal» upravleniye personalom, 2003-160s.

2. Kiselev I. Kontsepsiya pravovogo regulirovaniya zayemnogo truda / I. Kiselev, B. Karabel'nikov, E. Cherkasova, S. Kuksa, V. Yudkin, A. Leonov, V. Svechkarenko // Khozyaystvo i pravo. – 2004. № 2. – S. 52- 60.

3. Smirnykh L. I. Zayemnyy trud: ekonomicheskaya teoriya, opyt stran YES i Rossii. URL [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <https://docplayer.ru/412991-Zayomnyy-trudekonomicheskaya-teoriya-opyt-stran-es-i-rossii.html> (data obrashcheniya: 22.01.2021).

4. Anikin B.A., Rudaya I.L. Outsorsing i autstaffing. Vysokiye tekhnologii menedzhmenta: Uchebnoye posobiye. 2-ye izd. pererab. i. dom. – M.: INFRA – M, 2009. – 320 s. – (vyssheye obrazovaniye).

5. Perspektiva razvitiya Outsorsinga i Autstaffinga v Khanty-Mansiyskom Avtonomnom okruge – YUGRE, Trafimova N.N. UMTSiK OOO «Gazpromtransgaz Yugorsk» g. Yugorsk

6. Federal'nyy Zakon «O finansovoy arende (lizinge) [Elektronnyy resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102084677&backlink=1&nd=102056153&rdk=0> – pravo.gov.ru. Ofitsial'nyy sayt.

7. Kommercheskiy dogovor: ot zaklyucheniya do ispolneniya / Sost. L.P. Dashkov, A.V. Bryzgalin. – M.: IVTS «Marketing», 1995. – 324 s.

Шаповалова Елена Николаевна

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
учета и аудита экономического факультета
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: alena-mayer06@mail.ru*

АСПЕКТЫ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрена последовательность проведения судебно-бухгалтерской экспертизы финансовых результатов за отчетный период. Изучены объекты экспертизы, необходимость осуществления контроля тех или иных аспектов бухгалтерского учета, что подтверждает её актуальность в функционировании рыночной экономики.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, финансовые результаты, контроль, прибыль, налог на прибыль, налогооблагаемая база, убыток, доходы и расходы от обычных видов деятельности, прочие доходы и расходы, регистры, отчетность.

Судебно-бухгалтерская экспертиза финансовых результатов организации имеет важное значение, т.к. связана с проверкой правильности начисления и уплаты налога на прибыль. Бухгалтерская экспертиза - наиболее распространенный род экспертизы из класса судебных экономических экспертиз. Основной целью судебно-бухгалтерской экспертизы является выяснение точности расчета финансового результата – прибыли или убытка финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Данная экспертиза применяется в основном в процессах, связанных с уклонением от уплаты налогов, т.е. уменьшением налогооблагаемой базы при помощи занижения собственных доходов или завышения своих расходов. Именно поэтому целью данного исследования является подробное рассмотрение проведения судебно-бухгалтерской экспертизы финансовых результатов, ее последовательность, объекты и субъекты экспертизы, а также информационные источники, используемые при проведении такого типа экспертиз.

Преступления, предусмотренные ст.199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» связаны с тем, что налогоплательщики пытаются занижить свои доходы, либо завысить расходы для того, чтобы уменьшить налогооблагаемую базу, а соответственно, уменьшить сумму налога на прибыль.[3] Поэтому вопросы, связанные с определением финан-

сового результата и проведения судебно-бухгалтерской экспертизы прибыли или убытка являются очень актуальными.

Судебно-бухгалтерская экспертиза финансовых результатов, правильность их определения отличается от проверки и анализа других обязательств и активов организации. Т.к. финансовый результат включает в себя совокупность всех операций, проводимых на предприятии и сгруппированных по различным категориям доходов и расходов за отчетный период. Судебно-бухгалтерская экспертиза прибыли (убытка) отчетного периода проводится по вопросам, которые ставят перед экспертом-бухгалтером правоохранные органы: суд, арбитраж или следователь. К подобным вопросам относят вопросы, связанные с формированием доходов и расходов по обычным видам деятельности, формированием прочих доходов и расходов, вопросы по проверке законности финансово-хозяйственной деятельности предприятия, вопросы по выплате дивидендов и доходам учредителей и др.

Целью судебно-бухгалтерской экспертизы финансовых результатов является формирование мнения о достоверности полученных прибыли или убытка за данный отчетный период, как конечного результата, а также законности формирования финансового результата и его основных элементов: доходов и расходов от обычных видов деятельности и прочих доходов и расходов. Бухгалтерская экспертиза доходов и расходов по обычным видам деятельности может проводиться отдельно. Например, экспертиза правильности исчисления себестоимости продукции, экспертиза выручки от продажи продукции, экспертиза расходов на продажу и другие. Для формирования мнения по результатам проверки финансовых результатов и их использования проводится контроль:

правильности формирования прибыли или убытка от реализации продукции, а также товаров, основных средств и прочих активов; анализ операционных доходов и операционных расходов и соответствия отчетности данным синтетического и аналитического учета;

правильности учета внереализационных доходов и;

правильности использования прибыли (дивидендов, расходов за счет собственных средств, фондов и резервов). [4]

Объектами бухгалтерской экспертизы прибыли (убытка) являются:

финансовый результат, выявленный в форме прибыли или убытка за отчетный период и представляющий собой совокупность всех хозяйственных операций организации;

ценообразование, а также калькулирование себестоимости продукции, соблюдение норм, нормативов, смет расходов;

выполнение показателей производства, себестоимости и продажи продукции, доходов и расходов предприятия;

незавершенное производство, его комплектность и остатки;

прочие доходы и расходы организации;

дисциплина поставок по объемам, ассортименту, срокам и качеству продукции (выполненных работ, оказанных услуг);

расходы на строительно-монтажные работы, в т.ч. и для строительных организаций;

сохранность продукции или товаров при транспортировке, продаже и производстве;

бухучет операций по формированию доходов и расходов, финансового результата и его использованию;

недостача продукции, приписки, бракованная продукция и размер причиненного ущерба, их обоснованность, ответственные лица, виновные в недостатке;

дивидендная политика, чистая прибыль.

Источники информации, используемые при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы включают фактографическую и нормативную информацию.

К нормативной информации, определяемой внутри предприятия, относятся такие документы, как учетная политика организации, ее устав, бизнес-план и т.п. На основании полученной информации судебно-бухгалтерская экспертиза может дать оценку правомочности исследуемых хозяйственных операций, отображенных в фактографической информации. К ней относятся:

1. первичные документы по учету доходов и расходов (накладные, счета-фактуры, авансовые отчеты, выписки банка с расчетного и прочих счетов, расчетно-платежные ведомости, отчеты кассира и др.

2. регистры аналитического и синтетического учета по счетам 20 «Основное производство», 23 «Вспомогательные производства», 25 «Общепроизводственные расходы», 26 «Общехозяйственные расходы», 28 «Брак в производстве», 29 «Обслуживающие производства и хозяйства», 44 «Расходы на продажу», 90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы», 99 «Прибыли и убытки», 97 «Расходы будущих периодов», 98 «Доходы будущих периодов», 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)», ведомости калькулирования себестоимости продукции, учета затрат цехов основного и вспомогательного производства, обслуживающих производств и хозяйств, расходов будущих периодов, потерь и недостач в производстве, а также амортизации основных средств.

3. бухгалтерская отчетность.

4. внеучетная информация (распоряжения, приказы, договоры, заявления, акты проверок внебюджетных фондов и налоговых органов). [10]

К нормативной информации относятся различные положения по бухгалтерскому учету: ПБУ «Учетная политика организации» (ПБУ 1/98), ПБУ «Доходы

организации» (ПБУ 9/99), ПБУ «Расходы организации (ПБУ 10/99), ПБУ «Учет расчетов по налогу на прибыль» (ПБУ 18/02). Также к нормативной информации можно отнести методические указания и отраслевые инструкции, например, по вопросам планирования, учета и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг), применения и оформления первичной документации. [8]

При проведении судебной финансовой экспертизы документация занимает особое место, так как является обязательной составляющей при формировании доказательной базы расследуемого экономического преступления. [2]

Исследование перечисленных источников информации в процессе проведения экономического анализа и правильное ее сочетание с документальной информацией позволяет всесторонне исследовать хозяйственную деятельность предприятия и выявить резервы его экономического развития.

Изучению этих аспектов посвящены труды современных отечественных ученых Белова А.А., Дубоносова Е.С., Петрухина А.А., Ковалевской А.В., Корнева С.А., Орлова Ю.К., Поповой Л.В., Исаковой Р.Е., Шадрина В.В. и др.

Для проведения судебно-бухгалтерской экспертизы финансовых результатов отчетного периода придерживаются алгоритма последовательных действий:

1) устанавливается правомочие в отношении возможности давать ответы на поставленные перед экспертом вопросы, а также достаточности для проведения экспертизы документов и иных источников, которые были переданы эксперту;

2) определяются методы исследования (инспектирование, пересчет, запрос, подтверждение, проверка налогообложения, аналитические процедуры);

3) проводятся документальные экспертные процедуры, такие как определение суммы доходов и расходов от обычных видов деятельности, определение прочих, внереализационных доходов и расходов, составляются аналитические таблицы для подтверждения выводов эксперта;

4) выполняются аналитические расчеты для сопоставления;

5) формируются выводы и ответы на поставленные вопросы. [1]

В число методических приемов исследования при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы операций, связанных с финансовыми результатами и прибылью предприятия, входят:

1) расчетно-аналитические приемы (экономический анализ, статистические и арифметические расчеты);

2) документальные приемы проверки, включая проверку бухгалтерских документов (формальную, нормативную, арифметическую); встречная проверка взаимосвязанных документов; взаимный контроль. Кроме этого экспертом-бухгалтером могут использоваться результаты опроса и информация, содержащаяся в официальных запросах в другие организации.

При исследовании операций с финансовыми результатами и прибылью экономического субъекта могут использоваться возможности других видов экономических экспертиз (финансово-экономической, налоговой, финансово-аналитической). Результаты этих экспертиз позволяют получить расширенную учетную информацию о финансовых отношениях экономического субъекта с бюджетами различных уровней, выполнении договорных обязательств, финансовых показателей, выполнении налоговых обязательств, финансовом состоянии предприятия и его внутренних резервах.

Таким образом, вопросы, связанные с судебно-бухгалтерской экспертизой финансовых результатов, являются очень актуальными. Бухгалтерская экспертиза - наиболее распространенный род экспертизы из класса судебных экономических экспертиз. [6]

Финансовый результат является важнейшим показателем деятельности экономического субъекта, отражающим изменение стоимости собственного капитала за отчетный период в результате производственно-коммерческой деятельности. При положительных результатах достигается прибыль и увеличение собственного капитала, при получении убытка от хозяйственной деятельности, соответственно, - уменьшение собственного капитала предприятия. Одним из существенных и конечных показателей финансовых результатов работы предприятия является получение прибыли, которая выступает показательным источником его финансирования и основой его дальнейшего развития.

Анализируемая информация и результаты проведенного экспертного исследования методами судебной экономической экспертизы могут быть представлены в заключении эксперта в виде табличных построений, блок-схемах и рядов динамики, что существенно повышает его наглядность. [3]

Судебная бухгалтерская экспертиза - это процессуальное действие, которое состоит из исследования материалов дела и дачи заключения экспертом-бухгалтером по вопросам, которые поставлены, чтобы установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу. Задачей экспертного исследования является проверка правильности и законности: формирования финансового результата от реализации продукции (работ, услуг); продажи товаров, основных средств и прочих активов; учета внереализационных доходов и расходов; учета использования прибыли (расходы за счет собственных средств, фонды и резервы, дивиденды).

При исследовании операций с финансовыми результатами и прибылью экономического субъекта могут использоваться возможности других видов экономических экспертиз (финансово-экономической, налоговой, финансово-аналитической). Результаты этих экспертиз позволяют получить расширенную учетную информацию о финансовых отношениях экономического

субъекта с бюджетами различных уровней, выполнении договорных обязательств, финансовых показателей, выполнении налоговых обязательств, финансовом состоянии предприятия и его внутренних резервах.

Литература:

1. Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных федеральной службе судебных приставов № 0004/22 от 15 сентября 2014
2. Белов, А.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебник/ А.А. Белов, А.Н. Белов. - М.: Книжный мир, 2017. - 245 с.
3. Дубоносов, Е.С. Судебная бухгалтерия: Учебно - практическое пособие/ Е.С. Дубоносов. - М.: Книжный мир, 2016. - 124 с.
4. Дубоносов, Е.С. Судебная бухгалтерия: Учебное пособие / Е.С. Дубоносов, А.А. Петрухин. - М.: Книжный мир, 2017. - 324 с.
5. Ковалевская, А.В. Судебно-бухгалтерская экспертиза: основные цели и задачи [Электронный ресурс] – URL: <http://fb.ru/article/82101/sudebno-buhgalterskaya-ekspertiza-osnovnyie-tseli-i-zadachi> (дата обращения: 26.11.2021).
6. Савин, А.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебное пособие. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Вузовский учебник, 2009. - 263с.
7. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – М.: ИНФРА-М, 2019. - 336 с.
8. Попова, Л.В., Исакова, Р.Е. Бухгалтерский учёт и судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебное пособие/ Л.В. Попова, Р.Е. Исакова, Н.А. Шибаева. - М.: Изд-во «Дело и сервис», 2016. - 216 с.
9. Толкаченко, А.А. Правовая судебная бухгалтерия: курс лекций / А.А. Толкаченко, К.В. Харabet. - М.: Омега-Л, 2018. - 202 с.
10. Шадрин, В.В. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы: Учебник для юридических вузов. / В.В. Шадрин. - М.: Юрист. 2017. - 365 с.

Shapovalova Elena Nikolaevna

*candidate of economic sciences, associate professor, associate professor
of department of account and audit of economic faculty,
SEI hpe LPR "Lugansk State University of Vladimir Dahl"
e-mail: alena-mayer06@mail.ru*

**ASPECTS OF FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE OF THE
FINANCIAL RESULTS OF AN ENTERPRISE**

The article considers the sequence of forensic accounting examination of financial results for the reporting period. The objects of expertise, the need to

control certain aspects of accounting are studied, which confirms its relevance in the functioning of a market economy.

Keywords: forensic accounting expertise, financial results, control, profit, income tax, taxable base, loss, income and expenses from ordinary activities, other income and expenses, registers, reporting.

Literatura:

1. Metodicheskie rekomendacii po poryadku naznacheniya i proizvodstva sudebny`x e`kspertiz i proizvodstva sudebny`x e`kspertiz v ramkax dosledstvenny`x proverok i rassledovaniya prestuplenij, podsledstvenny`x federal`noj sluzhbe sudebny`x pristavov № 0004/22 ot 15 sentyabrya 2014

2. Belov, A.A. Sudebno-buxgalterskaya e`kspertiza: Uchebnik/ A.A. Belov, A.N. Belov. - M.: Knizhny`j mir, 2017. - 245 s.

3. Dubonosov, E.S. Sudebnaya buxgalteriya: Uchebno - prakticheskoe posobie/ E.S. Dubonosov. - M.: Knizhny`j mir, 2016. - 124 s.

4. Dubonosov, E.S. Sudebnaya buxgalteriya: Uchebnoe posobie / E.S. Dubonosov, A.A. Petruhin. - M.: Knizhny`j mir, 2017. - 324 s.

5. Kovalevskaya, A.V. Sudebno-buxgalterskaya e`kspertiza: osnovny`e celi i zadachi [E`lektronny`j resurs] – URL: <http://fb.ru/article/82101/sudebno-buhgalterskaya-ekspertiza-osnovnyie-tseli-i-zadachi> (data obrashheniya: 26.11.2021).

6. Savin, A.A. Sudebno-buxgalterskaya e`kspertiza: Uchebnoe posobie. - 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Vuzovskij uchebnik, 2009. - 263s.

7. Saviczskaya, G.V. Analiz xozyajstvennoj deyatel`nosti predpriyatiya. – M.: INFRA-M, 2019. - 336 s.

8. Popova, L.V., Isakova, R.E. Buxgalterskij uchyot i sudebno-buxgalterskaya e`kspertiza: Uchebnoe posobie/ L.V. Popova, R.E. Isakova, N.A. Shibaeva. - M.: Izd-vo «Delo i servis», 2016. - 216 s.

9. Tolkachenko, A.A. Pravovaya sudebnaya buxgalteriya: kurs lekcij / A.A. Tolkachenko, K.V. Xarabet. - M.: Omega-L, 2018. - 202 s.

10. Shadrin, V.V. Osnovy` buxgalterskogo ucheta i sudebno-buxgalterskoj e`kspertizy: Uchebnik dlya yuridicheskix vuzov. / V.V. Shadrin. - M.: Yurist. 2017. - 365 s.

Шевляков Николай Александрович
Старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: institute-jur@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена вопросу реализации норм трудового законодательства РФ на территории ЛНР и рассмотрению препятствий, которые могут возникнуть при осуществлении интеграции Луганской Народной Республики в правовое поле Российской Федерации. Проанализирован опыт Республики Крым во время её присоединения к РФ в качестве нового субъекта. Выделены основные проблемы, которые могут возникнуть в связи с реализацией норм трудового законодательства РФ на территории ЛНР, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: Луганская Народная Республика, Российская Федерация, интеграция, правовое поле, трудовое законодательство.

23 сентября 2022 года на территориях ЛНР, ДНР, а также подконтрольных России частях Херсонской и Запорожской областей начались референдумы, ключевым вопросом которых стало следующее: желает ли население включения их регионов в состав Российской Федерации. 27 сентября данные референдумы были окончены и после подсчета голосов избирателей выяснилось, что в Луганской Народной Республике 98,42% участвовавших в референдуме хотят присоединения ЛНР к РФ [1], что совсем не удивительно после всех тех преступлений, которые совершил киевский режим против жителей Донбасса начиная с 2014 года.

Вскоре, 30 сентября 2022 года был подписан договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии ЛНР в состав РФ и образовании нового субъекта [2], что, в свою очередь, сразу же породило множество вопросов, относительно того, как именно будет проходить интеграция Луганской Народной Республики в правовое поле России.

Через несколько дней, а именно – 4 октября 2022 года был принят Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Феде-

рацию Луганской Народной Республики и образованию в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики», ратифицировавший подписанный ранее договор между РФ и ЛНР и основаниями для которого стали результаты проведенного референдума, а также ряд других событий и нормативно-правовых актов, перечисленных в ст. 1 данного закона [3, ст.1]. Кроме того, согласно ст. 4 указанного ФКЗ был в общих чертах урегулирован вопрос действия законодательных и нормативно-правовых актов РФ и ЛНР на территории Луганской Народной Республики. В частности, законодательные и иные нормативно-правовые акты РФ действуют в ЛНР наряду с нормативно-правовыми актами Луганской Народной Республики до окончания переходного периода (1 января 2026 года) [3, ст.4], после которого ЛНР должна завершить интеграцию в правовое поле Российской Федерации. Но даже несмотря на то, что в Федеральном конституционном законе от 04.10.2022 № 6-ФКЗ достаточно подробно описаны вопросы, подлежащие немедленному урегулированию во избежание правовых коллизий, некоторые проблемы до сих пор остаются неразрешенными.

Включение в состав федеративного государства нового субъекта всегда связано с рядом проблем на начальном этапе, ведь предусмотреть и урегулировать абсолютно все вопросы, которые могут возникнуть в процессе интеграции задача невыполнимая даже для лучших законодателей, а потому исследование проблем реализации норм трудового законодательства Российской Федерации на территории ЛНР, как одного из наиболее важных аспектов обеспечения стабильности в обществе, является весьма актуальным на сегодняшний день. Ведь если срочно не урегулировать вопросы в сфере наемного труда, возникшие в ходе интеграции Луганской Народной Республики в правовое поле РФ, могут пострадать права и материальное положение многих лиц, что в будущем выльется в ещё большее количество проблем, в связи с чем заниматься решением различных несоответствий и негативных прецедентов необходимо именно сейчас.

Целью данного исследования является выявление актуальных проблем применения норм трудового законодательства Российской Федерации на территории ЛНР и поиск путей их решения. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: охарактеризовать общие проблемы, которые могут возникнуть в связи со включением в состав РФ нового субъекта, взяв за основу опыт Республики Крым; определить положительные аспекты присоединения ЛНР к Российской Федерации в сфере реализации норм трудового законодательства; выделить и оценить перспективы совершенствования правовой регламентации сферы наемного труда в Луганской Народной Республике в связи с интеграцией в правовое поле РФ.

Процесс интеграции одного государства (причем просуществовавшего 8 лет, позволил отладить собственную систему государственного управления), которая вошла в состав другого. Однако, при этом в любом случае не избежать и целого ряда проблем. Правовых коллизий и споров довольно много в рамках одной страны и соответствующего ей правового поля, а когда речь идет о присоединении к федеративному государству нового субъекта, с собственной системой государственных органов и учреждений, своим законодательством и прочими атрибутами любой самостоятельной державы, ситуация усложняется многократно. Примером этому может послужить включение в состав Российской Федерации Республики Крым.

Согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014 [4] и ратифицированному данному договору Федеральному конституционному закону от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [5] в 2014 году Республика Крым была включена в состав Российской Федерации как один из её субъектов. Последний из перечисленных актов, а именно – Закон о принятии в состав РФ Республики Крым и образовании города федерального значения Севастополя, должен был регламентировать процесс интеграции Крыма в Российскую Федерацию также, как сейчас Закон о принятии в РФ Луганской Народной Республики регулирует вхождение ЛНР в состав России. Однако, несмотря на это, Республика Крым всё равно столкнулась с некоторыми проблемами интеграции, в особенности с её правовым аспектом.

Начиная с 2014 года законодатели Республики Крым вели усердную работу, подстраивая региональные нормы под правовую базу Российской Федерации. Каждый год в период с 2015 по 2017 гг. включительно в Республике Крым принималось более 100 законов, которые должны были устранить существовавшие правовые коллизии и юридически закрепить возникшие качественно новые общественные отношения [6, с.144-146]. Как утверждает В.Т. Кабышев, процесс интеграции нового региона в состав федеративного государства лишь кажется простым. В случае с Республикой Крым неоднократно проводились горячие споры о том, какие полномочия необходимо передать на региональный уровень, а какие оставить за федеральными властями [7, с.93], поэтому и процесс перехода Луганской Народной Республики в правовое и административное поле РФ скорее всего столкнется с определенными трудностями, которые не так давно испытывал Крым.

Тем не менее, сразу бы хотелось отметить два положительных аспекта: если Республика Крым была вынуждена в кратчайшие сроки переделывать правовые нормы, заточенные под украинские стандарты, то законодатель Луганской Народной Республики, формируя правовую базу, пусть и с некоторыми отличиями, но всё же старался сразу брать пример и ориентироваться на законодательство Российской Федерации. Второй же аспект заключается в том, что у российских чиновников уже есть определенный опыт в сфере интеграции в состав РФ новых субъектов, поэтому процесс вхождения ЛНР в Российскую Федерацию обещает быть более гладким.

В то же время, с рядом препятствий Республика всё же столкнется. Так, если сравнивать трудовое законодательство Российской Федерации и Луганской Народной Республики, можно найти определенные отличия, в связи с чем, реализация норм трудового законодательства РФ на территории ЛНР может быть вызвать следующие проблемы:

1. Правовые. Несмотря на то, что законодатель ЛНР на протяжении долгого времени пытался принимать нормы, соответствующие правовому полю Российской Федерации, чтобы в случае повторения «Крымского сценария» минимизировать проблемы, которые могут возникнуть в случае вхождения Луганской Народной Республики в состав РФ, ЛНР всё же на протяжении 8 лет существовала как самостоятельное государство, а потому правовая база обеих государств в некоторых аспектах отличается.

Например, трудовое законодательство ЛНР не настолько развито, чтобы включать в себя нормы, касающиеся электронного учета сведений о трудовом стаже или же регламентирующие заключение трудового договора посредством обмена электронными документами. Так, согласно ст. 67 Трудового Кодекса ЛНР: «Трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника» [8, ст.67]. Подобная же норма права закреплена и в Трудовом кодексе РФ, в ст. 66 [9, ст.66]. Однако, согласно части 8 Федерального закона РФ от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде», для лиц, которые впервые поступили на работу после 31 декабря 2020 года, формирование сведений о трудовой деятельности осуществляется в соответствии со статьей 66.1 ТК РФ, которая предусматривает, что работодатель формирует основные сведения о трудовой деятельности и стаже каждого работника в электронном виде. При этом трудовые книжки на указанных лиц не оформляются.

С учетом того, что трудовое законодательство Луганской Народной Республики до вхождения в состав Российской Федерации не предусматри-

вало электронного варианта трудовых книжек, возникает вопрос, дадут ли возможность работникам ЛНР сохранить за собой традиционный бумажный вариант трудовой книжки, как это было сделано в РФ, потому что согласно ч.2 ст.2 Федерального закона РФ о внесении изменений в ТК РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде, работники имели возможность подать работодателю письменное заявление о продолжении ведения работодателем стандартной трудовой книжки лишь по 31 декабря 2020 года, а как этот вопрос будет регулироваться сегодня пока ещё точно неизвестно.

2. Материально-технические. Помимо правовых проблем, связанных с законодательным регулированием общественных отношений, существуют также трудности с экономическим обеспечением вводимых норм. Чтобы не уходить далеко от вышеизложенного примера, рассмотрим материально-технические проблемы, которые могут возникнуть с переходом на электронные трудовые книжки.

Так, согласно ст. 66.1 ТК РФ, обязанность по формированию и предоставлению основной информации о трудовой деятельности и стаже работника в систему обязательного пенсионного страхования, для хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда РФ возлагается на работодателя, как и ведение традиционного варианта трудовой книжки. Однако, переход на электронный формат может вызвать у работодателей ЛНР некоторые трудности, связанные с их материальным положением. Само собой, большинство работодателей справятся с поставленной задачей, но у некоторых всё же может не получиться сделать этого. Кроме того, в различных частях Луганской Народной Республики до сих пор нередко случаются перебои с Интернет соединением, а в прифронтовых районах и вовсе могут быть проблемы с электричеством, потому хранить информацию о трудовой деятельности работников в электронном виде может быть нецелесообразно как минимум до окончания боевых действий или создания отлаженной системы электроснабжения и Интернет соединения, которая защитит данные работников от возможных технических сбоев.

В то же время, существует и большой плюс, связанный с материально-техническим обеспечением работников после присоединения Луганской Народной Республики к РФ. В частности, это касается выделяемого финансирования, которое в ЛНР не всегда было достаточным для должного выполнения работниками своей трудовой функции, из-за чего многим приходилось использовать личный транспорт, компьютера и т.д. Подобное положение было обосновано объективными реалиями, ведь находясь на протяжении долгого времени под периодическим вражеским огнем, средств Республики порой

не хватало на обеспечение каждого сотрудника необходимыми для работы средствами. Использовалось много устаревшей техники, которая значительно тормозит рабочий процесс. Однако, с приходом Российской Федерации, обладающей значительно большим бюджетом и, соответственно, возможностями по материально-техническому обеспечению работников, ситуация обещает измениться в лучшую сторону.

3. Организационные. Трудности в организации процесса интеграции ЛНР в правовое поле РФ в первую очередь связаны с изменением законодательства и системы иерархии государственных органов, когда высшим звеном являются федеральные структуры. Помимо этого, необходимо будет урегулировать правовой статус всех государственных и местных организаций, осуществлявших свою деятельность на территории ЛНР. Несомненно, что данный процесс будет регулироваться совместными усилиями федеральных и региональных властей, однако, сам факт того, что необходимо учесть все мелкие и, на первый взгляд, невидимые проблемы, остается довольно большим препятствием на пути к формированию слаженной системы работы государственных органов, предприятий и учреждений.

Если касаться конкретно трудового законодательства, то особого внимания заслуживает вопрос трудовых договоров и перерасчета денежных выплат работникам. Согласно ст. 75 ТК РФ «Изменение подведомственности (подчиненности) организации или ее реорганизация (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) либо изменение типа государственного или муниципального учреждения не может являться основанием для расторжения трудовых договоров с работниками организации или учреждения» [9, ст.75], поэтому многие работники могут не бояться за свои должности, однако, на местах иногда возникают проблемы, когда требуют перезаключать трудовой договор ввиду реорганизации, что является незаконным и грозит нарушением прав работников. Также необходимо упомянуть и перерасчет заработных плат, которые в Российской Федерации отличаются от тех, что были в ЛНР. Данный процесс достаточно трудоемок и займет определенное время, в связи с чем это также является пусть и преодолимым, но всё же препятствием для полной интеграции ЛНР в состав РФ.

4. Кадровые. Данный тип проблем характеризуется недостатком квалифицированных сотрудников для работы по российским стандартам. Многим работникам придется заново изучать материал, согласно которому они должны будут выполнять свою трудовую функцию, в связи с чем в первое время эффективность работы некоторых предприятий и учреждений может немного снизиться, пока люди адаптируются к новым условиям.

Ещё одним препятствием на пути к полной интеграции Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации является психологический аспект. Далеко не все жители ЛНР осознали, что Республика уже стала частью РФ, а потому процесс перехода на новое законодательство и российские стандарты необходимо начинать в первую очередь с донесения до населения мысли, что теперь Луганская Народная Республика официально является частью РФ, в связи с чем общественный порядок претерпит определенные изменения, к которым нашим согражданам необходимо постепенно адаптироваться.

Перечисленные проблемы являются одними из основных, однако, далеко не единственными на пути к окончательному включению ЛНР в состав Российской Федерации. На протяжении всего переходного периода, который согласно ст. 36 Закона о присоединении Луганской Народной Республики к РФ будет длиться до 1 января 2026 года [3, ст.36], несомненно будут возникать определенные трудности, однако, все они вполне решаемы.

Так, если говорить о сугубо юридических проблемах интеграции ЛНР в правовое поле Российской Федерации, то здесь, по примеру Республики Крым, необходимо будет провести широкую законодательную работу по приведению действующих региональных норм в соответствие с российским законодательством. Что касается примера с электронными трудовыми книжками, то в данном случае основная работа ляжет на федеральные власти, которым будет целесообразно определить для работодателей, осуществляющих свою деятельность на территории Луганской Народной Республики, возможность сохранить ведение традиционного варианта трудовой книжки на каждого работника и переходить к электронному формату постепенно.

В отношении материально-технического обеспечения ситуация проявится лишь после того, как будут приняты соответствующие нормы права, на реализацию которых и выделят финансирование. Кроме того, материально-техническое обеспечение многих работников ожидаемо улучшится в связи с тем, что Российская Федерация обладает намного более широкими экономическими возможностями, чтобы организовать комфортные условия труда на рабочих местах.

Организационные и кадровые проблемы также необходимо решить, однако, найти более действенный метод, чем повышение юридической техники для разрешения вопросов, которые будут возникать в ходе применения норм российского законодательства, довольно трудно. Уменьшить количество организационных проблем возможно лишь в том случае, если законодатель не будет допускать ошибок, которые нередко и вызывают дальнейшую неразбериху и прочие негативные последствия, требующие дальнейшего разрешения.

Что касается человеческого фактора, следует отметить, что правительству придется проделать немалую работу по проведению правового ликбеза и пропаганде идеи «ЛНР – это Россия»: необходимо укрепить в сознании людей веру в то, что Луганская Народная Республика уже официально стала частью Российской Федерации и одновременно с этим распространить информацию об основных отличиях правового поля ЛНР и РФ, чтобы люди не допускали банальных правонарушений в связи со своим незнанием.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день существует довольно много проблем, связанных с интеграцией Луганской Народной Республики в правовое поле РФ. Основные трудности в сфере наемного труда могут возникнуть в связи с реализацией качественно новых для ЛНР правовых норм, которых отечественное законодательство не предусматривало, в частности, сборе сведений о трудовой деятельности работников в электронном виде и норм, касающихся регулирования труда дистанционных работников. Кроме того, ещё предстоит решить вопрос о правовом статусе государственных и местных организаций, а также перерасчете заработной платы по российским стандартам, что также требует немалого количества времени.

Тем не менее, все перечисленные проблемы вполне можно решить совместными усилиями федеральных и региональных властей, в связи с чем, перспективы интеграции ЛНР в правовое поле РФ выглядят весьма благоприятными, и, на наш взгляд, к концу переходного периода процесс включения Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации будет успешно завершен.

Литература

1. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Главное [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> – РБК. Официальный сайт.

2. Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта от 30 сентября 2022 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/351917783> – Консорциум Кодекс. Официальный сайт.

3. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики» [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим

доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ – Консультант Плюс. Официальный сайт.

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/ – Консультант Плюс. Официальный сайт.

5. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ – Консультант Плюс. Официальный сайт.

6. Бондарчук И.В. Конституция и законодательство Республики Крым (2014-2018): от проблем интеграции к устойчивому развитию / И.В. Бондарчук // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 142-149.

7. Кабышев В.Т. Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию: конституционно-правовой дискурс / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (114). – С. 92-96.

8. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики от 26 мая 2015 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/> – Народный Совет Луганской Народной Республики. Официальный сайт.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – Консультант Плюс. Официальный сайт.

Shevlyakov Nikola Aleksandrovich
Senior lecturer of the Department
of state law disciplines, Institute of law,
SEI HE LPR “V. DAHL LSU”
e-mail: institute-jur@mail.ru

**ACTUAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE NORMS OF
THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON
THE TERRITORY OF THE LUHANSK PEOPLE’S REPUBLIC**

The article is devoted to the implementation of the norms of the labor legislation of the Russian Federation on the territory of the LPR and the obstacles

that may arise during the integration of the Luhansk People's Republic into the legal field of the Russian Federation. The experience of the Republic of Crimea during its accession to the Russian Federation as a new entity is analyzed. The main problems that may arise in connection with the implementation of the labor legislation of the Russian Federation on the territory of the LPR are highlighted and ways to solve them are proposed.

Keywords: Luhansk People's Republic, Russian Federation, integration, legal field, labor legislation.

Literature

1. Referendумы в DNR, LNR, Hersонской и Запорожской областях. Главное [Elektronnyj resurs] // – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> – RBK. Oficial'nyj sajt.

2. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Luganskoj Narodnoj Respublikoj o prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Luganskoj Narodnoj Respubliki i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novogo sub"ekta ot 30 sentyabrya 2022 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/351917783> – Konsorcium Kodeks. Oficial'nyj sajt.

3. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 4 oktyabrya 2022 goda N 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Luganskoj Narodnoj Respubliki i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novogo sub"ekta - Luganskoj Narodnoj Respubliki» [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

4. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Krym o prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov ot 18 marta 2014 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

5. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 marta 2014 goda N 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

6. Bondarchuk I.V. Konstituciya i zakonodatel'stvo Respubliki Krym (2014-2018): ot problem integracii k ustojchivomu razvitiyu / I.V. Bondarchuk // Zhurnal rossijskoj prava. – 2019. – № 1. – S. 142-149.

7. Kabyshev V.T. Integraciya Kryma i Sevastopolya v Rossijskuyu Federaciju: konstitucionno-pravovoj diskurs / V.T. Kabyshev // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – 2017. – № 1 (114). – S. 92-96.

8. Trudovoj kodeks Luganskoj Narodnoj Respubliki ot 26 maya 2015 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/> – Narodnyj Sovet Luganskoj Narodnoj Respubliki. Oficial'nyj sajt.

9. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2001 goda [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – Konsul'tantPlyus. Oficial'nyj sajt.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ №61

(на русском и английском языках)

Ответственный секретарь: О. В. Кафанова

Подписано к печати 05.04.2023.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,65. Тираж 1000 экз. Изд. № 01378.
Цена договорная.

Издательство

Луганского государственного университета имени Владимира Даля

Свидетельство о государственной регистрации,
серия МИ-СГР ИД 000003 от 20.11.2015 г.

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а.

Телефон +38 (072) 138-34-80

E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com

<http://www.dahluniver.ru>